

КОЛЛЕКЦИОННАЯ

ФАНТАСТИКА

МАЙКЛ СКОТТ РОЗН В ПОГОНЕ ЗА УТРОМ

В ПОГОНЕ ЗА УТРОМ

МАЙКЛ СКОТТ РОЗН

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Майкл Скотт Роэн

В ПОГОНЕ ЗА УТРОМ

**Компания ГРИФ-Ф
МОСКВА
1995**

ББК 84.7 США
P53

Майкл Скотт Розн

P53 В погоне за утром. /Пер. с англ. —
М.:Компания ГРИФ—Ф Лтд., 1995.—480с.

Перевод с английского
Е.Л. Гладковой

Перепечатка как отдельных чайтей, так и всего произведения в целом возможна только с разрешения Компании ГРИФ—Ф Лтд. (Издательство ГРИФОН).

ISBN 5-85211-020-5 © Компания ГРИФ-Ф Лтд.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я резко нажал на тормоз и остановился; машина, шедшая впереди, промчалась через перекресток как раз в ту минуту, когда сменился свет. Я сидел, ругая себя, и следил за тем, как исчезали в сгущавшемся сумраке задние фары, а за ними устремлялись вдаль бесконечные движущиеся ряды. Идиот, сидевший сзади в шикарной спортивной машине немецкой марки, просигналил, но я был слишком раздражен, чтобы обращать на него внимание. Перед тем, как сменился свет, у меня было время — полсекунды, я мог утопить педаль газа до пола и прорваться. Я был достаточно близко к светофору, чтобы проскочить, но эта развязка была сложной, запутанной, да и видимость во все четыре стороны была паршивая. Достаточно было найтись кому-нибудь столь же нетерпеливому, как я, и... Черт бы побрал, я же заботился о безопасности! Но в этом ведь был весь я, не так ли? Надежный водитель, надежная машина, надежная работа, жизнь без опасностей и приключений...

Тогда почему я так разъярился? На работе у меня был не тот день, чтобы взвыть окончательно, да такие дни вообще выпадали редко. И вдруг я по-глупому пожелал, чтобы так оно и было, чтобы у меня был повод, от чего взвыть, с чем побороться, чтобы придать жизни какую-то изюминку. Я поднял глаза к небу и вдруг сразу позабыл все свое раздражение. Солнце

уже зашло, оставив землю во мраке, но в сгущавшихся тучах оно все еще освещало новый пейзаж — какое-то редкое, фантастическое побережье на закате: покатые холмы, глубокие заливы, полосу прибрежных отмелей, бесконечные архипелаги островов в тихих рукавах из расплавленного золота. Из-за пологого склона, по которому уходила дорога, этот пейзаж казался еще более убедительным — словно я смотрел вниз с крутого холма на настоящую дельту. Если не считать того, что настоящая дельта была гораздо менее живописной: плоский, мрачный промышленный речной берег был засорен сначала во время бума судов и кораблестроения, а затем — еще раз, когда начался спад. Товары, с которыми я имел дело, через эти доки теперь не проходили; доки казались настолько же мертвыми, насколько живым казался небесный пейзаж.

Дикое разноголосье гудков оторвало меня от грез. Свет опять сменился, и я задерживал очередь. С некоторой долей злорадства я дал полный газ и так быстро промчался через перекресток, что оставил блестящего мерзавца стоять позади меня. Однако здесь круговое движение переходило в двухрядку, и буквально через несколько секунд он догнал меня и, урча, с беспечной легкостью промчался мимо. Меня охватило желание погнаться за ним, бороться и биться с ним, как на дуэли, просто ради престижа, но я отказался ему поддаться. Что со мной происходит? Раньше я всегда испытывал отвращение к болванам, выкидывавшим номера на переполненных пригородных дорогах, — такое же отвращение я испытывал и сейчас, раз уж на то пошло. Вопрос о трусости здесь не стоял — ведь в определенном смысле подвергались риску жизни других людей. Да и в любом случае мы

уже снова возвращались в пределы нормальной скорости. Мимо меня промчался еще один автомобиль — той же марки, того же производства и года выпуска, что и мой, даже цвет был одинаковым. Мне пришлось внимательно посмотреть на него, чтобы убедиться в том, что машина не моя, и я снова обругал себя. Напряжение сказывалось или что? Как бы там ни было, сидения в той машине были под леопардовую шкуру, а на перчаточном ящике кивала собачка. В моей, по крайней мере, ничего такого не было; а впрочем, с тем же успехом могло и быть — таковы, во всяком случае, были мои ощущения по отношению к ней и самому себе в тот момент. Господи, мне тоже следовало бы ездить на «порше»! Или на чем-нибудь менее пижонистом — «рейндж ровере» или бешеном МГ, на чем-то, что могло бы разогнать холодную кровь лучше, чем мой опрятный спортивный автомобиль. Если бы я был действительно птицей высокого полета, как все утверждали — таким чудо-мальчиком, мне полагалось бы по меньшей мере получать от всего этого чуть больше удовольствия, вместо того, чтобы откладывать всю свою наличность в позолоченную кубышку, в банк и в чуточку нелегальное золото.

Я остановился у входа — все тот же обычный вход, самый короткий путь домой. Домой к чему? В моей памяти возникла моя квартира — моя чистенькая, пустая, тщательно спроектированная дорогостоящая маленькая мансарда, где становилось все теплее, когда включалось отопление. Мне неожиданно стало тошно при мысли о том, что надо готовить обед, а перспектива есть что-нибудь подогретое из морозильника прельщала меня еще меньше. Я резко переключил передачу, как раз вовремя просигналив о перестроении. Я намеревался пообедать вне дома, причем не

там, где ел обычно. Возможно, утром я об этом пожалею, но сейчас я собирался найти какое-нибудь более экзотическое место, пусть даже оно окажется не слишком чистым. На эту мысль меня навели доки; я припомнил, что там было множество странных местечек, когда я проезжал там в последний раз — Господи, как же давно это было! Я тогда был подростком, так что могло быть и десять лет назад. И ехал я просто на автобусе, выглядывая в окно, по пути куда-то в другое место. Я был ребенком, когда ступал по этому асфальту в последний раз, в те времена, когда отец водил меня смотреть, как разгружают суда. Я любил корабли, но доки иногда казались мне довольно печальными — с сорняками, прорезавшимися между старыми флагштоками и ржавеющими рельсами кранов. Даже в ту пору они уже умирали. Я смутно припомнил, что в последнее время предпринимались попытки восстановить часть доков для обозрения туристов, как достопримечательность, но как и с каким успехом — это мне не запомнилось.

Почему я никогда не возвращался сюда? Не было времени: при моей работе, светской жизни и занятиях спортом, других развлечениях и честолюбивых планах. Дела всегда отвлекали меня. Я вовсе не ставил себе целью отказываться от своего пристрастия к бесцельным блужданиям, но так уж получилось, что оно прошло. Впрочем, как и многое другое. На самом деле у меня не было выбора, если я хотел оставаться на гребне и идти вперед. И все же эти походы в доки, вид всех этих ящиков и контейнеров с загадочными иностранными ярлыками — они когда-то будили во мне что-то, верно?

Я не могу сказать, что именно они побудили меня заняться моим ремеслом; свой выбор я продумал очень

тщательно, еще в колледже. Но они добавили что-то, внесли искру жизни, которой недоставало другим профессиям. Это, конечно, продолжалось недолго. Нельзя было ожидать, что эта искра выживет в неумолимой рутине, сухом круговороте бланков, счетов и векселей. Я, правда, не особенно скучал по ней. Взамен появились новые источники удовлетворения, более реальные. Но сейчас, когда у меня вдруг появился намек на настрой искать приключений, восставая против рутины, мысль о доках пробудила во мне ноющее чувство сожаления. Может быть, именно оно породило это внезапное упорное желание пойти туда пообедать — стремление снова открыть для себя прежние острые ощущения, бывшее вдохновение во всех моих начинаниях. Без него я чувствовал себя довольно поникшим — почти опустошенным.

Я нахмурился. Нахлынули менее приятные воспоминания — слова, брошенные мне Джеки много лет назад, во время одной из наших последних угрюмых ссор. Это было типичным для Джеки: один из безумных образов, всегда возникавших в ее мозгу, что-то насчет изящных раскрашенных яиц из Сингапура, красовавшихся на ее каминной полке. О том, что для того, чтобы приготовить краску, из них высасывали желток. «У тебя бы это хорошо получилось! Вот чем тебе следовало бы заняться! Высасывать сердцевину, чтобы раскрашивать шелуху! Красиво и нарядно снаружи, и плевать, что внутри все пусто! Не будет цыплят — какая разница! Внешний вид — вот что так дорого твоему сердцу...»

Я фыркнул. Мне не следовало ждать от Джеки, что она сможет видеть вещи такими, как они есть. И все же... Поворот был где-то неподалеку, прямо у подножия холма — как же она называлась? Поворот я знал,

и название улицы мне было не нужно, но я увидел его на стене, свернув с кругового движения. Дунайская улица.

Насколько я помнил, здесь, в округе все названия улиц были такими. Дунайская улица, Балтийская, Норвежская — они носили названия отдаленных мест, казавшихся когда-то знакомыми, как родной дом, для живших и работавших здесь людей, даже если они никогда их в глаза не видели. Именно оттуда шло их процветание, деньги, которыми оплачивались эти мрачно возвышавшиеся каменные стены, когда-то производившие впечатление — пока песчаник был светлым, а ныне — почерневшие от сажи. Сельдь, специи и древесина, янтарь, меха и шелка — самыми разными и экзотическими товарами оплачивались булыжники, барабанившие сейчас под моими шинами, еще в те времена, когда главной улицей города была ухабистая колея, полная грязи и конского навоза. Названия некоторых маленьких боковых улочек были совсем загадочными — Серет-стрит, аллея Пенобскот; улица, на которой я, в конце концов, остановился, называлась улицей Тампере.

Я понадеялся, что название улицы не отражает дурных привычек ее обитателей* и что с машиной ничего не случится; но сидеть в ней дальше я был уже не в состоянии. Я хотел вести разведку пешком, вдыхая запах моря, который доносил ветер. Вместо этого я почувствовал на лице холодные капли дождя, на минуту повернул назад, а потом посмотрел в небо, и у меня перехватило дыхание. Напротив, над крышей склада сияли последние лучи великолепного заката, а

* игра слов: Тампере — город в Финляндии, *tamper* — по-английски «портить, иметь злой умысел» (здесь и далее примечания переводчика)

на фоне этих лучей, прямые и черные, как деревья зимой, сетью выделялись головки мачт. Но это были не обычные мачты современных яхт и не гордые радары более крупных судов; это были мачты корабля с прямым такелажем, причем огромным, какой можно было встретить у «Победы» или «Катти Сарк»*. В последний раз я видел нечто подобное, когда проходило ралли Высоких Кораблей, и то по телевизору. Неужели такую штуку пришвартовали здесь хулиганы-туристы, или это было что-то действительно древнее? Это надо было увидеть. Я поплотнее запахнул свою легкую куртку и отправился в путь в густые тени, пролежавшие между далеко отстоявшими друг от друга уличными фонарями. К черту погоду, к черту все! Я слегка удивлялся самому себе. Вне всякого сомнения меня обуял дух восстания.

Часа через полтора я, естественно, горько раскаивался в своем решении. Мои волосы прилипли к застывшей от ветра голове, насквозь промокший воротник тер мне шею, и я отчаянно хотел есть. Все странные местечки, которые мне запомнились, были теперь просто заколоченными дырами в стенах или убогими маленькими кафе с затертыми щитами рекламных объявлений и пластиковыми столиками, едва различимыми сквозь закопченное стекло, — все они были закрыты и, должно быть, закрыты уже годами. Море было слышно, но я его так и не увидел, не было и следов мачт или других признаков, которых можно было бы ожидать от места, стремящегося привлечь внимание туристов. Теперь я был бы счастлив, съев что-нибудь из приготовленного в микроволновой печи

* Знаменитые корабли, отличавшиеся большой парусностью.

у себя дома, если бы только мне удалось добраться до своей машины, но, в довершение ко всему, я заблудился, неправильно повернув где-то среди безликих стен складов, и сейчас мне уже все казалось чужим. Или просто невидимым — некоторые улицы либо совсем не освещались, либо освещение на них отказало. И нигде не было ни души, не раздавалось ни звука, кроме стука моих собственных шагов по булыжникам и дыхания океана вдали. Я чувствовал себя как потерявшийся ребенок.

А потом я услышал голоса. Казалось, они раздавались прямо по улице за углом, и я уже настолько отчаялся, что бросился туда, не сообразив, что звучали они отнюдь не дружески — скорее это походило на уличную драку. Это и оказалась уличная драка. В конце улицы находилось море — от неба его отличало только тусклое поблескивание, но я его почти не заметил. Улицу освещал единственный фонарь, висевший над полукруглой дверью в помещение большого склада; дверь была наполовину открыта. А перед дверью на заросшем сорняком дворе отчаянно боролась кучка людей. Один из них вырвался и, шатаясь, бросился бежать, и тут я увидел, что остальные трое — все огромного роста — преследуют его. Один из великанов замахнулся, беглец увернулся, спотыкаясь среди сорняков и мусора, и я с ужасом увидел блеск металла в замахнувшемся кулаке и такой же блеск в руках остальных, когда они стали делать выпады. У всех были ножи, причем длинные: один удар такого ножа, случись ему попасть в цель, перерезал бы горло жертвы от уха до уха. Они пришли сюда, чтобы убивать.

Я стоял в ужасе, колеблясь, не в состоянии связать то, чему был свидетелем, с реальностью, с необходи-

мостью действовать. У меня появилось безумное желание убежать, зовя полицию; в конце концов, это было их дело, а вовсе не моя драка. Если бы я не замешкался на том светофоре, я, наверное, так бы и поступил и, возможно, страдал бы из-за этого. Но что-то внутри меня — тот дух восстания, пробудившийся во мне, знал правду: я собирался мчаться не за помощью, это был просто повод удрать, не ввязываясь, обойти по другой стороне улицы. А ведь здесь на карту была поставлена жизнь, и это было важнее глупых штучек вроде проскакивания на красный свет — важнее даже, чем вопрос трусости или отваги. Я должен был помочь... но как?

Я сделал нерешительный шаг вперед. Может, если побежать к ним с криками, это испугает их; но что, если нет? Я ни разу никого не ударил с тех пор, как окончил школу, а тут их было трое. Затем в неярком свете мой взгляд упал на кучу металлических труб, валявшихся на обочине, рядом с вывеской строителей — остатки разобранных лесов. Они были скользкими от грязи и дождя, однако рывком, от которого у меня затрещали плечи, я поднял трубу длиной около семи футов*, вскинул ее над головой и побежал по скользким булыжникам.

Сначала никто из них меня не увидел; жертва поскользнулась и упала, и все накинулись на него. Я собирался закричать, но сначала из моей глотки вырвалось дурацкое сдавленное «эй!», потом на середине звук прервался и превратился в вопль бэнши. Вот тогда уж они меня заметили. И, к моему ужасу, не удрали, но стали окружать меня все втроем. Повернуть назад было уже поздно — я замахнулся трубой

* Приблизительно 213 см

на одного из них, но промазал чуть не на милю. Он прыгнул на меня, и в панике я просто схватил его вытянутую руку и перекинул его через себя. Он с воем повалился на землю, и я увидел, как в воздух, сверкая, взлетел нож. Другой сделал выпад, отскочил назад, когда я замахнулся трубой, затем, когда труба прошла мимо, прыгнул снова. Однако труба была достаточно скользкой, чтобы выскочить у меня из рук; ее кончик ударил мужчину в живот и повалил навзничь на булыжник. Сам не веря в то, что творю, я замахнулся на третьего — и моя нога соскользнула на гладких мокрых булыжниках. Я, совершенно потрясенный, сел на землю. Он зловеще поднялся на ноги — огромная тень в ореоле света; я заметил оскаленные в рычании белые зубы и нож, поднявшийся и готовый опуститься вниз.

А потом надо мной что-то блеснуло, по булыжнику застучали ноги, и тень отступила. Это был человек, на которого они напали, — сутулая подтянутая фигура с копной рыжевато-каштановых волос, наносившая бешеные удары вперед, отражая направленные на него неловкие атаки высокого с легкостью, казалось, без всяких усилий. Неожиданно его руки сделали выпад, блеснул металл, и раздался жуткий рвущийся звук. На минуту они оказались на свету, и я увидел длинные разрезы в куртке высокого мужчины и льющуюся из них кровь. Я с трудом поднялся на ноги, а потом в страхе отпрянул — мне показалось, что сама темнота набросилась на меня. Я выбросил руку вперед и почувствовал жгучую боль в предплечье. Я вскрикнул от неожиданной боли, а потом громче — от гнева, ракетой засвистевшего в моем мозгу. Внезапно передо мной возникла зловеще ухмылявшаяся, слюнявая физиономия, увенчанная гребнем из зеленых перьев

австралийского попугая, со звякающими массивными кольцами в ушах. Я с силой врезал по ней здоровой рукой, почувствовал, что попал, и восторжествовал — но тут взорвалась ракета (во всяком случае, ощущение было именно такое), и мои зубы щелкнули — с такой силой был нанесен ответный удар. Я согнулся пополам, держась за голову, не в состоянии видеть и даже здраво мыслить — от удара мои мозги, казалось, треснули, как зеркало. Услышал рядом с собой вопль, взрыв шума и стал ожидать худшего — резкой боли от удара ножом или тупой — от удара ботинком. Но спина моя ударилась о стену, я выпрямился, радуясь поддержке, и заставил себя открыть глаза, как раз вовремя, чтобы увидеть, как три тени, спасая свою жизнь, удирают вниз по улице по направлению к морю: один из них сильно хромал, другой держался за грудь, а третьего они тащили между собой, его ноги беспомощно волочились по закругленным булыжникам. Там, где он двигался, появлялся черный след — как след змеи.

Человек, которого они преследовали, сидел скорчившись у стены по правую руку от меня, у порога. Он держался за ребра и тяжело дышал. Сначала я подумал, что он ранен, но он поднял голову, и на его тонком, подвижном лице как ни в чем не бывало появилась улыбка: — Вот это я называю прийти вовремя! — сказал он и коротко рассмеялся.

— Кто они? — удалось мне прохрипеть.

— Они? Да просто Волки, как всегда. Вылезают, чтобы стащить все, что не прибито гвоздями, а тут такого добра полным-полно — сам знаешь! — Он неожиданно поднял глаза. — Эй! Да ты не знаешь, так ведь? Ты не из этой части города, верно?

Я покачал головой, забыв о полученном мной ударе,

и мир растворился в уколах обжигающей боли. Я зашатался, оглушенный и одурманенный, а он вскочил и подхватил меня. — В чем дело? Одного не остановил, да? А-ах... не здешний. — Вопрос, прозвучавший в его голосе, сменился уверенностью, хотя я даже не ответил. — Не здешний. Я мог бы и сам догадаться, по тому, как ты вот так ворвался. — Он прислонил меня к порогу и прощупал мою голову тупыми кончиками пальцев, вызвав у меня очередной приступ агонии. — Ну, это ничего! — заключил он с быстротой, которая привела меня в ярость.

— Сами попробуйте, а потом говорите! — прокаркал я, и он снова широко улыбнулся.

— Без обиды, друг. Просто я рад, что у тебя купол не проломлен, вот и все. Шишка и немного крови, ничего страшного. А вот твоя рука — это другое дело.

— Она не так сильно болит...

— А, может быть; но клинок попал в мышцу. Может, он грязный, если не что похуже. Обожди-ка минутку... — В его руке блеснул клинок, которым он так успешно пользовался, и я с изумлением увидел, что это не нож, но самый настоящий меч — какая-то разновидность сабли; он воткнул клинок прямо в ножны, висевшие у него на поясе, отстегнул от пояса кольцо с огромными старомодными ключами и одним из них запер за собой дверь склада, не переставая бормотать про себя: — Ладно, не о чем беспокоиться; я за тобой присмотрю. Просто обопрись на своего старого приятеля Джипа — вот так! Всего несколько шагов за угол — обопрись на меня, если хочешь!

Идея казалась безумной — он был такого низкого роста. Однако когда он поднял меня за здоровую руку, я с изумлением увидел, что он почти одного роста со мной, а во мне больше шести футов*. Просто рядом с

остальными он казался необычайно низким — тогда какого же роста были те трое?

С такого близкого расстояния, однако, он выглядел не столь обычным. Его лицо было костлявым, с тяжелой челюстью, но черты его были открытыми и правильными, может, в них было что-то скандинавское, если не считать того, что выражение их непрерывно менялось, как игра солнечного света. Морщины появлялись и исчезали, и поэтому трудно было догадаться, каков его возраст: может быть, сорок с небольшим, судя по морщинкам вокруг глаз. Под ними остатки загара сливались с широкой полосой веснушек, проходившей по его скулам. Его глаза были спокойными, большими и умными. Их взгляд казался отстраненным и направленным куда-то вдаль, пока я не поймал в них блеск, выдававший сообразительность и таивший лукавую усмешку. Я редко сужу о людях по первому впечатлению, особенно о мужчинах, но в этом человеке было что-то, сразу делавшее его симпатичным. Что было и весьма удивительным, черт побери, потому что я все равно никак не мог отнести его к какой-то категории. Симпатия, разумеется, еще не означает доверия, но в тот момент у меня не было особого выбора.

Вместе, как парочка пьяниц, мы, пошатываясь, побрели в конец аллеи, выходящий на море, но до того, как мы туда добрались, мой старый приятель Джип, кто бы он там ни был, перевел нас через дорогу и повел по влажной и зловонной боковой аллейке, которая вывела нас на гораздо более широкую улицу, похожую на то великое множество улиц, по которым я прошел в тот вечер. На этой, однако, находилось то,

** 1 фут = 30.48 см.

что я искал все это время: единственное здание, ярко освещенное огнями, в котором можно было безошибочно угадать пивную или даже приличный ресторан. Закопченные, все в бриллиантовых каплях дождя, окна сияли теплым золотым светом между ставнями, а над ними здание, выкрашенное яркой краской (это было видно даже в тусклом свете мерцающих фонарей внизу, на стене) украшала вывеска. В холодном воздухе в голове у меня стало проясняться, и я уставился на него как зачарованный. Это, должно быть, и было одно из странных, особенных местечек. На вывеске была надпись крупными буквами, красным по белому: «ТАВЕРНА ИЛЛИРИКО», а под ней — «Иллирийская таверна — старинные деликатесы — Дравич Мирко, проп.» На доске над дверью я увидел надпись «Taverne Illirique», «Illirisches Gasthof», повторявшуюся на всех языках, которые я знал, и многократно — на языках, мне неизвестных.

— Проходи, здесь мы тебя подлечим! — жизнерадостно сообщил Джип и прибавил еще что-то, но я не был уверен, что правильно расслышал.

— Что вы сказали?

— Я сказал, недурное местечко, если держаться подальше от морских слизняков.

Я закрыл глаза: — Постараюсь. А где они? На полу?

— В меню.

— Господи помилуй!

Это меня добило; пришлось остановиться, и меня вырвало — болезненно и безрезультатно, а Джип смотрел на меня с сочувственной улыбкой: — Пустое брюхо? — осведомился он. — Жаль. Хорошая рвота может помочь, если тебя двинули по черепу. Это как с морской болезнью: раз уж собрался блевать, набей

себе чем-нибудь брюхо, чтобы было что выбрасывать, вот что я им всегда говорю. Чтоб быть наготове.

— Запомню, — пообещал я, и он коротко рассмеялся.

— Теперь в порядке? Осторожно — тут ступеньки, они все изношенные. — Джип с грохотом распахнул ногой выцветшую красную дверь: — Хой, Мирко! Малинка! Катька! — заорал он, втаскивая меня внутрь.

Полчаса назад я бы приветствовал смесь кипучих запахов, врывающихся с кухни. Там была сотня таких, названия которых я не знал, и еще парочка тех, что мне не нравились, но был и запах чеснока, и сладкого перца, и пива, и жареного лука. Однако теперь от этой смеси мой больной желудок просто съежился.

— Это ты, что ли, штурман? — раздался хриплый голос изнутри. Затем последовал звук, словно кто-то подбросил лопатой уголь в печь. — Малинки нет, так что придется тебе довольствоваться мной.

— У меня тут приятель, Мирко, — крикнул Джип. — Эй, как тебя зовут? Стивен? Мирко, тут со мной Стив, он помог мне разделаться с парочкой Волков, да вот пока с ними возился, получил раз-другой. Нужно что-нибудь, чтобы поставить его на ноги. КАТЬКА! Ты тут понадобись! Да притащи свою сумку для ремонта проколов! А теперь, дружище, садись-ка ты сюда...

Я плюхнулся на деревянную скамью с высокой спинкой, изо всех сил стараясь не дернуть рукой или головой, и стал оглядывать помещение. Мне доводилось раньше видеть греческие туристические бары с претензией на именно такой вид. Теперь я понял, чему они старались подражать. Однако здесь пучки сухих трав и связки колбас, свисавшие с крюков, окорока в кулях, огромные куски соленой трески, осьминоги,

похожие на мумифицированные руки, пузатые фляги с вином, снабженные грубыми этикетками, изображающими танцующих крестьян и какие-то еще, с трудом распознаваемые силуэты, были не из пластика; их тяжелый аромат наполнял воздух, а чуть дрожащий свет висевших между ними фонарей странным образом оживлял их тени. Фонари были настоящими, масляными, чувствовался их запах. Я бросил взгляд по сторонам и не обнаружил на стенах никаких признаков выключателей или розеток; кстати, фонари на улице тоже были масляными. Они освещали строго ограниченный участок, так что яркий свет был только в центре помещения; столики здесь были пусты, но от менее освещенных столиков, стоявших в углах, раздавался гул голосов, мужских и женских, и звон бокалов и столовых приборов.

Передо мной стукнул о стол поднос с бутылкой, наполненной бледной жидкостью, и небольшой узкогорлой фляжкой с той же жидкостью, без стакана. Коротконогий круглый человек небольшого роста с лицом, напоминавшим приветливую жабу, наклонился надо мной и прорычал: — Заведение угощает, друг! Всякий, кто дает Волкам по зубам, оказывает нам услугу! — Он говорил с акцентом, таким же сильным, как запах специй, витавший в воздухе, — сильным и торжанным. Из затененных глубин комнаты донесся рокот одобрения, и я с изумлением увидел блеск поднимающихся бокалов.

— Ты бы видел его, Мирко! — вздох рассказывал Джип. — Они свалили меня, отобрали мой ножичек — и тут появляется он, идет на них с огромным железным брусом, черт побери! Их трое, он сбивает двоих, а третьему дает по мозгам прежде, чем я успеваю схватить

свой клинок и немного пустить ему кровь! Пошел на них с голыми руками, право слово, вот просто так и пошел!

Мирко с серьезным видом кивнул: — Жаль, шшто я не видел. Это очень смело, мой мальчик. А теперя глотни-ка вот этого, это ведь для питья, веррно? Великолепное ссредство! — Я осторожно взял маленькую фляжку и поднес к губам. Как оказалось, форма фляжки была с секретом: ее содержимое тут же целиком вылилось мне в глотку. Если хотите знать, какое было ощущение, советую привязать сливу к ракете и выстрелить ей себе в глотку, причем желательно во время землетрясения. Я с трудом выдохнул, ожидая, что в воздухе появятся искры, а Мирко снова наполнил фляжку, пока я еще держал ее в руке. Неожиданно холод в моей груди смягчился, дрожь прекратилась; я почувствовал пульсацию крови в жилах, а гулкие удары, отдававшиеся в голове, стали вполне терпимыми. Я проглотил вторую фляжку и позволил Мирко налить мне третью, прежде чем поднял бутылку и взглянул на этикетку: — «Туйка», — сказал я, неожиданно поняв, что это такое. — Сливовица. Только раза в три крепче, чем та, что мне доводилось пробовать.

Мирко раскрыл рот в ухмылке, как жаба, готовая в любую минуту поймать муху. — Ссливовица, да, если тебе угодно ее так называть. Настоящая горная, лучшая по эту сторону Карпат. Эгей, а вот и Катька! — Я моргнул. Из ароматного полумрака возникла девушка — очень даже симпатичная. В своем цветистом костюме она вполне вписывалась в интерьер; она могла сойти с одной из винных этикеток — крестьянская девушка из книжки с картинками, родом откуда-нибудь с верховий Дуная. Может, и не совсем крестьянская: вышивка на широкой красной юбке и черном

переднике была чуть-чуть слишком раззолоченная и вычурная, вырез белой блузки над полной грудью — чуть-чуть низковат и стянут. Ее волосы казались белокурыми от природы, но лицо под ними было тонким и немного лисьим — строго говоря, даже не слишком хорошенькими, а глубокие морщины по обе стороны рта свидетельствовали об опыте, какой не часто приобретают крестьянки. Если отвлечься от этого удивительного расхождения, самыми лучшими в ее лице были глаза — огромные, серые и встревоженные.

— Что случилось? — нетерпеливо спросила девушка. Ее голос неожиданно оказался глубоким, и акцент — менее заметным, чем у Мирко. — Кто ранен, Джип? Ох... — Прежде, чем кто-либо успел ответить, она бросилась ко мне, кудахча, как мать-наседка, и ругая остальных за то, что не позвали ее раньше. Она стащила с меня куртку так быстро и мягко, что я едва почувствовал ее прикосновение, а пуговицы моей рубашки, казалось, сами расстегивались, когда ее проворные пальчики порхали вдоль моей груди; она сняла и рубашку, оставив меня смущенно вздрагивать. Но если кто и наблюдал за нами, я их видеть не мог, в гуле голосов не произошло никаких изменений; в любом случае эту девушку — Катьку — казалось, это ничуть не волновало. Она без обиняков притянула мою голову к себе на грудь, и когда, пыхтя, появился Мирко с горячей водой, за которой она его посылала, стала промывать и обследовать мой пульсирующий скальп невероятно чуткими пальцами, втирая какую-то острую, похожую на водоросли, субстанцию из горшочка. — Расслабься, — проворковала она. Однако на такой пикантной подушке сделать это было и трудно, и одновременно слишком легко; в

конце концов, я просто смирился со своим положением и обмяк.

Похоже, ей это было приятно, но я был не очень уверен в этом. Хотя она была прелестным созданием, со своей позиции я не мог не заметить в ней одной особенности. Запах не был таким уж неприятным, это была не та обычная вонь, что стоит в раздевалках на кортах для сквоша, но все же он присутствовал, и ощущался довольно сильно. Это было не хуже, чем могло быть у наших предков, наших прадедов, или людей, живущих в странах, где ванны все еще считаются роскошью. Я припомнил, как служащий отдела по экспорту угля из Восточного блока жаловался, что на его родине девушки никогда не мылись достаточно из-за постоянной нехватки топлива; он знал, о чем говорил. Но в нашей просвещенной стране Бьющей Ключом Жизни, где горячая вода льется из крана, этому не было оправданий, это не было вызвано необходимостью — вот почему у меня возникло неприятное ощущение. А может, все-таки было? Я снова бросил взгляд вверх, на лампы. Возможно, они были не декорацией, нужной для атмосферы; может, здесь и в самом деле не было электричества и даже газа. В таком случае у девушки могли быть проблемы с мытьем. Только вот где в наше время может не быть газа или электричества? Даже мелкие фермы в горной Шотландии получают газ в баллонах. И потом, как может заведение общественного питания обойтись без этого инспекторов санэпидемстанции?

Под действием сливовицы и прочих событий голова у меня еще слегка кружилась, подобные мысли бесцельно бродили в ней и уходили в никуда. Но постепенно я ощутил, что в голове прояснилось, и — чудо из чудес! — пульсирующая боль почти прошла. Похо-

же, Катька это почувствовала, поскольку мягко заставила меня выпрямиться, и осторожные пальцы занялись моей раненой рукой. Я бросил на нее только один взгляд и тут же отвел глаза — рука выглядела гораздо хуже, чем я предполагал, — устрашающее месиво из застывшей крови. Кроме того, я предпочитал смотреть на девушку: красивая или нет, она была симпатичным созданием. А теперь она прижимала мою руку к груди, оставив кисть свободно лежать на ее коленях; это весьма отвлекало. Рядом с нами я слышал разговор Мирко и Джипа, но то, что они говорили, доходило до меня лишь постепенно.

— Так скажи мне, штурман, как же тогда все случился? Как это такой прыткий парень, как ты, позволил нескольким шелудивым Волкам свалить тебя?

— Простая небрежность, наверное. Выследили меня до двери и навалились. По их меркам, это вроде как тонкая хитрость.

— Да. Будем надеяться, что они не набирраются ума. Только из-за чего весь сырр-борр? Что там такое в этом складе?

— Да все, как обычно, — голос Джипа звучал озадаченно. — Несколько старых грузов, они там уже месяцами валяются, и вещи с «Искандера» — он причалил утром, пришел с Запада. Там ничего из ряда вон выходящего. Черный лотос для Пэтчи, пара толстых шкур морских лошадей, которых прислали от Мендозы из Те Арахоа на свой страх и риск, а они померли на рынке. Груз дров на продажу, индиго, перец и кофе из Хай Бразил, пух гагарки — двадцать тюков! — и несколько тонн сушеного Корня Победителя и Ночного Глаза для магазинов в Аллее Дамбалла. Ничего такого, что выгодно было бы спереть, а чтобы вытащить хоть что-то стоящее, нужно больше

троих. Там, правда, действительно был груз рома черного дьявола, пятьдесят больших бочек, да Дик-Маркитант забрал его меньше чем за четыре часа до того, как я пришел.

— Может, никто не сказать об этом Волкам, — пропыхтел Мирко.

— Может быть,.. — эхом отозвался Джип, но по голосу чувствовалось, что его это не убедило. Я как раз собирался спросить, что означают эти товары с дикими названиями, когда мое внимание отвлекла Катька — и как отвлекла! Я дернулся в агонии и едва не опрокинул стол. Ощущение было таким, словно, осторожно промыв рану, она неожиданно развела ее края, вонзила в нее зубы и с силой стала отсасывать кровь. Я бросил взгляд вниз и увидел, что именно это она и сделала. Более того, она продолжала это делать. Я, дрожа, откинулся назад, не в силах вымолвить ни слова, и увидел улыбавшегося мне Джипа.

— В ране может быть грязь, ты забыл? Пакостные вещи, клинки Волков, никогда нельзя знать наверное. А Катькин народ — они справляются с ними вот так, и могу поручиться, что это срабатывает, уж ты мне поверь. Имей в виду, там, в своем родном уголке они все вампиры!

Катька подняла глаза и выплюнула мою кровь точно на брюки Джипа, сшитые из материала, похожего на лоснящуюся кожу. Джип фыркнул и стер кровь.

— При том, с кем ты водишься, нечего тебе эдак задаваться, штурман! Сейчас уже не так больно, нет, мой Стефан?

Я умудрился выдавить некое подобие улыбки, а Катька взяла бутыль со сливовицей и стала промывать рану обжигающим спиртом. — Если уж быть съеден-

ным, так только тобой, лучшей кандидатуры я бы не придумал, — выдавил я, и девушка хихикнула.

— Особенно под маринадом? О'кей! Тогда я положу сюда еще немного бальзама, вот так, и забинтую; и через день-два ты будешь совсем как новенький — хорошо, да?

Я с силой выдохнул и изобразил полуулыбку. Джип передал мне бутыл, но я покачал головой: — Спасибо, но мне достаточно. Надо ехать домой.

— С такой рукой? Думаешь, будешь в порядке? Лучше оставайся-ка ты здесь на ночь. Попробуй разбойничий бифштекс Мирко с французским жареным гарниром и полбутылки старого Вара Орсино — от него волосы растут на груди и чресла наливаются, как свинец, вот так-то! А на потом — покувыркаешься с Катькой, она тебе покажет чудеса, это уж точно! А ты дашь ему все самое лучшее, слышишь, девушка, — настоящий моряцкий праздник! Это ведь мое угощение, верно? Быть бы мне сейчас волчьим мясом, если б не мой старый дружище Стив...

Я слегка заморгал и украдкой бросил взгляд на Катьку. Похоже, небрежное «коммерческое» отношение Джипа ее нисколько не взволновало, скорее, ей это даже польстило. — Ну-у,.. — сказал я, и Катька обратила на меня взгляд своих больших серых глаз. У меня возникло подозрение, что они лишили многих моряков их покоя, если не что похуже. Тем не менее я потянулся за рубашкой.

— Ты ведь не уходишь? — обиженно, словно не веря своим глазам, сказала Катька. По-видимому, это была ее обычная манера поведения, но сейчас, похоже, она говорила серьезно. Или, может быть, это тоже была обычная линия поведения? Однако у Джипа и Мирко вид был такой же потерянный.

— Эй, погоди, — запротестовал Джип, и его старчески молодое лицо лицо сморщилось. — Я же собирался закатить тебе вечеринку — я твой должник, забыл? Ты же не можешь уйти, чтоб я чувствовал себя неблагодарной свиньей, правда? Катька вон тоже разминается. Сядь! Оставайся! Ты среди друзей!

Это последнее слово чуть не убедило меня. Среди друзей — да, я чувствовал это как никогда в своей жизни. Я заколебался. Передо мной снова мигал тот же светофор, и всем своим существом я рвался нажать педаль до отказа и проскочить его — умчаться прочь, вон, в тот призрачный закат, в погоне за какой-то новой мечтой. Это было каким-то завершением, которого я не мог и представить, чем-то, что могло заполнить пустую скорлупу...

Но, надевая рубашку, я почувствовал резкую боль в руке, и моя собственная вязкая кровь облепила ткань вокруг моей кожи. Я ударил по тормозам. Хватит рваться, во всяком случае, на сегодняшний вечер: — Я знаю. Извините меня. Может быть, в другой раз, но... мне надо ехать. Если только я найду свою машину, я припарковал ее на улице Тампер, не знаю уж, как далеко отсюда.

На какое-то мгновение я испугался, что сейчас они спросят меня, что такое машина. Однако Джип, хотя он явно был обижен и разочарован, небрежно бросил: — О'кей, Стив. Я понимаю. Пусть будет в другой раз. Мне и самому, наверное, надо бы пойти назад на тот склад. Тампере, точно, это прямо за этим домом, вперед и за угол, мимо большого старого таможенного склада, сначала налево, потом направо, еще раз направо и вперед — там в конце ты ее и увидишь. Понял? Пошли, я покажу тебе дорогу.

— Если это так просто, я сам справлюсь, спасибо. Ты иди занимайся своими делами. И спасибо — спасибо

за ремонт прокола, Катька,.. и за выпивку, Мирко... Спасибо вам всем. — Все это прозвучало по-идиотски. Я нервничал, мне не хотелось обижать этих странных и добрых людей. Мирко только что-то проворчал, но Катька улыбнулась.

— Хорошо, Стефан. Приходи поскорее, а?

— Да уж, — засмеялся Джип, — пока у меня еще есть бабки.

— Есть или нет, все равно, — спокойно сказала Катька.

Джип повернулся к ней, его костлявая челюсть отвисла; Катька погрозила ему кулаком, и он снова обернулся ко мне. С минуту он оглядывал меня сверху вниз, словно заново оценивая: — Да, ты уж приходи еще. Так или иначе. Пари держу, что придешь. И вот еще что: если будешь искать меня и не найдешь, спроси Джипа-штурмана, ладно? Просто Джипа-штурмана. Спрашивай любого, меня все знают. Любого, ладно? До скорого, Стив. — Он порывисто шагнул вперед и стиснул мою руку с неожиданной силой: — И спасибо, парень, СПАСИБО!

Я с неохотой остановился у двери и оглянулся назад. На улице, казалось, было так темно и холодно, и мне не хотелось, чтобы этот хрупкий очаг жизни и цвета так скоро ушел навсегда. Сколько шансов есть у нас, чтобы вернуться в мечту? Мирко растворился в тенях, Джип положил голову на колени Катьке, но смотрела она на меня. Она улыбнулась и медленно вдохнула воздух. Я взглянул вниз и поднял щеколду. Дверь дважды скрипнула, и я был изгнан в морской ветер, невероятно холодный и тяжелый от смрада гавани и последних капель дождя. Я торопливо поднял воротник, а ветер словно в насмешку хлестал рядом с моими ушами. Булыжники теперь блестели и мерцали под

ясной молодой луной, и я без труда различал дорогу. Однажды я обернулся назад, но ветер бросил мне в глаза колючей солью и невидимыми руками стал подгонять меня вперед.

Указания Джипа были достаточно ясными. Что было хорошо, поскольку спрашивать было не у кого, улицы по-прежнему выглядели покинутыми. Как только я завернул за угол, я сразу увидел таможенный склад: мрачное здание, нависающее, как гора, когда-то выглядевшее внушительным. Теперь окна его нижнего этажа покрывали заплаты из ржавеющего железа, а вдоль разбитых бойниц по его стенам висела колючая проволока. Первый поворот налево тоже оказался рядом, но его вид — и запах — отнюдь не были располагающими; ровная аллея была вся в отбросах. Я заколебался: может, Джип забыл об этом и имел в виду какую-то более широкую дорогу впереди? Но когда я отступил на шаг и огляделся, я увидел, что другого пути не было: дорога закруглялась вправо. Задержав дыхание, я приготовился к броску через эту помойку, как вдруг услышал слабый скрип и краем глаза уловил какое-то движение — за углом, откуда я только вышел. Но когда я заглянул за угол, там никого не было, и я перестал об этом думать. Аллея оказалась именно такой гнилой, как я ожидал; вода, плескавшаяся вокруг моих злосчастных башмаков, кишела бледными бесформенными предметами, наполовину погруженными в нее, и ее поверхность издавала страшное зловоние, когда я ее тревожил. Когда лужа закончилась, я на минуту остановился, чтобы вытащить эту гадость из ботинок и почистить их. Но когда я, опираясь одной рукой, прислонился к бурому кирпичу, я снова услышал этот звук, тихонько отдававшийся в аллее. Позабыв про хлюпающие башмаки, я резко обернулся и

посмотрел назад, почти примерзнув к месту. Там был лишь намек на движение, всего лишь проблеск, но мне показалось, что на мгновение дальний конец аллеи заполнила огромная нависающая тень, заслоняя свет. И хотя она почти тут же исчезла, отрицать этого я не мог, даже ищи я эту тень среди ломаных бульжников. Я сглотнул. Кто-то явно не хотел, чтобы я их увидел. Но почему? Потому что они шли за мной следом — вот почему; это неизбежно должно было быть так. Но кто? Может, Джип следил за тем, чтобы его гость был в целостности и сохранности, но вряд ли. Правда, я легко мог это выяснить. Все, что от меня требовалось, — это вернуться назад, за угол, и встать лицом к лицу с... ним? С ними? Или... с чем?

Впрочем, к счастью, я был не настолько глуп. Я подумал о Волках; но здесь не было под рукой ни лесов, ни единого целого обломка кирпича, не говоря уже о Джипе с его мечом. Я повернулся и поспешил к выходу из аллеи настолько спокойно, насколько мог. На следующей улице, поворачивающей направо, я на минуту остановился, прислушиваясь к всплескам в луже, обойти которую было невозможно. Ни звука; это означало, что они либо не пошли за мной, либо пошли, но с большими предосторожностями. Я сглотнул и зашагал дальше. Едва достигнув следующего угла — нового поворота направо, — я осмелился оглянуться назад. Ничего... кроме...

Внезапно из аллеи раздался оглушительный плеск, словно что-то мчалось прямо через лужу, мчалось со слепой яростью. Возможно, я закричал, и уж точно — я бросился бежать. Я мчался, стуча башмаками, вниз по улице, замечая только, что она была милосердно широкой, почти без теней, и вымощена гладким серым асфальтом, чавкавшим под моими ногами. Внезапно

мое дыхание стало прерываться, в голове стали отдаваться всплески боли — начинали сказываться мои раны. Куда теперь? Куда дальше? Я не мог даже вспомнить. Я озадаченно остановился, задыхаясь, и поднял глаза к небу. И то, что я там увидел, прогнало все другие мысли, даже о том, что могло в любой момент вынырнуть из-за угла.

Казалось, луна плыла над морем туч. В ее свете тучи изменили свою форму и простирались вниз в пейзаже сияющей ночной красоты — низкими холмами и морем позади них, морем и островами. Однако в том состоянии, в каком я находился, один этот пейзаж не удержал бы меня на месте. Что пригвоздило меня к месту — это почти ощутимый шок: я узнал это место. Вне всякой вероятности, так же, как и вне всяких сомнений, это был тот же пейзаж, что показал мне закат не менее трех часов назад. Тот же самый, и все же (как и следовало ожидать) видимый как бы чуть-чуть под другим углом. Меня затрясло; неужели удар как-то подействовал на мозг? И тем не менее, я никогда не был более уверен: оба видения, сливаясь вместе, были выжжены в моем мозгу — море золота и серебра. Я в недоумении опустил глаза и над пейзажем, отражавшемся в зловонной застоявшейся луже, увидел на бурой стене вывеску. Под потеками разбрызганной краски на ней отчетливо можно было прочитать: улица Тампере. Я бешено помчался вперед, и там, не более, чем в ста ярдах от угла, стояла моя машина.

Позабыв обо всем на свете, я ринулся к ней. Но теперь каким-то образом ветер бил мне в лицо, бросая в глаза колючую асфальтовую пыль, заставляя бороться со скользким булыжником; ощущение было таким, словно чья-то рука тащит меня назад, мешая спастись

бегством. Из грязи с шипением поднялся грязный лоскут полиэтилена и ласково обвился вокруг моих лодыжек. Я отбросил его и растоптал ногами, словно это была живая угроза. Но я уже добежал, моя рука упала на крыло, почувствовала холодок стали под гладкой краской. Я стал шарить в карманах в поисках ключей, едва успел подхватить их, когда ветер попытался вырвать их из моих окоченевших пальцев и швырнуть в помойку под ногами. Я распахнул дверь и ввалился внутрь.

Машина заводилась медленно: в нетерпении я чуть не залил карбюратор. Я заставил себя с минуту посидеть спокойно, пока ветер бился о машину, и взглянул в зеркало заднего вида на темноту, из которой вышел. Затем попробовал снова, мягко надавив на педаль, и услышал благословенное покашливание и урчание двигателя, почувствовал его вибрацию, более сильную, чем ветер. Я включил передачу, повернул руль и почти выбросил машину с обочины, в рычании промчавшись по булыжникам. Только однажды я обернулся, но конец улицы был погружен в еще более глубокую тень; из нее могло выглядывать что угодно или ничего. Затем я выехал на главную дорогу — Дунайскую улицу, где было освещение, которое работало, каким бы холодным и оранжевым оно ни было, где была хотя бы возможность услышать шум, увидеть цвет, общество, ощутить безопасность города, который я знал. Мне в голову пришла безумная мысль о том, что для древних римлян Дунай был границей цивилизации, сдерживавшей варварство, но эта мысль была неутешительной, поскольку в конце концов это варварство сметающей все на своем пути волной прорвалось через Дунай. Я замедлил скорость, подождал на перекрестке, повернул и — вот оно! Шум, цвет,

общество, безопасность — но все это чужое, и все люди вокруг меня казались чужими. Безопасными, но чужими. Неожиданно все оказалось не так уж хорошо, а спасение — меньше чем спасением. Был ли тот свет действительно красным? Или я просто боялся увидеть, что он янтарно-желтый? Я не мог найти ответа. Я устал, у меня все болело, и я ничего не ел.

Я поехал домой и бросил какую-то еду в микроволновую печь. С силой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующее утро офис резко вернул меня к действительности. Все казалось надежным и знакомым, все было ярким и залитым солнцем, вовсе не таинственным, начиная от попискивания мозаичной плитки под моими ботинками и кончая ласковой улыбкой Джуди, сидевшей за пультом. А в это утро улыбка была приятно приправлена сочувствием.

— Привет, Стив, — как рука?

— О, все в порядке, спасибо. Заживает.

В этих коридорах не было ничего таинственного — залитые светом окна и прохладные стены желтого, как нарциссы, цвета, ни темных углов, ни чужой атмосферы. После вчерашнего вечера они казались деловыми, бодрящими, обнадеживающими. Единственными запахами в кондиционированном воздухе были запахи свежего полироля, кофе и особый теплый аромат, окружающий компьютеры и другую офисную электронику, смешивавшиеся с ацетоновым привкусом лака для ногтей и ментоловых сигарет, когда я проходил мимо машбюро; все — чистые, спокойные и предсказуемые. Наверное, странно, что так много экзотических товаров проходят через эти офисы, если можно так выразиться, и не оставляют следа. Корица, магnezия, копра, перец аллигатора, сапфиры; мы тоннами ворочали ими с той же легкостью, что листовой сталью и сырой нефтью. Все товары мира, причем ни один из

них на много миль не приближался к офису; я видел их только во время редких визитов в доки и аэропорты. Через мои руки проходило только их юридическое тождество в виде уведомлений о погрузке и коносаментов, таможенных ведомостей, не оставлявших в воздухе ничего, кроме слабого сухого запаха несмываемых чернил. Я почувствовал его, открыв дверь своего кабинета, однако там был и цветочный аромат духов Клэр, и сама девушка, листавшая небольшие пачки документов на своем безукоризненном столе.

— Стив! Привет! Я не ждала, что ты придешь так скоро! Как твоя бедная рука? Ничего серьезного, правда? Я хочу сказать — надо же так поскользнуться в дождь? Ты же мог по-настоящему сильно что-нибудь повредить!

Я проснулся поздно, совершенно измученный, рука опухла и онемела; мне пришлось звонить на работу и придумывать какое-то объяснение. Зато теперь это было больше похоже на правду; я почти видел, как это случилось: поскользнулся, получил глубокую рану — гораздо более правдоподобно, чем нож в руках какого-то сверхъестественного грабителя в доках. Гораздо легче поверить — я уже сам был готов поверить в это. — Да все не так уж и плохо, спасибо. Только онемела.

— Ты уверен? — Я был слегка потрясен. В ее широко распахнутых ярко-голубых глазах была тревога. Клэр приподнялась. — Послушай, ты сядь, а я сейчас принесу аптечку...

Я ухмыльнулся с некоторым беспокойством. Вся эта забота — я не привык к таким вещам. — Тебе только дай чуть-чуть воли, и ты меня всего обмотаешь бинтами, как короля Тата! — Ну, конечно, Клэр была ответственной за оказание первой помощи в офисе после курсов в прошлом году. У нее, видимо, просто

зуд, так хочется найти применение своим знаниям; до сих пор единственным представившимся ей случаем был Барри, порезавший большой палец о крышечку бутылки с виски. Этим все и объяснялось. — Нет, спасибо, родная, я... э-э... ее уже обработали. Были какие-нибудь звонки?

Мне было позволено проследовать к своему столу с небольшой стопкой почты, циркуляром с бразильской «Адуаны» и указаниями сесть и не волноваться. Дэйв Ошукве уже сидел за своим столом, склонившись над пультом и стуча по клавишам; приветствуя меня, он поднял влажную коричневую руку, оставив в воздухе, как хвост кометы, дым дорогой сигареты, но, к счастью, не поднял глаз. Я уселся в свое кресло, включил свой компьютер и откинулся в ожидании, когда он нагреется и загрузится. Жесткая кожаная обивка кресла обволокла меня и подняла мою больную руку, под пальцами я чувствовал прохладу хромированной ручки, регулировавшей кресло. Я дотронулся до деревянной поверхности стола, твердой под блестящим слоем лака и полировки. Пробежал пальцами по монитору, гладкому, как зеркало, чистому, без единой пылинки, и почувствовал слабое подрагивание тока. Вот оно — вот в чем было все дело.

Прошлой ночью я наполовину потерял голову. У меня были почти галлюцинации. Я чувствовал себя больным, голова кружилась после удара, в этом не было никакого сомнения, я был наполовину пьян и чувствовал себя несчастным; все виделось мне как в тумане. Ничего удивительного, что я окружил романтическим ореолом места обветшавшие или просто убогие, людей — что ж, пусть весьма добросердечных, но неимущих, необразованных, простых и грубых. Или, отбросив в сторону эвфемизмы, откровенно гру-

бых и отсталых. Я превратил нечто совершенно обычное в странное лихорадочное приключение. Это и была правда, крывшаяся за мечтой. А тут все было реальным. Это была повседневная жизнь, моя жизнь. Здесь была Клэр с чашкой кофе, как каждый день; с той разницей, что раз в жизни не попыталась подсунуть мне сахарин вместо сахара. — Тебе надо восстанавливать силы! — объявила Клэр. — Если ты потерял так много крови...

— Эй, а мне разве кофе не дадут? — потребовал Дэйв.

Клэр фыркнула: — Тебе — следующему. Стив поранился!

— А, да, я слышал, — Дэйв выглянул из-за компьютера. — Ну, как делишки, мой старый масса? Не может быть, чтобы так плохо, он же на ногах, разве нет? Не на костылях, не в инвалидной коляске или еще что-нибудь!

— Ты что, не видишь, какой он бледный? — запротестовала Клэр так яростно, что я был потрясен.

Дэйв закаркал: — Кто ты об этом спрашивать, мне? Вы все, бледнолицые, для мой на одно лицо... — Дэйв увернулся, когда Клэр нацелилась на его ухо. — О'кей, о'кей, вид у него и вправду зеленоватый. Обычное дело — хорошая ночка вне дома, да, Стив? И как же ее зовут? — В действительности, выговор Дэйва был точно таким, каким и полагалось быть речи выпускника очень престижной школы — лучше, чем мой, но он все время старался говорить как мальчишка из Ист-энда.

— Ладно тебе, Дэйв, я порезал руку, вот и все, — я обернулся к Клэр, все еще суетившейся вокруг меня, пытаюсь выяснить, какой у меня бинт, от чего у меня все глаза оказались залеплены длинными белокурыми

волосами. — Дай ему лучше кофе, солнышко, а то он будет невозможным все утро. Вместо того, чтобы быть всего лишь невероятным. Да, и спроси Барри, он уже говорил с «Розенблюмом»?..

Это давало мне повод отделаться от нее. Мне это было необходимо. Клэр в этой роли матери-наседки выводила меня из душевного равновесия. К тому времени, когда она вернется, я уже спокойно погружусь в свою работу и буду слишком занят, чтобы заниматься личными делами. — А у тебя, Дэйв, что-нибудь уже выяснилось с этой ерундой по кенийскому контейнеру?

Дэйв перегнулся к принтеру и вынул высывавшийся из него бланк: — Я как раз разбирался с этим, когда вы пришли, босс. Он болтался на боковой ветке рядом с аэропортом и плесневел. Теперь они его отскребают — с извинениями. Я выставил им демереж до сегодняшнего дня, но сказал, чтобы держали его, пока мы не выясним, не сможем ли мы организовать какой-нибудь обратный груз.

— Из Кении? Должен быть, для контейнера-рефрижератора. Молодец, Дэйв. — Я вызвал на компьютере кое-какие списки и просмотрел их: — Свяжусь для начала с Хэмилтоном и узнаю, не надо ли ему еще полтонны лютиануса на этой неделе. А ты пока не мог бы достать мне тот проект контракта на немецкое растительное масло? И всю эту еэсовскую волюнку с его отправкой?..

Телефон зазвонил, прежде чем я снял трубку: — Тебя Барри, — сказала Клэр, — насчет «Розенблюма» — срочно.

Да, это была настоящая жизнь.

И все же, пока тянулся день, я обнаружил, что она уже не совсем такая, какой была. Я с головой ушел в

работу, твердо настроившись не отвлекаться, не позволять себе бесцельно раздумывать о моих диких блужданиях прошедшей ночью. Я загружал работой Дэйва и Клэр, так или иначе стараясь уклониться от их поддразнивания и кудахтанья. Похоже, это дало результаты. Я умудрился закончить все, что можно уладить в этот день, чуть больше, чем за половину обычного времени. И все же я остался менее спокойным, менее удовлетворенным, чем когда бы то ни было.

— У нас нет температуры или еще чего, а? — осведомился Барри, элегантно пристроившись на краешке моего стола и теребя пачку бланков так, словно отрывал лепестки у розы. Он постучал по своему длинному тупому носу: — Я хочу сказать, ты знаешь не хуже меня, как важен каждый из этих проклятых контрактов, Стив. Я предпочел бы, чтобы ты лучше не спешил и, как обычно, прочесал их, словно отточенной зубной щеткой, чем... проглядел их одним духом и пропустил что-то важное.

Я усмехнулся: — Никак не угодить, а? Ты годами приставал ко мне, чтобы я ускорял контракты, — и вот сегодня мне раз в жизни повезло, а ты вдруг даешь мне отбой! С ними все в порядке, Барри. Не беспокойся об этом.

Барри оторвал еще несколько лепестков и провел рукой по сидящим золотистым кудрям: — Если ты действительно ими доволен...

— Доволен. Дэйв, как всегда, работал замечательно, и Клэр — тоже. И ты их сам просмотрел, иначе не сидел бы здесь и не спрашивал. Давайте, господин директор-распорядитель, сэр, убирайте свою полосатую задницу с моего стола! Я доволен!

Но я не был доволен. Не контрактами, которые

только что обработал, в них-то как раз я был уверен. Может, я и был на двадцать лет моложе Барри, но работу свою я знал. Просто я не получал от нее того удовольствия, как это бывало обычно. Мне не хотелось вникать в каждую мельчайшую подробность бизнеса, стоявшего за каждой партией груза, как раньше; мне не хватало прежнего стремления выяснить все о каждом товаре, который мы отгружали, начиная с продуктов и кончая предметами искусства — стремления, которое дало мне многие из очень полезных фундаментальных знаний. Я вдруг стал более нетерпимо относиться ко всей этой липкой паутине формальностей, стремиться поскорее от них отделаться. И Барри, будучи тонким бизнесменом, что-то почувствовал. Но будучи также начальством, с которым можно было пошутить, он был достаточно разумен, чтобы не выматывать своих работников. — Ну, хорошо, мое предусмотрительное дитя! Пойду вместо этого отполирую стол Билла Роуза, посмотрю, может, бухгалтерия тоже подхватит болезнь скорости и обрабатывает счета в рекордное время. По-видимому, это доконает всех наших постоянных клиентов — шок, понимаешь? Э-э... я бы предложил тебе немедленно отправиться домой и дать руке отдых, но если ты можешь поболтать здесь еще с полчаса — просто на случай, вдруг что-нибудь всплывет, знаешь ведь, как это бывает...

— Конечно. Нет проблем, Барри. — Я бы все равно не ушел домой; что-то подсказывало мне, что там я буду не более счастлив, чем здесь. Я уже был сыт по горло этим навязчивым полувоспоминанием, преследовавшим меня по пятам, отбрасывая на все тень неудовлетворенности. Вчерашним вечером у меня было жуткое пугающее приключение, так мне и надо

— нечего связываться с дном жизни. Но чем больше я старался думать об этом, тем меньше мог вспомнить — теперь уже почти ничего, ничего отчетливого. Словно эта дымка была вуалью фокусника, приоткрывавшейся, чтобы показать пустоту, словно все это мне приснилось — все, с самого начала. Тогда почему от этого переворачивалась вся моя обычная жизнь — мое тщательно скроенное и пригнанное существование от Армани, жизнь, которой, как я знал, я мог управлять?

Мне отчаянно необходимо было время, чтобы сесть спокойно и подумать — вспомнить, чтобы потом спокойно забыть. Но тут была Клэр, она принесла мне еще чашку кофе с сахаром и снова болталась поблизости, не давая сосредоточиться. В качестве средства для отвлечения внимания у нее были естественные преимущества. Обычно я не позволял им особенно меня беспокоить: я принял решение обращаться с Клэр только как с компетентным секретарем, каковой она и была, а не как с безмозглой куклой. Строго говоря, на безмозглую куклу она была не похожа; если уж втискивать ее в какой-то стереотип, Клэр скорее напоминала молочницу из рекламы масла. Ее волосы и глаза наводили на мысль о полях пшеницы и летних небесах, и все остальное — тоже: ее резковатые чувственные черты, молочно-белая кожа и веснушки, стройная, но с тяжелой грудью фигурка, ее непринужденное обаяние, живое, но искреннее. Большую часть времени я наслаждался им, не позволяя принимать его близко к сердцу, хотя когда пытаешься изо всех сил о чем-то думать, и еще больше — не думать, прикосновение волос к затылку или грудь, небрежно задевающая твое плечо, может оказаться сильным раздражителем. Естественно, что время от времени это порождало фантазии, но я был не настолько глуп, чтобы

мутить воду в офисе, затевая легкую интрижку. А все остальное не имело смысла.

Все эти мысли вызвали маленькую искорку воспоминания. Вчера вечером я от чего-то отступил — так? Та девушка — как же ее звали? Как она выглядела? Я словно выдумал ее из ничего; как будто весь этот безумный вечер был одним из тех снов — достаточно живых и ярких, чтобы заставить тебя проснуться, и в то же время таких, которые невозможно удержать в памяти — они испаряются из нее, оставляя за собой только эмоциональные ощущения, как пустое впечатление. Такая мысль должна была принести мне облегчение; но это было не так. Думать, что ты пережил что-то яркое, ошеломляющее, ЖИВОЕ, сильное настолько, чтобы оставить такие ноющие воспоминания, — и при этом обнаружить, что подробности испаряются, как утренняя изморозь...

Что же было твердым? Что не могло испариться?

Мой кулак стиснул чашку. Это было не слишком мудро: мою руку раскаленной докрасна ракетой пронзила боль, взорвалась и расцвела сияющим цветком образа — образа яркого, искрящегося, живого. Вот она! Катка, вонзившая зубы в мою рану, я сам, трясущийся в агонии, только наполовину слыша, как Мирко и Джип обсуждают...

Обсуждают судно. И его груз. Сырые. Товары. Но самые дикие, о каких только можно услышать. А ведь все эти дела у меня под кончиками пальцев.

Кончики пальцев. У меня возникла идея, безумная, под стать всему этому делу. В конце концов, почему бы и нет? Вреда от этого не будет. Компьютеры не могут насмехаться над человеком. Посмеиваясь над собой, я потянулся к клавиатуре и вызвал базу данных по фрахту и постановке судов в доки. По крайней мере,

будет забавно посмотреть, что они дадут в ответ на запрос об «Искандере».

Мне не хватило и секунды, чтобы посмеяться. Она возникла перед моим носом, запись в обычной форме карточки файла, снабженная кодом размещения в доке и номером причала. Зато какая запись!

СС. «ИСКАНДЕР» 500 тонн

Порт отправления: Тортуга, Санто Доминго и порты Запада

Капитан: Сойер, Джас. Г.

Первый помощник: Маттеус, Иезекия И.

Второй помощник: Мак-Галли, «Черный» Патрик О'Р.

Суперкарго: Стефанопопулос, Спиридион

Боцман: Радавиндрабан, Дж. Дж.

Груженный:

Черный лотос 2 дюж. клеток

(на консигнацию, по поручительству)

Индиго, ок. 80 тонн

Перец (сушеный), 1 тонна

Корень победителя (в тюках), 2 тонны

Кофейные бобы (Гранд Инка), 4 тонны

Шкуры — морская лошадь, 2 вал.

(на консигнацию)

Дрова (планки), 38 тонн

Пух гагарки, 20 тюков (комп.)

Спиртные напитки, 50 бочек

(на консигнацию)

Ночной глаз, 1.5 тонны

В настоящее время погрузка для обратного рейса на Тортугу, Хай Бразил и порты Запада.

Водоизмещение: указано, палубный груз только на риск перевозчика.

Я все еще смотрел на запись, разинув рот, когда подошел Дэйв.

— Ну, и что это такое? Все работаешь,.. — он уставился на монитор. — Чтоб мне провалиться! Откуда ты это выкопал? Вот это блеск! — Кто-то вошел в комнату, и Дэйв выпрямился. — Эй, Барри! Клэр! Идите-ка посмотрите сюда!

Клюв Барри закрыл свет — он наклонился к монитору над нашими головами. С минуту он стоял, уставившись на экран, затем стал посмеиваться. — Здорово, Дэйв, очень хорошо! Слушайте, а было бы замечательно, если бы можно было как-нибудь засунуть это в базу данных?

Дэйв замахал руками: — Э, я к этому не имею никакого отношения! Это Стив выудил...

Барри уставился на меня. По-видимому, он считал меня неспособным придумать такую штуку: — Ты хочешь сказать, это было в базе данных? Господи, никакого спасения в наше время от этих хакеров, помешанных на компьютерных фокусах. Потом еще окажется, что это какой-нибудь вирус, попомните мои слова...

Клэр слегка прикусила зубами костяшки пальцев и хихикнула. Это меня не обмануло; обычно, когда она так делала, это означало, что она усиленно думает: — Должно быть, какая-нибудь подделка, так? То есть, пятьсот тонн — что это за водоизмещение для торгового судна! И что такое «корень победителя»? И... и морская лошадь?

— Может, это неправильный перевод, — высказал предположение я (у меня было время подумать над

этим). — Имеется в виду гиппопотам или морж — знаете ведь, как бывает, когда народ садится за словарь.

— Может быть, — согласился озадаченный Барри. — В любом случае, Стив, как у тебя получилось вызвать эту запись?

Я пожал плечами: — Просто услышал на днях название судна — знаете, сплетни в пивной...

Я поймал на себе странный взгляд, брошенный Клэр, словно она почувствовала фальшивую ноту. — Что ж, есть только один способ выяснить это, — сказала она практичным тоном, подходя к моим полкам и снимая одну из дискетниц. — Почему бы не посмотреть этот «Искандер» в журнале Ллойда? — Она положила мне руку на плечо, вставляя переливающуюся дискету в гнездо компьютера. Как только на экране появилось меню, я набрал свой запрос, и блок мурлыкнул всего долю секунды, а потом появился ответ.

— Ни шиша, — с сожалением сказал Дэйв.

Я размышлял, тщательно игнорируя легкое прикосновение к моему плечу. — Да,.. но это просто ежегодный регистр, он не включает старые выпуски, старые записи, исторические... Попробую их основную базу данных.

Пробиться в нее оказалось гораздо более долгим делом, и потребовалось целых пять минут, чтобы получить доступ к моему запросу. Мы уже собирались бросить все это, как вдруг на экране появился ответ. Мы удивленно уставились на него — он был не в их обычной подробной форме:

«ИСКАНДЕР» 500 тонн
торговое плавучее судно, 3 метра.

Порт приписки: Хай Бразил
См. «Регистр перевозок», т. за 1868 г.

Барри отчаянно закудахтал: — 1868 год? И что это за порт приписки — Хай Бразил? Опечатка — я думаю, какой-нибудь порт в Бразилии. Честно говоря, мне интересно, может, они начали там торговать определенными субстанциями! Или это действительно хакеры. Больше ничего?

— Я могла бы пойти вниз посмотреть списки за 1868 год, — задумчиво предложила Клэр.

Барри фыркнул: — Ну нет, только не за счет рабочего времени! С настоящего момента я все это бросаю! Мы не гоняемся за дикими гусями, мы перевозим их живыми партиями — так, Стив? Я просто зашел, чтобы сказать, что все под контролем, ты должен сейчас же ехать домой и отдыхать. До завтра! — Он бросил последний взгляд на экран, затем покачал головой и презрительно проворчал: — Хакеры!

Но я был не так уж в этом уверен. В этот вечер, возвращаясь домой сквозь слезливую морось, я бросил беспокойный взгляд на поворот на Дунайскую улицу. Однако сегодня не было пламенеющего знаменем заката, чтобы искушать меня поехать к морю; небо было затянуто тучами — бесформенным куполом мрачных серых облаков, и мрачные здания были окутаны тенями, хмурыми и неприветливыми. Улица выглядела одновременно зловещей и огорчительно ординарной, напрочь прогоняя всякое желание (если бы оно у меня возникло) повернуть туда и проверить, насколько правдивыми были мои приключения. Узнать, что они были просто неким лунатическим сном или наложились на самые обычные вещи,... либо обнаружить, что это случилось в действительности и все так и находи-

лось на своих местах... Я не знал, какая из этих альтернатив больше меня пугала. Про себя я зарекся еще когда-нибудь высматривать такую чепуху в файлах; теперь Клэр, Дэйв и Барри, наверное, раздумывают — может, я какой-нибудь псих. Если разобраться, меня самого интересовал этот вопрос. Лучше поехать домой и поспать.

Я действительно улегся спать, поскольку меня вырвал из Бог знает какого сна резкий трезвон телефона около половины пятого утра. Голова у меня была, как мастерская плотника: глаза залеплены клеем, рот — древесной пылью, а в мозгу раздавался визг пилы — я изо всех сил пытался разобрать, о чем там верещит Барри:

— Взломали, черт бы их побрал! И все разгромили! Сильно, говорят — да, полицейские! Нет, еще нет, я как раз сейчас собираюсь выезжать туда — я хочу, чтобы ты, Роуз, Бэйли и Джемма тоже приехали, свяжись с ними, ладно? И чтобы никаких «не могу» — это может быть действительно серьезно, парень, так их и раз-этак!

Однако все оказалось не так серьезно, хотя полицейские, разумеется, считали именно так. Впрочем, как и я, когда только вошел в офис, и там Джемма — наш несгибаемый и закаленный шеф отдела переотправок — по-настоящему ударилась в слезы. Кто-то проник через внешние и внутренние двери черного входа, разнеся в щепы их центральные панели из дерева и стекла, пронизанного проволокой, но не открывая их и таким образом обойдя нашу весьма фундаментальную охранную сигнализацию. В воздухе стоял отвратительный запах — настоящая вонь, как на свиноферме. Все двери в офисах были открыты и в них, как распростертые трупы, разбросаны ящики и

книжные столы, а вокруг них валялись разорванные и скомканные обрывки бумаг и книг, составлявшие их содержимое. Даже красивый книжный шкаф викторианской эпохи в кабинете Барри был опрокинут, вдребезги разнесся кофейный столик, а хранившаяся в нем коллекция старинных атласов и рассказов путешественников разодрана в клочья.

— Хорошие были книжки! — печально сказал сержант из бюро расследований, когда начальники отделов собрались в кабинете Барри несколько часов спустя. — И стоили немало, любому идиоту видно. И все же, вы уверены, что ни одной не стащили?

— Ни одной! — сквозь зубы сказал Барри. — Просто вот так загубили! — И он швырнул обрывки тяжелого старинного переплета о стену.

Сержант сочувственно поцокал языком. — Но ничего больше не пропало — как и в других кабинетах. Они даже ваше виски не тронули. Зато разорвали в клочья каждую бумажку в офисе. — Практически можно было увидеть, как в его мозгу перекатываются шарики. — Перевозки, да? Импорт-экспорт... напряженное поле деятельности, верно? Может, зверская конкуренция? Много конкурентов?

Барри пожал плечами: — Не так чтобы очень. И большинство из них я знаю — мы с ними обедаем, играем в сквош и так далее. Всегда дружески настроены. Мы посредники, экспедиторы, простор большой. Иногда мы даже подкидываем друг другу дела. Не предполагаете же вы...

— Видите ли, сэр,.. я хочу сказать — все ваши папки уничтожены, вся ваша отчетность, даже проклятые телефонные книги! Это ведь неизбежно должно помешать вашим делам, правда? Может даже...

Барри расхохотался: — Вывести нас из игры?

Никоим образом! Бумага — это только один из способов, которыми мы ведем отчетность — причем довольно устаревший способ. Все, что имеет какое-то значение, проходит через компьютерную систему; это хранится на дискетах, дискеты автоматически переносятся на винчестер, а винчестер — на стримеры, и так весь день, каждый день. А картриджи со стримерами отправляются вон в тот маленький сейф, несгораемый, причем отправляются все. Три разных уровня информации — и ни один из не тронут, ни в одном кабинете. Все, что нам остается сделать, — это просто еще раз распечатать их.

Лицо сержанта омрачилось. — Понимаю... и ваши конкуренты знают об этой системе?

— О, они работают почти так же, — заметила Джемма. — Возможно, не всегда так надежно, но это — давайте смотреть правде в глаза — их собственный взгляд на вещи. Если бы они действительно хотели причинить нам вред, они могли это сделать десятками способов получше. На самом деле, офицер, потеря этих бумаг гораздо менее неприятна для нас, чем эта совершенно БЕЗОБРАЗНАЯ липкая грязь, которую они размазали по этим самым компьютерам...

— О да, мисс, — сказал сержант, выражение его лица было решительным и жестким, — очень гадко, негигиенично и вообще. Похоже, эта дрянь и вправду попала в вентилятор... Что ж, вы сумеете довольно скоро убрать это, фотографы закончат с ней в любую минуту...

— Фотографы? — резко спросил Роуз. — Господи Боже, мужик, мой компьютер похож на стену общественного сортира на Лайм-стрит! Что это вам даст, если вы его сфотографируете?

Парень из криминальной полиции взглянул на него

свысока с самодовольной ухмылкой: — Может быть, очень много, сэр. Видите ли, это не произвольно... э-э... размазано; на ней определенно прослеживается какой-то рисунок. Не письменность или что-то в этом роде, но... знаки, как мне кажется. Хотя мы еще не знаем, что они означают. Вообще-то я хотел, чтобы вы взглянули на них еще раз — весь персонал — до того, как их сотрут; для кого-то они могут что-то значить, никогда нельзя знать наверное. В особенности, там есть один, на нем что-то... еще. Мы можем начать с него — четвертый этаж слева.

Все головы повернулись в одном направлении — ко мне. — Похоже, это твоя неделя, Стив, — вздохнул Барри. — Пошли? И вот что, Джемма, солнышко, скажи, пожалуйста, Джуди, чтобы дала знать уборщицам, что они могут скоро приступать.

Мы столпились в моем офисе. Дэйв был уже там, сидя на перевернутом шкафчике и куря одну сигарету за другой, чтобы задушить вонь, но безуспешно. С различными возгласами, выражающими отвращение, мы собрались вокруг сержанта, осторожно поворачивавшего мой компьютер то в одну сторону, то в другую. — Никаких предположений? Ну, хорошо. А как насчет этого?

Полиция предупредила нас не притрагиваться к компьютерам, но нам не требовалось предупреждения. Я не особо приглядывался к тому, что там висело. Даже сейчас это выглядело, как еще немного грязи, пучок измятых перьев, слепленных вместе какой-то гадостью, прямо в центре экрана. Я взглянул на сержанта и покачал головой.

— Странно, — сказал он. — Вы единственный, кому они оказали такую честь. И это не просто дерьмо, по-видимому, это кровь, причем совсем свежая. Но

смешанная с чем-то — с каким-то порошком, как думают ребята. В лаборатории скажут точно.

Мы смотрели на эту отвратительную дрянь в тревожном молчании, читая мысли друг друга. Кровь? Откуда? Животного? Или человека? Затем в наши мысли ворвался новый голос, негромкий и вопрошающий.

— Сар! Простите, сар! — на всех лицах появились улыбки облегчения, и мы благодарно обернулись. Это была начальница наших уборщиц, жизнерадостная пухлая особа лет пятидесяти с лишним, само спокойствие и материнское добродушие. В окружавшем нас разгроме она казалась воплощенным противоядием.

— О, миссис Макзи, — рассеянно начал Барри, — мы ужасно извиняемся, что нам пришлось притащить сюда вас и ваших девушек! Но вы видите...

— А, все в порядке, сар! — сочувственно отозвалась миссис Макзи. — Оно, конечно, ужасно, а? Но мы все отскребаем на славу, вот увидите! А теперь где вы хотите, чтоб мы,... — она замолчала, вернее — задохнулась; сначала я подумал, что от этой дешевки — сигарет Дэйва, потом — что у нее начался сердечный приступ. Ее глаза вылезли из орбит, из горла вырвался не звук, а тихий странный хрип, одной рукой она схватилась за свой халат. Второй рукой она сделала движение, словно хотела поднять ее, но потом рука безвольно упала. Я изумленно уставился на нее, так же, как и остальные; но когда я встретился с ней взглядом, ее глаза словно затянула пелена.

Клэр тронула пожилую женщину за руку, и та вздрогнула: — Миссис Макзи! Вы хорошо себя чувствуете?

— В чем дело, дорогуша? — мягко спросил сержант, но вопрос все равно прозвучал как требование.

Она отвела затуманенные глаза, но сержант продолжал настаивать: — Вы что-то увидели? Что-то, что вы узнали? Кто-то оставил знак... это кто-то, кого вы знаете? Может, вы тогда захотите нам рассказать об этом? — Судя по всему, миссис Макзи хотела чего угодно, только не этого. — Давайте же, дорогая! — В голосе сержанта зазвучали едва заметные угрожающие нотки: — Вы же знаете, что придется — рано или поздно.

Барри бросил предостерегающий взгляд на сержанта, но было уже поздно. Уборщица подняла глаза на полисмена, и ее лицо замкнулось, как капкан для крыс: — О чем это вы толкуете? — резко спросила она. — Хотите сказать мне в лицо, что я это сделал? Что я связан с этими, кто это сделал?

Барри распростер руки: — Миссис Макзи, ну, конечно, нет... вас здесь все знают...

— Не позволю никому сказать мне, что я такое натворил, — упрямо и чуть пронзительно заявила уборщица. — Я уважаемая женщина, мой муж был проповедник, а я дьяконша! Сколько я на вас работаю? Пять лет, вот сколько! Я не буду стоять и смотреть, как этот мальчишка говорить мне, что я имею отношение к таким грязным вещам, как ОБЕЙЯ... — Она явно сказала слишком много. И попыталась проглотить последнее слово, но мы все услышали его. Миссис Макзи раздраженно фыркнула, затем повернулась на каблуках и зашагала прочь. Она могла бы показаться смешной на своих толстых, коротких, как у куропатки, ножках, но для этого у нее был слишком серьезный вид. Я быстро обменялся взглядом с Клэр; та кивнула и поспешила вслед за миссис Макзи.

— Как? «Оби»... — резко переспросил полисмен, ни к кому в особенности не обращаясь. Мы перегля-

нулись и пожали плечами. Он повернулся к Дэйву: — Ну, сэр, я полагаю, вы могли бы... вы ведь примерно того же происхождения...

— Нет, черт побери, я не могу! — прошипел Дэйв, с поразительной быстротой отбросив свое обычное хладнокровие. — Происхождение? Да вы родились ближе к ней, чем я, так почему же вы сами не знаете, дьявол вас раздери? Она с Тринидада, а я нигериец. Я Ибо, из Биафры, если это вам хоть что-нибудь говорит! Что между нами общего?

— Ничего, совершенно ничего, Дэйв, — сказал я, скривившись. — Так что, пожалуйста, возвращайся к своей обычной манере ленивой ящерицы и иди спроси у нее. Она по-настоящему питает к тебе слабость, в конце концов, хотя это еще ничего не говорит о вкусах.

— Это из-за букв после моей фамилии, — жизнерадостно сказал Дэйв. Вспышка темперамента прошла у него так же быстро, как и возникла. Он закурил новую сигарету. — Все эти из Вест-Индии просто помешаны на образовании — хуже, чем шотландцы. О'кей, прошу.

Но когда Дэйв появился через несколько минут, вид у него был несколько взъерошенный: — Она расскажет, — сообщил он. — Думаю, Клэр сумела убедить ее лучше, чем я. И потом... ну, может быть, что-нибудь подобное и могли сделать у меня на родине, только это называлось бы по-другому. Но что касается городского населения, образованных слоев — мы с таким никогда даже не встречались. Только где-нибудь в глухой провинции — там, где люди только что слезли с дерева, — так бы вы сказали сержант, а? Джуджу — вот как они это называют. — Дэйв скорчил гримасу. — Ну и выражение — моего старика хватил бы удар, если бы он услышал, что я его употребляю. «Придержи

свой скверный язык» и все такое — вот что бы он сказал.

— Джуджу? — Барри нахмурился. — так ведь это же...

Его слова были прерваны возвращением миссис Макзи, опиравшейся на руку Клэр. Она разразилась речью с места в карьер: — Я хочу, чтоб вы поняли, сар, обо всем ЭТОМ я ничего не знаю — совсем ничего. Но было время, когда я кое-что повидал — раньше. Когда мой покойный муж, он был рядовой медицинской службы дома, на Тринидаде, Божья воля призывал нас в миссии — часто. Тогда был плохое время — на другом острове, далеко от нас — и разные люди уезжал, они бояться за свою жизнь, на Ямайку и Тринидад — куда могли, даже на Кубу. Мы их много видел вокруг миссий, мы стал все знать про их жизнь. Бедные люди, горькие люди с плохой кровью, они должны платить долги; эта Вещь продолжался... — женщина поежилась, словно от одной мысли об этом ей становилось не по себе. — Работа дьявола. ОБЕЙЯ. УАНГА, так они называл это в своем страхе. Мы воевать с ней, как могли, любовью, но были такие люди — они слишком далеко зашел в темноту, чтобы видеть свет. Там мы видел, как делают вещи... как здесь. Правда, даже тогда — не такие плохие. Я не помнил знаки, сначала. — нет, пока...

Она глубоко и судорожно вздохнула и показала на отвратительное пятно из крови и перьев на моем экране: — Хотите знать, что есть ОБЕЙЯ? Вот это — там — ОБЕЙЯ. Вы это взять и сжечь.

— Буду рад, — сказал Барри, несколько неуверенным тоном. — Но что же это?

— Это плохо — вам надо знать еще? О'кей. Это называть «силь- дон-педро», а что это значит, я знаю

не больше вашего и не хочу знать — никогда. Иногда его пользуют МАЗАНЧА, иногда — ЗОБОП или ВЛИНБЛИНДИНГ. Пользуют с этими знаками и не для хороших дел. И это все, что я вам скажу, потому что это все, что я знаю.

— Погодите минутку, — поспешно сказал полицейский. — Должен ли я понимать?...

Не обращая на него внимания, миссис Макзи повернулась к Барри: — А теперь, сар, извините меня, пожалуйста, но тут куча работы, а я всех задерживал. — С невозмутимым спокойствием она повернулась и снова удалилась. Полицейский дернулся ей вслед, но не сделал попытки задержать ее. Вместо этого он обернулся к Дэйву.

— Что все это значит, черт побери? Она что, пыталась сказать мне, что это сделали эти — как там она их назвала? Эти типы — беженцы? И откуда, кстати, были эти беженцы?

— В этом-то вся и соль, — отозвался Дэйв, наслаждаясь, как вампир. — Вы спрашиваете меня — похоже, что этот погром нам учинил кто-то из вест-индских бродяг, откуда-то с Саут-стрит.

— Из Вест-Индии? — Барри заморгал. — Но почему Вест-Индия?

— Ну, я не думаю, что в городе так уж много гаитян, — а ты?

— ГАИТЯН?

— Вы же слышали, что сказала дама. Вот откуда приезжали беженцы. Со счастливого маленького острова Гаити. А ОБЕЙЯ — это просто местное название для дел, в которых ни один уважающий себя житель Тринидада не пожелает быть замешанным — он скорее умрет, простите мне это выражение. Однако в тех местах они гораздо больше распространены.

Полицейский захлопнул свою записную книжку и перетянул ее резинкой: — Для меня это китайская грамота — все равно, что компьютеры... Да. Что ж, это все-таки ниточка, я полагаю. Я не думаю, чтобы мы в последнее время наступали на пятки кому-то из Вест-Индии, сэр, верно? Никаких случаев с Бюро по расовым отношениям?

Все расхохотались. Конечно, таких случаев у нас не было. Мы были уважаемой компанией, и наш бизнес был международным. У нас были высокие стандарты, и необычное или экзотическое происхождение считалось плюсом, так что мы нанимали людей откуда угодно и могли проводить дискриминацию в каких угодно отношениях, но только не в расовом. Единственным служащим, замешанным за последнее время в каких-либо скандалах, похоже, был я. И я никоим образом не собирался упоминать об этом, уж во всяком случае, не о случае, в реальности которого я сам не был уверен. Даже если это произошло в действительности, те здоровенные громилы, во всяком случае, были не из Вест-Индии.

Однако они были грабителями. Или замешаны в чем-то незаконном, причем в таком, что, не раздумывая, готовы были пожертвовать ради этого жизнью. Здесь был какой-то мотив, который не сразу бросался в глаза... не больше, чем в случае с нашей конторой. Полиция явно собиралась списать его как работу пьяниц, наркоманов или подростков, которые просто случайно на нас наткнулись, не нашли ничего стоящего, чтобы украсть, и в отместку разгромили весь офис. Они будут держать ухо востро, но...

Этого я принять не мог. Глодавшая меня тревога становилась все сильнее, темнее, крепко вцепившись в меня и следуя по пятам. Она маячила за всеми моими

мыслями, хотя оставшаяся часть дня должна была прогнать ее — день был суматошный, но ободряющий. Наш офис заполнило что-то вроде маленькой весны, когда воздух стал стал сосновым и острым от дезинфектантов, затем — пьянящим и цветочным — от ароматизированного полироля, и, наконец, — прохладным, чистым и нейтральным, когда включился кондиционер; где-то на заднем плане жизнерадостно трещали телефоны, как яркие насекомые, жужжали и стрекотали принтеры, восстанавливая нашу отчетность в твердые копии. Нормальная жизнь распускалась, как нетерпеливый росток, наливалась и расцветала в обычный статус-кво, яркий, как подсолнечник. Ее ровная скорость была пугающей, это было так, словно мы смотрели быстротекущий фильм; у нас здесь был хорошо отлаженный бизнес и компетентная рабочая сила. Это должно было ободрить меня. Но не ободрило.

Два взлома, от которых никуда не денешься, оба странно бессмысленные — с одним связующим звеном, а именно — мной. Эта идея мне ни капельки не нравилась, я не мог найти в ней никакого смысла. Предположим, меня в тот вечер действительно преследовали, — но я добрался до своей машины и был таков. Ни одна машина не следовала за мной от Тампере и даже от Дунайской улицы. Они могли запомнить номер, но как-то я не очень представлял себе их использующими полицейский компьютер, чтобы меня выследить. И потом им надо было следить за мной не только до дома, но и до офиса на следующий день; к чему такие хлопоты? Зачем врываться в офис, когда они могли добраться до меня дома? Нет, это была безумная идея, но безумная или нет, она все глубже застревала в моем мозгу. Если бы я смог найти способ

вычислить эти два инцидента, найти какое-то разумное объяснение для одного или другого...

Начнем сначала. *Modus operandi**. Налет на офис должен быть быстрой и хорошо спланированной операцией с целью нанести как можно больший ущерб, не привлекая внимания. Зато другой — нет; на самом деле трудно придумать более грязную работу. Что затевали налетчики, врываясь таким образом в переднюю дверь под ничтожнейшим предлогом? Зачем кому-то вообще вламываться таким образом на склад, да еще с убийством в придачу, причем прямо на улице, хотя чуть-чуть сообразиловки — и они могли проделать все это при закрытых дверях? Как будто... почти словно они хотели обставить все так, чтобы ни у кого не вызвало сомнений, что это ограбление. И без зазрения совести прибавить к этому человеческую жизнь для пущей наглядности.

Вот теперь ЧТО-ТО вырисовывалось. Я встречался с такими случаями, когда кто-то пытался использовать взлом... чтобы что-то объяснялось именно взломом. Нечто, чего не было, но должно было быть. Или нечто, что было, но не должно...

— Господи, да!

Я не удержался от восклицания вслух. По моей коже пробежал холодок уверенности. Я нашел мотив, который искал.

Из-за вновь сияющих чистотой столов изумленно поднял голову Дэйв, погруженный в проверку своих восстановленных записей: — Чего у тебя там?

— Ничего. — Мне хотелось вскочить и бежать. Я заставил себя успокоиться и держаться естественно; и все же у меня могло быть не так уж много времени.

* Образ действия — лат.

Если все это мне действительно не приснилось... — Просто снова завелся из-за этого налета. Так бессмысленно, черт побери. Или кажется, что бессмысленно. Но иногда за такими вещами есть скрытый мотив.

— Понял. — Дэйв откинулся и постучал по своей пачке сигарет. К моему облегчению, они у него кончились. — Проклятие! Вроде той тонны гашиша, которую надо было вытащить из груза шерсти до того, как он выйдет из заклада, и при этом как-то объяснить дыру, которая останется, — так они инсценировали взлом...

— Именно. Здесь, конечно, не могло быть такого. Тут много не утаишь — с коносаменами.

— Может, стоит попробовать! — Ухмыльнулся Дэйв, роясь в карманах пиджака. — Устроить старушке Джемме хороший удар! Ага... — и он сорвал целлофан с новой черно-золотой пачки.

Я поднялся: — Если ты намерен зажечь еще один из этих гвоздей для гроба, я ухожу. Уже поздно, и ты, по-моему, уже доконал меня ими за день. Ты что, никогда не слышал о пассивном курении? Если я схвачу рак, подам на тебя в суд.

— Валяй, парень! А я заявлю, что меня довел до этого бездушный босс, который свалил пораньше и бросил меня здесь со всем этим. В буквальном смысле!

— Нехорошо так говорить о Барри! — с упреком сказал я. Эта шутовская перепалка давала мне прекрасное прикрытие для ухода, а пораненная рука была хорошим поводом для того, чтобы уйти раньше остальных, даже в этот боевой вечер. Когда Клэр помогала мне надеть куртку, я вздрогнул — и это была не игра.

— Ох, прости,.. Послушай Стив, хоть раз будь разумен. — Ее чистые глаза смотрели на меня с выражением, которого я не мог распознать, почти так,

словно она прекрасно видела лихорадочную тревогу, которую я пытался скрывать. И, черт побери, она снова покусовала палец. — Давай, я отвезу тебя домой. Иди...

Этого мне только не хватало. — Не суетись! Я просто немного устал, вот и все — так же, как и ты. Ты тоже поскорее выбирайся отсюда. Скоро уже будет завтра.

Прощание Джуди было даже еще более сочувственным, чем накануне. Но как только я вышел за дверь, я едва удержался, чтобы не броситься бегом к машине.

Я рванул по направлению к дому, злясь на то, что попал в самый час лик; я несколько раз глупо рискнул, перепрыгивая через бордюры, потому что ехал я не домой, и могло быть уже слишком поздно. Мне надо было сообщить Джипу, и быстро, а я и так уже допустил, что одни сутки была упущены. К тому времени, когда я добрался до Дунайской улицы, солнце уже скрылось за высокими зданиями, и я мчался в гущу теней. Здесь все выглядело обыденным, как никогда, за верхушками крыш не было никаких мачт. Меня мучили сомнения, но я продолжал ехать вперед.

Шины моего автомобиля настойчиво, как барабан, стучали по булыжнику, звук эхом отдавался среди бурых потрескавшихся стен. Я свернул на Тампере — вид у нее был такой, словно там так и летала все та же грязная бумага, но в этот раз я не стал останавливаться. Мне казалось, я сообразил, в какой стороне должны быть доки, но, как выяснилось, все было не так просто. Улица с односторонним движением погнала меня метаться, как мячик, по туманным безликим боковым улочкам, и я потерял дорогу так же, как тогда, когда бродил здесь пешком. Часто я проезжал

мимо узкого поворота, и мне казалось, что там, дальнем конце, я что-то видел краем глаза, но когда я сворачивал на следующем, оказывалось, что он беспросветно ведет кругом и в другом направлении. Либо я притормаживал, разворачивался и въезжал в тот поворот, что казался мне нужным, но обнаруживал только, что отблеск света, который я принял за море, был отражением света, проникавшего из зашторенного окна, а красная вспышка, так похожая на вывеску таверны, оказывалась лишь забытой старой афишей, хлопавшей по стене. Когда, наконец, одна такая улочка выплонула меня на более широкую дорогу, которую я заметил раньше, оказалось, что это все та же Дунайская улица, только значительно дальше за улицы Тампере. А там, под сияющим рыжим уличным фонарем, висела блестящая новенькая бело-коричневая вывеска для туристов, которую в свой первый приезд сюда я мог бы увидеть, только если бы проехал дальше: К ГАВАНИ.

Почему-то от ее вида сердце у меня еще больше упало. Но я повернул туда, куда показывал знак, и поехал дальше. Ехал я до тех пор, пока совершенно неожиданно мрачные стены впереди не исчезли, и Дунайская улица вышла на небольшую аккуратную круглую площадку с яркими огнями, растениями, высаженными в бетонных тумбах, и голубыми знаками стоянки, разбегавшимися во всех направлениях. А за ней, в обрамлении ряда зданий, просто-таки сверкавших в последних лучах солнца отчищенным камнем и свежей краской, находился док, где не было кораблей, зато висели белые цепи, такие же, какие можно увидеть в пригородных садиках. Я подъехал туда, к свободной стоянке, и вышел из машины. Я оглядел док в том месте, где он выходил в открытое море, но воды

его были пусты. В поле зрения не было ни одного корабля — только склад, на верхнем этаже которого я разглядел розовую неоновую вывеску диско-клуба. Морской ветер был приправлен пылью с окруженного лесами здания, находившегося за моей спиной, и запахом застоявшихся специй из расположенного неподалеку индийского ресторана. Я нашел только то, что за чем гонялся в тот прошедший вечер, но сейчас это казалось почти насмешкой, своего рода приговором.

Просите — и дастся вам; ищите — и обрящете. Что я же я нашел здесь в тот памятный вечер? Галлюцинацию? Призрачную мечту? В глубине души я не был даже уверен, что она существовала; мои воспоминания об этом были смутными. И все же мои ощущения кричали, что она где-то здесь, что я должен найти дорогу назад, пока еще не поздно. Я лихорадочно боролся со сведавшими меня сомнениями. Но что я мог сделать? Я снова был ребенком, снова заблудился. Меня отрезали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭТО МЕСТО...

Всего два дня назад оно бы мне понравилось. Возможно, я бы даже зашел взглянуть, что представляет из себя этот диско-клуб; он выглядел стильным и современным. Разумеется, от этого коктейли не стали бы менее обжигающими, а дурацкие удары музыки — менее оглушительным, зато публика была бы как бы более размытой, и не было бы нужды разговаривать. Глаза в глаза, тело к телу — все просто; никаких избитых фраз, показного внимания, привычной лжи. Тем, кто приходил туда, так больше нравилось: короткая, потная, бессонная ночь, размазанный грим и животные запахи, а если все пойдет как надо — завтрак вдвоем. С девушками, которые сначала вешали свою одежду, такие вещи проходили лучше всего; это я давно заметил. Координатами обменивались легко, без всяких обязательств, между поцелуями; не было никакой необходимости звонить еще раз, и в те дни я звонил редко. Это была не любовь — ну так что? Любовь — это не всякого. Во-всяком случае, в отличие от многих других вещей, все было честно. По-крайней мере, это никому не причиняло боли.

Но сейчас от одной мысли о таком месте и обо всем, что ему сопутствовало, мне становилось тошно. Уже один вид всей этой мишурной улицы был испытанием для моего рассудка. Само ее существование, казалось,

ужасно противоречило тому, с чем я столкнулся в ту ночь, независимо от того, романтизировать это или нет. Мне надо было либо выбираться отсюда, либо поверить... Или уж ничему не верить и ничему не доверять, во всяком случае, своим чувствам. Я забыл о машине; я тупо брел через дорогу, мне повезло, что она была пуста. Если бы кто-то увидел меня в тот момент, наверняка решил бы, что я пьян. Я благодарно погрузился в спасительную темноту распахнутой пасти улицы, как раненное животное, отчаянно стремящееся спрятаться. Мои пальцы скользнули по все еще свежей краске оконной рамы и дотронулись до изношенного камня позади нее. Я моргнул и огляделся. Теперь, когда солнце зашло, улица была узкой и темной, и это придавало ей еще большее сходство с теми, по которым я пробирался в ту странную ночь. Тени прятали то, что с ней стало, слабый отблеск звездного света, защищенный от резкого уличного освещения, снова окутал ее покровом тайны. Я оглянулся и рассмеялся над таким контрастом: вся новизна казалась лишь фасадом, тонким цветистым слоем, покрывавшим то, что лежало под ним в действительности. И вдруг мне стало не так уж трудно вновь поверить в себя. Как и предсказывал Джип, я вернулся.

Как предсказывал Джип... но что же он еще сказал? «... спроси Джипа-штурмана, ладно?» Я вдруг совершенно отчетливо вспомнил его слова, так, словно снова услышал их: «Спрашивай любого, меня все знают... » Что ж, это должно быть достаточно просто. Однако меня как-то не прельщало искать его прямо здесь, во всяком случае, в одном из этих нарядных бистро, они ему явно не подходили. Но в дальнейшем

конце улицы тусклым желтоватым светом светились какие-то окна. Должно быть, там что-то есть.

Это оказалась пивная, не очень большая и уж никак не реставрированная. На самом деле вид у нее был самый что ни есть изношенный. Она находилась на углу улочки, ее можно было узнать по вычурной вывеске из покрытой глазурью мозаики эдвардианской эпохи, пурпурно-синего цвета, совершенно потрескавшейся и грязной; и покрытым пятнами застекленными окнам, таким же закопченным и тусклым, испещренным надписями, рекламировавшими эль стоимостью в сорок шиллингов, изготовленный на позабытых пивзаводах. Пробивавшийся оттуда свет был ярким, доносившиеся голоса — хриплыми; по виду это было крутое местечко, и я занервничал. Однако отсюда можно было хотя бы начать поиски. Выцветшая дверь жалобно взвизгнула, когда я открыл ее и ступил в облако удушливого дыма.

Я почти ждал, что разговоры прекратятся, однако, похоже, никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Что было даже к лучшему, поскольку в этом обществе, в этом заплеванном и пыльном месте моя элегантная белая куртка с отделкой из серого меха представляла собой такой же резкий контраст с одеждой окружающих, как и всеми позабытый электронный пресс для выжимки сока, поблескивавший в дальнем конце бара. Флюоресцирующий свет слишком безжалостно высвечивал помещение — потрескавшийся виниловый пол во всем его выцветшем великолепии, желтые от дыма стены, морщинистые, как грецкий орех, лица стариков, составлявших большую часть его посетителей, по виду пожилых рабочих, сгорбившихся и поникших в своих грязных дождевиках. И кстати, по-видимому, еще и глуховатых, поскольку громкие

голоса принадлежали именно им; несколько мужчин помоложе, этакie пятидесятилетние версии того же типа, сидели, мрачно созерцая их, как видение собственной судьбы. У двери кучка задиристых подростков накачивалась элем из банок и орала друг на друга стонущими голосами. Я собрался с духом и протолкался мимо них к бару. Крупный, похожий на быка хозяин подал мне скотч в стакане, потускневшем от вечного мытья, и наморщил лоб, когда я спросил его, не было ли здесь парня по имени Джип.

— Джип? — с минуту он смотрел на меня большими невыразительными бычьими глазами, затем повернулся к постоянным посетителям, опираясь на стойку, покрытую облупившимся лаком: — Тут джентльмен спрашивает Джипа — может, кто знает такого?

— Джип? — Старики повернули головы и забормотали, передавая друг другу имя. Морщины стали глубже, одна-две головы отрицательно качнулись, остальные, казалось, были менее уверены. Однако никто ничего не сказал, и хозяин уже поворачивался ко мне, пожимая плечами, как вдруг один старикан, сидевший сгорбившись у газовой батареи, более морщинистый и загорелый, чем остальные, неожиданно вставил: — Да ему, никак, Джипа-штурмана надобно?

На минуту воцарилось молчание. А потом раздался нестройный хор — все поняли, о ком идет речь, и морщины на лбу хозяина разгладились. — А, этот! Что-то давненько я его не видал. Хотя..

И я был поражен, насколько сразу изменилась обстановка, словно преобразившись от легкого движения света. Казалось, все осталось на своих местах, но заблестело, как мрачная картина, неожиданно получившая хорошее освещение. Каким-то образом вся эта хмурая картина ожила, словно некая атмосфера раз-

двинула границы мрака и депрессии и сделала ее почти доброжелательной, уютной, безопасной — центром своего собственного маленького сообщества. Создавалось такое впечатление, словно я смотрел на нее глазами старика: — Да тут он где-то, наверняка!

— Может, на Дурбан-уок...

— Вчерась видал его у старика Лео...

Люди тоже переменялись, ожили, бодро давая мне идеи и указания, где я мог попытаться найти Джипа. Не только я заметил перемену обстановки; юнцы тоже уставились на стариков во все глаза, словно те превратились в берсерков, — и на меня тоже. Наконец, согласие было достигнуто: Джип почти наверняка ужинает в «Русалке». Однако мне надо бежать, если я хочу застать его до того, как он уйдет на работу. Я так и поступил: вылетел из этой пивной скорее, чем кто-либо за многие годы, впрочем перед этим я все же расправился с виски.

Данные мне указания, к счастью, были на редкость четкими, к тому же у меня хватило ума не возвращаться за машиной. Я помчался вокруг аллен, затем по улице, до тех пор, пока не обнаружил, что скольжу по самым грязным булыжникам, какие мне только доводилось встречать, а затем я увидел перед собой на узкой улочке допотопное строение, на удивление похоже на пивную, из которой я только что вышел; ее фасад был настоящим деревянно-кирпичным, не какой-нибудь подделкой в стиле Тюдоров. Бриз с моря был освежающим, если можно вообще применить это слово к чему-то, колебавшему в воздухе столь разнообразные зловонные запахи. На поскрипывающей вывеске качалось грубое изображение русалки, как всегда, длинноволосой и с обнаженной грудью, увенчанной

остроконечной короной, с раздвоенным хвостом. Названия не было, но оно было и не нужно.

Я подошел к двери, выяснил, что она открывается наружу, и спустился по деревянным ступенькам в дымное помещение, заставленное столами и освещавшееся, как мне показалось, только великолепным камином в конце зала. Выглядело заведение довольно грубым, зато раз в десять более оживленным, чем то, другое. Длинные столы были забиты пьющими людьми, в большинстве своем походившими на художников, с длинными волосами, странно подвязанными кверху; они шумно спорили, стучали костями, перебрасывались в карты и поднимали кружки, которые, похоже, были сделаны в незапамятные времена. Настоящая пивная, судя по всему. Не говоря уже о том, что они торговались по поводу каких-то таинственных кип листов, лежавших на столах, курили длинные трубки, читали друг другу вслух что-то написанное от руки или грубо напечатанное на бумаге — при этом они, зачастую одновременно с делом, крепко прижимали к себе или лапали женщин весьма примечательной внешности. Иногда даже слишком примечательной, но я сдержал свой интерес. Слишком многие из их кавалеров открыто носили на поясе ножи весьма зловещего вида. Именно такое место пришлось бы по вкусу Джипу, подумал я, слегка содрогнувшись; однако самого его нигде не было видно, а единственным представителем обслуживающего персонала был красноносый увалень в кожаном переднике, ковырявшийся где-то за четыре столика от меня и остававшийся глухим к окрикам, значительно более громким, чем мой. Я проложил себе дорогу через зал к камину, здесь была более респектабельная территория с великолепными старинными скамьями с высокими спинками и

подушками. Скамьи, находившиеся ближе всего к камину, были по-хозяйски монополизированы парочкой хиппиобразных субъектов средних лет. Один был низеньким, круглым и похожим на поросенка, второй — среднего роста, лысеющим, с тщательно ухоженными усами и козлиной бородкой. Я подумал, что один из них может быть хозяином заведения, однако услышал, как они отчаянно спорят о литературе гортанным деревенским говором. Я предположил, что это преподаватели народного университета, но все же спросил у них, и, к моему удивлению, высокий очень вежливо указал мне на уютное местечко у стены. А там, вне всякого сомнения, погрузив свой тонкий нос в кружку с пивом, сидел предмет моих поисков.

Увидев меня, он едва не выронил кружку и чуть не опрокинул стол, вскочив мне навстречу: — СТИВ! Говорил же, что ты опять придешь, сова ты эдакая! Давай, садись, выпей пивка, — черт, мне ж на работу, так что сегодня мы не сможем устроить сабантуй, как я тебе обещал — будь оно проклято — но на пиво время у меня еще есть, даже на две-три кружки... — Когда он выбил из меня почти весь дух, хлопая по спине, мне все же удалось вставить слово и дать ему понять, что мне необходимо сообщить ему кое-что, и притом серьезное. До того, как я начал говорить, Джип настоял на том, чтобы я выпил пива, однако, услышав про налет на наш офис, едва не поперхнулся своим.

— ОБЕЙЯ? УАНГА? Ну да, я слышал про это, точно слышал. Я плавал в тех водах, разок-другой. И про МАЗАНЧА... — Лицо Джипа сморщилось, словно от какого-то отвратительного запаха. — И про них, и про ЗОБОПов, и про ВЛИНБЛИНДИНГов. Скверное дело. Это тайные общества, братства хитрецов, чародеев,

колдунов — БОКОРОВ, так они себя зовут. Сильные братства. А УАНГА — это просто их способы.

— Замечательно. И что же за вуду эта УАНГА, черт бы ее побрал?

Джип пожал плечами: — Ты сам это назвал.

Я очень осторожно отхлебнул пива: — Ты хочешь сказать — это действительно вуду? вуду, оно, конечно, диковатое, но его боги и духи — ЛОА их называют.

— Они, в общем, неплохие ребята или хотя бы нейтральные. А самым дурным из БОКОРОВ поклоняются с разными там ритуалами — яростными и кровавыми. Они вызывают разных ЛОА — настоящих сволочей, злобных, готовых все крушить, людоедов и все такое. Только — странная, понимаешь, штука — из зовут, в общем-то, теми же именами. У всех есть добрый двойник, кроме одного, — это в его честь названы ритуалы — нечистого типа по имени Дон Педро. Не очень-то хороший парнишка, судя по тому, что мне приходилось слышать.

Я вздрогнул, но Джип, все еще погруженный в свои мысли, казалось, ничего не заметил: — Так что да, похоже, что погром вам устроил кто-то из ребят-вудуистов. Но вот кто — и какое это это имеет отношение к той ночи — этого я не пойму, Стив! Не могу сообразить. Случись это где-нибудь здесь, тот налет, я сказал бы — да, наверно, это Волки кого-то предупреждают или решили немного позабавиться. Эти ублюдки оттуда и приезжают — как и почти весь груз с «Искандера»; и они пойдут за любым богом, если только он такая же вонючка, как они сами. Но в другой стороне города — каждодневной, в Сердцевине? Нет, черт побери! Просто поверить не могу! Стая никогда не зашла бы так далеко — никогда! Что могло бы их заставить? Жадность и страх — вот что главное в их

характере, а ведь это было ни то, ни другое. А ты — ты можешь что-нибудь придумать?

— Насчет моего налета — нет, Джип, но вот насчет твоего — да. И его причины — помнишь, ты не мог ее найти? Что если ты был просто прикрытием?

В этот раз Джип поперхнулся по-настоящему. Но когда он отдышался и очистил нос от пива, я рассказал ему о своих предположениях, и, слушая, он начал кивать, сначала возбужденно, потом — мрачно. — Вот это класс! — наконец, произнес он. — Изобразить ограбление, чтобы прикрыть свои грязные делишки, и оставить труп для пущей убедительности. Так могло быть, Стив, очень даже могло быть! Правда, что-то уж очень умно для Волков, но, может, у них тоже кровь к мозгам приливает — иногда. Г-м-м. Но если и так, чего пороть горячку? У них же ничего не вышло, правда? Благодаря тебе. А ты себя накручиваешь, и сидишь теперь весь, как взмыленная лошадь...

— До тебя что, не доходит? — рявкнул я так громко, что на мгновение гомон в заведении прекратился. Я понизил голос: — Меня просто удивляет, что они выждали целую ночь! Что бы они там ни затеяли, это все еще не сделано! И если там что-то не то с этим грузом, это так и осталось. Что-то, что должно быть там, а его нет. Или, наоборот, есть, но его не должно быть. А что это может значить? Ставлю десять к одному, это значит, ЧТО ОНИ ВЕРНУТСЯ...

Джип с минуту сидел молча. Затем стукнул себя ладонью по виску, так, что его рыжие волосы разлетелись: — Им пришлось выждать ночь, — пробормотал он, — чтобы устроить тебе эту штуку.

— ЧТО? Но как они могут знать что-то обо мне?

Джип фыркнул: — У них свои способы. Может, они следили за тобой — хотя можно это сделать и

другими путями. Волки, они именно так и думают. Не могли поверить, что ты просто свалился на них как гром среди ясного неба — нет, тем более, ты стал разнюхивать про «Искандер». По крайней мере, мозги у меня хоть наполовину работают — иосафат! — Он проглотил пиво, затем выпрямился.

— Спасибо, Стив... хотя «спасибо» — это явно недостаточно. Похоже, ты только что еще раз спас мне жизнь. — Он ухмыльнулся. — У тебя это вроде как входит в привычку, а? Но давай-ка еще подумаем вместе — и скоренько: точно они придут или нет? Понимаешь, о том налете пошли разговоры. Наутро половина народу, у кого там были вещи, прискакали, как ошпаренные, и все хорошенько проверили на месте — со мной. Ничего странного. Стой, дай подумать, что там осталось? Не так чтоб много. Половина дров, только в этих досках — они там свободно валяются — ничего не спрячешь. Что же там еще есть такое большое, куда легко что-нибудь сунуть?

Джип что-то пробормотал про себя и вдруг прошипел: — Корни! Чертова прорва здоровых бесформенных тюков с корнями — вот куда можно загнать что угодно! — Он снова забормотал. — Я, правда, не могу взять и просто так разорвать их, чтобы взглянуть. Не могу без грузополучателя. А он — в Аллее Дамбалла, далековато от доков, в ту сторону, за Балтийской набережной...

Аллея Дамбалла? Мы переглянулись. Даже я где-то слышал это название.

— О'кей, правильно, Дамбалла — это вудуистский божок, — с некоторым беспокойством, словно защищаясь, проговорил Джип, так, будто ему не очень было по душе то, куда все это ведет. — Но он-то как раз из добрых ребят, источник жизни — даже близко ничего

общего с этим Д. Педро. И то, что «Искандер» возит всякое добро для этих парней из Аллен, — что может быть естественней? Плывет-то он из тех мест. Это ничего не доказывает. И все-таки, конечно, — надо бы вытащить грузополучателя и пойти взглянуть, — неожиданно лицо Джипа стало суровым, словно вспышка гнева напрочь прогнала неуверенность. — Черта с два это ничего не доказывает! Самая лучшая ниточка, какая у нас есть. Сходится, все сходится, и даже слишком хорошо, разрази меня гром! И если старина Фредерик пытается выкинуть какую-то штуку, я самолично заставлю его перевероршить каждый корень — до последнего! Правда, времени у нас маловато, до дальнего конца мили две; быстрее всего — на лодке, если удастся найти ее в такой час...

— Послушай, Джип, — предложил я, довольно робко, — моя машина тут неподалеку... я думаю...

Лицо Джипа осветилось: — Твоя машина! Ух, здорово! Поехали! Поехали же! — Он снова подпрыгнул, возбужденный, как мальчишка-школьник; я торопливо проглотил пиво, что было просто позорно — пиво было выше всяких похвал — и последовал за ним. В смятении я не заметил улицы, где припарковался, не помнил даже названия той сомнительной пивнушки, но Джип все сразу понял из описания и провел меня назад, как мне показалось, более коротким путем. Когда мы проходили мимо пивной, Джип просунул голову в дверь, где его встретил приветственный рев, и крикнул «спасибо»; а уж с того места, где была пивная, я нашел дорогу без проблем.

Когда мы вышли из боковой улочки, я поразился: темнота уже сгустилась по-настоящему, в воздухе слегка ощущалась влага, и место полностью преобразилось. Теперь свежая краска и претенциозное офор-

мление поглотил мрак, казавшийся еще более густым из-за сверкающих очагов уличных фонарей. Создавалось впечатление, что ряды ярких шаров и сияющие вывески повисли в воздухе перед суровыми неприкосновенными тенями-зданиями; их крыши, остроконечные и украшенные башенками, на фоне сияющего неба казались вечными, существовавшими вне времени силуэтами. На секунду у меня появилось сомнение — а стоит ли там еще моя машина?

Однако машина оказалась на месте. Когда мы добрались до нее, Джип обошел автомобиль, замороженный, не в силах оторвать пальцы от гладкого покрытия, и когда я открыл дверь, он неловко залез внутрь: — Мне еще ни разу не доводилось сидеть в этих шикарных закрытых машинах, — со смущенной улыбкой признался он, а потом его просто заморозил люк в крыше. Казалось, такое же впечатление на него произвело то, что я завел стартер, но когда я мягко стал набирать скорость, отъезжая по булыжной мостовой, я услышал, как у него перехватило дыхание. Набрав тридцать миль, я бросил взгляд вбок и увидел, что он, прямой, как палка, и напряженный, сидит, уставившись перед собой и крепко упершись ногами в пол. Я поступил несколько жестоко, разогнавшись до сорока, когда сворачивал на Дунайскую улицу, однако здесь эффект оказался совершенно противоположным: как только Джип уразумел, что мы летим, не теряя управления, он взбрыкнул ногами и завопил: — Эй, а ты можешь из нее выжать больше?

— Пятьдесят пять тебя устроит?

Как только я стал разгоняться дальше, Джип подпрыгнул на сидении и заорал: — Сма-а-атываемся!! БЫСТРЕЕ! — эй, чего это ты замедляешься?

— Вон та развязка, о которой ты говорил, и потом

в этом городе существует такая вещь, как ограничение скорости. И светофоры! — Хотя если посмотреть, во что я вляпался, остановившись на одном таком светофоре...

— Так куда нам отсюда, штурман?

Джип, обиженно плюхнувшись было на сидение, быстро выпрямился, как возбужденный ребенок, чтобы поглазеть на яркие огни и ослепительные магазины Харбор Уок. Давненько он тут не бывал, заявил Джип. Мне бы следовало поинтересоваться, как давно он здесь не был, но, как ни странно, мне не пришло в голову спросить его об этом — тогда не пришло. К счастью, похоже, расположение зданий и улиц здесь изменилось мало, Джип выбрал какой-то поворот совершенно неправдоподобного вида и стал давать мне четкие указания, как ехать по кружившим боковым улицам. Съехав с главной дороги, я слишком быстро проехал один-два поворота, просто, чтобы порадовать Джипа.

Наконец, скрипя шинами, мы свернули на более широкую улицу — мягко закруглявшуюся террасу, где стояли каменные дома с высокими фронтонами, украшенными полуколоннами. Деловых зданий здесь не было; должно быть, когда-то это были городские резиденции торговцев, откуда рукой подать было до их верфей и бухгалтерий. В те времена дома, по-видимому, выглядели по-настоящему внушительно, с их высокими окнами и резными дверными перемычками, возвышавшимися над широкими ступенями и отделанными прекрасно отесанным песчаником. Теперь же ступени износились, перемычки потрескались, раскрошились и были усеяны птичьим пометом, окна в основном были либо заколочены, либо безглазы. Почерневший камень был залеплен рваными афишами и

надписями, разбрызганными краской. Горели всего два-три уличных фонаря, но все было таким безжизненным, что, похоже, они были и не нужны. Я затормозил у крошившегося бордюра, и Джип выскочил из машины чуть ли не раньше, чем я успел поднять ручник. Что-то стукнуло о дверную раму машины. — Пошли!

Я заморгал. Каким-то образом я раньше не заметил этого «что-то». — Джип,... не лучше ли тебе все же быть поосторожнее? Этот... э-э-э... меч, который на тебе,... ты не хочешь оставить его в машине?

Джип коротко рассмеялся: — Здесь-то? Черта с два! Мешочники, Воскресшие люди — никогда не знаешь, на кого налетишь. Только не волнуйся! Никто не заметит, будто его и нет совсем. Люди ведь видят только то, что хотят увидеть, по большей части, а если что-то и не сходится, они просто не обращают на это внимания. — Зубы Джипа сверкнули в темноте. — А ты сам-то сколько странного видел краем глаза? Пошли!

Я поспешно запер машину и двинулся вслед за Джипом. Угнаться за ним было делом нелегким, и я не хотел, чтобы меня оставили позади в этом мраке. Я недоумевал, что такое может быть Мешочник, но спрашивать у меня просто не хватало дыхания, и когда машина исчезла из виду, мне пришло в голову, что я и не горю желанием узнать об этом.

Джип направился не к какому-нибудь крыльцу, но свернул в узкий и неприветливый разрыв где-то в середине террасы — в улочку, где когда-то, наверно, находились стойла и стоянки экипажей, а теперь остались полуразвалившиеся бесформенные груды. В конце старые конюшни резко сворачивали вправо, и когда мы свернули туда, создалось ощущение, что

окружавший нас воздух стал теплее и темнее. Впереди были огни, и когда мы приблизились, я увидел, что это старомодные уличные фонари, укрепленные на стенах и освещавшие фасады ряда маленьких магазинчиков. Свет был теплым и желтым; когда мы проходили мимо первого фонаря, я услышал шипение и поднял голову: это был настоящий газовый фонарь. Я подумал, интересно, сколько их еще используется. Под фонарем на табличке времен королевы Виктории, сильно растрескавшейся и поблекшей, было написано «Данборо Уэй». Читая надпись, я проговорил ее про себя, и звук названия заставил меня остановиться и на минуту задуматься.

Сами магазинчики казались такими же причудливыми: все они выглядели странно, в одном или двух оконные стекла были из бутылочного стекла, хотя там и тут они были починены и заменены либо обыкновенным стеклом, либо раскрашенными деревянными щитами. Многие окна над ними были освещены; в неподвижном воздухе витали странные запахи, раздавался негромкий гул голосов, иногда глухие удары и стук рок-музыки, но всегда — очень тихо. На одном из магазинчиков в дальнем углу была современная освещенная газетная стойка, расколотая сбоку, а на другом — подальше — настоящая викторианская вывеска, возвещавшая, что это «Торговцы продовольствием для семьи и дворянства», а в окне виднелась куча выцветших жестяных банок. Другой магазинчик, получше ухоженный, смахивал на лавку подержанных вещей и был доверху заставлен мебелью. Что касается остальных, догадаться об их предназначении было труднее; на них не было вывесок или написанных от руки карточек, гласивших «Его Светлость Державный Иосиф!» или «Универмаг Могуущественного Гунзваба»,

перемежающихся рекламой женьшеня, восстановителя для волос, чтений по Тароту, чая Гун Юм и живительных тонизирующих средств для мужчин. Одно огромное сияющее оранжевое объявление гласило: «А у тебя есть права???», словно пытаясь убедить меня в том, что мне чего-то не хватает.

К счастью, Джип повернул не к этой двери, а к магазинчику рядом с мебельным, содержавшемуся в наилучшем виде по всем стандартам: его деревянные части были хорошо отлакированы, бронзовые украшения сверкали, а в витринах аккуратными рядами располагалось все что угодно, начиная с книг в нарядных обложках и кончая пучками перьев, палочек для курения благовоний и чем-то, сильно смахивавшим на очень хорошие народные украшения. Но что мне действительно бросилось в глаза — это картина: безумный порыв наивного воображения; ярко раскрашенная, как попугай, и какая-то по-детски прямолинейная, однако эффект она производила какой угодно, но только не детский. Чернокожий мужчина в фантастической белой военной форме, в полном обмундировании: с ярко-алым кушаком, золотыми пуговицами и солнцезащитным шлемом, украшенным плюмажем, очень прямо и гордо сидевший в седле на крылатом коне, вставшем на дыбы на фоне зигзагов молний, пронзавших штормовое небо. В руке у него была кривая сабля, а вокруг головы — сияющий нимб в виде золотого листа. На самом деле — настоящая икона, только вот стиль был похож на африканский, может быть, эфиопский, ибо она была явно христианская. А, может быть, нет? Внизу, на аккуратной медной табличке я прочел: «Сен-Жак Мажер». Но это не связывалось в моем представлении ни с одним из святых, каких я когда-либо знал, причем меньше всего

— дождь алых капелек, стекавших с кончика сабли. Я обернулся, чтобы спросить у Джипа, но тот нетерпеливо промчался мимо меня. Когда он распахнул дверь, на веревочке нежно звякнул колокольчик.

Из-за двери, находившейся за прилавком, так, словно его вытолкнули, вылетел чернокожий мужчина, средних лет или даже старше, с элегантными седыми бачками. На нем поверх коричневого вельветового пиджака был надет аккуратный зеленый бязевый передник, как у дворецкого, чистившего серебро. — Страшно сожалею, джентльмены, — начал он звучным голосом, — сегодня наш магазин закрыт по делам, ... — тут он увидел Джипа и просиял. — Но, конечно же, не для вас, капитан! Чем я могу?..

И задохнулся, ибо Джип рывком протянул длинную руку через прилавок, схватил мужчину за пиджак и подтащил к себе над прилавком с такой невероятной силой, что у того ноги оторвались от пола. Джип смотрел на него сверкающими сузившимися глазами, приблизив лицо почти вплотную к его лицу: — Партия корня, Фредерик! Та, что сию минуту собирает пыль там, на складе? Это ведь твой заказ, целиком, верно? Так как же это получается, что ты до сих пор не приехал забрать ее, а?

Глаза мужчины расширились, он захлопал руками и беспомощно и удивленно закаркал. Мне вдруг стало стыдно, и я схватил Джипа за запястье, ощущение было такое, словно я ухватил стальной трос: — Отпусти его, Джип! Он не сможет тебе ответить, если задохнется!

Джип ничего не сказал, однако отпустил мужчину, и тот чуть не свалился на прилавок. — Но, капитан, — выдохнул он, — я не имею ни малейшего... я, право, не понимаю... если я как-то нарушил, я... я уже ведь

не так молод, как раньше, вы понимаете, мне уже не так легко договориться о таких вещах, как... я полагаю, что не... Даже задыхаясь, он сохранял изысканность выражений.

— Значит, сами вы не могли приехать? — подсказал я. Он глубоко вобрал воздух в легкие и пригладил свои растрепанные бачки.

— Нет, сэр, право же, нет! Более мелкие грузы я могу поместить в своей машине, но корни — это крупный груз, для фургона, а фургона я больше не держу.

Джип задумчиво постучал по покрытому мрамором прилавку и оглядел магазинчик: — Ах, вот как? Так зачем же заказываешь так много? Значит, ты собираешься оставить его у нас и брать по тюку, по мере того, как они тебе понадобятся?

Фредерик позволил себе изобразить жалобную ухмылку: — При таких ставках на тоннаж и места, сэр? Едва ли. Нет, у меня имеется исключительно любезный сосед, у которого есть подходящий фургон, и он обещал мне подъехать и забрать корни, когда у него выдастся свободный часок. Однако до сих пор ему не удалось выкроить время, и, естественно, в таких вещах никому не хочется оказывать давление...

Выражение морщинистого лица Джипа стало очень холодным: — Может, сейчас как раз тот случай, когда надо бы. Ладно, Фред, давай познакомь нас. Сию минуту.

— Как пожелаете, капитан, как угодно... — заикаясь, бормотал старик, когда Джип без всякого сопротивления выволок его из-за прилавка. — Но уверяю вас... М-р Каффи... в высшей степени приятный и всегда готовый помочь коллега по торговле... — Джип мягко вывел Фредерика на улицу. — Такая крупная

закупка... так много преимуществ, если закупить, э-э, навалом, если вы позволите мне прибегнуть к столь вульгарному выражению... Это целиком и полностью по его инициативе...

— И что теперь? — осведомился Джип с тихой угрозой в голосе. — Пора уже нам перекинуться парой слов с таким предприимчивым парнем. Ну, и какая из них его дверь?

Это оказался мебельный магазин. Я нажал пластмассовую кнопку звонка, на котором было написано «Каффи», услышал резкое пронзительное эхо в доме, но никакого движения не последовало. Нажал снова, и опять — ничего. В окнах верхнего этажа тоже не было света. Я еще раз нажал кнопку звонка, и старик растерянно заморгал: — Как странно! Чаще всего он бывает дома в это время. И его фургона нет на обычном месте. Возможно, он где-нибудь вывозит мебель...

— Возможно, — согласился я. И посмотрел на Джипа. — Если только не выполняет ваше маленькое поручение именно сейчас...

Джип круто развернулся: — Склад... поехали! Он бросился прочь вдоль по улице, таща за собой упирающегося владельца магазина, который, спотыкаясь, следовал за Джипом, а его передник хлопал в тяжелом воздухе.

— Но, капитан,.. мой магазин... он не заперт...

— Да не взлетит же он на воздух! Стив, на сей раз ты можешь как следует жать на газ?

— Если ты уверен, что это так...

— Уверен. Еще как уверен, черт побери! Хотя был бы счастлив, если ошибаюсь.

— Что ж,.. — я сглотнул. — Попробую.

Шины взвизгнули на булыжниках, когда мы резко

свернули за угол, и Фредерик, сидевший на заднем сидении, ударился головой и добавил к визгу свою ноту.

— Стоп! — рывкнул Джип, сгорбившийся на сидении, измученный и бледный. Я с силой ударил по тормозам, и Джип вцепился напряженными руками в панель приборов, собираясь с духом; у него еще было достаточно сил, чтобы продержаться какое-то время. Я чуть не оторвал заднюю часть машины, она, как безумная, вильнула, прежде чем я, проехав юзом и оставляя извилистый след, остановил ее. Я выключил зажигание и навалился на руль, с трудом сдерживая дурацкий смех облегчения. Подумать только, а ведь я всегда раньше останавливался на красный свет.

— Приехали! — объявил Джип.

Проследив за его взглядом, я увидел ту же тускло освещенную улицу, совершенно тихую и обыденную, те же леса, бледный свет над дверью склада, набережную, а за ней — скрытый за тенью пустоты океан. И кругом — ни души. Но Джип щелкнул пальцами и указал рукой. Из теней позади нас мои фары вырвали ответный двойной отблеск и слабо высветили темную массу мебельного фургона. Затем тихонько вздохнул морской ветерок, темная линия, разделяющая двери склада на мгновение как бы сгустилась.

Джип сражался с дверной ручкой. Наконец, ему удалось выбраться, и он бросился бежать. Я вылез не так ловко и помчался за ним следом. Я нагнал его у дверей: они были приоткрыты и тихонько поскрипывали на ветерке. Джип осторожно отворил дверь. Внутри была чернота, наполненная сотней особых запахов. Ничто не двигалось, и я ступил внутрь вслед за Джипом, увидел его силуэт, то тут, то там отбрасывавший тени в неярком свете, пробивавшемся сна-

ружи, затем подошедший к чему-то, напоминавшему валявшийся на полу у двери мешок. Джип что-то проворчал, нагнулся и перевернул его. Перед нами пустотой зияло мертвое лицо, как насмешливое отражение моего изумления, с широко раскрытыми глазами и отвисшей челюстью. Я не знал этого человека, и теперь уже никогда не узнаю.

— Ремендадо, — хрипло прошептал Джип. — Дневной дежурный, я должен был сменить его минут десять назад...

Я, пошатываясь, отступил назад, в смертельном страхе, меня тошнило. Под моей ногой что-то стукнуло. Джип поднял глаза — и вдруг с криком отскочил, а в это время в луче света сверкнул меч, и лезвие со свистом разрезало воздух как раз в том месте, где он только что стоял. Джип исчез в тених, а те вдруг ожили, всюду теснились какие-то силуэты, стучали ноги. Чьи-то руки попытались схватить меня, но только скользнули по телу, отбросив меня назад и ударив о дверь. Это спасло меня, ибо перед моим лицом взвился новый язык металла.

Я был на свободе. Я нырнул вниз и схватил меч, о который споткнулся...

Я даже не думал о таком. Я вообще ни о чем не думал. Наверное, я закричал; я помню крик, но других голосов не было слышно. Но вот что действительно сделал — это бросился в сторону, к полоске света, пробивавшемся из-под двери, — и за дверь, захлопнув ее за секунду до того, как на нее навалились тяжелые тела. А потом, споткнувшись о ступеньку, я помчался прочь...

Просто бросился бежать со всех ног. Это была не слепая паника, если такое вообще бывает; я знал, что делал — это был эгоистичный и позорный поступок.

Я бежал не за помощью — ничего подобного, я просто удираю в смертельном страхе. Это напоминало попытку измерить ускользающую, осыпающуюся под ногами яму. Эти руки, цеплявшиеся за меня в темноте, наконец лишили меня какого бы то ни было самообладания и обнажили чисто животные инстинкты. Я бежал, чтобы спасти СЕБЯ. И в силу какой-то безумной превратности я помчался не в том направлении, прочь от машины, в сторону прятавшихся в тенях доков и лежавшего за ними ночного океана.

На бегу я услышал, как распахнулась дверь. Я оглянулся, и потом мне было уже не до того, чтобы останавливаться. Три фигуры, огромные и долговязые, громко стуча ногами, выскочили на туманно освещенную фонарем улицу. Их длинные кафтаны развевались; через секунду они бросились за мной. И в руке у каждого сверкал не просто нож, но громадный меч с широким лезвием, отбрасывая тусклые блики.

Вот тут-то я точно заорал и помчался еще быстрее. Но мне казалось, тени отступили, они не доходили до меня, отказывались прятать, а мои преследователи на своих длинных ногах бежали за мной по пятам. Я вылетел из улочки, грудь моя разрывалась. Я повернул направо только потому, что так было ближе, на улочку, оказавшуюся всего лишь проулком, — налево она обрывалась в сверкающее открытое море. Я выскочил прямо на причал. Но то, что я увидел в воде, заставило меня остановиться и замереть, как ничто другое, и я замер, дрожа от страха более сильного, чем тот, что нагоняли на меня преследовавшие меня фигуры. В эту ужасную минуту я совершенно позабыл о них.

Вода была видна только из-за освещавшего ее звездного света — черная лужа, внезапно превратившаяся в зеркало из черного стекла, слегка рябившее.

Но именно изображение в этом зеркало приковало меня к месту: паутина черных линий, гуща лишенных листьев стволов. В полном изумлении, забыв про все на свете, я поднял глаза, уже зная, что скрывалось от меня за тенями и что я должен увидеть.

Я знал и все же был к этому не готов. Чашоба была лесом — лесом высоких мачт, переплетенного такелаж и рангоута на корме, рассекавшего ночь. Они простирались во все стороны, насколько хватало глаза, четко выделяясь на фоне неба, высокие и величественные. Доки, которые я видел пустыми и заброшенными всего несколько часов назад, теперь были заполнены множеством высоких кораблей, пришвартованных группами и совсем близко. Их было так много, и стояли они так высоко, что почти закрывали море и небо. Лужа, которую я видел, сверкала между натянутым бушпритом и высоким транцем кормы. Может, я и слышал топот ног за своей спиной, но не обращал на него внимания. Я столкнулся с чудом, которое было выше моего понимания, я словно заглянул в бесконечность, и это ошеломило меня. Словно ветер, дувший с океана, оно сотрясло меня, обдало холодом, показало, как ничтожен я сам и все мои тревоги. Я слишком хорошо понимал, что это не иллюзия, если кто и чувствовал себя здесь нереальным, — это я. Там, где могло случиться такое, страх казался неуместным.

До последней секунды, когда топот башмаков стал слишком громким, чтобы можно было не обращать на него внимания, пока я не услышал пыхтения моих преследователей. Тогда, в ужасе от сознания собственной глупости, я повернулся, чтобы снова бежать. Но было слишком поздно. Чья-то рука ухватила меня за рукав. Я споткнулся о камень, развернулся и повалился навзничь. Тяжелые башмаки больно придавили мне

руки. Беспомощный, едва переводя дыхание, я ловил ртом воздух. Их длинные физиономии склонились надо мной, безмолвные, бесстрастные, свинцово-серые в неясном свете. Блеснуло острие меча — широкой абордажной сабли, показавшееся мне ржавым, зазубренным и не очень острым. Она лениво покачивалась взад-вперед перед моими глазами, так близко, что задевала ресницы, затем стала подниматься, чтобы нанести сокрушительный удар. Во мне снова проснулся животный инстинкт. Отчаянно, со всхлипом, я набрал воздуха в легкие и изо всех позвал на помощь.

Меч не опустился. Я почувствовал, как напряглись придавившие меня к земле ноги. На нас сетью упал луч пронзительно желтого света, и всякое движение замерло. Кто-то отозвался на мой крик, и со стороны моря прозвучал резкий голос — чистый и вызывающий. Глухо, как угрожающий гонг, застучали шаги по дереву. Я изловчился повернуть голову и заморгал. По спущенному трапу одного из стоявших поблизости судов сбегала новая фигура, высокая и гибкая. Широкие плечи и обнаженные руки, мускулистые и длинные, заливала растрепанная грива волос, сиявших золотом в свете палубного фонаря. — Ну, что, щенки? — снова прозвучал голос, жизнерадостный и дерзкий. — Что сегодня тьявваем? А ну, оставьте его и брысь в свою конуру! Или мне лично отправить вас туда кнутом? Я не позволю, чтобы какие-то собачонки шлялись у этого причала!

Наполовину окаменевшему, в полуобморочном состоянии, мне послышалось в этом голосе что-то странное, и дело было не только в слегка картавом произношении. Но тут впервые заговорил один из моих преследователей, и я поразился — невозможно было представить себе голоса более странного, чем у него.

Он был похож на бульканье, рычание, скрип шагов по морозному гравию, от его звука в моих жилах застыла кровь — это был ужасающий, совершенно нечеловеческий голос: — ТЕБЕ ЖАЛЬ ДЛЯ ВОЛКОВ ИХ ЧЕСТНО ЗАРАБОТАННОГО МЯСА? ИЗЫДИ ПРОЧЬ В СВОИ НЕДРА, СУКА, И НЕ СУЙСЯ КУДА НЕ СЛЕД!

Сука?

Ответом им был звонкий беспечный смех. Глаза мои привыкли к темноте, и я во все глаза уставился на вновь прибывшую. Поверх облегающей черной куртки и бриджей, очень похожих на костюм Джипа, был надет пояс из золотых пластинок, и с него свисал длинный меч. Но хотя костюм плотно прилегал к ее телу, мне потребовалась целая минута, чтобы сообразить, что это женщина, причем женщина весьма привлекательной наружности. Когда она взглянула на меня, ее лицо затуманил гнев, и гнев прозвучал в ее голосе: — Стало быть, теперь вы кидаетесь на чужих, а? Прочь отсюда, убирайтесь восвояси на свой «Сарацин», не то я проучу вас, разукрасив вам шкуры! Не годится это мясо для щенков!

Они быстро встали надо мной, и их хохот прозвучал жутко: — ЧТО Ж, ВЫХОДИ НА БОЙ, ЛИСИЦА! ВЫХОДИ И ОТНИМИ ЕГО У НАС!

Еще до того, как прозвучали эти слова, она выхватила меч и в резком свисте металла бросилась на них. Их реакция была по-звериному быстрой, они зарычали, встали в боевую позицию — и я был забыт. Они убрали ноги с моих плеч. — Вставай, мальчик! — крикнула женщина. — Вставай и ноги в руки! Беги! — С этими словами она бросилась прямо на мужчин.

Снова бежать. Бежать, как мне сказали, и оставить другого человека в трудном положении. Причем —

женщину, которая спасла мне жизнь, даже не зная, кто я. А, может, на меня подействовало то, что меня называли МАЛЬЧИКОМ...

— ЧЕРТА С ДВА! — крикнул я и набросился на лодыжки Волка, стоявшего ко мне ближе других. Это было все равно что ухватиться за фонарный столб, но когда-то в школе я играл в регби. Он взвизгнул от удивления и рухнул на камни причала. Его меч покати́лся по мостовой. Я хотел прыгнуть на него, но тут женщина и остальные Волки встретились звоном стали. Один из Волков, пошатываясь, отступил при столкновении, но в схватку вступил другой, его абордажная сабля высоко взлетела и со свистом опустилась. Казалось, остановить ее невозможно, но меч женщины отразил удар, а ее меч был длиннее и почти такой же ширины — огромная прямая сабля. Ее эфес закрывал руку женщины замысловатой корзинкой позолоченной гравировки. Клинок Волка ударился о нее и застрял. Неожиданный удар повернул меч на него, высвободил, направил вверх — и прямо ему в горло. Волк завертелся, сделал несколько неверных шагов, темная кровь ручьем лилась между его скрюченных пальцев, а затем он упал, дергая ногами, и женщина круто развернулась, чтобы встать лицом к лицу со следующим противником...

По моему виску ударил башмак, и я растянулся на земле, голова у меня наполнилась звоном, в глазах двоилось. Перекатившись на живот и пытаясь прояснить сознание, я увидел, как женщина и второй Волк скрестили мечи в стремительной схватке, нападая и парируя удары. Она открылась, Волк бросился вперед и пролетел мимо женщины, в то время, как она легко, словно танцуя, отклонилась в сторону и с безжалостной легкостью вонзила меч прямо в его незащищенную

подмышечную впадину. Однако у третьего Волка — моего — было время, чтобы поднять свой меч, и когда сабля женщины глубоко вошла в бок его товарища, он нацелился на нее, нанося сокрушительный удар.

Точнее, попытался нанести, потому что, с трудом поднявшись на ноги, я обеими руками ухватился за руку, в которой он держал меч, и повис на ней. Волк был силен настолько, что мог протащить меня за собой, но удар нанести он не мог. А затем над моей головой запел воздух, словно от взмаха могучего крыла, и я почувствовал, как от шока у меня опускаются руки. Тело дернулось и согнулось, как стебель в жатке, и я поспешно отпустил его, когда за темным фонтаном крови взлетела вверх его голова. Я закрыл глаза и отчетливо услышал два всплеска воды внизу.

Когда я поднял глаза, женщина быстро обшаривала карманы двух других волков, рассовывая найденную добычу по своим. Она усмехнулась: — Цел, а? Для безоружного ты поработал просто молодцом. Как эти гиены напали на твой след?

— Джип,.. — хрипло прокаркал я и замолк.

— Джип, говоришь? — рявкнула она. — Что с ним? И где?

— На складе... надо помочь ему... — Она схватила меня под руку и подняла как ребенка.

— Тогда за мной! БЫСТРО!

Я остановился только, чтобы подобрать один из брошенных мечей, но она уже оставила меня далеко позади. Все еще держа в руке меч, она уже заворачивала за угол, ее башмаки из мягкой кожи стучали по булыжнику. Но я нагнал ее, когда она добежала до двора, и вместе, не говоря ни слова, мы атаковали дверь. Никто не запирает ее, она было растворилась, но застряла, натолкнулась на еще один труп — не

Джипа, а другого Волка — и с крыши заструился тусклый свет. Откуда-то из глубины склада раздался звон металла и крик. Женщина бросилась туда, я — следом, в длинный проход между рядами упаковочных ящиков. В дальнем конце промелькнула тень, за ней — другие, более высокие, размахивавшие мечами и какими-то другими штуками, похожими на гарпуны и страшные трезубцы. Некоторые из них остановились, заметили нас и угрожающе повернулись.

Она не остановилась. Она ринулась прямо в гущу Волков. Ее меч крушил направо и налево с таким звуком, с каким ветер свистит в телефонных проводах, и раздался жуткий хриплый крик, один Волк повалился, дергая ногами, но другой поднырнул под ее руку. Он шел на меня! Абордажная сабля в моей руке, казалось, весила целую тонну, но я выставил ее вперед, из всех сил стараясь подражать удару женщины. Волк, все еще выпрямлявшийся, подбежал как раз к нужной точке, но я был слишком далеко. Он с пронзительным ругательством отскочил назад и сделал выпад в мою сторону, я попытался парировать, но одна сила удара вышибла эфес из моей руки, а я сам свалился на какой-то ящик. Сабля пронзила ящик и прошла сквозь него, срезав несколько волосков с моей шеи, пока ее не остановило расщепившееся дерево. Волк зарычал, рывком вытащил оружие... и был повержен там, где стоял, ударом в затылок.

Он свалился, как пальто с вешалки. Женщина сделала выпад назад и ударила Волка, валявшегося на полу, затем схватила меня за плечо и потащила за собой, встряхивая мои болевшие пальцы. Вместе мы промчались по другому проходу, мимо другого извивающегося тела и снова вокруг. Впереди нависала куча дров, воздух был тяжелым от сладковатого сочного

запаха колотой древесины. А около дров разыгрывалась небольшая битва, где Волки подпрыгивали и яростно наносили удары по чему-то такому, чего я не видел. Один из них лез вверх, как огромный паук, он почти уже добрался до вершины, но последняя доска, за которую он зацепился, неожиданно зашаталась, вылетела и обрушила Волка и небольшую лавину досок прямо на головы его товарищей.

Женщина с развевающимися белокурыми волосами ринулась в гущу свалки с победным боевым кличем. Волки рванулись ей навстречу, хором отвратительно рыча, и узкий проход превратился в бедлам из глухих ударов, грохота, расщепляющегося дерева и воплей. Они сражались с ней и так и этак, но в узком проходе до нее могли дотянуться от силы двое или трое, а среди разбросанных досок женщина передвигалась гораздо легче, чем Волки. Я увидел, как отлетел и осел на пол один из них, другой прорвался к ней, согнулся пополам и упал...

Зачем я, невооруженный идиот, полез вслед за ней, я не знал и не знаю до сих пор. Возможно, ее чистая ярость подстегнула меня, а может, я был слишком напуган, чтобы оставаться одному. Я вскочил на какую-то доску, но только затем, чтобы с воплем свалиться с нее, когда на другой ее конец вскочил Волк, украшенный гребнем, как у мохока. Я не ожидал, что их глаза светятся в полутьме зеленым, это меня чуть не деморализовало, черт побери. Он набросился на меня с трезубцем, я упал, а трезубец вонзился в штабель за моей спиной и там, подрагивая, застрял. Длинная рука протянулась и схватила меня за горло, пригвоздив к месту, пока он старался вытащить оружие; я пнул его ногой. Волк пронзительно завопил. Во всяком случае, в этом месте он был вполне

человеком, однако удар по чувствительной точке не остановил его ни на секунду. Рыча и угрожая тысячью смертей, он оставил в покое трезубец и вытащил из складок платья массивную саблю... а затем выронил ее и повалился, когда на его череп со свистом опустился острый конец доски. А вслед за доской с диким воинственным кличем прыгнул Джип и бросился со штабеля на оставшихся Волков. Захваченные врасплох, зажатые между ним и женщиной, они дрогнули — и женщина ударила. Один удар, второй — это было похоже на взрыв, который гнал их назад, и они, извиваясь, падали на месте; еще один согнулся пополам, когда меч Джипа вонзился ему в живот, однако высокий Волк позади него воспользовался этим шансом, чтобы проскочить мимо Джипа и броситься на женщину. Только сначала он увидел меня...

Трезубец застрял. Меч лежал у моих ног. Я упал на колени, схватил его и ударил Волка. В этот раз без дурацких попыток разыгрывать из себя саблиста — я просто ударил своим бэк-хендом игрока в сквош.

Он, видимо, подумал, что я сжался от страха. Он даже не сделал попытки закрыться. Эффект был сокрушительный, звук... ужасный. Глухой, чавкающий удар, какой можно услышать в глубине мясного магазина, приглушенный сырым мясом. Меч снова выпал у меня из рук, а Волк завертелся, вытаращил глаза, лихорадочно схватившись за правое предплечье. Раздался негромкий звук рвущейся ткани, и рука отвалилась целиком. Вслед за этим по его боку заструилась темная волна крови. Со сверкающими глазами, с пеной и слюной, брызжащей с губ, Волк навис надо мной, как воплощение смерти. Затем неожиданно его глаза стали блуждающими, он издал высокий, почти женский, вскрик и зашатался. Все еще визжа, как сума-

сшедший, он упал к ногам своим товарищей и умер. Это сломило их, и они повернулись, собираясь спастись бегством. Однако далеко убежать им не пришлось. Я схватил трезубец, и на этот раз вырвал его из дерева, но он мне не понадобился. Только одному из Волков удалось бежать и кинуться в проход, но Джип как леопард, прыгнул ему на спину и на бегу перерезал ему горло.

Я прижался всем телом к дровам, дрожа от страха и наступившей реакции, из всех стараясь подавить приступ тошноты. Я не мог поверить в то, что только что сотворил. Зрелище смерти было ужасным, но запах — еще хуже, даже сочный аромат древесины не мог его заглушить. Казалось, что женщину это ничуть не волновало. Когда я, наконец, поднял глаза, я увидел, что она небрежно примостилась на упаковочном ящике и глубоко дышит. Зрелище было бы привлекательным, если бы ее куртка и брюки не были забрызганы кровью, хотя, похоже, кровь принадлежала не ей. А когда мне удалось подавить тошноту, до моего сознания вдруг дошло, что эта крупная белокурая амазонка только что порубила где-то около дюжины сильных мужчин, или кто бы они там ни были, более крупных, чем она сама, и отделалась одной-двумя царапинами. На мгновение она показалась мне таким же нечеловеческим существом, как Волки, но я не мог считать ее таковой. Она спасла меня, просто так и бескорыстно, она спасла Джипа...

На мое плечо опустилась рука, и вокруг меня заплесал свет фонаря: — Ты не ранен?

Я моргнул. Вблизи она казалась другой, и моложе. Она была выше меня, но не намного, и, хотя черты ее лица были слишком крупными и сильными, чтобы ее можно было назвать по-настоящему хорошенькой, они

ни в коем случае не были грубыми или мужеподобными. Лицо женщины было овальным, с правильными чертами, чистой белой кожей, нос — длинным, но чуть вздернутым, красивой формы губы как бы компенсировали легкий намек на второй подбородок. Эффект был чуть грубоват, но чувственен. Ее зеленые глаза с тяжелыми веками смотрели на удивление мягко и сочувственно.

— Всего несколько царапин... и, может быть, открылась старая рана. Но все это благодаря вам — вы вступились за меня, хотя вам это совсем было не нужно...

Она махнула рукой (во всяком случае, хоть рука у нее казалась ширококостной и сильной): — Ах, даже и не думай об этом, мальчик. Мне всегда в удовольствие расстраивать грязные затеи этой вонючей Своры. А раз уж речь шла о том, чтобы помочь мастеру Джипу, я полностью вознаграждена!

— Так, значит, вы его друг?

— Да, так оно и есть! — усмехнулся Джип. Он вытирал свою одежду длинным пальто одного из Волков. Затем вскочил и обнял нас за плечи: — Да вы же незнакомы! Из вас получилась такая отличная команда, что я напрочь позабыл об этом! Стив, это Молл, мой старый дружок по пьянке...

— Невелика честь! — сардонически фыркнула женщина, почесывая свое обнаженное плечо. — Любой пьянчуга в Портах может этим похвастаться — тем более, что они все еще и развратники.

— Известная своим жертвам как Бешеная Молл, — как ни в чем ни бывало продолжал Джип. Молл откинула свою гриву, открыв повязанную вокруг лба ленту, похоже, из богатой парчи, но прозвище, казалось, нисколько не рассердило ее — скорее, наоборот.

— Она занимается тем же, что и я — всем, начиная с подбора экипажа для корабля и кончая охраной груза! Это ее специальность! Это самая лучшая подмога, какую ты мог привести, черт побери! — Он криво улыбнулся. — Проклятие, это уже три, Стив! В ту ночь — предупреждение, а теперь ты вытащил меня из этой каши. Ты мой счастливый талисман, я просто обязан следить, чтобы с тобой все было в порядке. Держись и дальше, и со мной никогда ничего не случится!

Я застонал. Меня затопила волна стыда: — Господи, Джип! Если бы ты только знал... я просто сбежал. Извини... я перепугался как...

Он оборвал меня, коротко рассмеявшись: — А что еще ты мог сделать? Ты побежал в правильном направлении. Я не очень-то верю в совпадения, не в этих местах. И ты вернулся. И благодаря тебе я все еще здесь. Это твоя игра, приятель, — ты подводишь черту.

Я не был в этом уверен: — Джип,... послушай. Я не думал о том, чтобы привести помощь. Я просто... — Его жест был таким внезапным и яростным, что я тут же в шоке замолчал. Джип с минуту прислушивался, сделал два неслышных шага — затем сделал бросок, как пантера и ударил. Воздух прорезал испуганный визг, что-то тяжелое перевернулось. Я услышал, как Джип засмеялся, но это был не его обычный открытый смех. — Ох ты, Боже мой! — сказал он. — И кто же это тут у нас? Сдается мне, тут не только крысы, но и мыши бегают. Слушай, Стив, ты не против? Сходи-ка глянь, как там Фредерик. У меня тут есть кое-кто, это его просто...

С Фредериком все оказалось в порядке. Более чем в порядке, ибо, когда я вернулся к двери склада, он как раз подбирался к ней на цыпочках, зажав в пухлом

кулаке монтировку из моей машины. Когда я появился, он подпрыгнул, как заяц, но монтировку не бросил. — Ах, мой дорогой сэр! — сказал он и привалился к стене. — Мне очень-очень жаль... это было такой трусостью с моей стороны... я видел, как вы побежали за помощью... но у меня просто не хватило...

— Ах, нет? — ухмыльнулся я, и, похоже, это совсем лишило смелости Фредерика. Вид у меня, должно быть, был отвратительный, и я все думал о том, как себя вел. Храбрость поздно пришла к нам обоим; но к нему она пришла без подсказки. — Я оставил ключи, Фредерик, и я знаю, что вы умеете водить машину.

Он вытер лицо огромным шелковым носовым платком: — Право, сэр! Но поверите ли вы, что мне это даже в голову не пришло.

— Честно говоря, нет. Положите эту штуку назад и идите за мной. Джип хочет вас кое с кем познакомиться...

Лицо старика едва ли могло потемнеть от гнева, но вид у него был именно такой: его гладкий лоб нахмурился, а усы задрожали от избытка чувств. Его сосед также не мог побледнеть в прямом смысле слова; однако лицо толстяка, которого Джип вытащил из его укрытия, приобрело какой-то странный серый оттенок, а сам он дрожал, как желе. Что было неудивительно, учитывая разбросанные повсюду останки его покойных нанимателей и меч Джипа, лениво покоившийся на его плече.

— Это совершенно чудовищно, сэр! — пропыхтел Фредерик. — Нет, это нечто из ряда вон выходящее! Я требую объяснений, Каффи! Выставить меня простофилей, вовлечь мой солидный и долговременный биз-

нес в неблагоприятное участие в каком-то низком обмене... каком-то обычном мошенничестве...

— Сдается мне, что все это весьма необычно! — жизнерадостно прервала его Молл. — Я думала, что съела собаку во всяких мошенничествах и надувательствах, но такого даже я не встречала!

— Объяснений, Каффи! — упорствовал Фредерик. — Иначе мне придется принимать меры! И суровые меры! Что вы скажете Невидимым, человеку? Подумайте! Вы не можете спорить с Огуном!

— По-моему, у меня есть идея получше, — протянул Джип. — У наших покойных друзей не хватило времени что-то отсюда вытащить, так ведь? Так что, если здесь что-то есть, держу пари, оно все еще здесь. Так что если мы хорошенько посмотрим — доберемся до корня всего этого дела, да простят мне это выражение! — Молл застонала. — А м-р Каффи может проделать эту работу! — Джип пристально наблюдал за лицом владельца магазина, и я был несколько удивлен реакцией этого человека. Он посерел еще больше и даже нашел в себе силы, чтобы начать угрожать, но Джип легонько ткнул его мечом, и тот вскочил на ноги, продолжая протестовать. Мне все это не понравилось. Это значило, что мы наткнулись на нечто такое, что пугало его больше, чем Джип. А это было лишено смысла, ибо Джип мог запросто на месте перерезать ему глотку.

Несмотря ни на что, Джип не стал раздражать его больше, чем то было необходимо. Я был рад этому обстоятельству по многим причинам. Мы провели Каффи — он все еще протестовал — в дальний конец склада, туда, где у стены в три слоя лежала большая груда бесформенных тюков. Их запах описать было невозможно — он не был неприятным, просто его

нельзя было описать, за исключением того, что одним из его компонентов был аромат сухой земли, а остальные наводили на мысль скорее о лекарствах, чем о пище, и о смоле, а не специях. Как ментол, он, казалось, притуплял одни чувства и обострял другие; и он был очень въедливым. Когда фонарь выхватил мешки из темноты, я увидел, что это огромные квадратные тюки из грубой соломенной сети, через широкие ячейки которых в уродливых позах выглядывали какие-то грязно-розовые штуки, изъеденные и узловатые.

Фредерик сделал знак Каффи в том направлении: — Откройте тюки! — приказал он своему соседу. — И каждый, один за другим!

Каффи попятился, дико оглядываясь на нас, по его лицу струился пот. Теперь я увидел, что он несколько не стар, а под его грязной тенниской вздувались мышцы атлета-тяжеловеса — несомненно, из-за того, что ему приходилось таскать мебель. Однако отвислый живот добавлял ему десять лет, а страх избородил морщинами его лицо. Он одними губами произнес в наш адрес ругательство и заметно пошатнулся, прежде чем взять первый тук в верхнем ряду. Он запустил пальцы в грубую сетку и без всяких усилий разорвал ее, затем резко отскочил назад. Корни разлетелись во все стороны и опустились у наших ног, нас окутал крепкий запах; однако больше там ничего не было. — Осторожно, черт бы тебя побрал! — рявкнул Джип. — Нечего портить Фредерику товар!

Тряся головой и отчаянно ругаясь, Каффи разорвал следующий тук более аккуратно, но все же отскочил назад, и содержимое опять вывалилось. И несмотря на ругань Джипа и пыхтение Фредерика, он проделал то же самое со следующим тюком и еще с семью тюками

после него. Куча корней росла и разлеталась по всему полу. Я тяжело оперся о трезубец, у меня голова кружилась уже от шока, в который повергло меня все происходящее, а тяжелые ароматы, казалось, ухудшали положение. Но за исключением какой-то заплесневелой мелочи Каффи не извлек из тюков ничего из ряда вон выходящего. Мы все следили за ним. Он был сильно напуган, это точно; так напуган, что, дойдя до начала нижнего ряда, снова заартачился, но Джип просто легонько пощекотал его кончиком меча по почкам. Каффи взвизгнул и подскочил, быстро разорвал по шву первый тук прямо спереди, затем, когда его содержимое стало высыпаться из тюка, он отпрыгнул назад так быстро, что поскользнулся на твердых круглых корнях и с грохотом плюхнулся на пол.

Однако за хрустящей качкой корней не было ничего — совершенно ничего. В идиотическом недоумении Каффи смотрел на маленькую кучку, оставшуюся в свисающей сетке. Потом он истерически захихикал, и у меня возникло желание к нему присоединиться. А потом он с любопытством протянул палец и ткнул в кучку.

ЧТО-ТО набросилось на него из сетки. За всю свою жизнь я не видел ничего подобного.

Это была рука, огромная рука; правда, по такому описанию это выглядит более человеческим. Прозрачная, полубесформенная, жидкая, она туманно сияла изнутри, отбрасывая в тусклом свете отблески далеких молний. Она ухватила за исследовавший ее палец и крепко сжала его. Раздался треск, пронзительный вопль, облачко дыма — и вокруг руки Каффи появилось сияние, такое яркое и сильное, что я видел, как сквозь плоть засияли кости, словно сквозь дымчатое стекло. Свет сиял между корнями, словно там

пылала печь, а потом, не успели мы моргнуть глазом, как остатки содержимого тюка выплеснулись наружу. Ослепительная корона окутала злополучного Каффи, как морская анемона, заглатывающая рыбу.

— ДУПИЯ! — завизжал Фредерик голосом, от которого задрожал воздух. И, прижав обе руки к лысой голове, вихрем помчался к двери, все еще пронзительно крича.

— ДУПИЯ! — эхом отозвалась Молл. Джип со стуком уронил фонарь. Одновременно, прежде чем я успел пошевелиться, они оба подхватили меня под руки и ринулись вслед за Фредериком, буквально таща меня между собой и все еще оглядываясь назад. Из теней раздался гулкий удар двери — Фредерик добрался до нее. Беспомощно глядя назад, в то время, как мои ноги скользили по доскам, я увидел, как сверкающий свет поднялся и пустился за нами в погоню, двигаясь и меняясь по мере движения. Это было зрелище, без которого я бы прекрасно обошелся. Казалось, в этом омерзительном ореоле кружащегося дыма и света я увидел всевозможные вещи — зловещие, жуткие вещи, от которых у меня застучали зубы. Меня трясло от ощущения открытого воплощения зла, во что я никогда бы в жизни не поверил; всепоглощающая ненависть струилась из него ядовитым ручьем. Казалось, на расстоянии одного прыжка от него мы завернули за угол и добрались до двери.

Она была заперта.

В панике старик захлопнул ее за собой. Джип и Молл выронили меня, как мешок, и навалились на дверь. Я с трудом поднялся на ноги, все еще загипнотизированный этим сияющим, бурлящим существом, надвигавшимся на нас. И просто отвращение и омерзение, а вовсе не храбрость, заставили меня отпрянуть

и сделать в сторону этой штуки выпад трезубцем, который я все еще сжимал в руках.

Рукоятка неожиданно замедлила движение, словно воздух сгустился и стал клейким, она содрогнулась, остановилась, застряла. Затем мерзкий свет заплясал на трех зубцах и быстро, с шипением побежал по рукоятке к моим рукам. С криком я едва успел выпустить трезубец, и тут дверь с треском распахнулась. Те двое схватили меня, буквально выбросили наружу, и я покатился по булыжникам, а они вылетели следом. Джип с грохотом захлопнул за собой дверь, и Молл всем телом навалилась на ручку, пока он рылся в карманах в поисках ключей. Я сел, голова у меня кружилась, меня подташнивало. Я сильно ударился головой о булыжники и получил целый набор новых царапин. Я наблюдал, как Джип острием меча рисовал странный символ на толстом слое краски, покрывавшем дверь, — какой-то дикий орнамент из завитков, похожий на ряд переплетающихся арок, кольцом окруживших розу компаса. Затем он перевернул свой меч и вставил его между двойными ручками наподобие символического засова.

Проделав все это, он упал на колени и со всхлипом вобрал воздух в легкие. — ПРОКЛЯТИЕ! — пробормотал он дрожащим голосом, совершенно непохожим на его обычный уверенный тон. — Проклятый никчемный бездельник! Придется нам напустить сюда старика Ле Стрижа!

— Да уж, придется, — сказала Молл, подтягивая свои облегающие штаны. — А как же с... — Она указала на меня большим пальцем.

Я сглотнул. Слова не шли с языка, разумные слова. — Что... что это была за проклятая штука? — это все, что мне удалось выдать

— НИЧЕГО! — рывкнул Джип так свирепо, что я с трудом узнал его голос. Гнев уничтожил следы его обычного дружелюбия. Его голос звучал почти презрительно. — Ничего такого, куда тебе следует соваться! Ничего для постороннего!

С поразительной силой и настойчивостью он схватил меня за руки, буквально поднял меня и поставил на ноги, словно я был ребенком. Затем он практически вытащил меня на туманную дорогу к тому месту, где стояла моя машина. Двери по-прежнему были широко распахнуты, габаритные огни желтым светом горели в тумане.

— А теперь уезжай! — рывкнул Джип и грубо толкнул меня на водительское сидение. — Сгинь! Убирайся отсюда, слышал? Приезжай где-нибудь через неделю — нет, через месяц, раз уж тебе так хочется! А еще лучше забудь все, что видел, забудь меня — всех нас — все! Уезжай в своей шикарной закрытой машине — и закрой на засов свою память! ЗАБУДЬ! — С этими словами он яростно захлопнул дверь.

Не в силах вымолвить ни слова, я смотрел вдаль, позади него. Молл была едва видна, бледное лицо, наблюдавшее за нами в тусклом свете лампы, освещавшей склад. Она шагнула назад и растворилась в темноте. Джип круто развернулся на каблуках и быстро зашагал прочь по булыжникам, не оглянувшись назад, пока тоже не исчез в ночи.

Медленно, трясущимися руками я включил зажигание, скорость, развернул машину и поехал прочь. Сначала я не был уверен, что смогу вести автомобиль. Но путь назад показался как-то короче, улицы, которые я знал, словно проявляли готовность быть узнаваемыми. Я свернул с Дунайской улицы в яркие огни, в

жизнерадостный шум городского вечера. Но здесь я не мог чувствовать себя как дома, во всяком случае, не теперь; я заглянул в сердце другого света, и он все еще извивался внутри меня. Что-то из меня выжгли, и загорелись новые огни. Тогда я с легким удивлением подумал, что никогда прежде я не был, скажем так, чувствительным к другим людям, восприимчивым к чтению их мыслей; обычно со мной такого не бывало. Однако в этот раз что-то дало мне этот дар, пусть даже ненадолго. Я прочитал мысли Джипа, как раскрытую книгу. И поэтому я был не так озадачен, как это могло показаться, и уж вовсе не был обижен его неожиданной грубостью. Просто он был в ужасе. Вот и все. Каким бы странным и грозным ни казался этот человек, подаривший меня своей дружбой, он почти лишился рассудка от страха. И гнал он меня прочь только ради моего же блага.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТОЛЬКО следующее утро вернуло меня к реальности. Реальность ударила меня, как только я открыл глаза, ноющее воспоминание, от которого я подскочил, трясаясь, в постели, еще не до конца проснувшись. Этот СВЕТ!

Пижаменная куртка прилипла к моей спине. Воздух казался тяжелым и застоявшимся от повисшего в нем запаха страха. Я столкнулся с... с чем-то, во что никогда не верил, даже ребенком. С чем-то, казавшимся совершенно невероятным здесь, в моей спальне, выдержанной в ровных серых тонах и ультрасовременном интерьере, с ярким светом, стоило только дотянуться до выключателя. И все же... какое еще слово можно было подобрать?

С демоном.

Я видел, как он пожрал человека, как муху. Господи, да я сам убил человека! Жуткий глухой удар абордажной сабли, а потом падение, дрожь. Тошнота подступила к горлу. Что я наделал? Господи, что же я натворил! Я ведь только хотел помочь!

Руки у меня были липкими. Я посмотрел на них в ужасе, но, конечно, они были липкими от пота, а не от крови. Неужели я сделал это в действительности? Или это снова был какой-нибудь страшный сон? Таких кошмаров у меня было много. Ужасные фигуры проходили сквозь мой сон, наклонялись надо мной, оスカ-

лив зубы в зловещей улыбке; жуткие образы наполняли мои сны, полузаманчивые, полуугрожающие, видения изощренной жестокости и похоти. По меньшей мере трижды они будили меня ревом титанических барабанов, отдававшимся в моих ушах, и я трясся от приступов страха и стыда. Но по мере того, как успокаивался мой пульс, кошмары исчезли, оставив лишь бесформенные тени страха. Причал, склад, свет — это не исчезло. Я мечтал, чтобы они пропали, черт бы их побрал. Я обхватил руками голову и содрогнулся, дотронувшись до свежей раны, которую получил, ударившись о булыжник. Только этого подтверждения мне не хватало.

Это ничего не доказывало. Доказательств не было вообще. Может, я сошел с ума, может, нет, этого я сказать не мог. А кто еще был там? Я был один. Очень методично, очень тщательно я организовал свою жизнь именно так. Столь же тщательно, как я отделал свою квартиру — прохладную, просторную, без малейших следов беспорядка, безусловно чистую — и пустую. Она могла бы послужить образцом для высококачественной рекламы на телевидении, хотя раньше я никогда так о ней не думал, а если бы такое и пришло мне в голову, скорее всего, это было бы мне приятно. Однако сейчас никакого удовольствия эта мысль мне не доставляла. Я был один в стерильной меламиновой коробке, наедине со своими страхами и галлюцинациями, и ни одной душе не было до этого дела. Я снова нырнул под одеяло и спрятал лицо в подушку. Я чувствовал себя отвратительно. Я не хотел вставать и идти на работу. Мне хотелось спрятаться.

Но привычка сама по себе — уже укрытие. Очень скоро она подняла меня с постели и поставила под душ, а под струей горячей воды ужасы и напряжение

ночи, казалось, стали понемногу отступать. В одну минуту я оделся, проглотил черный кофе с кухонного стола и сбежал вниз по ступенькам к стоянке автомобилей, готовый почти с радостью встретить бледную изморозь и движение в часы пик. Стараясь всеми правдами и неправдами сохранить свое место в его кружащемся потоке, я проплыл мимо Дунайской улицы, бросив на нее лишь косой взгляд. Приехав даже чуть раньше начала рабочего дня, я решительно вошел в офис, и когда я подошел к своему столу, ароматно пахнущему свежим полиролем, я уселся в свое кресло с глубоким вздохом. Когда вошла Клэр с почтой, я уже погрузился в работу.

Клэр пристально посмотрела на меня: — У тебя усталый вид, — заявила она обвиняющим тоном. — Ты уверен, что не слишком перенапрягаешься, Стив? Я хочу сказать.. — она пожала плечами. Сегодня вид у нее был менее уверенный, менее хозяйский.

Я отмел ее слова с невозмутимой улыбкой: — Эй, это еще что? Все суетишься? Послушай, я же в своей стихии, ты меня знаешь. Я здесь, как рыба в воде.

— Что ж, ладно, — обиженно отозвалась она, теребя локон. — Я все поняла! Только... ты ведь будешь беречь себя и после работы? Постараешься немного расслабиться? Я хочу сказать, ты же знаешь, что говорят о том, чтобы приносить домой стресс...

Я ободряюще кивнул. Клэр заслуживала того, чтобы ее принимали всерьез. — Я буду осторожен, — пообещал я, и вполне серьезно. После вчерашней ночи я намеревался придерживаться своего привычного образа жизни так строго, что меня можно будет ставить на рельсы. Вчерашняя ночь? При одной мысли о ней у меня начинала кружиться голова. Может, я напился или накачался наркотиками и выдумал все

это? Или что похуже? Маловероятно. Что бы там ни ударило мне в голову сегодня утром, это было не похмелье. И я не прикасался ни к чему такому, что могло вызвать такую галлюцинацию, как события прошлой ночи. Каков бы ни был мой вкус, наркотикам в моем багаже не было места. Я стал вспоминать отрывки из той статьи в воскресном приложении, где говорилось о шизоидных фантазиях — или о паранойе? В любом случае я не хотел в этом участвовать. Что же это было, первые признаки того, что у меня поехала крыша? Психоаналитик мог бы сказать мне, но я был не готов к тому, чтобы бежать к врачу, — пока не готов, в данной ситуации. Но могло ли мне присниться нечто столь фантастическое? Клэр уже собиралась идти мне за кофе, когда я позвал ее.

— Э... э, один вопрос. — Я вовсе не был уверен, что мне хочется спрашивать именно Клэр, но, в конце концов, кого еще мне было спрашивать?

— Послушай, я знаю, что это прозвучит глупо, но... Ты бы могла сказать, что у меня слишком сильно развито воображение? Что я вроде как фантазер? Ведь нет?

С минуту она пристально смотрела на меня, широко раскрыв глаза. Затем она как бы задрожала с ног до головы и снова поднесла к губам костяшки пальцев. На пороге возник Дэйв, разевая рот, как рыба. Его лицо сморщилось, он согнулся пополам, хлопая себя по колену и просто завывая от смеха. Это окончательно доконало Клэр. Она отчаянно затрясла головой и вылетела из офиса с трясущимися плечами, немилосердно хихикая. Дэйв выпрямился, по его темным щекам катились слезы. — Премного благодарен, — сухо сказал я. Он собирался что-то спросить, но я

опередил его. — Тысяча благодарностей. Это все, что мне хотелось знать. Совершенно.

Через минуту я уже снова погрузился в работу, выхватывая каждую мельчайшую деталь, как всегда любил делать. Однако сейчас я проделывал это намеренно. Я знал, что делал; я нарочно все крепче цеплялся за нормальную жизнь, за реальные вещи. За надежные вещи — они были моим якорем, моим причалом. Я боялся, что меня уведет в сторону.

Так и тянулся этот день. Но в течение всего дня воспоминания сидели рядом со мной, постоянно требуя меня за локоть, неожиданно поднимаясь и рассеивая мои мысли. Так же, как Клэр, она по-прежнему суежилась вокруг меня, менее навязчиво, чем раньше, пожалуй, но, похоже, она твердо решила меня опекать. Она постоянно приходила с какими-то вопросами, требовавшими моего личного внимания и сидела рядом со мной, пока я разбирался с ними. Каждый раз, поднимая голову, я встречал ее взгляд, изучающий меня. Почему всегда считается, что темные глаза непроницаемы? Глаза Клэр были ясными и веселыми, как безоблачное небо, но столь же непостижимы.

— Жаль, что вокруг меня она так не бежит, — заметил Дэйв, провожая ее взглядом.

— Не жалею слишком сильно, — неодобрительно отозвался я, — не то этот — как его там? — Стюарт-Столб прибежит сюда по твою душу.

Дэйв ухмыльнулся: — Чутьочку отстал от жизни, а? Большой Стюарт — это уже устарело. Она дала ему отставку много месяцев назад!

— Да? Ну, и кто же у нее теперь?

Дэйв задумчиво моргнул, разглядывая дым своей сигареты: — Не знаю, сейчас, по-моему, никого кон-

кретно. Эй! Раз уж зашла речь, в прошлый уикенд я встретил на танцах потрясающую девушку...

У Дэйва был редкий дар: он мог в мельчайших подробностях описывать несметное количество девушек, и при этом все описания были одинаковыми. В этом он, пожалуй, был прав. Я позволил ему продолжать урок анатомии — это была еще одна привычная вещь, а мне сейчас необходимо было все привычное, что только возможно. Я не мог прогнать прошедшую ночь. Она отказывалась исчезать; напротив, мелкие детали все время всплывали в моей памяти, ясно и отчетливо: поблескивающая вода и ее переплетающиеся мачты, тяжелый запах корней, легкое позвякивание украшений женщины, когда она вытащила из ножен меч, скрытая дрожь в голосе Джипа. От этого никуда было не деться. Либо что-то произошло прошлой ночью, что-то было выпущено на свободу — мне не хотелось думать о том, что именно, либо я медленно, но верно сходил с ума. И я не знал, какая из этих альтернатив меня больше пугала.

Наконец, Дэйв отправился на поиски кофе и оставил меня наедине с моей дилеммой. А с ней надо было разобраться. Почему я не мог просто позволить ей раствориться в памяти, как это случилось в первый раз? Или это тоже было просто безумием? Я мог еще раз проверить ту же информацию в компьютере, но что мне это даст? Неужели я не мог вспомнить какие-нибудь другие твердые факты, помимо названия одного корабля? Тут я заколебался. Что-то ведь было... Позвякивание женских драгоценностей, драгоценностей Молл... ее голос, приказывавший Волкам убираться прочь, отправляться на свой...

Совершенно очевидно, что она презрительно вы-

плюнула название корабля Волков, того, что был просто забит ими. А что если я...

Поспешно, тревожно оглядываясь, чтобы убедиться, что ни Клэр, ни кого-то еще нет поблизости, я снова вызвал реестр гавани и набрал название так, как примерно представлял себе его написание. «Сарацин»...

Экран замер всего на секунду или две. Затем мигнул и развернул обычную регистрационную карточку.

«САРАЦИН» каперское торговое судно, 630 тонн,

24 пушки. Гданьская верфь, причал 4

Порт отправления: Эспаньола, порты Запада

Капитан: Рук, Азazel

Транзит: ремонт, пополнение продовольствия, неопр.

Водоизмещение: указано

Назначение: Восток

Я закрыл глаза. Что дальше? Если я наберу «Летучего Голландца», что мне ответят? Капитан Вандердекен, просрочка в Европорт-Шельдт с грузом эктоплазмы?

Но запись осталась на месте, когда я открыл глаза. В этот раз уже невозможно обманывать себя, списывая все на пьяное романтическое воображение или кошмары. После вчерашней ночи я слишком хорошо знал разницу между ними.

Я даже не сошел с ума. А если я в здравом уме, то и многие другие люди — тоже. Под простой и очевидной поверхностью вещей, должно быть, имеются тем-

ные подводные течения; и, по-видимому, они так же, как и я, слепо нырнули в эти течения и были унесены, брыкаясь, в их глубины.

Джип был прав, когда выставил меня. Я был существом с поверхности, с мелководья; у меня не было ресурсов, чтобы справиться с этим. Неожиданно мне стало страшно встретиться с миром, который я знал, с которым, как мне казалось, заключил некое подобие перемирия. И даже не важно, буду ли я придерживаться повседневной жизни, двигаться по накатанной дорожке — теперь я не осмелюсь верить даже в это, больше не смогу. Как мог я теперь верить обычному внешнему виду вещей? Откуда я знаю, не проглядывает ли под ним в глубине какое-то другое, более сильное течение, готовое смести меня.

На моем столе зазвонил телефон. Вообще-то у него негромкий, нежный звонок, но я подскочил и сел, уставившись на него с бьющимся сердцем, словно услышал треск гремучей змеи. Тут вернулся Дэйв, и я, фыркнув, поспешно выключил одной рукой монитор, а другой снял трубку.

— Некто м-р Питерс желает поговорить с тобой, Стив, — сказала Клэр. — Он сказал только, что это по вопросу о какой-то частной перевозке, так что ему нужен ты лично. Ты как, настроен побеседовать?

— А, ладно, соедини, — вздохнул я. В каждой компании, ведущей с нами дела, имеется определенное число индивидуумов, желающих переправить в Америку или еще куда-нибудь тетушкино кресло или старинные часы дедули; обычно мы направляем таких личностей к специалистам по переездам. Однако когда на проводе зазвучал ровный голос, я изменил свое мнение.

— М-р Стивен Фишер? Ну, разумеется! — его

английский язык был слишком безупречен, кроме того, у него был акцент. Адвокат, была моя первая реакция, или брокер или какой-нибудь агент. — Меня зовут Т. Дж. Питерс. Примите мои извинения за то, что мешаю вам, вы, очевидно, очень заняты. Однако у меня вопрос о значительной партии товара, которую я хотел бы ввезти. Я предпочел бы не раскрывать его характера...

— В таком случае прошу прощения,.. — начал я. Время от времени мы привлекаем к себе внимание проницательных типов, стремящихся воспользоваться нашей репутацией, чтобы перевозить крупные анонимные партии товаров, не привлекая при этом внимания таможи; в таких случаях мы поспешно ретируемся.

— По телефону, я хотел сказать. Вам лично, разумеется; здесь не будет необходимости хранить коммерческую тайну. Но дело не терпит отлагательств. Могу ли я взять на себя смелость посетить вас попозже, во второй половине дня, скажем, около половины пятого. Я смогу вас застать?

Разумеется, сможет. Больше я практически ничего не мог прибавить.

Однако по мере того, как тянулся день, я все больше жалел, что не отложил эту встречу. Мелкий дождь на улице прекратился, но чем ближе к вечеру, тем более тяжелым, серым и грозовым становилось небо. Ощущение было такое, что ты задыхался, но еще хуже было растущее чувство подавленности, повисшее в тяжелом воздухе. Казалось, это чувствовали все в офисе: люди кидались друг на друга, делали глупейшие ошибки или просто прекращали работу и сидели, уставившись в пространство. Дэйв замолчал; Клэр приготовила мне три чашки кофе за двадцать минут.

Джемма ушла домой с головной болью. В этом было что-то почти угрожающее. Я мечтал о хорошем громе и дожде, чтобы прекратить это наваждение. Благодаря м-ру Питерсу я не мог просто взять и удрать домой, и в каком-то смысле меня это даже радовало. Я не стремился сейчас к одиночеству. Мысль о встрече заставляла меня работать, хотя я и не слишком продвинулся. Наконец, примерно в пятнадцать минут пятого я решил, что мне необходимо немного подышать свежим воздухом, чтобы проснуться к тому времени, когда явится клиент, и выскользнул из офиса через задний коридор.

Стекольщики уже закончили с дверью черного входа, и я распахнул ее и вышел на балкон, ведущий к металлической лестнице. Здесь ощущалось легкое движение воздуха, освежаемого деревьями, растущими у стены, окружавшей стоянку автомобилей. Мелкие капли дождя брызнули мне в лицо. Я несколько раз глубоко вдохнул воздух, подумал, не подняться ли еще на этаж и выйти на крышу, но потом передумал. М-р Питерс должен был прийти через десять минут, и я хотел причесаться, поправить галстук и всякое такое. Я был рад, что надел сегодня костюм от Кальяри — на эту публику с материка больше производят впечатление вещи, сшитые по итальянской моде. Я вернулся назад и как раз проходил мимо задней двери соседнего с нами офиса, когда услышал сначала громкие голоса, нарастающий крик протеста, ярости и настоящего страха. А затем раздался грохот.

В наступившей тишине он был ужасающим. Это мог был удар грома, но от последовавшего за ним вопля у меня кровь застыла в жилах. Теперь зазвучали другие голоса, сердитые окрики, вскрики и звуки —

что-то ломали, разбивали вдребезги, что-то падало. И снова вопли.

Я замер. Каждый нерв во мне, казалось, обнажился и трепетал. До вчерашней ночи я побежал бы вниз, чтобы посмотреть, что происходит, и кто знает, что произошло бы тогда? А теперь мне пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы начать потихоньку двигаться вперед. Сделав это, я увидел сквозь перегородку из ребристого стекла в моем офисе высокие силуэты, расхаживавшие взад-вперед среди нарастающего грохота и стука разбиваемых вещей. Затем неожиданно один из них остановился, с устрашающей скоростью подлетел прямо к стеклу, и я увидел, как заколыхался его причудливый зубчатый гребень, снова услышал этот хриплый вопль рептилии, зазвучавший в этот раз с торжеством.

ВОЛКИ.

При виде этого зрелища мое оцепенение разом прошло. Я сдвинулся с места; я побежал. И правильно сделал — над моей головой стекло разбилось, и осколки посыпались наружу. В дожде осколков и брызнувшей крови наружу высунулся огромный кулак, сжавшийся как раз в том месте, где за секунду до этого была моя голова. Возврата не было. Я помчался по коридору и нырнул за угол, услышав, как за моей спиной с грохотом распахнулась задняя дверь нашего офиса, и в коридоре раздался топот башмаков. Но я уже был далеко впереди. Я выскочил в передний холл — он представлял собой ужасное месиво, и никого в нем не было видно. Отчаянно скользя по мозаичному полу, я увернулся от перевернутого книжного шкафа и ухватился за провисшие двери. Одна из них отвалилась прямо у меня в руке и упала. Я выпрыгнул в образовавшееся отверстие и бросился на лестницу.

Здесь были ступеньки, но еще четыре этажа — и они настигнут меня. Лифт... я рискнул драгоценной секундой, чтобы кинуться к нему и нажать кнопку. Чудо из чудес — двери плавно открылись.

Я влетел внутрь, ударившись о стену, как раз в тот момент, когда первый из Волков с грохотом вырвался из офисов. Я ударил пальцем по панели лифта. Очевидно, неожиданное облегчение, отразившееся на моем лице, озадачило Волка, поскольку он и другие, следовавшие за ним по пятам, остановились разинув рты, словно ожидая, что что-нибудь случится. Но ничего не случилось. Двери оставались открытыми. И тут я вспомнил в полном ужасе, что они всегда закрываются с задержкой на несколько секунд...

Выражение мрачной серой физиономии неожиданно сменилось отвратительным торжеством. Между зубами, похожими на могильные камни, появилась слюна, и он поспешил вперед, протягивая руки. С легким механическим вздохом двери закрылись прямо перед его носом. Что-то со страшной силой грохнуло в наружную дверь, но лифт двигался. Я снова обмяк от облегчения, но все же я чувствовал, что что-то не так. Лифт стал замедлять движение, с моих плеч свалился дополнительный вес — и только тут я сообразил, в чем дело.

В панике я нажал не на ту кнопку. Лифт пошел ВВЕРХ. Надо мной был только один этаж, и ничто не могло остановить Волков, бегущих за мной следом. Я потянулся было к кнопке «вниз», но вовремя остановился — они могли перехватить лифт на обратном пути. Кабина мягко остановилась, и двери открылись. Я попятился, думая увидеть высокие фигуры, поджидающие меня или сыплющиеся с лестницы. Однако здесь не было никого и ничего, кроме стука, раздавав-

шегося снизу. Я бросился к перилам и — очень осторожно — заглянул вниз.

Волки колотили в двери лифта. Один громадный верзила со щетинистой бритой головой пытался просунуть между ними что-то наподобие лома, уперевшись огромными башмаками в дверную раму и ударяясь могучими плечами о дверь. Я вытаращил глаза и отступил назад. Они даже не смотрели вверх или вниз по лестнице. Каким бы диким это ни казалось, но они не имели ни малейшего представления о том, что такое лифт. Должно быть, думали, что так и сидю в этой маленькой комнатке за закрытыми дверьми.

Неожиданно раздался скрежет металла, а затем — еще более громкий вой, казалось, замиравший где-то вдалеке. А потом тоже издали донесся так же отдававшийся стук, оборвавший крик. Мне пришлось зажать ладонью рот, чтобы сдержать взрыв истерического смеха. Волки силой оттянули двери, и как минимум один из них — по-видимому, парень с ломом, провалился в шахту с высоты целых четырех этажей. За моей спиной вдруг пробудилась к жизни аварийная сигнализация лифта, с такой громкостью, что могла обратить в бегство все здание. Для ровного счета я выбил стекло пожарной сигнализации — мне всегда хотелось попробовать этот маленький молоточек — и нажал кнопку. С нижних этажей послышалось хлопанье дверей. Я повернулся и увидел операционистку из офиса, нервно выглядывавшую из-за двери.

— Что... что за шум такой?

Я сгреб ее и затащил назад в офис: — Вы еще не вызвали полицию? Нет? Господи, неужели вы не слышали? — Тут я услышал ритмичные металлические звуки, вырывающиеся из плеера, лежавшего на

ее столе. — Ладно, Бог с ним! — Я бросился к пульту. — Вы здесь одна?

Она скорчила гримаску: — Ага. Все свалили пораньше из-за погоды, а я дожидаясь своего дружка, он за мной заедет.

— Тем хуже для вас! Задняя дверь — закрыта? Тогда найдите место, где вы сможете запереться, хоть в женском туалете... Оператор? Полицию, пожалуйста — БЫСТРО!

И они действительно приехали быстро. Наверное, поблизости была патрульная машина, я услышал приближающуюся сирену через минуту после того, как повесил трубку и все еще боролся с искушением тоже запереться в женском туалете. Это придало мне достаточно храбрости, чтобы схватить увесистую пепельницу и осторожно выйти наружу. На этой лестнице, так же, как и на нашей, никого не было видно. На улице тоже ничего не было слышно, кроме нарастающего шума, — это пожарная тревога охватила нижние этажи. Я прокрался вниз по ступенькам, от души желая, чтобы сердце перестало так колотиться: по-прежнему ничего. Я добрался до нашей лестницы, с минуту заколебался, входить ли внутрь, однако проявил все же некоторый здравый смысл и скатился вниз по ступенькам. Когда я через минуту снова поднялся наверх, меня сопровождали двое полицейских и трое форвардов регби из страховой компании, расположенной ниже этажом.

Не знаю, что я ожидал найти. Одна мысль об этом приводила меня в ужас. Но, к моему большому облегчению, первым, кого мы увидели, был Барри. Перед его дорогой рубашки был залит кровью, и он оказывал первую помощь Джуди — нашей операционистке. Она лежала на диване для посетителей с синяком под

глазом и, насколько можно было судить по первому взгляду, сломанной рукой; но, по крайней мере, они оба были живы.

— Стив! — воскликнул Барри, вскочил и сгреб меня в охапку. У него снова пошла носом кровь, но он, казалось, не замечал этого. — Они тебя не схватили? Это ты поднял тревогу? Господи, надо же, как ты вовремя сообразил! Ты спас наши шкуры, черт побери! Ну и ублюдки! Сначала кидают нас по всему офису, как футбольные мячи, а потом один звонок — и они уже смылись, как трусливые кролики, чтоб им пусто было! Видел бы ты, как они рванули! Проклятые трусливые панки-маньяки... — Я дал Барри свой носовой платок. Он осторожно вытер свой распухший нос, и я заметил, что тот немного сдвинулся — нос был сломан. — Она пыталась поднять тревогу, — пробормотал Барри. — Так они сбили ее с ног, а потом опрокинули на нее стол. Мерзавцы! Настоящие мерзавцы, так их и раз-этак...

Его речь превратилась в бессвязные ругательства, и я помог ему сесть на диван рядом с Джуди. Полиция и все прочие не болтались поблизости, они быстро пробежались по офисам, и я услышал, как они крикнули, что эти подонки сбежали через черный ход. Прибывали новые полицейские, и стали появляться сотрудники офиса. Судя по тому, как они выглядели, у всех были повреждения, никто не был убит или искалечен, тем не менее, вид у них был ужасно жалкий: парад прихрамывающих, с синяками, расквашенными скулами, разбитыми губами, рассеченными ушами и в ярких пурпурных шрамах и царапинах. У некоторых были раны на голове, из которых хлестала кровь, как у недорезанного поросенка, у других — следы рвоты на одежде. Впечатление было такое, что

Волки били всех и каждого, словно это было что-то само собой разумеющееся, как мужчин, так и женщин, особенно по голове. Я слышал, что так поступают грабители, чтобы дезориентировать своих жертв. У большинства машинисток и младших секретарш одежда была наполовину сорвана, судя по всему, больше, чтобы унижить, а не причинить вред. Даже личная помощница Джеммы, которой оставалось пять лет до пенсии, стягивала на груди свою элегантную блузку, помогая одной из своих секретарш, позеленевшей от шока.

Секретарши... Были здесь и лица, которых я не видел. Я вскочил и бросился в свой офис. Добежав туда, я остановился, как вкопанный, у сорванной дверной рамы. Разрушения предыдущего дня были ничто по сравнению с нынешними. Офис был буквально разнесен в клочья, каждый предмет обстановки разбит. Даже перегородка между приемной и внутренним офисом была разрушена; что же касается моего компьютера, стола и даже стула, то их трудно было даже распознать. Они валялись расколотыми и разбитыми, растоптанными в бесформенную грудку. Один из регбистов помогал Дэйву подняться с пола рядом с его столом. — Дэйв! — крикнул я. Он бессвязно заморгал своим нераспухшим правым глазом. — Дэйв! С Клэр все в порядке?

Он только пробормотал: — А... Клэр? Забрать Клэр...

Я схватил его за плечи и стал трясти: — ГДЕ ОНА?

Мужик из страховой компании оттолкнул меня: — Оставь его, Стив! Ты что, не видишь — он контужен!

Я отпустил Дэйва и протолкался дальше. Клэр не было среди обломков ее собственного кабинета, к счастью, не было ее и под обломками. Если бы она

казалась где-нибудь в другом месте, когда началось нападение... Я заглянул во все офисы, но там никого не осталось. С тупым, свинцовым ощущением в груди я вернулся назад через гудевшую толпу, заглянул в машбюро, в комнату фотокопирования, в мужской туалет, даже в женский — ни одна из девушек, приводивших себя в порядок после полученных ранений на меня даже не взглянула. И ни одна из них не была Клэр.

— Клэр! — крикнул я, перекрывая гул толпы. — Никто не видел Клэр?

Одна из машинисток, жадно глотавшая воду, неожиданно взвизгнула и выронила стакан: — КЛЭР! Они тащили ее... — И девушка ударилась в истерику.

Этого было достаточно. Я вылетел в вестибюль, протолкался сквозь толпу, еще больше разбухшую вследствие прибывшей скорой помощи, галопом помчался вниз по ступенькам. В самом низу стоял Барри с сержантом полиции, уставившись на кровавый след, тянувшийся через коридор от шахты лифта. — Довольно крутые панки, если хотите знать мое мнение, надо же — пролететь четыре этажа и потом просто уползти... а какого черта...

Барри увидел меня и помахал рукой, чтобы я подошел: — Сержант, это Стив...

Я вырвался: — Черт побери, Барри, потом! ОНИ ЗАБРАЛИ КЛЭР!

Сержант схватил меня за локоть тяжелой уверенной рукой. Я попытался высвободиться, но это усилие чуть не сбilo меня с ног. Неожиданно, в приступе отчаянного бешенства я развернулся ударил его кулаком по лицу. Еще днем раньше я ни за что бы такого не сделал, и мне не могло прийти в голову, что я могу ударить с такой силой. Он буквально полетел вверх

тормашками, ударился о стену и остался лежать, скорчившись.

Я повернулся и побежал, слыша за спиной громовой голос Барри: — Какого черта... и потом, более настойчиво: — СТИВ!

Я был многим обязан Барри, но не отваживался прислушиваться. Я не собирался ждать его или полицию; я не решался. Я побежал. На улицу, мимо зевак с одутловатыми физиономиями; один из них сделал робкий шаг, чтобы загородить мне дорогу, передумал и отскочил назад. Я добежал до стоянки, нашаривая ключи, распахнул дверцу машины и прыгнул на водительское сидение. Я с ревом круто развернул машину, она присела на подвеске, как кошка, готовящаяся к прыжку, и вылетела вон. В зеркале заднего вида я увидел высыпавших из здания людей в синей униформе, но они меня не волновали. Въезд на улочку был так загроможден зеваками и машинами скорой помощи, что они ни за что не могли догнать меня, а улица была с односторонним движением, значит, ее дальний конец будет свободен. Они, конечно, поднимут тревогу, но все местные машины, по-видимому, были здесь, и как только я выеду отсюда, вычислить мою машину в потоке ее безликих двойников в вечерние часы пик — это один шанс из тысячи.

При условии, разумеется, что я буду вести ее разумно и не привлекать к себе внимания. Тут мне надо было действовать осторожно. Игра в беглеца была странно возбуждающей, невзирая на гнетущую тревогу в сердце. Странно, поскольку это было совсем непохоже на человека, которого я видел в зеркале, когда брился. По натуре я всегда был законопослушным, и, если разобраться, оставался таковым и теперь. Я ничего не замышлял против полиции, совсем ничего,

и не желал затруднять их работу. Рано или поздно мне придется отвечать за последствия того, что я сделал. Не было никаких сомнений по поводу того, как все это выглядело: я ударил полицейского, удрал с места происшествия. Они решат, что я что-то знаю, и уж всячески постараются сделать так, чтобы я им об этом сообщил. Хорошо, я мог бы попробовать, как бы дико ни звучала вся моя история, но я не мог позволить им помешать мне. Только не сейчас. Сейчас я повиновался другому, более древнему закону.

Возможно, это был закон инстинктов. Мысль о том, что какое-нибудь невинное создание попало в руки этих существ, была достаточно неприятна, но Клэр... Чем она была для меня? Младшей коллегой. Даже не другом. Я тщательно старался, чтобы так оно и оставалось: почти не виделся с ней после работы, мало что знал о ее жизни. И все же она была моим секретарем четыре года. За это время у меня волей-неволей составилось представление о ее личности, о сущности Клэр. Может быть, я даже лучше понимал, что ею движет, чем ее приходящие и уходящие кавалеры. Перефразируя старую поговорку, нельзя быть героем в глазах собственной секретарши. Тем не менее, она всегда держала мою сторону, и у меня были причины сознавать, что она всегда пылко поддерживала меня, когда речь заходила о серьезных вещах. Меня слегка удивило мое страстное желание отплатить ей тем же. Я говорил себе, что это просто чувство вины. Я был в ответе за нее, и все же я навлек на нее беду своим безумным стремлением проникнуть в вещи, которые следовало оставить в покое, забыть, как велел мне Джип. Но было здесь и нечто большее, чем чувство вины, чем желание помочь, которое я испытывал ко всем людям, попавшим в эту передрагу. Она все время

стояла перед моим мысленным взором, и мне приходилось прилагать серьезные усилия, чтобы ехать медленно, соблюдая осторожность, двигаться в потоке и следить, как впереди, под медленно краснеющим небом, собираются тени.

Приходилось смотреть правде в глаза. Мне нравилась эта девушка, нравилась больше, чем кто-либо. В течение всего этого времени зарождалось какое-то чувство, проникало сквозь мою тщательно созданную броню, в такие места, где, как я считал, все щели были забиты. Все это время мои инстинкты предавали меня. А теперь они подстегивали меня, и я почти неистовствовал. Господи, должно быть, она сейчас страдает! Что она должна думать? Если она еще жива и вообще может думать...

Я должен был помочь ей, любой ценой, куда бы мне ни пришлось поехать.

Я знал, что это значит. Мне придется открыть закрытые ворота, пройти снова по забытой тропе, переступить запретный порог. Пройти тем путем, которого не могли открыть ни рассудок, ни память, — единственной путеводной нитью на нем были мои инстинкты. И с того момента, когда полицейский положил толстую лапу на мой локоть, инстинкты громко предостерегли меня. Полицейский и власть, которую он представлял, были частью более узкого мира. С ними или с кем-либо другим на буксире я бы никогда не нашел этот путь, даже кружа по этим темным улицам целую вечность. То место, куда я направлялся, было для меня одного.

Но дорога туда казалась нескончаемой. Я влетал в пробку за пробкой, и все светофоры, казалось, нарочно загорались красным при моем приближении. Сегодня вечером я вполне был готов проскочить их на красный,

но я не мог позволить себе, чтобы меня остановили, ради Клэр. Хуже всего было, когда, подъезжая к круговому движению, я услышал позади вой сирены, но это было где-то далеко, и два тяжелых грузовика загораживали меня от нее. Я не слишком беспокоился. Вполне возможно, что они и гнались-то не за мной, а если и за мной, вряд ли они успели бы настичь меня до поворота. Я подъехал к участку с круговым движением и как раз давал сигнал поворота, когда мое боковое зеркало заполнила машина, с ревом вылетевшая откуда-то прямо на меня. Один удар вытолкнул бы меня в другой ряд, что почти неизбежно завершилось бы крупной аварией. Я вывернул руль как раз вовремя, но вокруг раздался шквал сигналов и криков. Все это — в мой адрес, поскольку настоящего виновника никто не видел. Я только мельком успел заметить блестящую красную спортивную машину и смуглое лицо, желтоватое и зловеще ухмыляющееся, человека, сидевшего за рулем, а потом он спокойно проплыл мимо и скрылся в направлении Харбор-уок. А мне пришлось еще раз объезжать круговое движение, чтобы достигнуть развилки и наконец услышать под колесами стук булыжника. Высокие стены сомкнулись надо мной, и звук сирены, казалось, замер вдали.

За исключением одного-двух грузовиков, Дунайская улица была пуста и я смог снять ногу со сцепления. Но тут меня стали одолевать новые сомнения: не будет проблем с самой машиной? Может, мне поставить ее и пойти пешком? Но с Джипом я справлялся нормально, к тому же, рисковать не было времени. Передо мной открылась похожая боковая улочка, и, не останавливаясь для раздумий, я свернул туда и зигзагами поехал туда, куда она вела, мимо задних стен складов с крышами, предостерегающе усыпанны-

ми рядами острых шипов или битым стеклом, холодно поблескивавшим в тусклом свете. Оттуда я выехал на другую улицу, вдоль которой тянулись заколоченные окна заброшенной фабрики, похожие на слепых часовых, а потом — на развилку, где мои инстинкты на минуту заколебались. По обе стороны во все направления тянулись улицы, вдоль них простирались длинные тени, ленивые и загадочные. Я опустил стекло и почувствовал запах моря в ветре, услышал крики чаек; подняв глаза, я увидел, как они кружат на фоне грозного неба. Затем, посмотрев налево, я увидел самые длинные тени, увенчанные зубчатыми гребнями, настоящее тесное переплетение шипов, и эти джунгли салингов и такелажа тут же всплыли в моей памяти. Я круто повернул руль, и машина прямо-таки полетела по булыжнику. Ибо там, впереди меня, в конце улицы, волшебный лес мачт вставал прямо на фоне освещенного горизонта.

Я не остановился. Я прибавил скорость и повернул, скрипнув шинами, прямо на саму верфь. Надо мной нависали высокие темные корпуса, в последних отблесках теплого дневного света они казались менее устрашающими, менее монолитными, выстроенные рядами и выкрашенные яркой краской, даже с тонкой позолоченной отделкой. Вдоль лееров сочно блестела бронзовая отделка, а вокруг иллюминаторов на некоторых малых судах — даже более современные украшения. Но на их борту почти не было видно признаков жизни, за исключением нескольких фигур, возившихся с такелажем или облокотившихся на поручни; группа мужчин разгружала одно из судов, бросая тюки на берег в сеть, свисавшую с конца гика, — такую картину я видел разве что на фотографиях девятнадцатого века. Подвода, запряженная лошадьми, стояла

наготове, чтобы принять груз, однако, когда я промчался мимо, и люди и лошадь наблюдали за мной с совершенным безразличием. Казалось, верфи тянутся непрерывно, насколько хватало глаз, во всех направлениях. Но на кирпиче центрального здания заглавными буквами в викторианском стиле, почти выцветшая и раскрошившая за сто лет пребывания под солнцем соленым ветром, виднелась надпись: РЫБАЦКАЯ ВЕРФЬ. А под ней, еще хуже видимые, были стрелки, показывавшие вправо и влево, а под ними — длинный список названий.

Стокгольм, Тринити, Мелроз, Гданьская, Тир...

Я не стал останавливаться, чтобы читать остальные названия. Этот был тот путь, по которому я направлялся. Я нажал на акселератор и умчался, стуча и ударяя колесами по грубому камню. Еще четыре верфи, мимо складов, высоких и старинных и таких же таинственных, как стены замков; в воздухе смешивались причудливые запахи, среди них — запах смолы, шкур и затхлого масла. И наконец, впереди на стене я увидел выведенную готическими буквами выцветшую надпись: Гданьская верфь. Я резко остановил машину, взвизгнули тормоза. Я выскочил, пробежал несколько шагов... и остановился.

Там, в этой огромной фаланге кораблей впервые зияла брешь. У трех причалов, как у всех остальных, стояли высокие суда, но четвертый причал был пуст, и в разрыве, окрашенные золотом в свете заката, рябили воды гавани. С кабестанов и железных швартовых тумб на набережной, как мертвые змеи, свисали или просто свисали короткие куски каната. Я побежал вперед, наклонился над одним из них и обнаружил, что конец чистый, не затертый. Я опустил-ся на землю в глубоком отчаянии, пристально глядя

на пустые воды. Я приехал быстро; но Волки каким-то странным образом прибыли еще быстрее. Они обрубали канаты и ушли. И Клэр вместе с ними...

Но как давно? Не может быть, чтобы раньше, чем несколько минут назад, от силы полчаса. Чтобы заставить двигаться эти огромные парусные корабли, требовалось время. Конечно, они должны быть еще видны! Я вскочил на ноги.

Но затем я снова медленно опустился на колени на грубые камни. Я сделал это почти в каком-то благоговении. Я больше не сомневался в своем рассудке. Я был готов к великим чудесам — так я считал. Но ничто из того, что я видел раньше, не могло подготовить меня к зрелищу, представшему перед моими глазами.

Передо мной стены гавани открывались в бескрайние просторы моря, серого и недоступного, как собиравшаяся над ним мантия облаков, за исключением того места, где еще горел огромной резаной раной последний луч заката. И в этом разрезе тонкие языки туч, оттененные сверкающим огнем, создавали видение сияющих освещенных солнцем склонов, окаймленных золотом и обрамлявших полосу туманной лазури. Я знал форму этих склонов. Я помнил их слишком хорошо, хотя и видел их теперь под другим углом. Это был архипелаг среди туч, тот же, что я видел раньше, открывавшийся теперь передо мной над пустым морем. А в сердце лазурной полосы, широкой, голубой и блестящей, похожей на устье, усеянное островами и окруженное широкими золотыми песками, я увидел высокую разукрашенную корму огромного корабля, с парусами, расправленными, как крылья, ушедшего вверх и исчезавшего из виду в бездонных глубинах неба.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОКА продолжалось это великолепное сияние, я стоял на коленях, оглушенный, с помутившимся разумом и зрением, разбитый, дрожа от озноба. Маленькие волны бились о верфь, высокие суда мягко покачивались у своих причалов с тихим потрескиванием и стоном, как деревья, раскачиваемые ветром. Я чувствовал себя, как самый последний лист, сухой и легкий, дрожащий на этом осеннем ветру. Только когда тучи сомкнулись над горизонтом, как ворота, и изгнали из мира свет, ветер утихомирился и замер. И я пришел в себя, несчастный, разбитый и замерзший, и на негнущихся ногах медленно поднялся.

Сны. Галлюцинации. Бред. Шизофрения...

Я снова и снова гонял эти ускользающие словечки в своем мозгу, и они все больше казались чистой самонадеянностью, слепым высокомерием. Словно я думал, что бесконечность можно уместить в одном моем маленьком мозгу. Словно я взглянул на купол собора и заявил, что это крыша моего собственного черепа. Принять то, что я видел. Здесь не было сомнений. Прилив — принимай его или нет, море все равно перекачивается через тебя и преподает тебе неоценимый урок: не переоценивать свою значимость во всем порядке вещей. Не верить — это было бы трудным делом. Для этого нужно большое воображе-

ние. И это действительно способно свести человека с ума.

Только вчера вечером мне позволили заглянуть в бесконечность, но теперь я балансировал на грани мира и смотрел в его пропасть. Эти глубины терзали меня, притягивали, как пустота за утесом, только в тысячу раз сильнее. Они высосали мои мысли и унесли их в туманные дали, и даже сейчас, когда видение уже исчезло, было смертельно трудно вернуть их назад. На фоне этой сцены я или любое другое человеческое существо казались крошечными, почти неразличимыми, наши тревоги — незначительными, преходящими, пузырями в необъятном бесконечном водопаде.

И тем не менее, мы должны иметь значение, пусть только друг для друга, пусть только для того, чтобы дать друг другу еще капельку значения, чуть-чуть дополнительной важности. Что еще могут пузыри, только прилипать друг к другу.

Я должен был помочь Клэр. Я больше не хотел думать, почему. Но в этот мир за Дунаем, в эту пустыню без конца и края я не мог отправляться один, не мог ехать так далеко. Звездный свет стал серым, и в тихом воздухе холодный туман с моря обволакивал меня. На верфях продолжали подмигивать тусклые желтые огоньки. На мой лоб упала холодная капля дождя. Я устало забрался в машину, захлопнул дверь, повернул ключ в замке зажигания и повернул назад вдоль верфей, разыскивая обратный путь в туман боковых улочек. Сначала мне надо было кое-что найти, и это могло оказаться самым трудным.

Но то ли мне раз в жизни сопутствовала удача, то ли я стал ориентироваться в этом месте. Дождь становился все сильнее, и я уже проехал мимо двух улочек, казавшихся слишком темными и малообеща-

ющими под этой завесой дождя. Третья выглядела точно так же, однако, когда я проезжал мимо нее, я успел увидеть отдаленный блеск, крошечное пятнышко цвета, пробившее на мгновение дождевую пелену. Я затормозил, развернул машину, стуча колесами по грубой поверхности верфи, и въехал на эту улочку. Свет все еще горел, далекий, крошечный, рубиновое пятнышко среди серого бархата. Мои ощущения мне ровным счетом ничего не говорили, но никакого другого знака, куда я мог бы следовать, не было. Он привел меня вниз по улице, совсем недалеко, и я остановился под окнами мрачного на вид здания. Когда-то, наверное, это было здание офисов какой-то фирмы, коммерческая крепость, правившая судьбами людей отсюда до Норвегии или Владивостока. Теперь же на перемычке двери болталась современная вывеска, облезлая и неудобочитаемая, а большинство окон были забиты чем-то вроде просмоленной бумаги за стеклами. Это превращало их темные зеркала, и отражение, видневшееся в одном из этих зеркал, было начало улицы, находившейся напротив, и света, сиявшего в ее конце. Я выскочил и стоял, моргая, всматриваясь сквозь дождь, колотивший и плескавший по крыше машины, затем захлопнул за собой дверь и побегал. То была вывеска «Иллирийской таверны».

В конце улочки я угодил по лодыжки в грязную канаву и побежал, расплескивая грязь, к незаасфальтированному краю другой улочки. Я перепрыгнул канаву в три прыжка, чуть не сбив какого-то беднягу на велосипеде в канаву, четвертый прыжок привел меня к выцветшей красной двери. Замок был странным, и я все еще возился с ним, как вдруг почувствовал, что он повернулся, и дверь открылась. Из мрака выглядывало лицо Катьки, похожее на лисичку и очень удив-

ленное: — СТЕФАН! Входи! Входи же! Тут сейчас никого — агнец Божий! Ты промок насквозь! Иди посушись у огня.

Я схватил ее за руки, и она игриво скользнула ими мне подмышки и легонько пробежала пальцами по моим ребрам: — Что-то опять очень ср-рочное, а?

Катька втащила меня в теплый полумрак и захлопнула дверь движением бедра. Я сообразил, что на ней нет ничего, кроме какой-то белой полотняной сорочки. — Джип! — торопливо сказал я. — Он здесь? Или где...

— Ах, да в любую минуту, — весело сказала Катька. — Он всегда здесь бывает по вечерам...

— Разве он иногда не ходит в другие места? В «Русалку»?

Она пожала плечами и скорчила гримаску: — Ну, иногда... но он всегда заходит, рано или поздно. Просто сказать здрасьте. А ты не можешь подождать, а? М-м-м?

— КАТЬКА! Черт побери, это серьезно... — Только это я и успел сказать. На ее губах был вкус специй, они были нежными и горячими, и тело ее пылало сквозь накрахмаленную рубашку, когда она прижалась ко мне. В моем неуверенном состоянии духа этого было достаточно. Я сжал ее в объятиях, почувствовал, как она изогнулась, и погрузился в ее поцелуй, словно хотел вынырнуть из мира, оказавшегося вдруг слишком огромным. Потом могло произойти много чего, если бы дверной засов больно не врезался мне в копчик и дверь не открылась. Мы отчаянно завертелись и ухватились за перила, чтобы не покатиться вниз по лестнице.

— Ну, привет, юные любовнички! — жизнерадостно заорал Джип. — Что-то новенькое, я еще о таком

не слышал, а, Кэт? На лестнице, а? Допускаю, что это занятно, только малость слишком спортивно для меня...

Катка гордо отмахнулась от него, но испортила все впечатление, показав язык: — Ах, ты, забулдыга ленивый! А бедный Стефан так спешит и тебя разыскивает! — пожаловалась она.

— Что ж, там, куда он собирался, он бы меня не нашел! — Протяжный говор Джипа не мог быть более лаконичным, однако я заметил неожиданную настороженность в его взгляде. — Но я рад, что ты пришел. Я надеялся, что придешь. Хотел вроде как попросить прощения за то, как я тогда себя держал. Ну, вот я, старый дружище, что за спешка? — Я собрался с духом, но прежде, чем я успел что-либо сказать, Джип схватил меня за локоть. — Ну хоть не опять беда с этими шелудивыми Волками? Я тут как раз слышал — они отплыли, будто им сам дьявол наступал на пятки...

— То-то и оно! — сказал я. — И прихватили... моего друга с собой! Они охотились за мной, но... Джип! Мне нужна помощь! И побыстрее

Я услышал, как Катка резко вдохнула воздух. Джип медленно кивнул: — Пожалуй, что так, — согласился он. — Но раз уж они отплыли, часом меньше, часом больше — невелика важность. — Он отмел мои протесты, подняв руки. — Погоди, погоди. Давай-ка ты лучше сядь и расскажи мне все по порядку, а ты, девочка,образи-ка нам что-нибудь пожрать, а? А потом приходи сюда и тоже слушай, поняла? — Катка кивнула и, шлепая ногами, пошла впереди нас, исчезнув в темноте и почти тут же появившись снова с бутылкой и тремя маленькими фляжками. Джип взял их с таким вежливым кивком, что это больше походило на поклон, и предложил мне

сесть в кабинку с высокими сидениями у камина: — Всегда знает, чего человеку нужно, эта девочка. Вот, глотни-ка этого: один глоток, потом другой. Я был бы рад послушать, что она насчет этого скажет. Катька здесь давно, много чему обучилась. У нее чутье на такие вещи.

Он налил мне вторую фляжку этого свирепого спирта, потом налил себе и вздохнул, садясь напротив меня и возя по полу своими ножнами: — Неправедный человек не найдет где голову приклонить, как говаривал мой старик. По правде говоря, раз уж тут так все складывается в последние дни, я уже подумывал, не поступить ли на службу да не отплыть отсюда на время. На случай, что в этих местах для меня станет жарковато, улавливаешь? А потом услышал, что эти ублюдки отчалили, и шел сюда, чтобы отметить это дело. А тут вон... ладно, Стив, валяй рассказывай.

Я все и рассказал, тем более, что мое шоковое состояние несколько притупилось из-за водки, — всю историю про налет на офис и мою погоню за ними сюда. Спустя минуту появилась Катька, со стуком поставила на стол высокие глиняные кружки с пивом и протиснулась в кабинку рядом со мной, опершись подбородком на худую руку и пристально глядя на меня. По мере того, как я рассказывал свою историю, я видел, как посуровели тонкие лица моих слушателей. Свет камина рождал отблески в серых глазах девушки, и морщины вокруг ее полных губ стали глубже. Глаза Джипа сузились, и казалось, что он смотрит сквозь меня, куда-то в даль без горизонта. От этой мысли у меня по спине пробежал холодок, я дрожал, рассказывая о своем последнем видении, и чувствовал руку Катьки, обнявшую меня сзади, ее бедро, прижатое к моему бедру, и радовался этому

прикосновению. Она действительно знала, что нужно человеку и, главное, быстро давала ему это. Что же она пыталась мне дать в эти безумные мгновения перед тем, как пришел Джип? Что мне было нужно?

— Вот и все, — произнес я и отпил большой глоток пива.

Джип резко выдохнул и искоса посмотрел на меня: — Ну и на что ты рассчитывал, черт бы тебя побрал, если бы нагнал этих ублюдков? Один справиться с полным кораблем Волков?

Я надеялся, что он об этом не спросит. — Ведь это же за мной охотились Волки. Я собирался предложить им себя, если они отпустят ее.

Джип пощадил меня и не стал смеяться, просто бесстрастно посмотрел на меня: — Они бы с радостью прихватили тебя, и ее оставили. Или что похуже. Они не шибко славный народ, эти Волки. — Катька фыркнула. — Вообще-то, если уж говорить точно, они и не люди вовсе.

Катька медленно заговорила: — Она твоя, эта девушка?

— Нет, — поспешно ответил я, — ничего подобного. Она работает со мной, вот и все... я чувствую, что я в ответе за нее... из-за всего этого...

— Ну? — резко спросил Джип, однако он обращался не ко мне, а к Катьке.

Она пожала плечами, извлекла откуда-то нечто, смахивавшее на продолговатую книжицу, и положила ее на стол, затем взяла мою руку и положила ее ладонью вниз сверху. Предмет был теплым, словно находился где-то рядом с ее кожей, и я понял, что это колода карт. Спустя минуту она отпустила мою руку, перетасовала карты и ловкими пальцами стала раскладывать их между нами на столе. Карты жестко падали

ровными рядами, одна на другую, и, закончив, Катька подала мне знак перевернуть сначала одну, затем — вторую. С легким нетерпением я перевернул две карты наугад; одна моя знакомая девушка когда-то предсказывала судьбу по Тароту — весьма назойливая была особа — и я ожидал и здесь увидеть то же самое. Однако это были обычные игральные карты, вернее, нет, ибо я раньше никогда таких не видел. Первым я открыл валета бубен, и двойная фигура зловеще усмехнулась мне — смуглая и усатая, как разбойник елизаветинских времен, с такой злобой в блестящих глазах, что они сияли и сверкали холодным огнем настоящих алмазов*. Я поспешно снова перевернул карту и взглянул на другую, но это был туз червей и в трепещущем свете он, казалось, разбухал и пульсировал, яркий, жидко-красный.

Катька снова перевернула карту. — Еще одну, — сказала она. Я неохотно перевернул — не знаю почему — последнюю выпавшую карту. Это была двойка пик, и на ней не было никаких знаков, кроме двух черных семечек. Однако внезапно показалось, что чернота сгустилась и стала пустой и бездонной, словно семечки в действительности были окнами в пустоту, находившуюся под ними. От этого зрелища мое зрение затуманилось, стало нечетким, черные семечки поплыли, замерцали и на мгновение слились в одно — получился мерцающий, похожий на пещеру туз. Катька выхватила карту из моих рук и яростным жестом сложила колоду.

— Ничего? — резко спросил Джип.

— Да! — отрезала Катька. — Над всем этим делом

* Игра слов: по-английски diamonds — алмазы и бубновая масть.

висит какая-то тень. Были слабые знаки, но... ничего, что я могла бы понять, Господи помилуй! Ничего...

Молчание было прервано звуком шагов, раздавшимся из смахивавшей на подвал комнаты, и ароматом чего-то сдобренного специями, источавшего запах помидоров, перца и жареного, более аппетитный, чем я когда-либо мог себе представить. В полумраке появилось лицо, круглое, красное и морщинистое, как высохшее зимнее яблоко, но с величественным орлиным носом и ослепительной улыбкой. Лицо было обрамлено цветастым шарфом и выбивающимися из-под него кудрями цвета воронова крыла. Женщине, вразвалку вошедшая в комнату, неся огромный тяжеленный поднос, могло быть и пятьдесят лет, и семьдесят, она была полной, но здоровой. Женщина поставила поднос руками более загорелыми, чем мои.

— Благодарствуем, Малинче! — сказала Катька. По-видимому, женщина была женой Мирко, она поклонилась мне, и из ее рта полился целый поток слов, которых я не мог понять. Я встал и постарался имитировать поклон Джипа, а старуха схватила меня за руки и снова заговорила, потом крепко расцеловала меня в обе щеки и удалилась, все еще что-то говоря.

— Она желает тебе удачи в твоих испытаниях, — медленно произнесла Катька. — И говорит, что ты должен есть. Это хороший совет; сила может тебе понадобиться. Я хотела бы помочь тебе, но не могу, так что...

Джип, уже принявшийся за еду, поднял голову и встретился с ней взглядом: — Ле Стриж? — спросил он.

— Стригойко, — отозвалась она.

— Проклятие! — пробурчал Джип и снова принялся за еду.

Сначала я только поклевывал пищу, я был в панике и с трудом проталкивал еду в горло. Я прямо ощущал, как проходит вечер, как странный корабль и все, кто находился на его борту, удаляются все дальше и дальше, вне нашей досягаемости. Но от специй мой рот увлажнился, внутри все стало гореть, и начал есть так же жадно, как Джип. Но при этом я был рад, что он не медлил; как только опустела его тарелка, Джип поднялся, выпил последний глоток пива и бросил грубую полотняную салфетку на стол. Он поднял бровь и посмотрел на Катьку: — Что ж, — вздохнул он, — по-моему, время заглянуть к старику Стрижу.

— Ты что-то не очень горишь желанием, — заметил я.

— Это вообще-то опасно, — сообщил мне Джип. — Но в такое время они вроде не так страшны.

— Опасности?

— Он водится со странными типами. Пойдем-ка мы лучше — тут довольно-таки далеко, а этот твой автомобиль нам не понадобится. Стриж вроде как не очень хорошо относится к таким вещам.

Катька проводила нас до лестницы. Никто не попросил у нас платы за еду и напитки, и я почувствовал, что они обидятся, если я предложу заплатить. — Ты позаботишься о Стефане, правда, Джип? — настойчиво спросила Катька и неожиданно крепко обняла меня. Она не поцеловала меня, просто быстро коснулась щеками моих щек и отпустила, так что это выглядело почти как официальное прощание. Джип серьезно кивнул и подал мне знак подниматься по ступенькам. Катька не последовала за нами, но стояла, молча глядя нам вслед и нервно постукивая колодой карт по бедру.

Когда я открыл дверь, холодный ветер ударил мне в лицо, однако дождь прекратился. Небо прояснилось,

по нему неслись рваные тучи. Я с удивлением заметил, что без туч стало совсем светло, как-то ясно от сероватого звездного света, приглушавшего цвета и делавшего обманчивыми расстояния. Джип тщательно закрыл за нами дверь и указал мне путь вверх по улице. В сточных канавах все еще стояли лужи воды, вода поблескивала между истертыми булыжниками, и в дороге, казалось, отражалось небо, а каждый продолговатый булыжник был как маленьким мостиком через его. Джип, похоже, погрузился в размышления, и какое-то время мы шли в молчании. Он заговорил первым: — Я говорил, что хочу объяснить тебе все про ту ночь.

— Тебе нет необходимости это делать.

— А по-моему, есть, — ты же уже трижды спасал мою шкуру. Думается мне, ты понял, что я просто испугался, да? Но не только за себя. Это я тебе говорю. Я клял себя на чем свет стоит за то, что вообще втянул тебя в эту историю. Боялся, что ты увязнешь еще глубже и навлечешь еще худшие беды на свою голову. — Он хрипло рассмеялся. — Надо было мне раньше об этом думать, как считаешь? — Я не ответил.

— Так вот, я решил, что напугал тебя, и ты больше сюда не полезешь. Да только я превозмог свой страх. Старина Стриж все хорошенько устроил с той штуковиной, она у него взвыла и вылетела отсюда — столбик дыма, и все. Так что я подумал, что теперь все в порядке. И тут же узнал, что Волки смылись...

Он покачал головой: — Стив, это все я виноват. Я должен был как следует предупредить тебя, может, даже найти тебе защиту. Но положила руку на сердце, мне и в голову не могло прийти, что там с тобой что-нибудь случится. В жизни не слышал, чтобы Волки так далеко забирались в Сердцевину, никогда раньше

такого не бывало. Другие, да, изредка, но чтоб Волки — никогда. Все это очень скверно выглядит, Стив.

— Ты ни в чем не виноват, — нетерпеливо заявил я. — Ты же не в ответе за действия этих мерзавцев. И за то, что именно им вздумается разнести на части, ты тоже не отвечаешь. Да и кто вообще отвечает, если разобраться? Откуда они взялись? Ты сказал, они на самом деле не люди — что это значит? — Теперь я уже начинал злиться, еда и выпивка разогнали шок и изумление. — И что ты там говорил насчет Сердцевины? Если эти подонки Волки охотятся за мной, я хотя бы должен знать о них все, что можно, да или нет, черт побери?

Джип, однако, медлил с ответом. — Я не могу рассказать тебе все в точности, — наконец, сказал он, когда мы свернули, дойдя до конца улицы. — Сдается мне, Волки и сами не знают всего, во всяком случае — наверняка, но я расскажу тебе все, что смогу. Это давняя история. Их предки были обычными людьми, хотя и смахивали на волков — банда пиратов, настоящий сброд, со своими шлюхами. На Карибах это было, давным-давно. Они вроде как стали поперек горла даже своим друзьям и в один прекрасный день очутились запертыми на крохотном островке, о котором на карте слухом не слыхивали. Судя по рассказам, это местечко уже тогда пользовалось дурной славой — священное место карибских индейцев-людоедов, но и те старались держаться от него подальше и отваживались высаживаться там только для того, чтобы напоить кровью своих языческих идолов. Видишь ли, считалось, что там, на необитаемом острове, они не выживут. Но они выжили, как черви, через запретную плоть.

— Запретную? Ты хочешь сказать, что они тоже стали каннибалами?

— Вот именно, и даже хуже: ложились с собственной плотью и кровью и так плодились — с кровной родней. И процветали, кстати, — они были словно дьяволы, но пожирали они не только своих, а завели привычку выходить, как акулы, в своих грубых каноэ и подстерегали маленькие суда, что проходили поблизости, а то и заманивали корабли побольше на рифы своего острова. Помогли Господь душам тех несчастных, что попали в их лапы! Говорят, они оставили в живых кое-кого и разводили, как скот, на бойню. Я слышал — были люди, которые тоже так жили, — много лет назад, в Шотландии, может, знаешь, Сони Бин и его клан? Только эти были еще хуже. А теперь и подавно стали хуже.

Внезапно пища тяжело осела в моем желудке, и почувствовал тошноту. Скрытый смысл слов Джипа... я с трудом отогнал эту мысль. — Джип, что же может еще хуже?

Джип небрежно пнул ногой обрывок полиэтиленовой обертки, попавшийся ему на пути. — Ну, люди, что уходили в те края, никогда не возвращались назад, так что туда стали ездить все меньше и меньше, и этот остров почитай что совсем забыли. А потом — ну, может, он на время оказался вроде как в стороне, знаешь, как это бывает. А пока что они менялись. Из поколения в поколение, потихоньку.

— Ты хочешь сказать, эволюционировали.

Джип непонимающе посмотрел на меня: — Ни о чем таком я не знаю. Это отдает как его... Дарвином, а меня воспитывали в строгих правилах. Они изменились, и это все, что я знаю. Не то чтобы в их кровь закралось что-то нечеловеческое, скорее, сказывалась

их собственная дурная кровь — а может, там было что-то еще на том острове. Коротко говоря, Волки — не человеческие существа. Они и не совсем похожи на нас. Они думают по-другому, не так, как мы, и уж, конечно, пахнут не так, как мы! Они уже не могут спариваться с людьми, только а со своей поганой кровью.

Я присвистнул: — Так они новый вид? Господи, а в этом есть смысл. Наверно, вот как все получилось. Небольшая изолированная группа, постоянное кровосмешение, обмен генами туда-сюда — и вот возникает мутация, и они начинают размножаться по-настоящему. Этим и объясняется этот нездоровый цвет кожи и их размеры. Но чтобы такое случилось с человеческим видом, с ЛЮДЬМИ... — Может, это и было неслыханно, но теперь я понимал, почему у меня при одном взгляде на эти существа волосы вставали дыбом. Во мне говорила кровь предков, предостерегая от чужаков, вторгающихся в наши владения, — и даже более того. От первобытных хищников...

— А мой начальник подумал, что они всего-навсего панки! Если ты знаешь, что это такое.

Джип моргнул: — Конечно. И меня это не удивляет. Это как я тогда сказал — потрясающе, как люди все-таки видят только то, что хотят видеть... — Он криво усмехнулся. — Я тебе кое-что скажу, Стив. Этот мир много шире, чем они могут даже помыслить. Они цепляются за то, что знают, за твердый центр, где все скучно, мертво и предсказуемо. Где часы идут, и в них ровно по шестьдесят секунд в минуту, и так с колыбели до могилы — это и есть Сердцевина. А здесь, снаружи — на Спирали, все движется дальше, еще наружу, к Краю. Но это не так — во всяком случае, не всегда. Этот мир — нечто гораздо большее, чем

шарик из грязи, что кружится в пустоте, как говорят эти умники. Он дрейфует, Стив, во Времени и в Пространстве. И не один прилив бьется о его берега, и не один отлив уходит от них.

Он поднял глаза к тускнеющему небу: — Так что в один прекрасный день — а это бывает у каждого человека — один такой прилив ударяется прямо о его ноги. Но большинство просто смотрят и отскакивают еще до того, как он успеет замочить им кончики пальцев. Смотрят и не понимают, и никогда не поймут; и они снова возвращаются в Сердцевину, теперь уже навсегда.

— Но ведь всегда находятся и такие, кто этого не делает?

— И выглядывают наружу, посмотреть на горизонты бесконечности! Кто-то в страхе склоняется и бежит от правды, что им открылась. Но другие, они делают шаг вперед — в холодные открытые воды. — Джип на ходу кивнул самому себе, углубившись в свое внутреннее видение. — И, в конце концов, пересекают их. Частенько случается, что из Портов, как этот, где за тысячу лет и больше приходы и уходы завязали узел во Времени, — во все уголки широкого мира. Господи, господи, и какого широкого! — Джип неожиданно взглянул на меня, и я увидел, как в звездном свете блеснули его зубы: — Ты ведь очень ученый человек, Стив. Так как ты думаешь, сколько углов у мира?

Я пожал плечами: — Четыре, фигурально выражаясь. Но в действительности... — Я снова увидел усмешку Джипа, но продолжал развивать свою мысль и сунул голову прямо в ловушку. — Ни одного, потому что это шар. Во всяком случае, более или менее.

Джип покачал головой: — Не-а. Спроси у математиков. Как я спрашивал, когда обучался сферической

навигации. Даже те, кто глубоко застрял в Сердцевине, знают, что это не так. Шар — это концепция, она ограничивает; так что не говорят — ни одного угла, а говорят — у него бесконечное множество. И знаешь что, Стив? Каждый из этих углов — это особое место. Место, которое существовало или будет существовать или никогда не существовало, разве что в голове людей, породивших его. Они проглядывают, как тени, за реальными местами в этой вашей реальности, тени их прошлого, их легенд, их любви, того, чем они могли быть в прошлом и еще могут стать в будущем; они соприкасаются и перемешиваются с каждым местом во многих точках. И ты можешь искать всю жизнь и не найти даже их следа, но если научишься, можешь проскочить между ними на одном дыхании. Только вот, Стив, тени ли это... или ваша реальность — их тень?

Я устал на него, потеряв дар речи, но Джип продолжал негромко, нараспев говорить будто сам с собой, как человек, пережевывающий то, что знал всю жизнь, но не переставал этому поражаться. — Там, к западу от заката, к востоку от восхода Луны лежит Саргассово море и Рай моряков*, там же находится Кладбище Слонов, царство Эльдорадо и империя Престера Джона...

— Хай Бразил? — предположил я, ибо мне снова вспомнился тот странный груз.

— Я был там, хорошее место; но есть и другие. Там есть все, что угодно. Богатства, красоты, опасности — все, что есть в уме и памяти людей, черт бы его побрал.

* «Рай моряков» — место, где по преданию веселятся их души.

И, наверное, даже больше — только эти тропы вроде как много труднее найти.

Но мысль о том грузе повлекла за собой другие воспоминания, а с ними и приступ горькой тревоги: — Так это туда они увезли Клэр? — Я схватил Джипа за руку. — Тогда как же мы можем хотя бы надеяться ее найти, черт побери!

Джип улыбнулся, и улыбка у него получилась чуть кривая: — Именно это мы и собираемся узнать, Стив.

Я отпустил его руку. Вместе с последними каплями дождя меня пронизало отчаяние: — Ты и твой распроклятый шаг вперед! Будь проклят тот день, когда я его сделал!

Джип пожал плечами: — Это не ко мне. Я здесь потому, что ты сделал этот шаг, и даже три раза подряд. И, наверное, даже дело не в тебе. — Он тяжело опустил руку мне на плечо. — Понимаешь, Стив, здесь, в этой части города ты скоро узнаешь, что нельзя увидеть конца вещей, и предвидеть, куда тебя заведет тот или иной поступок. Но одну вещь я все же заметил — все зависит от того, как ты пришел к тому, чтобы сделать свой первый шаг. Старый Стриж — он говорит то же самое, а он-то уж по-настоящему хитрый ублюдок. Со мной это происходило медленно, шаг за шагом, можно сказать, старый приятель по плаванию — я помогал ему иногда, а он рассказал мне все подробно, потому что считал, что это единственный способ со мной расплатиться. А я — я все делал правильно, я бы сказал, — потихоньку. Но вот ты — ты просто ворвался в эту историю в один момент — помочь человеку, которого знать не знал, и к черту свой собственный риск. А это, я бы сказал, длинный прямой шаг, и чистый к тому же — доброе дело, и ты не должен в нем раскаиваться, хотя бы до тех пор,

пока не узнаешь, чем дело кончится. Я бы сказал даже, что с таким началом ты все сделал себе на пользу, да только...

Он заколебался, остановился и стал осматриваться, словно искал кого-то или свой путь. Но там было только одно место, куда можно было свернуть — далеко впереди и направо, и ни одного живого существа вокруг, кроме какой-то собаки вдалеке, желтоватой и костлявой, по-видимому, бродячей, пропавшей за каким-то порогом. — Только? — подсказал я. — Только что? — Но Джип внезапно широким шагом направился через пустую дорогу по направлению к углу, и мне пришлось рысцой припустить за ним. Я, задыхаясь, повторил свой вопрос и не отставал от Джипа, пока тот не ответил, медленно и неохотно.

— Только... это все насчет того, что они так далеко забрались, залезли в Сердцевину. Не могу не удивляться... ну, тому, что, может, ты вроде как не сам сделал этот шаг, хотя он и был хорош. Что тебя могли и не подловить — не заманить в ловушку, так сказать. А вот это уже плохо.

Дальше мы шли в молчании. Я слышал быстрое дыхание Джипа, лоб его блестел. Мы двигались быстро, однако я видел, что раньше он даже от стремительной пробежки так не задыхался. Раз или два он оглядывался назад, в ту сторону, откуда мы шли. Я тоже смотрел и ничего не видел, но рука Джипа почти все время находилась на эфесе его меча. Улица, на которую мы свернула, была широкой и открытой, я смутно припомнил, что как-то раз проезжал по ней. По одну ее сторону все еще шли старые склады, но другая была почти очищена. Через несколько ярдов старая внушительная стена резко оборвалась, и пошла изгородь из колючей проволоки. За ней были возведе-

ны массивные ангары из рифленого железа, под бледным небом они казались еще более грязными и заброшенными, то там, то тут попадались пустые, заросшие и замусоренные строения. Перед одним из них, находившимся между двумя другими, более крупными, и оканчивавшимся высокой старинной кирпичной стеной, и остановился Джип. Он быстро огляделся, и я увидел, как его глаза на мгновение расширились. Но когда я оглянулся, я увидел только хвост какой-то собаки, поспешно исчезающей за углом, может, все той же; как все бродячие псы, побавившейся человеческого взгляда. Джип, казалось, нервничал как никогда; он что-то пробормотал, затем с неожиданным приливом какой-то свирепой энергии бросился на колючую проволоку и вскарабкался на самый верх с поистине обезьяньей ловкостью. Я попытался последовать за ним, укололся ладонью о первый же ряд и свалился вниз. Джип кивнул, встал ногой на один ряд проволоки, другой ногой — на соседний и раздвинул их на такую ширину, что я смог свободно пролезть между ними.

Ангар был таким же, как остальные, разве что более заброшенным и неряшливым. Он сильно зарос и весь был засыпан мусором — всем, чем угодно — начиная с аккуратных стопок домашнего мусора, вываливавшегося прямо через изгородь, и черных пластиковых мешков, в которых, казалось, были жуткие расчлененные трупы; до огромных, свободно валявшихся свертков грязных и разорванных отбросов и даже остатков какой-то техники. Ржавые и безликие, они поднимались вверх, как странная поросль среди моря трав, дров и пурпурного иван-чая, высотой по меньшей мере в пять футов, а местами и выше, скрывая предательские контуры разбросанного под

ними мусора. Огромные рифленые стены ангаров представляли собой интересный контраст, один в современных пастельных тонах на кирпичном фундаменте, другой из простого гальванизированного металла пятидесятих годов — теперь ржавый, сильно заляпанный и, по-видимому, разлагавшийся снизу доверху. К этому ангару и направлялся Джип, я по-прежнему в молчании следовал за ним, посасывая ладонь и стараясь вспомнить, когда в последний раз делал противостолбнячный укол. Даже при свежем ветре здесь ужасно несло, но было в атмосфере этого места и нечто худшее, и Джип, по все видимости, ощущал это так же остро, как я. В сгущавшейся темноте шелест трав звучал, как шепот голосов, и, оглянувшись назад, я увидел, как одно из пятен заколебалось на ветру, так, словно под ним что-то двигалось, все приближаясь и следуя за нами по пятам. Джип тоже увидел это, и я услышал, как дыхание со свистом вырвалось из его груди; однако он просто продолжал свой путь.

Когда мы дошли до стены более старого ангара, Джип, похоже, собрался с силами и пошел дальше своей обычной спокойной походкой, пожалуй, даже слишком спокойной. Во многих местах сами заплатки на стенах наполовину проржавели и были покрыты новыми; то там, то тут они продолжали ржаветь до конца и оставили зияющие рваные дыры на стенах. Рядом с одним из таких отверстий травы, казалось, росли не так густо, и расчищенное пространство было отмечено широким, похожим на шрам, участком пепла. Здесь Джип остановился и стал колотить башмаком по ржавеющей стене, подняв при этом немойный грохот.

— Вставай, Стриж! Вставай и выходи сюда, паршивый старый паук! У тебя визитеры в гостиной!

С минуту ничего не происходило, и Джип уже собирался снова лягнуть стену, как вдруг что-то зашелевилось, заскрежетало и издало такой сухой и ржавый стон, что я решил, что это падает металл. Затем из неровной дыры, словно животное из своего логова, выкатилась сгорбившаяся фигура, в которой я распознал человека только по гриве седых волос. Его конечности стали распрямляться, очень напоминая паука, и я увидел, что он облачен в допотопное и по виду грязное черное одеяние, завязанное на талии куском сальной веревки, свисавшей ниже колен его мешковатых сероватых брюк. Башмаки его тоже были допотопными, с потрескавшимися подошвами, руки, которыми он загребал землю, как крот когтями, — скрюченными и натруженными. Двигаясь, он издавал скрип, как сухие листья, а исходившее от него зловоние било в нос, как удар. Он слегка поднял голову, скосил на нас глаза, не глядя вверх, и вся его поза выражала скрытую хитрость. Одним словом, бездомный бродяга, самый безнадежный из всех, каких мне приходилось встречать, и такой жалкий, что я невольно с недоверием взглянул на Джипа. ЭТОТ?

Но лицо Джипа в полумраке было бледной маской тревожного ожидания, и он предостерегающе резко помотал головой. Затем старик кашлянул разок, издав жуткий и жалкий скрежет, с поразительной энергией поднялся на руках и заглянул мне прямо в глаза. Я был так потрясен, что даже отступил назад. Под слоем въевшейся грязи лицо его было твердым и квадратным, все в глубоких морщинах, нос — острым, как бритва, а рот — бесцветной тонкой полоской над выступающим надменным подбородком. Ясные серые глаза впились в мои, как сжатый кулак. Сумасшедший — мелькнуло у меня в голове, ПСИХОПАТ...

Мне захотелось повернуться и бежать. Но эти глаза удерживали меня, так змея завораживает кролика, и я вдруг увидел сверкавший в них ум, острый, холодный, злой, безжалостно восприимчивый. Бродяга и псих испарились из моих мыслей; все, о чем я мог думать — аскет, отшельник, философ или священнослужитель. Но какого кошмарного верования?

— Не нравится ему, как я выгляжу, — проскрежетал ржавый голос. Ржавый, но чистый, властный; это обстоятельство меньше удивило меня теперь, чем минуту назад. Иногда в его речи проскальзывал намек на акцент, хотя — какой, сказать было нельзя. — Убери отсюда это отродье, штурман, а потом сам убирайся. Что мне с ним делать? Я ему ничего не должен. И нет никакой услуги, какую он мог бы мне оказать. Что мне за мне за польза от этой вешалки с пижонской одеждой, пустой скорлупы, лживого человека? И от него исходит вонь, она мне не нравится...

Мое терпение лопнуло, и я отрезал: — А вот ЭТО как раз взаимно, так тебя и раз-этак, понял?

Старик вскочил с поистине устрашающим рычанием: — ВОН! А не то я разнесу твои мозги, как кислое вино!

Рука Джипа поймала мою и сжала: — Ну, хватит, Стриж, старая сороконожка! Может, ты ему ничего и не должен, зато ты пока что обязан мне, а я — ему, и втрое! Так что без оскорблений, о'кей? И без этой чепухи насчет мозгов. У Стива мозгов хватает, и я это знаю. Как насчет того, чтобы немного помочь?

Старик ворчал и бормотал, Джип умасливал и упрашивал, даже скрыто грозил, а потом старик снова обратился на меня свой пугающий взор. Но только искоса, и я заметил, что после этого он бросил взгляд назад, за свою спину, на качающуюся траву. В конце

концов, Стриж снова скорчился, опустил голову на скрюченную артритом руку и прорычал: — Ладно, будь по-твоему! Он связался с Волками, это ясно, стало быть, желает знать, где они... или где что-то еще... — Он поднял голову, и я почувствовал, как у меня по коже побежали мурашки под ледяной пронизательностью этого взгляда. — Или, может быть, КТО-то, а? Нет сомнения, волки его уже наполовину переварили. Там его и ищи... — По-видимому, он что-то понял по моей реакции, поскольку издал неприятный смешок: — Стало быть, ЕЕ, и оставь меня в покое! У тебя есть что-нибудь из ее вещей? Нет? Тогда какой-нибудь подарок?

— По-моему, нет... — Время от времени мы обменивались подарками: цветы ей на день рождения, галстук на Рождество, не более того. И тут я вспомнил старый пластиковый календарь, который не выбросил только потому, что таблицы валют на его обратной стороне очень пригождались мне в работе. Я протянул календарь Ле Стрижу.

— Очень романтично! — едко заметил старик. — А теперь хоть раз в жизни займитесь делом — разведите мне здесь огонь! И вскипятите мне воды вон из того крана! — Джип и я оглядели отвратительные отбросы и в смятении переглянулись. — Давайте! — закудахтал Ле Стриж. — Немного грязи еще никого не убило. Вон там, у стены — дрова и бумага, вам хватит! — Я собрал дрова, пока Джип натыкал на меч гнилые обрывки бумаги наподобие того, как это делают дворники. Вместе мы разложили костер и зажгли его на площадке с золой. А старик в это время сидел, скорчившись над календарем, медленно водил по нему пальцами и что-то тихонько ворковал. Джип вернулся с канистрой из-под масла, наполненной водой весьма

сомнительного вида, и ловко пристроил ее между двумя колышками, чтобы подогреть.

— Если он думает, что я буду пить какие-то гнусные настойки... — прошептал я Джипу на ухо и подскочил, когда он стиснул мою руку. У самого костра стояла еще одна фигура, и на секунду я испугался, что мы привлекли внимание кого-то с дороги. Но фигура была такой же неряшливой, как Стриж: гораздо более молодой блондин в рваном пиджаке и обтрепанных облегающих джинсах. Лицо у него было изжелто-бледным и худым, жидкая бороденка выдавалась вперед и была грязной и неряшливой. Он стоял, изучая нас узкими враждебными глазками. Стриж поднял взгляд и что-то проворчал, а молодой человек на цыпочках подошел к нему и растянулся рядом, глядя на старика со странной настойчивостью. Джип еще крепче стиснул мне руку.

— Зачем ему понадобилось здесь болтаться? — прошипел он, обращаясь к Ле Стрижу. — Я не хочу оставаться, пока он здесь — отделайся от него! Убери его...

Желтоволосый выплюнул струю ругательств с сильнейшим ирландским акцентом и вскочил, готовясь встретить Джипа лицом к лицу.

— Джип, не надо! — прошипел я, вцепившись в штурмана. — Если он может помочь...

— ДОВОЛЬНО! — прогремел Ле Стриж с такой силой, какой я у него и не подозревал. — Сядь, Финн! И ты тоже, штурман! Под страхом моего сильнейшего неудовольствия! — Казалось, у Джипа подогнулись колени, и он плюхнулся на корточки рядом со мной. Молодой человек испуганно скользнул на свое место рядом со Стрижем. — Пока я здесь, будь уверен, Финн не причинит вам вреда

— Лучше бы так оно и было, — прошипел Джип сквозь стиснутые зубы. Финн сидел молча, склонив голову, но сверлил нас взглядом. Что-то в нем было такое — в зловещем изгибе губ, в том, как росли его волосы с низкого мыска на покато лбу, в цвете этих волос, от чего мне стало нехорошо. Не так уж много времени прошло с тех пор, как я видел эту странную желтоватую тень.

Вода уже по-настоящему кипела. Стриж, а за ним и Финн, ползший на четвереньках за его спиной, подошли и сели, скрестив ноги, по другую сторону костра. Стриж бормотал и делал какие-то жесты над водой, а она бурлила и плескала, переливаясь через край в костер. По ее темной поверхности стелились струйки пара, как туман над ночным морем. Долгое время, все еще бормоча, старик вглядывался в воду, косясь с различных углов. Затем поднял деревянную щепку и, отбросив в сторону календарь, бросил щепку на поверхность воды. Мы все наклонились вперед, чтобы посмотреть, как она крутится. Сначала щепка кружила бесцельно. Затем вдруг резко изменила направление, поплыла медленно и прямо к краю и там застыла, дрожа. Джип резко втянул в себя воздух: — Так вот куда они направляются, так? Зюйд-зюйд-вест, четверть... Так это же...

— Карибы, — спокойно закончил Ле Стриж. — Скорее всего, Вест-Индия. Я же знал, что мне не нравится запах... Сначала этот ДУПИЯ, теперь — это... ах.

— Но ПОЧЕМУ? — резко спросил я. Финн захихикал, но Стриж заставил его умолкнуть, подняв руку.

— Вопрос справедлив. Потому что их основной план провалился, вот почему. Провезти сюда контра-

бандой эту смертоносную штуку, по той или иной причине. Поэтому они пришли за тобой.

— За МНОЙ? Но почему за мной?

— Очень просто. Ты сам навлек это на свою голову. Насылал на них чары и лез в их дела. Твои заклинания.

— Мои?..

— Они уже, наверно, были начеку. У них есть свои способы слежки, как и у тебя.

— В смысле — компьютер? Но в этом нет ничего магического.

Старик неожиданно раскудахтался, словно смеясь какой-то своей шутке: — Как скажешь, *mon enfant** Твои изыскания подошли слишком близко, и они их отследили. Сначала просто предупредили тебя, но ты не унимался. Тогда они занялись делом вплотную. И решили, что ты им нужен.

— Да, но ЗАЧЕМ?

Стриж пожал плечами: — Откуда мне знать? Мне бы ты в подарок не понадобился, но разве у меня мозги Волка? Возможно, из-за твоих поисков они считали, что ты виноват в том, что их план провалился, и, чтобы оправдаться, решили прихватить тебя с собой и отвезти к тому, кто за ними стоит. А не найдя тебя, взяли самое лучшее после тебя. — Его тонкие губы презрительно искривились. — Это они тоже проверили. Того, кто тебе более всего не безразличен, и кому ты дороже всего.

Я уставился на старика и с превеликим трудом удержался, чтобы не расхохотаться, сказав ему, что он спятил. Он точно был ненормальный. И вся эта идея была дикой, совершенно безумной, черт бы ее побрал. Поделом мне за то, что принял всерьез старого

* Дитя мое — франц.

пропойцу. Клэр? Что она значила для меня до того, как все это свалилось? Не так уж много. Секретарь, которого мне было бы жаль потерять — ну, ладно, чуть больше — друг, приятный очажок человеческого тепла в течении моего делового дня. Но у меня было много друзей, не так ли? Больше, чем у большинства людей, наверное, поскольку в мою работу входило поддерживать контакты. Коллеги, постоянные клиенты, а в свободное время — регулярные члены клубов «Неро» и «Грязный Дик», команда на кортах сквоша, те, с кем я занимался скалолазанием и планеризмом — с некоторыми перерывами; черт, да половина «Либерал Клуба», та половина, что ходила туда, потому что это было приятное старомодное местечко, где можно было выпить. И все они — хорошая компания, ну, может, не такие друзья, которым можно выложить все свои проблемы, но это-то и делало их хорошей компанией. Ты не обманывал их, они не обманывали тебя — одно из любимых западно-африканских выражений Дэйва. И, наконец, нельзя сказать, чтобы у меня не было друзей другого рода. У меня были хорошие отношения с моими родителями, пока они были живы, по-прежнему были хорошие отношения с дядей и всевозможными тетушками, хотя, если честно признаться, в последнее время мы немного потеряли связь, живя так далеко друг от друга. Та же беда была и с моими друзьями по колледжу, разбросанными по всему земному шару. Когда я в последний раз получал известия от Невилла? И если уж разобраться, когда я в последний раз видел Майка? Он ведь жил НЕ ТАК далеко.

Подкатывавшееся беспокойство одолело мое раздражение. Но все равно это было глупо. Я не был влюблен в Клэр — ничего подобного. Я ведь был в

близких — гораздо более близких — отношениях с добрым десятком девушек с тех пор, как окончил колледж, не правда ли? Не говоря уж о случайных связях в последние год-два; гораздо ближе. Со Стефани, Энн-Мари, с двумя или тремя из них у меня было серьезно, действительно серьезно. Даже начинал думать о женитьбе. Не говоря уже...

Я стиснул зубы. Глупо, это ведь уже в прошлом, правда? А он говорил о настоящем. Его глаза были как два зеркала, а зеркала беспощадны. Я никогда не видел себя таким раньше. В памяти возникло прикосновение руки к моей руке, заботливый, сочувственный голос, легкое дуновение ее духов. Не так уж много; но ничего ведь больше и не было, ни с какой стороны. Я заботился о том, чтобы так оно и было, заботился систематически, тщательно, осторожно. Если она действительно была самым близким мне живым существом, куда это меня вело, черт побери?

Ответить я не мог. Что-то собиралось над моей головой, и я вдруг почувствовал, что уже ни в чем не уверен. Я думал о себе — и с меня достаточно. Но как же насчет Клэр? Как близко она подошла ко мне? У нее были многочисленные поклонники, но что она испытывала ко мне?

Если бы он плеснул мне в лицо водой, а потом бросил канистру и следом — огонь, эта старая свинья не смогла бы потрясти меня больше. И он знал об этом. Его глаза смотрели в мои, пока я внутренне извивался, видели каждую подробность моих мук и наслаждались ими, так ребенок может испытывать садистскую радость при виде извивающегося насекомого, нанизанного на булавку. Если Клэр была самым дорогим мне человеком, если я был для нее дороже всего...

— Что... что они собираются с ней делать? —

хрипло спросил я. Финн снова хихикнул, Джип резко что-то сказал ему. Стриж, казалось, ничего не заметил. Он наклонился вперед, быстро, как ласка, схватил мои руки в свои и притянул их к обеим сторонам кипящей канистры. Я дернулся, но хватка этих артритных лап, холодных и твердых, как рог, была смертельной.

— Ты хочешь знать или нет? Ты не почувствуешь ничего такого, чего не смог бы вынести!

Беспомощный, с широко раскрытыми глазами, я позволил ему подтянуть мои руки над огнем, и медленно и осторожно положить ладони на ребристый металл. Я невольно ахнул, но то, что я ощутил, не имело ничего общего с жаром, скорее, это была энергия кипящей воды, заставлявшая жёсть вибрировать, как барабан, как множество барабанов. Пульсация, глухие удары, бешеный настойчивый ритм, а над этим, в звуке лопающихся пузырей, в реве пламени снизу, что-то еще — гул голосов, заунывное пение. — Что это? — выдохнул я. Жёсть вибрировала под моими руками, как живая, ее все труднее и труднее было сдерживать.

— Это ритуал, — мрачно сказал старик. — *Ségné-piè-caille*. Я узнаю его. *Mange* — жертва, возможно, чтобы загладить вину за поражение перед их богом, возможно, до черного конца. Этого я не вижу, над ним висит тьма, жаркая и душная тьма под влажными листьями. Но конкретно для этого ритуала годится только одна жертва, это должен быть *sabri sans cornes*. — Он сардонически улыбнулся и перевел: — Безрогий козел.

Однако я не нуждался в переводе, ни в буквальном, ни в его реальном значении. У меня от ужаса перед ним волосы встали на голове дыбом, и я вскочил,

оторвав от канистры руки: — Господи, что нам теперь делать? Мы должны вытащить ее оттуда...

Единственное, что сделал Стриж, — это самодовольно ухмыльнулся мне у свете костра и пожал плечами. Это была последняя капля. На меня холодной молнией накатила ярость, какую редко когда испытывал или давал ей волю, и я почувствовал, как весь ошетинился: — Будь ты проклят! — заорал я. Что-то ведь должно быть! И ты поможешь мне прямо здесь и сейчас, а не то я сверну твою проклятую тощую шею! — Джип что-то выкрикнул, но я не слушал: — Клянусь Богом, я это сделаю! — И я пнул кипящую канистру прямо в Ле Стрижа.

Наверное, он как-то поднял руку, чтобы защититься. Канистра отлетела в сторону, мощная струя воды с шипением выплеснулась в огонь, но ни капли не попало в Ле Стрижа. Вокруг меня за клубилось громадное облако пара, но запах у него был не влажный и маслянистый, как того можно было ожидать, а мягкий, соленый и теплый, запах тропического морского ветра. Флинн зарычал и вскочил, и я с ужасом увидел, что даже без света костра глаза его горели желтым светом, как янтарь. Рядом со мной я услышал звук меча, вынимаемого из ножен, и резкое звяканье, когда он был снова вложен в ножны. Рука Джипа опустилась мне на плечо.

— Спокойно, парень! — прошипел он. — Держись подальше от мелей! Ты ведь не знаешь фарватера! Дай-ка мне штурвал на минутку! — И он обернулся к Стрижу: — Ты сказал, что поможешь, старик, так что придется помочь. О'кей, черт с тобой, ведь это же было самое простое — убедиться в том, о чем можно было догадаться и так. Не для такой работы приходят за помощью к Ле Стрижу, верно? И этого не хватит,

чтобы мы были квиты. И не похоже на великого Ле Стрижа — бросить работу на полпути...

Я затаил дыхание, пока пар растворился в темноте, а старик скорчился над последними языками пламени. Финн стоял напряженный, готовый к бою, совершенно неподвижный, если не считать сгибавшихся и разгибавшихся пальцев и тяжелого дыхания. Он расслабился, только когда старик заговорил и его голос превратился в жалобное хныканье: — Вы, молодежь, вечно не готовы проявить силу духа! Вечно вы не можете пойти и сделать что-то; вам надо, чтобы мы вам все объясняли, а ведь нам для этого пришлось поработать! Я был о тебе лучшего мнения, штурман, но ты такой же, как все. Нет у тебя мозгов. — Он яростно уставился на меня. — Хотя здесь еще кое-кто, у кого нет и души. Зато есть драгоценные маленькие мозги. Что ты хотел, чтоб я сделал, когда они уплыли и уже далеко? Почему, как ты думаешь, они так спешили? Тебя испугались? — Он фыркнул и высморкался пальцами. — Только выйти из гавани — и они в безопасности. Они это прекрасно знали.

Я ошеломленно взглянул на Джипа, и тот сердито покачал головой: — Оставь эти штучки, Стриж. Тут много чего можно сделать и сейчас — и ты можешь это сделать. Как мы оба знаем!

— Не могу, не причинив вреда также и вашей драгоценной юбке. Вашей милой маленькой Клэр. Так что в противном случае вам придется снарядить корабль, правда? И отправиться за ними следом! Ты богат? А?

— Нет, — с несчастным видом ответил я, соображая, сколько смогу выручить, если срочно продам свою квартиру, машину и музыкальный центр, хотя он

был прошлогодним и теперь уже не модным для любителей. — Сколько это будет стоить?

Джип шелкнул языком: — Много, Стив. Я могу помочь тебе своими маленькими сбережениями, только это будет немного. Приличный корабль — это ведь обойдется не меньше чем в две тысячи, плюс еще тысяча на экипаж и пятьсот на снаряжение.

— Тысяча чего?

Джип удивленно моргнул: — Ну, гиней, конечно.

— Гиней? То есть один фунт пять пенсов? В современных деньгах?

— А каким же им еще быть? Деньги есть деньги.

Я с минуту изумленно смотрел на него, потом неожиданно разразился смехом — я просто не верил своим ушам: — Джип, неужели ты серьезно? Да я за месяц зарабатываю больше твоих двух тысяч! Мои сбережения...

— Кроме шуток? Да, но это должно быть золотом, — предупредил он, со знающим видом постукивая себя по носу, — а когда торопишься, получается поганая ставка, провались оно все...

— Да Бог с ней, со ставкой! — рявкнул я. — Если я за пару часов раздобуду эту сумму, ты найдешь мне корабль? И экипаж? И как скоро?

— Ты серьезно? — Джип со звоном стукнул по своим ножнам. — Да самый лучший, приятель! К рассвету! Начиная с лучшего штурмана, если захочешь, а именно — меня самого! Мне все равно уже вроде как поднадоело на берегу. А ты возмешь курс на чужеземные воды.

Я почти лишился дара речи: — Джип... это превосходит все, что я когда-либо делал для тебя! Просто не могу выразить, как я тебе благодарен...

Но Джип уже повернулся к Ле Стрижу: — Дово-

лен, старый хорек? Теперь-то ты готов помочь? Или просто блефовал?

Старик громко засопел: — Доставайте корабль, и я поеду с вами. — Джип снова удивленно моргнул — судя по всему, он такого не ожидал. Он уже собирался возразить, как Стриж прибавил: — При условии, конечно, что я возьму с собой группу друзей...

Тут я впервые увидел настоящее смятение на лице Джипа: — Только не на мой корабль!

— Джип! — шепнул я.

— Ты же не знаешь, Стив! Он сам по себе плохая компания, но, Боже милостивый, любой из его друзей еще хуже...

— Соглашайся или не поеду! — прорычал старик.

— Он нужен нам, Джип, — сказал я. — Ты же сам не мог придумать никого другого.

Джип стиснул зубы: — Но плыть вместе с нами! Никогда не слышал, чтоб он такое проделывал! Зачем же теперь и по этому делу? На тебя ему совершенно начхать, а на меня тем более! Что же он задумал, старый дьявол, разрази его Господь? — Он вздрогнул, потом вздохнул: — Но если ты и вправду думаешь, что он нам понадобится, Стив...

— Я... не знаю. По-моему, я, можно сказать, нутром это чувую.

— Остается только надеяться, что Финн не сожрет твое нутро в конце концов. — Затем Джип снова удивил меня, задумчиво добавив: — Но будь по-твоему, Стив. Какие там у тебя ни появляются чувства, я им доверяю. — Он хлопнул меня по плечу. — Ладно, давай прыгай в свое закрытое авто и быстренько начинай собирать деньги! Если мы пропустим прилив на рассвете и ветер с берега, придется ждать заката, и Волки получат полный день форы. — Он оглянулся

через плечо. — Мы отплываем на рассвете. Будьте на борту пораньше. Я дам знать, где.

Нам вслед раздался кислый смешок: — Не утруждай себя, щенок. Я сам узнаю.

Когда я ехал назад в город, начинался туман, и похолодало. Моей первой остановкой была квартира, и по многим причинам. Я хотел переодеться и уложить вещи, выбрав наиболее подходящую одежду для того, что могло оказаться весьма беспорядочным путешествием. Сделав это, я совершил сложную процедуру открывания маленького стенного сейфа и стал рыться в нем в поисках своей скромной коллекции чуть-чуть нелегальных Крюгеррандов. Затем я запер квартиру, не без задней мысли о том, когда мне снова доведется ее увидеть, и отправился в «Либерал Клуб». Я знал, что это наиболее вероятное место, где можно в это время найти Морри Джекмана. Морри продал мне монеты, и я знал, что через пять минут после того, как я его найду, он неизбежно предложит мне купить еще. Мне нравился Морри, и я надеялся, что его сердце выдержит удар, когда на этот раз я дам согласие.

— Сегодня? Ты хочешь сказать — сейчас, сию минуту? — Морри поставил стакан и уставился на меня, как добрая сова. — Что ты собираешься делать, Стив, мальчик, облететь всю страну?

Иногда правда бывает самым лучшим средством: — У меня тут одна сделка — шанс на Карибском чартере, очень дешево, если сделать прямо сейчас. И тем более в гинейях.

Морри кивнул со знающим видом: — Карибы за четыре куска? Что ж, я тебя не виню. В такую ночь я и монетами по восемь бы заплатил. А лишняя доля не причитается, нет? А, да ладно. Еще одна такая штука, и мы откроем свою мастерскую.

Я ехал назад в доки очень осторожно. Дымка превращалась в густой туман, и я не хотел рисковать попасть в аварию, имея эту маленькую сумочку, полную монет, незаконно позвякивавшую и посмеивавшуюся про себя на сидении рядом со мной. Морри выдал мне потрясающий ассортимент, начиная с четвертаков с ангелами и джерсейских крон и кончая полуталерами Австрийской империи в современном исполнении, и, как хороший мальчик, с готовностью принял мой чек на добрые пять тысяч фунтов по своим не облагаемым налогом ценам. Если полиция обнаружит меня со всем этим хозяйством, она неизбежно что-то заподозрит, и меня могут задержать, и, возможно, с концами. Так что я сдерживал нетерпение, позволяя подвыпившим личностям с ревом мчаться мимо меня в туман, и сосредоточил свое внимание на том, чтобы отыскивать дорогу. Сначала я пару раз свернул неправильно, и уже начинал слегка исходить потом; завитки тумана показывали во все стороны, как тонкие насмешливые пальцы. И только уже когда наступила полночь, мне на глаза попался мягкий свет в конце улицы, и я затормозил у «Иллирийской таверны». Ну, вот, я уже начинал ориентироваться здесь, правда? Вписываться в обстановку. Как ни странно, от этих мыслей мое беспокойство только усилилось. Вылезая из машины, я бросил нервный взгляд в ночь. В том мире, который я знал, я никогда не боялся темноты, но здесь?

В таверне было много народу, судя по гулу, но тени хорошо скрывали их. Я еще стоял на ступеньках, когда Джип возбужденно помахал мне из маленькой кабинки у огня. — Стив! Позволь представить тебе капитана Пирса с бригантины «Непокорная»...

Позади него из кабины поднялась огромная фигура,

возвышаясь над нами обоими. — Вашу руку, сэр! — прогремел капитан и протянул мне руку, утопавшую в таком количестве кружев, что ее почти не было видно: — Ваш покорный слуга, мастер Стивен! — Спрятанная в кружевах рука была размером с окорок и твердая, как камень. Его длинные песочного цвета волосы, все в локонах, как уши у спаниеля, обрамляли лицо такого же ветчинного цвета. Под тяжелой челюстью по странного покрою жакету слой за слоем спускалась пена кружевных оборок, а борта жакета были густо покрыты вышивкой и доходили почти до колен. — Надеюсь познакомиться с вами поближе, сэр, во время нашего путешествия! А теперь время нас торопит, а прилив ждет, и боюсь, что нам должно скорее завершить сделку!

— Ты достал деньги? — выдохнул Джип.

Я высыпал содержимое сумки на стол. Увидев, как оно лежит, освещенное светом камина, я ощутил, как меня охватила паника. Вдруг я опростоволосился? Или не понял Джипа? Может, в этом безумном мире и цены другие, как и все остальное? Кучка казалась такой жалкой, по сравнению с теми пиратскими грудами, что мне приходилось встречать в книгах и фильмах. Джип и капитан с минуту молча смотрели на деньги, и я весь покрылся потом. Затем Джип тихонько присвистнул: — А ты еще говорил, что не богат!

Бросив на меня извиняющийся взгляд, капитан выбрал наугад монету, попробовал ее на зуб и установился на результат: — Господи, твоя воля! — выдохнул он. — Это отличная монета! Почти чистое золото, черт побери!

Едва держась на ногах от облегчения, я сообразил, что золото, предназначенное для использования, в

отличие от того, что красуется на бархатных подставках, почти всегда шло по сниженному курсу, якобы для того, чтобы сделать курс более твердым, а скорее всего — чтобы увеличить его стоимость. Джип кивнул с величественным удовлетворением: — Что я говорил тебе, шкипер? Здесь хватит на ваш корабль, людей и их снаряжение и еще останется достаточно, чтобы купить все это снова. Хотите сейчас взвесить вашу долю?

— Оставшаяся сумма, — решительно вмешался я, прежде капитан успел вставить слово, — для вас и вашей команды, как только мы получим Клэр назад в целости и сохранности. И еще столько же по возвращении. Скажите им это!

Пирс поднялся и отвесил мне поклон с такой отменной церемонностью, что мне оставалось только ответить ему тем же. — Вы настоящий принц, сэр, принц! Клянусь всем, что для меня свято, вы получите назад девицу, пока у нас есть сила в руках! Возьмете понюшку, сэр? — Боясь обидеть капитана, я взял умеренную порцию из бараньего рога, отделанного по краю серебром, который он торжественно протянул мне, и вдохнул его носом, как это проделывали в фильмах, с ладони. Я надеялся, что не расчихаюсь. Однако, если тебе в каждую ноздрю засунут большую зажженную гаванскую сигару, не больно-то чихнешь, а ощущение было именно таким. Я лишился дара речи, но, к счастью, Пирс был слишком занят, набивая этой адской смесью собственные пещерообразные ноздри, чтобы заметить мое состояние. Однако он не преминул заметить, как Джип одним быстрым движением смел золото в сумку и протянул ее мне.

— Насчет прилива... — сказал Джип.

Пирс яростно чихнул в свои оборки и громовым

голосом потребовал, чтобы ему принесли плащ и шляпу. Появился старый Мирко с длинным, до колен, сюртуком, жестким от замысловатых галунов и сверкающих пуговиц. Поверх сюртука Пирс пристегнул широкий кожаный ремень, с которого свисала огромная шпага, нахлобучил на голову широкополую фетровую шляпу с высоким плюмажем, сунул подмышку трость с набалдашником из слоновой кости и заметил: — Здесь всего пара шагов до причала, сэр! Желаете пойти пешком или возьмем вашу машину?

Он как-то не подходил к моей машине, ни морально, ни физически. Джип считал, что в любом случае будет надежнее оставить ее у таверны — здесь за ней присмотрят. — Особенно Катька, — сухо произнес он, пока мы шли вверх по ступенькам. — Опять приставала ко мне, чтобы я о тебе заботился, вот так-то...

— Она здесь? Хотелось бы попрощаться...

— Нам лучше не мешкать. — Однако я замешкался, стоя на последней ступеньке, полный странных ощущений. И каким-то образом я увидел ее в глубине темной залы — она стояла, отбросив назад волосы, а ее кошачьи глаза следили за мной одновременно бесстрастно и пристально. Она подняла руку, чтобы послать мне воздушный поцелуй, но дотронулась до губ не пальцами. Колодой карт.

Туман снаружи изменился, он не то что рассеялся, но сконцентрировался в полосы и потоки, кружившие над нами в легком холодном бризе. Мы шли молча, только трость Пирса постукивала по камням и его ножны хлопали по жесткому сюртуку. Меч Джипа был перекинут через его плечо, а сам он, казалось, бы погружен в собственные мысли. Так же, как и я, только все мои мысли были беспокойными. Я и раньше пускался в долгие путешествия, но в них место назна-

чения было четко отпечатано на билетах, находившихся в моей сумке, а ритуал отъезда был обычным для любого аэропорта в мире: проверка, место у прохода, не курить, проверка багажа и паспортный контроль, просвечивание, объявления, произносимые аденоидным голосом, и мигающие экраны с расписанием отлета. Мне это и раньше казалось не слишком ободряющим, но теперь я бы радовался этому, вступая в туманную пустоту бесконечных возможностей. Может, мне предстояло упасть с края мира.

Однако когда пустота открылась перед нами, это был всего лишь конец улицы, а круги золотого света были не звездами, а фонарями на причале. За его краем поднимались вверх призрачные мачты, а вокруг них суетились люди, лазая вверх-вниз по трапу, поднимая мешки и катя бочонки. Над их головами вдруг что-то закрипело, и на бруске закачалась сеть с большими бочками, которую опустили с громкими криками и бранью — куда-то вниз, в тени. Пирс набрал полные легкие воздуха, и его крик без труда перекрыл весь шум: — МИСТЕР ПОМОЩНИК! КАК ОСТОЙЧИВОСТЬ?

— Хорошо, сэр! — откликнулся голос снизу. — Последние партии груза уже прибыли, и она стоит прекрасно! Затем последовал ряд подробностей по поводу погрузки, звучавших на удивление современно, и короткий обмен приказами, пославший группы одетых в черное мужчин бегать то в одну сторону, то в другую. Я отошел к причалу, чтобы не мешать, и посмотрел вниз.

— Ну как? — спросил Джип, хлопая меня по плечу.
— Как она тебе нравится?

У меня пересохло во рту от тревоги: — Джип! — запротестовал я. — Она такая КРОШЕЧНАЯ! Ты же

видел этот проклятый здоровенный корабль Волков! Да она в четверть его размером...

Джип фыркнул от смеха: — Да, конечно, то огромный неуклюжий торговый корабль! «Непокорная» его запросто обгонит и ветра она забирает гораздо меньше; она переплюнет «Сарацин» по всем статьям и пройдет там, где эти сядут на мель или пойдут ко дну. А если понадобится, то она и бьет дальше. Смотри туда, прямо за той кучей! — Он указал на ряд закрытых панелей, очень похожих на люки, идущих по низкому изогнутому корпусу. — За этими портами — восемнадцатифунтовые пушки, по десять на каждый борт, и длинные девятифунтовые — для морской охоты — и на носу, и на корме. Может нести больше артиллерии, чем обычно корабли ее размера, почти столько же, сколько фрегат, но эта так и устроена, видишь? «Сарацин» — качающийся кит, но эта — это акула, созданная для скорости и чтобы отхватывать добычу. Думаешь, я нашел бы тебе что-нибудь меньшее? Хотя, конечно, нам повезло, что Пирс продержал ее в доках до этой недели, ее кренговали. Нам ведь нужен капер, а «Непокорная» — из числа самых лучших!

Похоже, я нанял себе частный военный корабль в миниатюре. Я всегда стоял за частное предпринимательство, но это уже было чуть-чуть слишком. Я все еще хватался за голову при мысли об этом, когда откуда-то с высоты, с утонувших в тумане мачт, донесся протяжный крик. Все движение на палубе и причале неожиданно замерло, и напряженное молчание прорезал чистый певучий голос:

— ВЕТЕР С БЕРЕГА! РАССВЕТ! СОЛНЦЕ ВСТАЕТ!

Этот призыв, казалось, разрезал туман, разорвал

его сплетенные потоки, расплющил волны. Сквозь туман, где-то там, во все еще скрытом далеке я увидел первый слабый отблеск света. Он упал на лица стоявших вокруг меня людей, и обнаружилось, что они выглядят как самая причудливая команда головорезов, каких я мог бы себе представить. Изборожденные морщинами, покрытые шрамами лица, лица, которые могли бы быть вырезаны из старого дерева или просто образоваться в нем в силу капризов возраста. Свиные, грубые лица, какие в современную эпоху встречаются очень редко, лица всех рас, какие я знал, и несколько — рас, мне неизвестных. Не все они были мужчинами. Были здесь и несколько женщин, точно с такими же грубыми лицами и одетые почти так же, хотя одежда их и не была одинаковой. И, услышав этот крик, не дожидаясь, пока за этим последует приказ, они схватили все хозяйство, завалившее пристань, и, пошатываясь, тяжело нагруженные, побрели к трапу. Кто-то рядом со мной кашлянул, я обернулся и увидел невысокого грубого человека с тяжелым взглядом, нервно подпрыгивавшего, дотрагиваясь костяшками пальцев до кирпично-красного лба: — Прошу прощения, хозяин, но капитан шлет свои пожелания, и не подниметесь ли вы теперь на борт?

Да, конечно,... — начал я, но он уже подхватил портплед, составлявший весь мой багаж, схватил меня за локоть и почти поволок к трапу. Трап был шириной всего в три планки, без всяких поручней или чего-нибудь в этом роде по бокам, но я легко поднялся по нему почти до конца. Но тут какая-то нетерпеливая душа вступила на него слишком резко и чуть не сбросила меня за борт; однако с палубы в мгновение ока протянулась длинная рука, подхватила меня за локоть и практически втащила на палубу.

— Как, уже не стоим на ногах, мастер Стивен? — сардонически осведомился хрипловатый голос.

— Молл! — рассмеялся я. — Ты тоже с нами?

Она обернулась на зов, раздавшийся с кормы, но приостановилась, чтобы похлопать меня по спине: — Стыд и срам — бросить охоту на полпути и только понюхать запах Волка! Да, я приписана старшиной-рулевым — и это меня сейчас зовут к рулю!

— Говорил я тебе — достану все самое лучшее, Стив, — ухмыльнулся Джип, появляясь так же внезапно, как и исчез. — Все они забияки, а она им всем даст сто очков вперед.

— Если дойдет до драки, то я не мог бы пожелать никого лучше, чтобы стоял рядом, — согласился я. — Кроме тебя разве что.

— Меня? — Джип с сожалением покачал головой. — Это очень любезно с твоей стороны, Стив, — сказать такое, да только где же тебе знать. Она... понимаешь, во всех портах ни один человек, что умеет держать в руках меч, — ни мужчина, ни женщина — с ней на сравнится, никакой другой боец — от Кадиса до Константинополя. И не было такого, разве что до меня.

— До тебя... но она же не выглядит такой старой! Если уж на то пошло, она моложе тебя.

— Ну, она, наверное, моложе многих, да только я не много таких видел. Она здесь, Стив...

Неожиданное волнение прервало его слова. По трапу, громко стеная, хромал старик по имени Ле Стриж. Его поддерживали за обе руки две фигуры, такие же оборванные, как и он сам. Одной из них был Финн, коварный как никогда, а другой, к моему удивлению, оказалась юная девушка, костлявая, бледная, с голыми ногами под рваным черным платьем, однако

ее никак нельзя было назвать непривлекательной. Темные волосы влажно висели над ее высокими скулами, от чего зеленые глаза казались огромными, а улыбка приобретала тот голодный оттенок, какой бывает у беженцев на фотографиях в газетах. Я предполагал, что такой крутой экипаж, как тот, что был на корабле, встретит ее свистом, если не чем похуже, но они, напротив, подались назад, практически трусливо убравшись с ее пути. Многие из них сделали пальцами рожки от дурного глаза или присвистнули и сплюнули. Финн огляделся вокруг с жуткой зловещей ухмылкой, и они тут же прекратили. Ле Стриж остановился у конца трапа.

— Мастер штурман! К вам на борт еще трое! — Он поклонился. — Моя ничтожная персона, Финн, с которым вы знакомы, и позвольте представить вам Пер Паулер. Полезная помощница, вне всякого сомнения.

— Несомненно! — пробормотал Джип и показал в сторону носа. — У вас каюта на баке по правому борту. Будет лучше, если вы уйдете туда и там пока останетесь, а то ребята из-за вас волнуются.

Стриж поклонился: — Рады оказать вам услугу, мастер штурман! Идемте, детки.

Странное трио заковыляло прочь, и толпа на палубе расступилась, пропуская их. Я собирался спросить Джипа про девушку, но он остановил меня, схватив за руку. — Вот оно, Стив! Чуешь? Прилив меняется. Он теперь медленный.

Я бросил взгляд за борт. Сероватый свет разрастался, но я ничего не различал, кроме тумана, висевшего под портами: — Ничего не чувствую. Мы погружаемся глубже?

Джип беспечно рассмеялся, но было в его смехе что-то — нечто новое, от чего волосы у меня на голове

зашевелились так же легко, как от свежего бриза: — Не от морского прилива, Стив, медленного и тихо подступающего! Когда наш прилив повернет, когда каналы будут свободны, и не будет опасности сесть на мель, мы можем плыть к востоку от самого солнца!

Пока он говорил, свет менялся и неожиданно прорезал холодную серость; высокие головки мачт ожили, освещенные ярким светом.

— ОТСТАВИТЬ, НА НОСУ! — прогремел Пирс с кормы. — РАСПУСТИТЬ ПЕРЕДНИЕ ПАРУСА! ЭЙ, НА МАРСЕ, РАСПУСТИТЬ ТОПСЕЛЯ!

Такелаж зазвенел, как гигантская гитара, под поспешно карабкавшимися на мачты ногами, и над нашими головами с треском упали полотна цвета пергамента, на минуту повисли, а затем наполнились гулом и натянулись.

— ПРАВО РУЛЯ! ПОДНЯТЬ ПЕРЕДНИЕ ПАРУСА! ДЕРЖАТЬ КРУЧЕ К ВЕТРУ! ДЕРЖАТЬ КРУЧЕ К ВЕТРУ, СУЧЬЕ ОТРОДЬЕ! КРУЧЕ К ВЕТРУ!

Пока паруса, расцветая, наполнялись ветром, матросы повсюду тащили канаты с причала.

— ОТСТАВИТЬ НА КОРМЕ! — ревел Пирс. — ТРАВИТЬ ШКОТЫ! ВСЕ НА БРАСЫ!

Я схватился за поручень, когда корабль неожиданно поднялся подо мной, слегка слегка накренился и с готовностью прыгнул вперед, как живое существо.

Солнце поднималось над краем мира, и его неяркий свет пробивался сквозь поникший туман, простиравшийся, чтобы встретиться и слиться с рассветными тучами и превратить их в волны сияющего золота. Мы проскользнули гавань, и запахи смолы и рыбы растворились в чистом холодном ветре. Я слышал, как под нами бурлила вода, но, казалось, что ее вовсе не существует — бескрайний прилив света прорезал ее,

превратив все в туманную полупрозрачность — и воду, и воздух. Подняв голову, я увидел, что топсели набрали воздуха и наполнились, — а, может быть, их заполняло сияние, такое сильное и свежее, что, казалось, вдыхая его, я поднимался над самим собой — дрожащий язычок огня.

Впереди нас раскрылись тучи. Я уже не видел солнца, словно оно зашло под нами, зато его свет сиял впереди нас, придавая чистую призрачную твердость облакам и обрамляя их золотом. И там облака приобрели форму побережья, окаймленного яркими пляжами, полуостровами, мысами, островами, где были темные горы, увенчанные лесами. За нашим бушпритом простирался архипелаг, обширный и охвативший все небо, и лазурные каналы открывались, чтобы принять нас. Нос корабля нырял, поднимался, подпрыгивал и снова поднимался, выше и выше; и туман разбивался о него и рассыпался по обе стороны длинными перьями медленно падающих струй, а над нами кружили и кричали огромные морские птицы. И в голосе Джипа я услышал то же дикое торжество, бескрайнее, как голубевшие впереди горизонты.

— ЧЕРЕЗ РАССВЕТ! НАД ВСЕМИ ВЕТРАМИ
ЗЕМЛИ! МЫ ОТПРАВЛЯЕМСЯ В ПУТЬ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КОГДА-ТО, еще маленьким мальчиком, я лежал на лужайке, глядя вверх на проплывающие над крышей тучи, и воображал, что они стоят на месте, а я и крыша поднимаемся к ним вверх. Теперь же это происходило наяву.

Канал открылся перед нами, когда мы плавно и стремительно выходили в море, — ослепительная голубая ширь, на которую больно было смотреть глазам. Над нами и под нами была чистейшая бесконечная лазурь, бездонная голубизна идеального моря и совершенного неба — если там и был разделявший их горизонт, это ускользало от моего ослепленного зрения. И под длинными лучами низкого солнца голубизна стремительно превратилась в пылающее золото, пронизанное полосками мерцающей белизны; были то тоненькие полоски рассветных облаков или барашки волн, гонимых ветром, или и то, и другое вместе — откуда мне было знать? Я поднялся выше забот, выше мыслей. Я стоял, объятый восторгом. Мы плыли по свету — свет наполнял наши паруса и рябил под кормой, светом мы дышали, он заполнял наши вены и заставлял пульс биться быстрее. А перед нами, раскинувшись в холмистых волнах облаков, лежали острова рассветного архипелага.

Однако, по мере того, как мы приближались, они не потеряли вида, не растворились, как это обычно

бывает с облаками, в бесформенные, нематериальные клочья. Они стали резче, тверже и становились все более отчетливыми с каждой минутой, казалось, они материализовались из туманов вдаль так же, как это делают вполне обыденные места. Кружащиеся пятна белого по их золотым краям становились волнорезами, разбивающимися об обширные бледные пески; я слабо слышал их, когда мы проходили мимо. Тенистые серые вихри леса в их сердцевине превращались в вершины высоких деревьев, шелестящих на ветру листьями, ветер донес ко мне их тяжелое медленное дыхание и — очень слабо — аромат листьев и сосновых игл, папоротников и влажного перегноя, запахи древних лесов, давно исчезнувших с лица земли. Примерно на высоте деревьев хлопали крылья, уже не морских птиц, а ширококрылых хищников, паривших и устремлявшихся вниз: скоп ястребов и гордых орлов. С маленьких островков, попадавшихся нам на пути, доносился скорбный жалобный лай, и серые силуэты двигались на фоне скал, поднимая круглые головы, следя за нами, когда мы миновали их; иные в страхе обращались в бегство. Я видел мало признаков какой-то другой жизни, хотя как-то, я с уверенностью могу сказать, мимолетно обрисовался черный силуэт оленьих рогов на сине-золотом фоне; но признаков присутствия человека я не увидел. Однажды, правда, когда мы огибали высокий серый мыс, ко мне из гребня лесов донесся пронзительный зов труб, поднявшись вниз и замолкнув. Меня никогда не волновали подобные звуки, но этот был здесь к месту, жалобный и торжественный одновременно, словно эти дикие берега обрели голос, чтобы воспеть свое одинокое величие. Он пел прямо мне в душу, и я поддавался ему, забыв обо всех прочих чудесах в этом тихом пении, я

рвался сойти на землю, отбросив все мои тревоги на пляже и бегать, свободным, по густым лесам. Меня резко вывела из транса рука Молл, упавшая мне на плечо. — Лучше не прислушивайся, мой добрый сэр, — спокойно заметила она, — когда играют не люди.

— Не люди? — тупо повторил я. — Но то, что я слышал, не ветер.

— А я разве это говорила? Но на этом прекрасном острове нет людей. Музыки много, но людей нет.

Пляж появился перед нами. Прямо над линией моря на фоне светлых песков неестественно прямо возвышалась высокая черная скала, ее склоны, поблескивавшие, как потрескавшееся стекло, вырисовывались грубо, но безошибочно. Над нашими головами заскрипели паруса, заскрежетало оружие, и изношенное дерево под моими ногами наклонилось под новым углом; корабль менял галс. Прозвучали приказы, и люди кинулись к брасам. Я огляделся: теперь у руля стоял Джип, и он уводил корабль подальше от берега.

— Самый мудрый штурман на свете, — прокомментировала Молл. — В этих местах есть много способов налететь на скалы. — Дружески хлопнув меня по плечу, она вернулась назад на квартердек, чтобы присоединиться к Джипу. Я рассеянно потер царапину и прислушался к песне, которую пел какой-то матрос под эту зловещую музыку, замиравшую вдали за кормой.

*Здесь нет ни старости, ни печали,
Как звезд на небе
Тучных стад в дали,
Валики раки сбиваются
По цветущим равнинам,
Ручьи молока и меда,
Ручьи крепкого эля,*

*Здесь нет ни голода, ни жажды,
В Пустынных Замках,
В обители Вечной Юности.*

— Отставить, ты, тарактелка! — зарычал капитан Пирс, но певец уже замолчал. С холмов с насмешливым карканьем поднялась стая серых ворон, и это было последнее, что мы услышали.

Мой взгляд был все еще прикован к берегу, но облачные острова по обе стороны уже исчезали, становились все дальше и дальше, снова растворяясь в туманном далеке. Я не сразу заметил, как рядом со мной опять оказался маленький стюард: — Капитан свидетельствует свое уважение, хозяин, и спрашивает, не выпьете ли вы с ним и со штурманом вина перед обедом на квартердеке?

Конечно, я бы выпил. Посте тревог и всех этих экскурсов — Господи, неужели это было только вчера? — а также бессонной ночи я чувствовал, что мне срочно надо выпить, желательно, чего-нибудь покрепче. Я подумал, интересно, они возят на каперах ром? «Вино», однако, оказалось чем-то вроде мадеры, дымчатым и невероятно крепким, оно подавалось судовым коком в оловянных кубках вместимостью в полпинты. После второго бокала я уже совсем не чувствовал боли и ощущал себя достаточно уверенно, чтобы, подражая Джипу и капитану, положить ноги на поручни и покачиваться на стуле в такт легкому прыгучему движению судна, в то время, как Молл облокотилась на огромный руль. Однако что-то не давало мне покоя, и когда мы поднялись, чтобы сойти вниз, я сообразил что это было.

— Солнце! Оно уже почти село! Но, черт побери, мы же отплыли на рассвете! А это было не более двух часов назад. И уже обед?

Пирс громко загоготал, его челюсти застучали и затряслись, и в ответ ему с нижней палубы прозвучал негромкий смешок. Джип изо всех сил старался сохранить серьезное выражение лица, но у него ничего не вышло. И только Молл даже не улыбнулась, но серьезно смотрела на меня со скамейки рулевого.

— Валяйте, смейтесь, — непринужденно сказал я. — Ничего, здесь новичок на судне.

— Извини, Стив, — ухмыльнулся Джип. — Мне помнится, меня в первый раз это тоже потрясло, а ведь меня предупреждали. Вспомни, к востоку от солнца, к западу от луны — вот где лежит наш путь. Так что оно, натурально, садится сейчас у нас за спиной, и мы теряем день. Не волнуйся, мы наверстаем его на обратном пути. А теперь пошли поедим.

Я немного опасался пищи, смутно припоминая рассказы о сухом печенье из изъеденной долгоносиками муки и солонине, жесткой, как камень и плесневелой. Мне следовало знать лучше. Маленькая каюткомпания была ярко освещена покачивающимися бронзовыми лампами, мебель была в стиле королевы Анны или что-то в этом роде — я не назвал бы ее антикварной, во всяком случае, на этом судне, — стол был сервирован ярко начищенным серебром. Капитан Пирс, по всей видимости, занимался доходным бизнесом; как бы там ни было, он жил на широкую ногу. Пять перемен, с вином, даже закусок было несколько сортов, в основном, тушеные овощи и нарезанное кусками мясо, а кроме того, жареная дичь, на каждого по птице. Все трехзвездочные рестораны в городе готовы были бы пойти на убийство, только бы получить такое. Я ощутил некоторое беспокойство, когда мне сообщили, что это золотые ржанки, — они ведь, кажется, были редкими птицами. Но здесь все дела-

лось иначе, к тому же ничто уже не могло вернуть птичек, и я с жадностью проглотил блюдо. В море мой желудок первое время всегда был не в лучшем виде, но только не здесь. Движение могло быть точно таким же, но, по-видимому, он просто отказывался верить, что мы в море.

После обеда был подан кофе и бренди. Джип закурил сигару, а капитан — огромную трубку, набитую, по моему предположению, той же смесью серы и крапивы, что и то снадобье, которое он нюхал. Я ухитрился выдержать возникшее в этом ограниченном пространстве амбрэ где-то около часа, пока эти двое состязались друг с другом, нагромождая, как я искренне надеялся, горы невероятных историй о своих прежних столкновениях с Волками и прочих опасностях, подстерегающих в море. Теперь я уже не осмеливался чему-либо не верить, даже рассказу Джипа про то, что именно он поймал, используя в качестве наживки бычью голову. Наконец, они довели меня окончательно, я принес извинения и нетвердым шагом отправился в постель. Или, вернее, на койку. Капитан предлагал мне как «владельцу» воспользоваться своей каютой, однако я счел тактичным отказаться. Вместо этого я занял одну их крохотных кабинок, как их здесь называли, примыкавших к дверям кают-компаний. Джип в качестве штурмана занял каabinку по левому борту. В моей каabinке, размером чуть больше шести квадратных футов, был только расшатанный стул, откидной столик у стены и зловеще смахивающий на гроб ящик, подвешенный канатами к балкам наверху. Это и была моя кровать. Мне она была коротковата дюйма на два, а я еще не научился спать, свернувшись калачиком. Кроме того, все мои рефлексy кричали, что сейчас около девяти утра, и мне давно пора на работу. Воздух

был спертым и как-то уж слишком отдавал обедом, единственный иллюминатор, выходявший на палубу, я открыть не сумел. Не помогло и выпитое спиртное, жужжавшее в голове. Прозадохавшись час или два, я плюнул, оделся и снова вышел на палубу, прихватив с собой бутылку бренди, которой снабдил меня Пирс, чтобы глотнуть на ночь.

От зрелища ночи у меня перехватило дыхание — так она была прекрасна. Солнце уже давно зашло, появились звезды, и огромное сияющее серое облако, изогнувшееся великой аркой, замерзшая волна над полной луной, окаймлявшей его холодным огнем, побелило палубы и превратило паруса в натянутые полотнища из серебра. Над нами сквозь широкий купол ночи, как показалось, эхом отозвался тихий гром, прокатываясь в одном ритме с мягким покачиванием корабля. Настойчивое шипение вдоль корпуса напоминало об истинной скорости, с которой мы шли, так же, как хлопанье вымпелов на головках мачт и негромкий гул парусов. Несколько чаек все еще кричали нам вслед или садились на нок-рен, как на насест. Главная палуба была пуста, если не считать силуэтов спящих рук, завернутых в одеяла. Это были вахтенные, готовые к любым неожиданностям, в то время как их товарищи более уютно устроились в гамаках внизу. Вдоль поручней квартердек и переднюю палубу меряли шагами часовые, каждый в своем ритме, ходили, чтобы не заснуть, а у руля по-прежнему стояла Молл, ее длинные волосы были пронизаны светом, а глаза сияли, как звезды. Часовые и помощник капитана отсалютовали при моем появлении, а Молл небрежно качнула головой, приглашая присоединиться к ней. Я поднял бутылку и увидел, как в ответ блеснули ее зубы.

— Прекрасная волчья луна! — объявила Молл, когда я забрался наверх по трапу.

— Не надо все портить! — взмолился я. — Слишком это красиво.

— Не правда ли? — весело согласилась Молл. — Иди сюда, отсюда лучше видно... хотя еще лучше — с такелажа или с верхушек мачт..

Я много лазал по скалам, однако скалы не качаются. — Может быть, потом... — я собирался добавить еще что-то, но тут же позабыл об этом. Я с беспокойством смотрел за поручни корабля. Нигде не было и следа бездонной лазури, словно она вообще не существовала. Во все стороны, сверкая, как оружейная сталь, под луной простиралась пустая ширь серой ряби. Это мог быть просто спокойный океан, ловивший и отражавший мягкие тени этой плывущей перистой арки с такой точностью, что они казались одной субстанцией. Вместе они образовывали широкий туннель, почти отверстие пещеры, по направлению к которому мы и плыли, в иссиня-черное небо с подвешенными в нем луной и звездами. И все же звуки были звуками моря и паруса надувались сильным бризом, трепавшим мне волосы.

Море или не море, похоже, Молл это ничуть не волновало, поэтому я не позволил и себе беспокоиться; мне уже надоела роль зеленого новичка. Я просто нашарил в кармане перочинный нож и откупорил им бутылку бренди. Мне крайне необходимо подкрепиться из нее, но вежливость требовала, чтобы первой это сделала Молл.

— За то, чтобы ты пребывал в добром здравии, мастер Стивен. И твоя прекрасная возлюбленная. — Она деликатно обтерла горлышко бутылки большим пальцем, прежде чем передать мне ее назад.

— Моя... Клэр не моя... э-э... возлюбленная. Просто друг.

— Тогда что же ее возлюбленный? Должно быть, он медлителен, раз предоставил погоню тебе.

Я фыркнул: — Мне бы пришлось очень солоно — пытаться объяснить ему, что с ней стряслось. Правда, по-моему, у нее никого нет, во всяком случае, сейчас.

Молл посмотрела на меня с уважением: — Что ж, стало быть, тем более хороший ты человек, раз поспешил так скоро ей на выручку.

Я смущенно опустил бутылку и пожал плечами: — Не такой уж хороший. Это ведь я виноват, что она попала в беду. Я сам, дурак, во всем виноват, совал нос повсюду и все делал не так, как надо. Я должен быть знать, что это навлечет несчастье.

— Что так? Это неслыханно — так глубоко пробраться в Сердцевину. Никто из тех, кому хоть что-то известно о Волках, не ждал такого — ни Джип, ни я. Тебе незачем себя винить.

Я покачал головой: — Хотел бы я с тобой согласиться. Хотя это не играет роли — моя вина или нет, я должен был отправиться за ней. Не мог же я просто сидеть и ничего не предпринимать.

— Но твоя жена, твоя собственная возлюбленная — что она? Разве ты не должен был остаться с ней? Разве это справедливо по отношению к ней — рисковать собой в такой дьявольской гонке?

У меня в горле появился кислый привкус: — Я не женат. И едва ли найдется девушка, которой будет не все равно — вернусь я или нет. Может, разве что Клэр, если верить этому старому мерзавцу.

— Стрижу? Да, в этом ты можешь ему верить. Однако остерегайся слишком доверять ему. — Она

озорно посмотрела на меня. — А эта Клэр, ты никогда...

— Нет, никогда в жизни, черт побери! — отрезал я и для ровного счета добавил: — А как насчет тебя? Ты замужем? А твой папочка знает, что ты уехала?

Молл залилась журчащим смехом и вздернула свой длинный нос: — Венчана? Ну нет, только не я, для этого я слишком перекаати-поле. И потом, я люблю спать по обе стороны кровати.

И пока я переваривал то, что она сказала, Молл понюхала воздух, взглянула вверх на паруса с инстинктивной небрежностью, порожденной долгим опытом, слегка отпустила руль. — Ветер свежее, но не хотелось бы ставить еще один риф — пока. Скорость — вот что самое важное сегодня ночью, коль уж мы охотимся на жирную сельдь. — Я сел на высокую скамью рулевого и стал изучать Молл, пока она наклонилась, чтобы проверить нактоуз компаса. Она была, конечно, не красавица, слишком уж широка в кости, но ее черные лоснящиеся брюки облегали очень женственные формы, и двигалась она с грацией спортсменки. Только это да ширина ее обнаженных плеч свидетельствовали о какой-то силе, не говоря уже о той тигриной мощи, которую она демонстрировала раньше. Ее спокойная манера держаться никак не выдавала и свирепости, вызывавшей эту силу; однако я все время помнил о том, что это присутствует в Молл.

— Ничего себе селедочка, — заметил я. — Но ведь догнать их — это только половина проблемы, а что мы будем делать дальше? Я чувствую себя гораздо спокойнее оттого, что ты с нами. Я рад, что ты поехала — и страшно благодарен тебе за это. В конце концов, это ведь не твоя драка.

— О, вот драка как раз моя, — мягко произнесла Молл. Она посмотрела вверх, туда, где за бортом сияли звезды. Их бледный свет отражался в ее глазах, и она пристально вглядывалась во что-то, видимое ей одной — может, воспоминания или дурные предчувствия. — Я сражаюсь с Волками и гнусными мерзавцами их сорта, а также со всяким более сильным злом, что стоит за ними. И со всей несправедливостью, что переполняет мир. Я поклялась воздавать по заслугам любому злу, какое могу найти. И более всего — если в беде оказывается девица... — Молл резко оборвала свою речь и осведомилась с устрашающей холодностью: — Скажи, над чем ты смеешься, мастер Стивен, и мы посмеемся вместе.

— Я вовсе не смеялся! — поспешно заверил ее я. — Во всяком случае, не совсем — просто... ну, я никогда раньше не слышал, чтобы кто-нибудь так говорил. Знаешь, как — ну, не знаю — как странствующий рыцарь? Или — как же это называется, черт побери? — паладин. И меньше всего я ожидал этого — извини — от чертовски привлекательной женщины...

— Паладин? — Молл сейчас же оттаяла и отвесила мне такой низкий поклон, что ее кудри пеной закрыли лицо. — Высокая похвала, добрый сэр! Слишком высокая для такой ничтожной особы, как я. Но все равно я благодарю тебя. — Она криво усмехнулась. — Кабы все мужчины были со мной столь любезны, я была бы о них лучшего мнения.

— Просто они, наверное, чувствуют себя неадекватно рядом с тобой. Я на такое не отваживаюсь. Ты спасла мою шкуру и помогаешь мне теперь спасти Клэр. Как я уже говорил, я благодарен тебе и не могу возмущаться тобой. — Я уже знал, что мне надо было

сменить тему еще до того, как я начал свою тираду. — И меньше всего — когда я думаю, что придется снова померяться силой с этими проклятыми Волками. Ты что-то сказала... более сильное зло, что стоит за ними. Старик Стриж тоже все время на это намекал, но не мог сказать больше... или не хотел. Ты случайно не...

Она покачала головой, скрестила руки поверх руля и задумчиво оперлась на них подбородком. — Нет, Стивен, с уверенностью сказать не могу. Но нетрудно догадаться. За такими существами всегда стоит зло, пусть даже только то, что осталось в их крови от далеких предков. Глубоко в самом центре, в сердце Великого Колеса...

— Ты хочешь сказать — в Сердцевине?

— Да, да, многие так и зовут его. Как бы то ни было, там есть и добро и зло, и они хорошо сбалансированы — хорошо перемешаны, можно сказать. Каждого понемногу в большинстве вещей, и точно так и не более — в человеке и его деяниях. Однако здесь, к востоку от рассвета, мера для всех вещей — иная. Здесь можно встретить великое добро, это правда, но и великое зло — тоже; и они меньше смешиваются. Нет, бренди мне больше не надо, спасибо, для рулевого здесь слишком подветренный берег.

Я отнял бутылку от губ. — Ты рассуждаешь о добре и зле так, словно каждое из них — вещь в себе.

Молл поразмыслила: — Они такими и могут быть, там, на грани слияния миров. Вещи абсолютные и чистые. Ибо чем дальше уходишь от Сердца, тем чище они становятся.

— Как это чище? В умах людей — злых людей? Или полулюдей, как Волки?

— Трудно сказать. Умы... да, разума там достаточ-

но; Люди... может быть. — На ее лице появилось то же отчужденное выражение. — Кое-кто из них когда-то могли быть людьми. Людьми с черной душой, летящими на зло, как мотылек летит на огонь, и чем ближе подлетали, тем больше теряли человеческий облик. Но другие — это могло быть то самое более сильное зло, проникавшее внутрь и по ходу принимавшее все более человеческий облик; возможно, чужая кровь в Волках именно от него. А вот здесь, между Сердцем и Краем, и те, и другие одинаково плохи, и в них мало что есть от того, что мы называем человеком. Ты видел... должен помнить. На складе. — По-видимому, она заметила, как я напрягся. — И то существо, каким бы жутким оно ни казалось, — просто обычный слуга этих выходцев с дальнего Края, часовой или разведчик. Они вечно ищут путей распространить свое черное влияние внутрь, как черви, прогрызающие твердую древесину. И даже глубоко в Сердце Колеса это оставляет за собой больше боли и страданий, чем большая часть людей могут себе представить.

Ночь как-то разом потеряла для меня свое очарование. — И ты считаешь, за Волками стоит что-то в этом роде?

— После того, как они привезли эту штуку контрабандой... да, считаю. Торговля всегда была лучшим способом проникновения, ибо она — источник жизненной силы для широких миров, более того, для бесконечного их множества, и часто случается так, что один человек всюду проникает легко, а другой, не вызывающий симпатии, обнаруживает перед собой непреодолимый барьер. Даже Волки и другие чуждые расы иногда занимаются торговлей. Она должна быть защищена, такая торговля, поэтому над ее артериями на страже стоят часовые, чтобы в них заползла зараза,

а следом — тьма. Не только ради твоей Клэр я делаю это, Стивен. И я держу пари, что то же на уме и у старика Стрижа. Он, конечно, мерзавец, и дело с ним иметь небезопасно, но он не потерпит, чтобы зло мешалось в этот мир. Как и я, он слишком много повидал, чтобы не ответить на вызов. Такова моя святая клятва, моя сокровеннейшая цель в жизни.

— Звучит очень хорошо, — мрачно признал я. — Хотел бы иметь такую же достойную цель в жизни.

Колокол, подвешенный высоко на корме, спокойно прозвенел в темноте, отмечая время окончания вахты. Внизу, на палубе, сонные руки стали сбрасывать одеяла и будить других вахтенных. Луна теперь была в зените, и длинные тени упали на доски палубы, когда еще несколько матросов спустились с рей, подобрали брошенные одеяла и растянулись на месте своих товарищей. Молл повернулась ко мне, опершись на руль и задумчиво изучала меня: — Ни жены, ни настоящей любви, ни цели в жизни... И все же у тебя есть ум и, по крайней мере, что-то от сердца; и то, и другое не так плохи, если я правильно разобралась. И, конечно, у тебя есть мечты — или были когда-то. Ребенком я тратила каждый скудный пенни на дома, где играли представления, — стояла и мечтала о спектаклях, где женщины переодевались юношами для какой-нибудь отчаянной цели. Только это было потому, что роль девушек все равно исполняли мальчики. Прекрасная ирония: даже на сцене мы не могли быть самими собой.

Что-то в ее словах заставило меня наострить уши, но понять, что именно, мешало выпитое бренди. — У меня, наверное, тоже когда-то были мечты. Правда, довольно глупые; в них не было ничего, имеющего отношения к цели.

— Для этого надобно время, — отозвалась Молл, и прозвучавшая в ее голосе горечь поразила меня, превратив все мои чувства в банальность. — Мне потребовались долгие годы, чтобы избавиться от последних пороков моего рождения и оставить их позади на дороге. Пока я не отчеканила себя заново из старого металла.

— А где ты родилась, Молл? — мягко спросил я, пытаюсь изо всех сил отобрать в памяти то, что уже принимало какую-то форму.

Она пожала плечами: — Найди моих отца и мать и спроси. Я не помню ни их имени, ни лица. Мои первые воспоминания — о публичном доме, где я была ребенком общим и ничьим, и меня растили, как скот, который откармливают на продажу. Я сбежала оттуда так скоро, как только смогла; но все же недостаточно скоро. Но у тебя, однако, детство не могло быть столь скверным.

Я покачал головой, но согласился: — Не могло, наверное. Я родился не в очень богатой семье, но у нас не было ни в чем недостатка. Я хорошо ладил с родителями, они дали мне образование, я получил приличную степень и хорошо справлялся с работой. Даже очень хорошо — до сих пор. И так случилось потому, что я очень рано расстался с мечтами, и вместо них у меня появились разумные амбиции. Я стал планировать свою жизнь еще в колледже — как я буду продвигаться в бизнесе, а потом, может быть, попытаюсь сделать карьеру в политике. Может, в Парламенте или в Европейском сообществе — нет, ни в какую конкретную партию или что-нибудь в этом роде я вступать не собирался. Не ради идеалов. Просто естественный прогресс, течение вещей. Я довольно серьезно относился к этому — и сейчас отношусь. И,

наверное, я мечтал о комфортной и независимой жизни — так я и живу; это тоже сбылось. А что еще имеет значение?

— Ты спрашиваешь об этом меня? — спросила Молл, вид у нее был такой, словно ее это позабавило. — Многое, если ты мужчина, а не набитое соломой чучело, — или Волк. Но даже слепой в ночь, более черную, чем эта, увидел бы, что ты сам это знаешь.

— Ну, хорошо, — признался я. — Человеческая сторона вопроса. Любовь, если хочешь, назови это так. У меня было много подружек, но я не привязался к ним — в этом моя вина? Я очень хорошо проводил время. Я тепло относился к ним, даже серьезно, но любить — нет, я не любил ни одну. В любом случае, в последние год-два я был слишком занят для этого — с головой ушел в работу. Нужно немного работать, если хочешь идти впереди. А со временем, знаешь, это приносит все большее удовлетворение — о, конечно, за исключением физической стороны, — прибавил я, увидев выражение ее лица. — Но я и это могу получить, если потребуется.

— От шлюх, — холодно произнесла Молл. — Кукол, проституток, куртизанок...

Я уже начал злиться: — Не делай поспешных выводов, черт побери! О'кей, это несерьезно! Ну и что? Ты думаешь, это менее честно, чем вся эта возня с подарками и обедами и ерундой вроде «Я люблю тебя, дорогая», когда мы оба знаем, что это лажа? Или просто соблазнить глупую девчонку и опрокинуть ее на спину? Я так не считаю. Я уже играл в эти игры, и мне они осточертели. Но мне не приходится платить — черт, да никогда не приходилось. Ну, почти никогда, — добавил я, вспомнив командировки в Бангкок. —

Но это была просто игра в туриста. Осмотр достопримечательностей

— Мужчины покупают не только деньгами, — спокойно сказала Молл, когда я выдохся. — Поверь мне, я знаю! Но я не пуританка и не читаю тебе проповедей. Они прелюбодействуют, и ваши девушки, и парни; это древний порок, и есть еще много, гораздо страшнее — если только в человеке не заложено что-то лучшее. И клянусь мессой, в тебе это есть, мастер Стивен! Ты никогда не любил, говоришь? Ловлю тебя на лжи! Ибо сами твои слова выдают тебя.

Я устался на нее и чуть не расхохотался. — Послушай, Молл, думай, что тебе хочется, черт побери...

Я остановился. Когда я попытался подняться, ее длинная рука легла мне на плечо, легко, но твердо: — Ты от всего пытаешься убежать? От своего долга перед Клэр не можешь. Так зачем бежать от себя?

— А тебе-то что за дело, в конце концов? — сердито огрызнулся я.

— Никакого, — просто ответила Молл. — У меня нет никакого права вмешиваться, даже волноваться. Но когда жизнь человека висела на острие моего меча, я не могу не интересоваться им в дальнейшем.

— Хорошо! — признал я, стараясь подавить раздражение от того, что мне об этом напомнили. — Может, я и был довольно сильно влюблен какое-то время. Но не более того. Все равно из этого ничего не вышло, видит Бог!

— Постой, постой! — Молл отпустила мое плечо и с улыбкой взъерошила мне волосы. — Я всего лишь хочу, чтобы ты поразмыслил, а не выдавал мне свои самые сокровенные тайны. Ты можешь удивиться самому себе.

— Нет уж, к черту, я тебе расскажу, а ты суди сама. На самом деле я не хочу, чтобы ты навоображала обо мне всяких гнусностей. Я познакомился с ней на первом курсе колледжа, она училась в школе искусств, и мы стали встречаться. Нам было хорошо вместе — Господи, она была интереснее любой английской девушки, каких я когда-либо встречал. Просто совсем не такая, как все... такая... не знаю. Совершенно из ряда вон выходящая. Все девушки, каких я знал — даже те, что без предрассудков, они были без предрассудков в тех рамках, как это полагалось, если в этом вообще есть какой-то смысл. Она была евразийкой, наполовину китайкой — из Сингапура — и дьявольски хорошенькой. Прекрасное тело, почти совершенство. Похоже на отполированную бронзу. В этом тоже была беда. — Молл теперь стояла, снова положив руки на руль и глядя за горизонт, но она медленно кивнула, давая понять, что слушает. Я следил за тем, как играют изгибы ее груди и ребра, когда она пошевелилась, и впадины на ее мускулистых бедрах. Фигура у Джеки была совсем другой, гораздо более мягкой и нежной — почти хрупкой. — Она не была богата. Получала деньги из дома, но их вечно не хватало. Она подрабатывала натурщицей, чтобы заработать побольше.

— И ты ревновал?

— Нет, — сказал я с некоторым удивлением. — Не совсем. Я даже гордился ею. Мне было немного не по себе, но я гордился. Ничего нечестного в этом не было, она была не такая. Она была так красива... — В колледже она была чем-то вроде символа положения в обществе, честно говоря. — Но ей была противна сама мысль о том, что она будет жить за мой счет, она хотела платить сама за себя, когда мы ходили в рестораны, такая уж она была упрямая, даже глупо.

И... ну, она зашла чуть-чуть слишком далеко. Решила, что заработает больше всего, позируя для журналов, и — Господи, просто взяла да сделала это, не сказав мне ничего.

— А зачем ей надо было говорить? Что за разница?

— Послушай, есть огромная разница между парочкой студенческих набросков и журналами на каждой газетной стойке по всей стране! Фотографии-то ведь остаются! Они повсюду болтаются! Они могли всплыть через много лет...

Молл резко вдохнула воздух: — Ага! А ты боялся, что всплывут?

— Послушай, ты должна понять, наконец. Я же говорил тебе, что все спланировал заранее! Ты же знаешь, как это бывает — когда ты молод, тебе кажется, что все это случится прямо завтра. Она могла мне все испортить! Я не мог допустить, чтобы какой-нибудь подонок объявился с этими фотографиями — а они были весьма внушительного размера, черт бы их побрал, — и разослал их во все газеты в то время, когда пытался бы стать серьезной фигурой в обществе! Я хочу сказать, представь себе такое, когда я, например, боролся бы на первичных выборах! Так что... — Я безнадежно махнул рукой.

— Так что вы поссорились?

— Ну, да... немного. Но я не просто бросил ее и всякое такое, я был не так жесток. Просто дождался, когда все выдохнется само собой в течение летних каникул. Мы говорили о том, чтобы поехать в Сингапур, но это... в общем, сорвалось. А потом пришла зима... — Я пожал плечами. Закричала чайка, дикий и одинокий вопль, и я слегка вздрогнул. — Следующим летом она вышла замуж за другого, так что у нее это тоже было не слишком глубоким чувством. Но не за того человека,

какого я мог бы предположить, — а за одного из своих художников, простого бесталанного маленького пьянчужку. Последнее, что я о нем слышал, — это то, что окончил колледж и занимается дизайном оберток для мыла. А о ней вообще ничего. Кроме того, что они по сию пору женаты, если она не свернула его тощую шею к этому времени. Это было самое близкое к любви чувство, которое я испытал в своей жизни, Молл; но ведь это не могло быть очень близко, правда? И я должен продолжать об этом думать.

Не знаю, какого ответа я ждал, но уже никак не чуть жалостливого взгляда, которым меня наградили: — Редко кто станет вспоминать о том, что обманулся, потеряв драгоценное ради ложной выгоды, и еще реже — если обманул сам себя. Но подумай о двух вещах. Первое: ей не надо почувствовать снег на губах, чтобы понять, что пришла зима. И второе. Раньше политика не была ремеслом, которым человек занимался как профессией. Это слово значило делать то, что целесообразно, а не то, что предписывали правила.

Это было как заноза в хвосте. И к счастью, благовидный ответ, вертевшийся у меня на языке, так и не сорвался с губ. Заходящая луна впервые посеребрила горизонт, волны подхватили сверкающий луч и разнесли его широкой полосой. В ответ сверху донесся голос часового, срывавшийся от возбуждения и переходивший в высокий крик, похожий на вопль морской птицы.

— ПАРУС! ПАРУС!

— Как далеко? — проревел помощник капитана в говорящую трубу, которая едва ли была ему необходима.

— КОРАБЛЬ НА ГОРИЗОНТЕ, ПРЯМО ПО КУРСУ! — Все задвигались, и с треском раскрылись

подзорные трубы. — ТРИ МАЧТЫ В ЛУННОМ СВЕТЕ! И КАКОЙ ЗДОРОВЫЙ!

— Тогда, клянусь Богом, это может быть она! — пробормотал помощник. — Держи руль, Молл! Старшина, поди разбуди штурмана и капитана. А вам лучше уйти, сэр!

— Всего в одной-двух лигах впереди нас, — торжественно объявила Молл. — Не правда ли, на какой быстрой птичке мы летим! Мы их догоним, Стивен, догоним! Если это «Сарацин», конечно, надобно сперва удостовериться. А не то придется черт знает как расплачиваться, если откроем огонь по какому-нибудь обычному торговцу или большому военному кораблю, который разнесет нас в щепки как пиратов одним бортовым залпом.

— Откроем огонь... — Я ощутил, как по спине у меня стекают капли пота; сгорбившиеся черные силуэты, стоявшие по всей длине поручней, вдруг стали похожи на спящих кобр, готовых в любую минуту выплюнуть яд. Реальность того, что мы собирались сделать, вдруг приняла устрашающую форму. И непонятно, по какой причине — от возбуждения или еще от чего, но обед и выпитое спиртное выбрали именно этот момент, чтобы взбунтоваться. И тут мне пришло в голову, что на корабле была еще одна жизненно важная точка, с которой я не познакомился.

— Э-э, Молл... кстати, а где... э-э... гальюн? — Наконец-то я вспомнил правильно хоть один морской термин.

Молл указала рукой в направлении бака и находившегося за ним бушприта: — Там, наверху.

— Где наверху? На баке?

— Нет. Вон там над поручнем, вниз в концевой отсек и на бушприт. Там есть лестница.

— Ты хочешь сказать... прямо в воздухе?

— Да, ради здоровья.

— Господи! — Я представил себе эту картину, и она показалась мне отвратительной. — Зачем же акробатические трюки? Почему бы просто не воспользоваться поручнем, раз он все равно общий?

— Капитан Пирс не хочет. И к тому же один легкий порыв ветра, и ты получишь назад все, что отлил.

— Понятно, — сказал я и, спотыкаясь, направился в сторону сходного трапа.

И только когда я осторожно прошел по баку к поручню, она крикнула мне вслед: — На худой конец, есть еще один — в каюте на баке по левому борту. Это мой. По обычаю он только для дам, но если хочешь, можешь воспользоваться своим положением, тем паче ты хорошо воспитанный молодой человек...

— Слушай-ка! — закричал я ей в ответ, неуклюже перелезая через поручень. — Весьма признателен за комплимент, но... Я здесь застрял на корабле, который идет в никуда, так? С командой самых отъявленных головорезов, каких отродясь не видывал! И, по-твоему, я стану искушать судьбу и пользоваться женским сортиром?

Из недр корабля раздался гул, приветствовавший мое решение.

Вот так мы героически ринулись в бой, с моей персоной, скрючившейся и дрожащей на деревянном ящике за бушпритом. В качестве носовой фигуры я оставлял желать лучшего, и моим единственным утешением было то, что если мы и вправду плыли над ветрами земли, то землю ждал легкий шок.

К тому времени, когда я выкарабкался назад, вахтенные снизу были созваны, и на палубе кипела бурная деятельность. Джиб и капитан уже встали и тоже были

там. Джип выглядел свежим, как полевой цветок, но капитан Пирс пребывал в паршивом настроении, и я втихомолку порадовался, когда увидел, как он заспешил к бушприту.

— Какие новости? — поинтересовался я.

— Будем знать в любую минуту, — отозвался Джип, не отнимая от глаз подозрной трубы. — Ишь какой лихой, паруса убраны на ночь. Мы догоняем его быстро, даже слишком быстро. Я бы предпочел подойти к ним, когда луна зайдет. Кто-нибудь видел старика Стрижа? Эй, кто-нибудь, тащите его сюда!

Эта команда была встречена с таким отсутствием энтузиазма, что я предложил сходить за ним сам. Когда я забарабанил в маленькую зеленую дверь, я ожидал чего угодно — от неистового лая до удара грома, но вместо этого дверь открыла та девушка — Пег Паулер, стягивая на груди оборванное платье. Она ничего не сказала, просто посмотрела на меня своими огромными глазами и уже собиралась пригласить меня войти, как вдруг тихое рычание Ле Стрижа остановило ее.

— Я знаю! — прорычал он из темноты позади нее, прежде чем я успел что-то сказать. Из глубины каюты поплыли затхлые запахи. — Я слышу! Скажи капитану — он получит то, что ему нужно, но пусть до этого не атакует! На его страх и риск — и твой!

— Мы получим то, что нам надо? — переспросил Джип, когда я передал послание. Он взглянул на вновь появившегося Пирса. — Проклятие! Интересно, ЧТО же все-таки случится?

— Похоже, он считал — ты знаешь.

— Он! Да ни за что! Просто любит, когда его проклинаят, вот и все. Но одно я тебе скажу — я не стану нападать, пока он не закончит, ни-ни, даже под угрозой пушек. Ну, а ты, Стив, что собираешься

делать? Можешь, конечно, остаться на палубе, если хочешь, но самое безопасное место всегда ниже ватер-линии, куда не долетают снаряды...

— Черта с два! — отрезал я, удивленный и обиженный. — Ты думаешь, я не пойду с тобой?

— Нет, не думаю, — признался Джип. — Но я пообещал капитану, что дам тебе шанс. Он тоже не пойдет, разве что с призовой командой. Понимаешь, Стив, это вроде как особое дело — брать корабль на абордаж, особенно такой, который выше твоего. А ты единственный мужик на борту, кто этого никогда раньше не делал, кроме разве что Стрижа.

— Я довольно прилично лазаю, — сказал я. — Сколько из ваших людей могут забраться вверх по нависающей скале?

Джип бросил взгляд на капитана, и тот пожал плечами. — Может, это и правильно. Но тебе надо быть вооруженным, мастер Стивен, а сдается мне, ты не шибко приучен к мечу. Могу дать тебе хороший пистолет, но это только два выстрела — ЕСЛИ запал будет сухим... И коль уж зашла об этом речь, нам скоро понадобится оружие, воленс-ноленс! — Он подхватил свою переговорную трубу и заревел: — МАЧТЫ! Или вы там наверху все ослепли, болваны? Они сейчас уже могут нас видеть!

— ЕЩЕ МИНУТУ, СЭР! ВСЕГО МИНУТУ... — Воздух на квартердеке можно было подергать, как натянутую стальную проволоку.

— Владеть абордажной саблей — невелика наука, — предложила Молл. — Надобно просто поднимать, рубить и отражать удары, крепко держать в руке, и пусть вес работает на тебя.

— Ну еще бы, особенно против Волков, — возразил Джип, — когда они обучены держать их с колыбели

или что там у них её заменяет. — Он щелкнул пальцами. — Нашел! Абордажный топор. Он помогает и лезть. И у меня есть для тебя кое-какая одежда.

— А эта не подойдет? — На мне была легкая ветровка на шелковой подкладке и спортивные брюки, дорогие и плотные.

— Подойдет, конечно, если ты хочешь, чтобы обрывки твоих прелестных карманов свисали ключьями с каждого гвоздя и каждой занозы на их корпусе, а ты прибудешь на борт совершенно голым. Нет, лучше всего плотная парусина, как та, что носят здешние ребята, или шкура морской лошади, как у меня и Молл; дорого, зато прочно. Мы с тобой примерно одного размера — можешь взять мою запасную пару.

Шкура морской лошади? Я подозрительно скосил глаза на то, что принес слуга Пирса. Она была чернее ночи, мягче, чем казалась, чуть пушистая, как кротовая, только поменьше. От нее исходил легкий, но ошутимый запах, горький и маслянистый.

— Примерь, — предложила Молл с непроницаемым видом.

По-видимому, здесь не было особого смысла проявлять чрезмерную застенчивость, так что я разоблачился прямо на месте и натянул странные брюки и рубашку. Они оказались чуть эластичными, поэтому сидели очень хорошо, особенно с широким ремнем и кроссовками, которые были на мне. В рубашке без рукавов я слегка поеживался под резким ночным ветерком, но у меня мелькала неприятная мысль, что очень скоро мне станет жарко. По крайней мере, абордажный топорик, который мне выдали, по размеру был почти таким же, как ледоруб, с таким же длинным топорischem; Джип объяснил мне, что им можно цеп-

латься за доски и другие места, чтобы легче было лезть, а лезвие прорубит сеть, натянутую над поручнями, чтобы помешать взять корабль на бордаж. Пирс одолжил мне длинный нож и обещанный пистолет — двухзарядное кремневое орудие — и показал, как взводить курок, очень осторожно, потому что пистолет был уже заряжен. Пистолет был совсем не таким, как те, из которых я стрелял по мишеням, и это меня тревожило. Затем выступила Молл и повязала мне вокруг лба такую же расшитую парчовую повязку, как у нее.

— Спасибо! — сказал я, раздумывая, какой я должен иметь вид, и начиная ощущать себя заправским пиратом. — Какая шикарная лента вместо шляпы!

— Это даже немножко большее, чем просто лента. Она тебе пригодится...

— ЭЙ, НА ПАЛУБЕ! НА ПАЛУБЕ! — Мы разом подняли головы вверх, как птенцы в гнезде. — ЭТО ВОЛК! ПРОКЛЯТЫЙ ЗАВЫВАЮЩИЙ ВОЛК!

— ТЫ УВЕРЕН, ПАРЕНЬ? — заорал Пирс. — КАКОЙ У НЕЕ ФЛАГ?

— ФЛАГА НЕТ! НО Я ВИДЕЛ ФОНАРИ!

Пирс сунул трубу назад в футляр с удовлетворенным щелчком и перегнулся через поручни: — Мистер помощник! Готовьтесь к бою! По местам!

— Фонари? — переспросил я Джипа, поглядывая на видневшуюся вдалеке точку — это было все, что я смог разглядеть, от силы, может быть, верхушки мачт.

— Увидишь! — коротко ответил Джип, а палубы в это время выбивали барабанную дробь под бегущими ногами. Мы на минуту отошли от поручней, когда матросы с криками высыпали наверх, чтобы встать у пушек на квартердеке.

Пирс оскорбленно смотрел в свою огромную медную трубу: — Какого черта там происходит — у них впереди? Можно было бы думать, что они выкатят пушки, едва лишь мы появимся в их поле зрения, но будь я проклят, если они не только что вылезли из постели!

— Может, пытаются изображать из себя невинных овечек, — высказал предположение я.

Пирс, однако, ревом высказал несогласие: — Боюсь, что нет, сэр. Если бы я краем глаза заметил парус, который так торопится за мной по пятам, я бы выкатил пушки просто из предосторожности, а моя совесть отягощена меньше, чем у любого из Волков, могу поклясться. И смотрите, как они укоротили паруса на ночь! Пари держу, негодяи и не подозревали, что их могут преследовать, и выставили только палубную вахту — ни одного человека на мачтах, ублюдки ленивые. Что скажешь, штурман?

— Так оно и есть! И часовые полусонные к этому часу, да еще фонари светят им в глаза. — Джип возбужденно ударил по гакаборт. — Черт, вот он, шанс, который нам нужен! Все, что нам остается делать, это дожидаться, когда зайдет Луна, и идти на сближение. Если они уже не засекли нас раньше, теперь не смогут!

— Очень хорошо! — сказал Пирс. — Но нам незачем рисковать. Мистер помощник! Можете отдавать приказ заряжать!

Весь корабль неожиданно содрогнулся от приглушенного удара грома. На палубах и внизу выкатывали массивные пушки для того, чтобы зарядить их, громады из бронзы или железа весом с тонну и больше, на деревянных колесных лафетах с привязанными к ним веревками или цепями, чтобы удерживать орудия. Их

экипажи прыгали вокруг них, сдерживая возбуждение, в то время как мастер Старшина канониров, маленький человечек с желтоватым лицом, гривой черных волос и злобными глазками, бегал от одной к другой, проверяя их. — Заряжены и готовы к бою! — прокричал он нам.

— Очень хорошо, м-р Хэндз, — Пирс с минуту барабанил пальцами по бедрам. — Будьте наготове, но не выкатывайте пока! Мы побережем огонь, пока не подойдем поближе, а, штурман?

— Не хотелось бы первый залп дать вхолостую! — согласился Джип и пояснил: — Пока пушки хорошо заряжены, и у нас есть время взять прицел. Под огнем все вроде получается не так аккуратно.

— Могу себе представить! — горячо воскликнул я. — Но... огонь... это не будет опасно для Клэр?

— Хуже, чем сейчас, ей уже не будет. И тут уж ничего не поделаешь. Корабль большой, и мы должны попасть в него, расчистить хотя бы путь для абордажного отряда — вывести его из строя, если получится. Сбить побольше рангоута или даже руль, и он наш.

Пирс набивал ноздри нюхательным табаком с таким смаком, что я едва удержался, чтобы не предложить ему шомпол. — Чтобы разделаться с ним... НА ДОСУГЕ! — Последнее слово вылетело у него с громоподобным чихом. — БУДЬ Я ПРОКЛЯТ! Но будьте уверены, они держат ценных пленников внизу, под палубой, и там девушке будет всего безопаснее. Мы не будем бить по корпусу, разве что из крайней нужды.

— Как бы там ни было, — ободряюще произнес Джип, — мы собираемся подойти совсем близко и только потом стрелять. Так что огонь будет с короткой

дистанции. Может, они вообще не успеют добежать до пушек.

— Будем надеяться, — отозвался я. — Будем надеяться, черт побери! — При мысли о том, что я собирался делать, меня охватывал какой-то леденящий ужас; мне бы хотелось, чтобы слова Джипа звучали немножко более убедительно. Я посмотрел на луну. Она уже быстро заходила, почти касаясь горизонта, истекая, как кровью, серебром над странным океаном, по которому мы плыли, и превращая его в замерзшее зеркало. А потом я впервые отчетливо увидел противника — маленькую остроконечную колонну парусов над горизонтом, плавающую детскую игрушку, но все же источающую угрозу. Трудно было поверить, что там, на борту, Клэр. Клэр из другой, бесконечно далекой жизни... Но нет; теперь она тоже была частью этой жизни.

— Лучше бы подготовиться, пока есть еще несколько спокойных минут! — заметил Пирс. — Рулевой, смени мистрис Молл у руля! Мистер помощник, сундук с оружием! Абордажным группам собраться на основной палубе!

У грот-мачты стоял открытый ящик с оружием, и собиравшиеся людям — их было около тридцати, не считая нас, — выдавались абордажные сабли и пистолеты. Джип вскарабкался на ступеньку и повысил голос: — Как получите оружие, разбейтесь на две группы у вахты левого и правого борта. Вахтой левого борта команду я, и мы собираемся у опоры фок-мачты! Правый борт, оставайтесь у грот-мачты и следуйте за мистрис Молл! Оружие у всех есть?

Ответом был дружный рев и звон абордажных сабель.

— Отлично! Тогда ныряйте под шпигаты, присядьте

на корточки за поручнями — пригнитесь пониже и не мешайте пушкам! Если кто высунет голову над распроклятыми поручнями до приказа, я ему сам ее снесу! Ясно? Тогда — в позицию и задайте им жару!

Молл положила руку мне на локоть: — Ты пойдешь с моей командой, Стивен — прыгать меньше и легче зацепиться ногами.

— Это мне подойдет... — Внезапно рука Молл крепче сжала мой локоть; она смотрела куда-то мимо меня, на нос. Я обернулся и увидел, как открылась дверь каюты Ле Стрижа, и сам старик проковылял наружу, за ним — его странные компаньоны.

Он с минуту помедлил, глядя нас слезящимися глазами, потом произнес: — Собираетесь взять его на abordаж. Требуется помощь, так?

— Смотря какая, — тонко сказал Джип. — Что именно у тебя на уме?

— Моя помощь. И их. Эй вы, двое! — коротко приказал старик. — Пойдете с abordажными отрядами. Поможете им.

— Эй, обожди минуту, черт побери!... — проревел Джип, когда Финн, бросив на него злобный взгляд, скользнул и скорчился среди матросов Джипа. Все как один отшатнулись от него. Но я был поражен еще больше, когда увидел, как черноволосая девушка лениво направилась к нашей группе.

— Вы возьмете их, — сказал Ле Стриж, безжалостный, как древний камень, — если хотите иметь хоть шанс вернуться назад. А не то оставьте свою затею и возвращайтесь домой. Теперь я буду играть свою роль. Стойте наготове!

Джип увидел, как при этом матросы обменялись взглядами, и со вздохом признал свое поражение. Я не знал, что и думать. Я догадывался, что Финн —

телохранитель у старика, что-то вроде волка-оборотня, но я полагал, что девушку взяли с собой ради утешений иного рода. Однако, по-видимому, в ней было нечто большее, раз уж старый дьявол был готов рисковать ей, а она — своей жизнью. В слабом лунном свете она уже не казалась хорошенькой, ее лоб под прямыми волосами казался выше и круглее, подбородок — слишком слабым и узким по сравнению с остальной частью лица; какой-то намек на порок развития, похоже на отставание развития эмбриона. Матросы отшатнулись и от нее. Стриж не обратил на них никакого внимания, он побрел вверх по трапу и, встав там в последних лучах лунного света, стал тихонько насвистывать, как будто бы про себя, и простер руку к небесам.

— И что это он намерен делать? — резко спросила Молл, когда наша группа присела на корточки за поручнями, в малопривлекательной близости к одной из пушек. У меня не было никаких предположений на этот счет. Пушка была втянута внутрь, и я смотрел ей в дуло, а также на свирепые улыбки стоявшего за ней экипажа. Зрелище было таким, что выводило из душевного равновесия. Я даже чувствовал горьковатый запах пороха. Молл тоже улыбалась.

— Лучше закрой уши, когда начнут стрелять, Стивен. И благодари Бога, что это только восемнадцатифунтовые. У «Сарацина» двадцатичетырехфунтовые...

— Мне показалось, Джип говорил, что мы лучше вооружены!

— Да, у них только по пять на каждом борту и пара орудий для морской охоты, зато у нас десять. Но пять — это тоже много, если они смогут пустить их в дело.

Я на минуту задумался над этим, но потом решил,

что думать мне не хочется. Было нечто другое, что не давало мне покоя, какие-то слова, случайно сорвавшиеся у Молл с языка, и чем больше я их пережевывал, тем больше у меня волосы на голове вставали дыбом. Рядом с нами в сгущавшейся темноте кружилась искра, медленно выписывая восьмерки, как светлячок на веревочке. Меня это невероятно раздражало. — Этот парень... ему обязательно всю дорогу размахивать этим факелом?

— Старшему канониру? Это пальник — а размахивать приходится, чтобы он не погас.

— Что ж, жаль, что он так небрежно с ним обращается — и так близко к снарядам! — Мол ответила коротким смешком. И тут меня прорвало.

— Молл... Я хочу спросить у тебя... кое о чем...

— Так спрашивай! — прошипела Молл. Она уже больше не смеялась, голос ее звучал так же напряженно, как были напряжены все мои нервы.

— Те пьесы — где мальчики играли женские роли. Так не делают уже много... Молл, это были пьесы Шекспира?

— Чьи? А, ШАКСПУРА! — В ее голосе прозвучало удивление. — Стало быть, его по-прежнему играют? Да, кое-какие были. Там была сплошь злость на дворянство, и, на мой вкус, слишком много слов! Вот ваш Миддлтон, ваш мастер Деккер — то были настоящие сочинители пьес... — Она оборвала речь, слегка коснувшись рукой моего плеча. Высоко в небе на фоне темнеющей арки облаков, появилась тень и белая вспышка, силуэт, кругами спускавшийся вниз на узких крыльях, по направлению к неподвижной тени на носовой палубе — это была маленькая чайка. Она приземлилась прямо на поднятую руку Ле Стрижа, все еще трепеща и нервно хлопая крыльями, а он медленно

прижал ее к себе и склонился над ней, поглаживая и не обращая никакого внимания на беспокойные протесты птицы. Он взглянул вверх на луну, на высокие паруса корабля Волков, который вдруг стал гораздо ближе. Я был потрясен тем, как быстро мы нагоняли его. Все еще воркуя над своей добычей, Ле Стриж побрел к поручням. Неожиданно он поднял птицу, поблескивавшую в последних лучах, вверх и что-то прокричал — резко, гортанно и свирепо. Каким-то образом я понял, что он собирается делать; я привстал, с моих губ уже был готов сорваться крик. Но Молл резко пригнула меня назад, а старик широко развел руки и разорвал птицу, отделив крыло от тельца.

Моряки издали низкий стон отвращения. Но когда кровь брызнула на палубу, я увидел, как паруса впереди дернулись, словно по ним ударила огромная рука, и беспомощно повисли и захлопали на ветру. А потом лунный свет потускнел и погас, а из тени, опустившейся на верхнюю палубу, я услышал пронзительное кудахтанье — это смеялся Ле Стриж.

И тут же его смех потонул в мощном реве Пирса: — А ну, заткнись, лопни твои глаза! Мы их догоним с минуты на минуту! ПРИГОТОВИТЬСЯ К АБОРДАЖУ! ЭКИПАЖАМ ПРАВОГО БОРТА — ВЫКАТИТЬ ПУШКИ!

С треском и стоном порты открылись, и снова корабль затрясся от барабанного грохота. У меня над ухом трещали снасти, повизгивал лафет, когда экипаж, напрягая все силы, наводил массивное орудие в темноту, словно чуя далекого врага. Стучали гандшпуги, поднимая тяжелый ствол под нужным углом вертикальной наводкой. Я надеялся, что канониры помнят отданные им приказы. Раздался короткий быстрый щелчок, это встали на место клинья, прицел был

взят, а затем наступило молчание, столь внезапное, что оно показалось устрашающим. Я уже отключился от обычных корабельных звуков; все, что я слышал, было мое собственное дыхание. Во рту у меня был отвратительный вкус резины; я бы чего-нибудь выпил — хотя бы того распроклятого бренди. Молчание все тянулось и тянулось, минуты казались часами, и делать было нечего — разве что думать. Меня страшно расстроило это жестокое магическое действо, но еще хуже был преследовавший меня разговор с Молл. Из-за него у меня в голове кипели разные мысли, надежды, страхи и странные тревоги — и истины, которым она заставила меня посмотреть в лицо.

— БРАСОПИТЬ РЕИ! — неожиданно заорал Пирс. — ПОЛОЖИТЬ РУЛЯ К ВЕТРУ! ПЕРЕДНИЕ ПАРУСА! ГРОТ! ПРАВЫЙ БОРТ, ОТСТАВИТЬ! ЛЕВЫЙ БОРТ, ВЫБРАТЬ СНАСТИ! ВЫБИРАЙТЕ, ВЫБИРАЙТЕ, ЧЕРТА ВАМ В ЗАДНИЦУ! ВЫБИРАЙТЕ!

На минуту меня охватила паника, когда наши паруса над головой задрожали, опустились и захлопали на ветру; но потом вокруг медленно закрипели реи.

— Делаем поворот оверштаг — к ветру и на другой галс! — прошипела Молл. Наши паруса снова наполнились и загудели, и вдруг паруса «Сарацина», все еще бившиеся на ветру, поднялись у нас сбоку, а не впереди. — Для бортового залпа... нашего — или их...

И тут раздалось: — ОРУДИЯ ПРАВОГО БОРТА — ГОТОВЬСЯ! — ПЛИ!

Я едва успел прижать ладони к ушам и крепко зажмурить глаза. Раздался гром, орудия заговорили, и весь корабль заходил, откликаясь на этот могучий голос. Через закрытые веки проникал танцующий рыжий огонь. Палуба подо мной резко поднялась, и

меня вдруг окутало облако черного дыма и колючие искры. Я кашлял и задыхался, в ушах звенело даже под руками, я не слышал следующей команды, но почувствовал грохот, когда откатили назад пушки, и осторожно открыл глаза. Сквозь красные сполохи я увидел, как экипаж моего орудия с грохотом ударил пушкой о лафет. Ствол шипел и изрыгал пар, когда его вытерли, резким движением засунув внутрь и тут же вытащив комок влажных тряпок, намотанных на шест. Затем — очень осторожно — из глубоких кожаных сумок были вынуты мешки с пыльной по виду тканью и засунуты в жерло орудия. Это были пороховые патроны, и одна искра из по-прежнему горячего после выстрела орудия могла вызвать ужасающую катастрофу. Чтобы удерживать заряд, в ствол загнали большие комья грубого волокна и умяли тяжелым щитом на десятифутовом черенке. Только тогда вкатили железное ядро — оно выглядело невероятно маленьким — и, с свою очередь, загнали его в ствол. Это была достаточно простая операция, но она проводилась среди удушающего дыма и раскаленного металла и буквально за одну-две секунды. Экипаж двигался и прыгал вокруг орудия с удивительным изяществом — у каждой пушки повторялись отработанные движения, и палуба, казалось, была охвачена каким-то странным танцем, диким и смертельным.

— ВЫКАТИТЬ ОРУДИЯ! — прозвучала команда Пирса. — ГОТОВЬСЯ! ПЛИ!

И снова оглушительный гром, снова волна, и «Непокорная» накренилась, пламя и обжигающий дым. Корабль, паруса, все исчезло в смрадной туче. Я не видел даже собственных рук. И это — на открытом воздухе, а оружейная палуба, наверно, являла собой какое-то средневековое видение из ада. Меня душила

паника и неожиданная отчаянная потребность понять; я вслепую потянулся и схватил теплые руки. Дым отнесло в сторону, и я обнаружил, что вместо Молл держу за руки какого-то дикого ухмыляющегося озорного мальчишку, а на ее почерневшем от пороха лице сверкали зеленые глаза.

— МОЛЛ! — заорал я. — Тебе что, действительно пятьсот лет?

Она закатила глаза, продемонстрировав белки: — Слава Господня, парень, нашел время спрашивать!

— Я должен был спросить! Ты ведь жертвуешь жизнью — ради меня — ты ведь не так многим рискуешь? Или рискуешь?

Она медленно кивнула головой: — Да, рискую. Так уж устроен мир.

— Господи, — обмяк я.

Она негромко засмеялась: — Я ведь говорила тебе, что мера всех вещей меняется? Всего на свете — даже часов и расстояний. Время — это, что поворачивает Великое Колесо, ось — в середине Сердца или в стебле Сердцевины, если хочешь. Люди видят это в различных формах. Но разбей границы, вырвись наружу — и мир становится шире. А с ним и, должно быть, его часы. Что они, как не две стороны одной ткани, разрезанные по одной мерке? Так и твой путь — по одной стороне ткани, но так же и по другой, вперед-назад. Чем дальше твой путь, тем меньше ты сидишь на месте, тем меньше тебя держат часы. А я, я — скиталица. И здесь отпущенный тебе срок измеряется тем, сколько ты отыгрываешь для себя. И, может быть, таков, сколько ты можешь выдержать. Многие зарабатывают долгий срок и живут длинную жизнь, но в конце возвращаются к своим, пойманные в паутину, от которой так и не смогли избавиться. Уходят назад

и забывают. Но только не я, я — никогда! — Она хмуро посмотрела на меня. — Что было для меня в этом мире, среди публичных домов и притонов, мошенников и головорезов? Я хотела жить, учиться, находить что-то лучшее — или породить его!

Под крики экипажа и звон цепей орудия снова были выкачены вперед. Командир канониров откинул назад покрывало с запала, и мы снова нырнули и закрыли уши, когда сверкающий пальник вошел в порох. В этот раз я открыл глаза — канониры прыгали и радостно орали.

— Похоже, мы попали — Господи! — Я снова потряс головой. — Уже пятьсот лет... Ты можешь прожить еще столько же, если не больше, и все готова поставить все на карту в такой дурацкой заварухе, как эта?

— Почему бы и нет? Что есть богатство, если ты только копишь его и никогда им не пользуешься? Как долго мне нравилась бы моя жизнь, если бы я не рисковала ею ради доброго дела? Чем дольше ты остаешься в этом мире, тем больше ты должен рисковать собой, чтобы придать годам смысл! Это ты, мой мальчик, у кого за спиной всего несколько лет, больше рискуешь в эту ночь, и, похоже, из чисто дружеских побуждений. Если бы это была любовь, я могла бы понять — но ты ведь никогда не любил, не так ли?

Она замолчала и подняла глаза вверх. Я тоже услышал его — глухой стук, словно захлопнулась дверь, очень глубокий, а следом за ним — шипящий, падающий свист. Но не успел я сообразить, что это такое, как Молл бросила нас обоих ничком на палубу. Прямо над нашими головами разлетелось в щепки дерево, что-то с глубоким звенящим стуком упало, и

доски под нами подскочили под быстрой дробью ужасающего треска.

— ...Похоже, мы из разбудили, — сказала Молл прямо мне в ухо, и тут наши пушки рывкнули в ответ, но не залпом, а свирепым продольным огнем, похожим на барабанную дробь, выстрелив в тот же момент, как были готовы. Я едва ли понял, что имела в виду Молл. Скорчившись за поручнями, вздрагивая при каждой детонации, я странным образом ощущал себя в отрыве от всего этого ада. Полуослепший, полуоглохший, насмерть перепуганный, но остранный. Случайно или намеренно Молл вызвала во мне бурю худшего свойства.

Какого черта я сейчас с такой горячностью бросался за Клэр? Чтобы спасти ее, да; но ведь я нанял целый корабль вояк, способных лучше меня справиться с этой задачей. Почему для меня было столь важно пойти с ними самому? Я не хотел прятаться за их спинами, показать себя трусом в такой крутой компании, но если я буду тянуть их назад, они мне тоже спасибо не скажут. Тогда зачем? Что я пытался доказать? Что я действительно могу быть к кому-то равнодушен?

Я НЕ БРОСИЛ ЕЕ... Черта с два не бросил. Когда смотришь в жерло пушки, трудно становится жить во лжи. Оно вроде как срывает с тебя покровы. Страх отбросил мою маску, отшелушил лак. Медленно, тщательно, АККУРАТНО. Я бросил Джеки — и, похоже, бросил так холодно и жестоко, как только можно вообще бросить женщину. Я сохранял внешний вид и предавал ее мягко — ради нее, как мне нравилось думать, но главным образом, ради себя самого. Просто проклятая витрина... или я обо этом всегда знал? Этого сказать я не мог. Зато впервые понял, что она, должно

быть, знала; я ни на минуту не мог ее обмануть — как не смог обмануть Молл. Тогда с какой стати Джеки подыгрывала мне — притворялась, что наш роман сходит на нет, что мы постепенно расходимся?

Ради меня. Она продолжала любить меня, по крайней мере, настолько, что позволила мне сохранить свое достоинство в то время, когда могла его полностью уничтожить. Позволила мне продолжать играть свою роль, ибо знала, как мне это было необходимо, как пусто мне стало бы без этого. Она любила меня, это точно. А я ее предал, и, может быть, с ней — себя.

То, что я видел сквозь пороховой дым, было моим прошлым, я видел себя в последние несколько лет. Разочарование, медленно подкрадывавшаяся нечестность, которые я постоянно находил в своих отношениях, находил все чаще и чаще, это отравляло их изнутри; когда же я впервые стал это замечать? Довольно скоро после того, как они появились. Каким-то образом все уже было не то, никогда и ничего — или никто. До тех пор, пока я не запер женщин в отдельный кабинет в моей жизни, приятный, безопасный и пустой. Зачем? Потому был слишком полон самим собой, чтобы понять, что в действительности держал на ладони? Потому что был таким иднотом, что сам себя лишил этого, променяв на какое-то сомнительное золотое будущее? Нечестность — смешно. Она на самом деле присутствовала, да только во мне самом.

Рука Молл на моем плече подняла меня, и я снова скорчился за поручнями вместе с остальными. Все еще погруженный в свои переживания, я едва замечал тяжелые ленты тумана, смешивавшиеся с дымом, все больше серевшее небо над вантами. На его фоне раздувались порванные выстрелом, тлеющие высокие паруса, а под

ними — огромный черный корпус корабля, казалось, с устрашающей, непостижимой скоростью несшийся к нам. На его высоком кормовом транце по-прежнему ухмылялись фонари, ибо они были вырезаны в форме огромных фантастических черепов, совершенно нечеловеческих, — вырезаны или они были настоящими? И когда черный борт навис над нами, я увидел, как выставились огромные дымящиеся хоботы пушек и стали опускаться. С нашей палубы раздался дикий хор воплей, а из тени сверху — ужасающий гортанный вой; это точно были Волки. Их вой мог напугать кого угодно, мне от него стало просто жутко. Но теперь я знал, что делаю, и это было до ужаса просто.

— Это все, что у меня осталось! — крикнул я в ухо Молл, и, казалось, она поняла. — Не много, ты права... но я должен защищать это! Я ДОЛЖЕН драться...

Шанс полюбить еще раз. Если я его потеряю...

Нет. Только не ЭТО. Клэр!

А затем два корабля сошлись вместе, и человеческие голоса потонули в визге изуродованного дерева и протяжном скрежете и треске. «Непокорная» стояла прямо под «Сарацином», и раздутый, гораздо более высокий борт торгового судна врубался прямо в наши поручни, треща и расщепляясь, — нависающий утес в рассветном полумраке. Матросы вскочили, взмахнув многозубчатыми железными абордажными крюками на длинных рукоятках, и выбросили их вперед, чтобы зацепиться за поручни и порты, пришвартовывая нас к нависающему сверху утесу.

— ТОГДА ВПЕРЕД! — закричала Молл и вскочила на поручень. А потом воспоминания, думы, все остальное рассеялось в громе, потрясшем вселенную.

Волки выстрелили в упор, но они слишком долго

выжидали. Пронизывающее демоническое дыхание прорезало воздух, но залп двадцатипятифутовых орудий, который мог разнести наш уязвимый корпус, просвистел над нашими головами, ужасающе близко, и ударил через такелаж и паруса, не причинив вреда. За исключением одного. Огромная сосновая готмачта подскочила в своем гнезде и изогнулась, как раненное живое животное, отбросив как минимум одного из матросов, сидевших на мачтах, и выкинув его широкой дугой за борт, так, что помочь ему было невозможно. Затем с долгим рвущимся звуком, сопровождавшимся резким треском, она медленно упала. В сплетении оторванного такелажа она с треском повалилась среди мачт «Сарацина» и там застряла, беспокойно покачиваясь, так деревья в густом лесу поддерживают своего упавшего товарища.

Это был ужасный момент. Но в рассеивавшемся дыму я увидел, что на поручне никого нет, а потом увидел Молл — ее длинные волосы тлели, она цеплялась, как паук, за черную обшивку «Сарацина» — цеплялась и лезла наверх. Я прыгнул на поручень и бросился вслед за ней, лишь смутно слыша рев, когда остальные сделали то же самое. Я посмотрел вниз...

Зуб топорика вцепился в древесину и удержался — к счастью для меня. Я заколебался. Затем прыгнул на грань хаоса, скребя ногами в поисках опоры для ног, как повешенный, изо всех сил стараясь отогнать от себя мысли о глубинах, в которые только что заглянул, развеявших мои мысли, как сухие листья под порывом ветра. Огромная пустота с кружащимися стремительными химерами, а за ней — полет бешеной скорости, серо-стальная бесконечность с полосками горького света. Она мелькнула в тумане и исчезла в ту же секунду, как я увидел ее, словно бельмо на глазу...

А потом мои ноги ударились о головки болтов и край древесины, рука схватилась за край порта. С такой твердой опорой лезть было довольно легко. Я пригнулся, когда дрек с шипением упал, срезанный мощным ударом сверху, и широко раскрыл глаза от изумления, когда мимо меня медленно проползла черноволосая девушка, ее платье задралось, обнажив худенькие белые бедра, а тонкие пальчики прилипали к доскам, как мухи к стене, темные ногти вонзались в дерево. Ее волосы блестели, и она казалась мокрой, совершенно промокшей, словно вылезла прямо из моря. Она даже не взглянула на меня, ее глаза смотрели пристально, рот был сжат с какой-то детской решимостью. Оторвался еще один дрек, но остальные зацепились, и сверху вдруг раздался крик. Волки перегнулись через поручни и пытались ударить Молл топором и абордажной саблей, а один, не более чем в пяти футах наверху, наклонился и прицелился чем-то вроде мушкета. Ствол одного из огромных орудий по-прежнему выступал совсем рядом со мной. Я поставил на него ногу, рывком поднялся, уцепился за огромную опору снасти и взмахнул топором. Волк заорал и выронил мушкет, который улетел в никуда, а я заорал и прыгнул к поручню — подошва моей кроссовки зашипела. Орудие было раскаленным!

Молл уже перескочила через поручень, заставляя Волков отступать под мощными круговыми ударами своего меча, расчищая нам путь. Следом за ним девушка Ле Стрижа проскользнула сквозь отверстие, сделанное снарядами. Я инстинктивно двинулся к ней на помощь, а потом сам чуть не отлетел, когда она, безоружная, бросилась на первого врага. Хотя нельзя сказать, чтобы она была совсем безоружна; она нацелилась прямо на горло длинноволосого мерзавца

своими безжалостными пальцами, подпрыгнула и маленькими зубками вцепилась ему в лицо. С воплем, перекрывшим весь шум, он вырвался, спотыкаясь, шатаясь и хватаясь за лицо. И неудивительно: оно было покрыто жуткой черной слизью, разбегавшейся, кипевшей и дымившейся, как какая-то мерзкая кислота. Другой Волк оттащил его в сторону и замахнулся на девушку — и тут она плюнула в него, как кобра, прямо в глаза. Он с дикими криками отступил назад, натываясь на своих товарищей; со смятенным воплем они отступили назад, и мы бросились на них.

Что произошло в последующие несколько минут, мне не совсем ясно. Но уж, разумеется, не одна из тех чистеньких дуэлей, какие можно увидеть в фильмах. Нас стеной окружили громадные фигуры в странных серых лохмотьях, тупые серые физиономии рычали, как тролли из сказок, а длинные тупые лезвия свистели и звенели, пока мне уже не почудилось, что это сами туманы наносят мне удары. Однако в меня они ни разу не попали, несомненно, меня защищали, хотя я этого и не осознавал и не знал, кто это делает. Я отчаянно уворачивался, парировал удары и нападал, когда мог, вопил Бог знает что во всю силу своих легких, а когда мои удары попадали в цель, меня охватывало дикое возбуждение, обратная сторона страха. Вдруг неожиданно передо мной оказалось свободное пространство, и я, пошатываясь, шагнул в него, сам того не сознавая, пока рука Молл не встряхнула меня за локоть.

— Вперед, Стив, я с тобой! Пока путь свободен! — Я последовал за ней, с нами еще человек восемь-девять, подпрыгивая в лужах дымящейся черной слизи, разливавшихся по палубам, и перепрыгивая через корчившихся в них Волков. Молл ринулась на корму, одним стремительным движением ноги сорвала с ко-

мингса полуоткрытую крышку люка и бросилась внутрь.

— Я видела, как кое-кто исчез там, внизу! — задыхаясь, сказала она. — Может, они следят за пленницей?

Откуда-то сверху через палубу летели крики Джипа: — Бей их, «Непокорные»! Вот так! ПУСТЬ ПОЛУЧАЮТ ПО ЗАСЛУГАМ, ТАК ИХ И РАЗ-ЭТАК! — Были приятно знать, что он тоже прорвался. Раздался жуткий вой агонии, и какое-то твяканье, тонкое и злобное; я подумал о Финне. Я поспешил вслед за Молл, наполовину потеряв всякое соображение, скатился по лестнице и налетел на нее в непроглядной черноте внизу. В нос и горло ударило зловоние, и я закашлялся.

— Тихо! — прошипела Молл, когда остальные со стуком посыпались вниз. — К стенам и распластайтесь! Они видят в темноте лучше нас, но и им нужно немножко света... — ага! — Звякнул металл, мигнула красная искра, разлилась в желтоватое пламя, и неожиданно мы широко раскрытыми глазами уставились друг на друга в узком коридорчике из грубого дерева, полностью выкрашенном темно-красной краской, в том числе потолок и пол. Молл указала на многочисленные двери по обе стороны, высоко подняла фонарь и тяжелый меч, а матросы распахнули двери. Это оказались всего-навсего кладовые, в большинстве своем полупустые и неописуемо загаженные, и Молл быстро прошла на цыпочках к темной лестнице в конце коридора, отбрасывая жуткие тени на стенах. Над головой глухо запульсировала палуба, это битва снова переместилась на корму, и неожиданно, приглушенные потолком, раздались звуки ярости, тот же жуткий лай, звук падающей сабли, поющей в досках. И голос

Джипа, срывавшийся от возбуждения: — ВСПОМНИТЕ АЛАМО! И ТИППЕРКАНОЭ, И ТАЙЛЕРА! — А потом мы проскользнули за Молл в темноту.

Молл двигалась быстро, но она была еще на ступеньках, когда из облака тени внизу тихонько выступили Волки, быстрые и бесшумные, как те животные, именем которых они назывались. Они застигли Молл на самой нижней ступеньке, когда ее руке, в которой она держала меч, мешали поручни, и в то время, как один из них скрестил свою саблю с оружием Молл, второй прыгнул в сторону и ударил, целясь мне в ноги, огромным абордажным топором с наконечником, как у копья. Мне оставалось спуститься еще на несколько ступенек, и я нырнул под палубу, выхватил из-за пояса забытый пистолет и попытался взвести курок тыльной стороной ладони, как это делал Пирс. Пружины были такими тугими, что металлические концы прямо-таки врезались мне в ладони, причем с такой силой, что я чуть не выронил оружие. Но взвести курок мне удалось, я наклонился вперед, прицелился — и в спешке нажал сразу оба курка. Запал шипел и дымился, но с мгновение ничего не происходило — порох отсырел. Я уже собирался отбросить оружие, когда с громким хлопком и ослепительной вспышкой один ствол выстрелил. Оружие бешено дернулось и вывернулось из моей неопытной руки, но с расстояния трех футов мне трудно было промахнуться. Голова Волка разлетелась, и его отбросило назад в тень как раз с ту минуту, когда Молл повернула эфес сабли своего противника вокруг оси и нанесла ему удар мечом в горло. Она прыгнула вниз, перескочив через его тело, полоснула другого по животу, а потом, когда он сложился пополам, ударила в спину. Толстый Волк замахнулся на меня дубиной, но я увернулся, и он попал в матроса позади меня. А

потом под его ногами раздался громкий хлопок; чертов пистолет только грозил, что выстрелит. Волк подпрыгнул и оступился. Я неуклюже взмахнул топором, и он с криком исчез, скатившись по еще одной лестнице. Мы, стуча ногами, помчались за ним, но он безмолвно растянулся у подножия лестницы.

— Теперь мы находимся ниже их ватерлинии, — задыхаясь, сказала Молл, поднимая фонарь, — позади трюма. Так что там внизу должны быть снаряды и оружейный склад — он все еще открыт, мы застали их спящими! И, наверное, — да, лазарет!

Это была тяжелая дверь, обшитая медью, в ней было маленькое зарешеченное окошечко на уровне глаз Волка. Я схватился за решетки и приподнялся, чтобы заглянуть в него. Там была другая дверь с большим окном, и когда Молл подняла фонарь...

— КЛЭР!

Она была там, ее белокурые волосы в беспорядке, изящная блузка, в которой она ходила на работу, висела ключьями, она скорчилась на узкой койке и смотрела на меня с неприкрытым ужасом. Затем ее рот открылся, и до меня донесся ее хриплый голос:

— С-СТИВ!

— Держись! — закричал я, стараясь справиться с диким истерическим смятением чувств. Увидев ее здесь, такую знакомую по моей обычной, повседневной жизни, я ощутил, как меня переполняет жуткое сознание того, что я сплю, что все это нереально, это ощущение было таким сильным, что окружавшие меня твердые деревянные доски как бы растворились в тумане, а угроза, которую они несли, потеряла свое значение. Соблазн покориться сну охватил меня — пусть все идет своим чередом, а я буду ждать, пока проснусь. Но я протянул к ней руки и не смог войти.

Что бы там ни разделяло нас — дверь или сон, оно было слишком реальным.

— Держись! Мы тебя вызволим! — И, спрыгнув вниз, я стал колотить топором по двери. Один из матросов, огромный обезьяноподобный мужик с покатыми плечами, схватил топор Волка и присоединился ко мне, от могучих взмахов его топора полетели щепки и обломки. Мы били по обе стороны замка, и дверь уже начала поддаваться, когда позади нас прозвучал еще более громкий треск, и помещение залил тусклый желтый свет фонаря. Удар матроса пришелся мимо цели. За нашими спинами распахнулась другая дверь, по-видимому, та, что вела из трюма. Через эту дверь в помещение набивались Волки, а во главе их — самый огромный из тех, кого я когда-либо видел, мерзавец с короткой бородой и запавшими глазами, одетый в грязный красный сюртук, расшитые штаны (еще более грязные) и выдавшую виды высокую шляпу, под которой была красная пиратская повязка. Вокруг его шеи висела целая сеть золотых цепей, а на одной из них — тяжелый ключ. Он был бос, и я понял, почему Волки носят такие тяжелые башмаки: на каждом кончике слонового пальца был не человеческий ноготь, а узкий желтоватый коготь.

— АХ, ТЫ, ПРЕДЕРЗОСТНАЯ СВИНЬЯ! — заревел он почти нечленораздельно. — А НУ, ОТЫДЬ ОТТЕДОВА!

— Продолжай! — настойчиво прошипела Молл и легко отскочила назад. Огромное существо что-то прорычало, и за его спиной на нас нацелилось не меньше дюжины мушкетов. Молл громко рассмеялась и широко распахнула первую же попавшуюся ей дверь. — Хочешь палить прямо здесь? Держай, голубчик! Только вот сперва закрой свой пороховой склад, а

потом давай! Одна пуля — и мы пойдем к ангелам, а ты — к своему черному хозяину! Ты так торопишься в ад?

Еще до того, как она закончила говорить, Волк свирепо и яростно что-то прошипел своим жутким голосом, и мушкеты опустились.

— Я НАУЧУ ТЕБЯ КАК ВМЕШИВАТЬСЯ, СУКА! Я ВЫПУЩУ ИЗ ТЕБЯ ТВОИ ВОНЮЧИЕ КИШКИ И СКОРМЛЮ ТЕБЕ ИХ! — Он выхватил витиевато разукрашенный меч такой же длины, как и у Молл. — СХВАТИТЬ ИХ! — И бросился в атаку. Остальные последовали за ним с жутким воплем. Молл оттолкнула меня локтем и встретила его удар своим мечом, но даже она пошатнулась от силы этого удара. А потом вся эта воющая стая ринулась на нас, мы дрогнули и оказались в такой давке, что только гигант и Молл могли свободно видеть свое оружие, размахивая им над нашими головами и нападая друг на друга — свалка оттеснила их. Я отчаянно цеплялся за дверной косяк, чтобы не быть отброшенным в сторону, вгрызаясь в расщепленное дерево пальцами; еще минуту — и дверь точно откроется.

Но из трюма снова хлынули Волки, и маленький коридор превратился в медленную дерущуюся возбужденную толпу. Здесь сказывалась грубая сила, и дюйм за дюймом нас оттесняли назад к ступенькам. Я уже задыхался, так меня прижали, и моя опора подалась. Я лихорадочно пытался снова пробиться к двери, за которой была Клэр, но какой-то Волк проскользнул к ней, загородил мне путь, и меня отнесло вместе с остальными, а я все пытался бороться.

— ПРОЧЬ ОТСЮДА! — закричала Молл. — Прочь и назад — наверх! Здесь от нас уже никакой пользы...

— Нет! — в отчаянии завопил я. — Господи Иисусе, мы не можем ее бросить! Не сейчас...

Край ступеньки больно ударил меня по лодыжкам, и, поскользнувшись, я свалился прямо в эту смертельную давку. Чья-то рука сгребла меня за рубашку и подняла на ступеньку.

— Не сходи с ума! — задыхаясь и тряся меня, закричала Молл. — Что нам еще остается делать? Теперь мы нашли ее, и что толку с того, что нас перебьют! А на палубе, если все пойдет хорошо, мы соберемся и очистим это крысиное гнездо в несколько секунд!

— КЛЭР! — завопил я. — ДЕРЖИСЬ, ДЕВОЧКА! ДЕРЖИСЬ!

— СТИВ! — услышал я ее крик. — СТИВ! НЕ НАДО!...

— Мы вернемся! Ты слышишь? Мы вытащим тебя... — Я буквально задохнулся. С яростным воем гигантский Волк бросился вперед, сшиб одного из своих, преграждавших ему путь, и занес меч над головой Молл. Стиснутая как в ловушке, под неловким углом, она ударилась спиной о меня, но сумела выбросить вперед руку, чтобы перехватить меч и удержать его на мгновение — не более. Я решил, что честная игра — это явно не то, что здесь нужно, и напрягая каждый мускул обеих рук, потянулся через ее плечо и обрушил абордажный топор на голову Волка. Я почти ждал, что топор переломится, но этого не произошло. Я разрубил его шикарную шляпу пополам прямо в центре и ударил его по черепу со звуком, похожим на треск расколотого полена. Волк заорал пронзительным высоким криком, его меч выпал из судорожно дергавшихся пальцев, он закружился на месте, вырвав топор из моих рук, и тяжело осел, широко раскрыв

глаза. По-моему, он там и умер, но в такой давке ему было некуда падать.

— Очень чувствительный удар! — торжествующе закричала Молл, а Волки в смятении на мгновение отступили назад. Оставшись без оружия, я схватил меч вожака, скатывавшийся по их тесно сдвинутым плечам и замахнулся им на Волков; к моему удивлению, меч оказался более маневренным, чем топор, и они снова отступили. Последний из наших людей, оставшихся в живых, добежал до лестницы и проскользнул мимо нас, и мы с Молл стали медленно пятиться, ее меч защищал узкий проход, а мой — делал вид, что защищает. Но как только мы достигли верхней ступеньки, Молл бросилась бежать, таща меня за собой, а вслед нам со свистом полетели запоздалые пули, выбивая щепки из досок, пока мы мчались к палубе.

Но и там все складывалось очень скверно. Мы появились в густеющем тумане, желтом от порохового дыма, и жутком вопящем аду, перед стеной рубящихся тел, бросавшихся то в одну, то в другую сторону. Оттуда вырвался Джип и почти сгреб нас в охапку, когда мы налегали на дверь люка и пытались ее захлопнуть. — Больше никого? — спросил он

— Нам больше ничего не остается! Будь же разумным, Стив! Мы тут держали их, чтобы дать вам там, внизу, время, ребята, но нам не продержаться до конца! Их слишком много, будь они прокляты, лезут из всех щелей, как тараканы! По-моему, их тут набито больше, чем на португальском корабле с рабами!

— А Пирс... спасательная группа...

— Они вырубают эту чертову мачту! А теперь будь так добр... — Но выбора у меня уже не оставалось. Из тумана раздался неожиданный рев и одинокий страдаль-

ческий голос: — ИДУТ! А потом ряд вдруг разбился на дерущиеся группки людей.

— ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ, «НЕПОКОРНЫЕ»! — закричал Джип. — НЕ ДАВАЙТЕ ИМ ОКРУЖИТЬ СЕБЯ! СОБИРАЙТЕСЬ ГРУППАМИ И ПРОБИВАЙТЕСЬ К БОРТУ! КАК МОЖНО СКОРЕЕ! К ЧЕРТЕ, РАСПРОКЛЯТЫЕ ТОРПЕДЫ!

И тут Волки накнулись на нас, и мы стали биться за наши жизни. Имея в руках только один этот громадный меч, я мог бы оказаться в беде, но здесь не было места науке, здесь было так — сошлись, резали и рубили с остервенением любого Волка, что попадался на пути, выкрикивая нечленораздельные проклятия и плюясь, когда ругательств уже не хватало. Казалось, прошел целый век, пока мы пробились к поручням, — кучка людей, покрытых запекшейся кровью, ноги и клинки мечей все в какой-то гнили. По всему борту наши женщины и мужчины сыпались назад, на «Непокорную», и мы также не стали церемониться, прыгнули с этого мрачного корабля и бросились вниз вместе с остальными. Мои глаза застилала пелена, может быть, от дыма, но, по-моему, я плакал, когда мои ноги вновь ступили на нашу палубу.

Но еще не все было кончено. — Эта чертова мачта... — крикнул Джип.

— Мы почти убрали ее! — заревел Пирс в то время, как топоры ударили в сплетение снастей между кораблями. — Всем — отталкивать, живо! Всем! — Люди все еще прыгали на палубу с «Сарацина», а пистолетные выстрелы над нашими головами трещали и завывали, отгоняя Волков от поручней. Я увидел, как чья-то рука схватила девушку Ле Стрижа, а та обернулась и полоснула ногтями по мясистой физиономии Волка, оставив борозды, задымившиеся, как от купо-

роса; она высвободилась и легко приземлилась на нашу палубу, подбежав к Ле Стрижу, где уже сидел на корточках Финн в его человеческом обличье. Неожиданно раздался треск, похожий на взрыв, затем тяжелый глухой удар, и сломанная мачта, освободившись, отчаянно закачалась, прорвала такелаж «Сарацина» и грохнулась на его палубу, произведя там опустошение.

— Отталкивайтесь! — заорал Пирс, и экипаж бросился к поручням и похватал все, что попадалось под руку — от крючьев и гандшпугов до упавших мушкетов. Мне достался десятифутовый пушечный шомпол, и когда Пирс закричал: — ПОДНИМАЙ! — мы изо всех сил уперлись в черную обшивку над нами. Внезапно, среди треска и стука падающих обломков, она скользнула прочь, и между нами струями упали тяжелые туманы, неожиданно окаймленные золотом.

Я тупо стоял, глядя на это, позабыв про крики и выстрелы, все свистевшие между кораблями. Но и сейчас не все было кончено. — ПУШКИ! — скомандовал голос Джипа, пробиваясь сквозь кипящий туман. — Все к орудиям! Заряжайте и выкатывайте, оба борта! Нам надо не подпустить их к себе! — Прежде чем я успел это осознать, я уже налегал на лафет вместе с чумазыми пугалами, отскакивая в сторону, когда орудие откатилось назад, и снова схватив шомпол — благодарение Богу, я я уже имел некое представление о том, что с ним делать, наблюдая за ними раньше. Запихивать внутрь комья было труднее, чем это казалось со стороны, но наконец, все было готово, я вытащил шомпол и вместе со всеми налег на лафет, выкатывая пушку. Из тумана донесся отдавшийся эхом всплеск, и я увидел, как вокруг медленно покачиваются призрачные фонари.

— Он очистил наши мачты, сэр! — закричал

помощник, спрыгивая откуда-то с такелажа. — Делает поворот оверштаг...

— Орудия левого борта! — рывкнул Пирс еще до того, как тот закончил фразу. — Огонь, как только подойдете с наветренной стороны!

Мы отскочили, прижав руки к ушам, а в это время правый борт словно взорвался, причем мы были так близко, что услышал, как лопнула обшивка, когда выстрел попал в цель, и увидели, как один из фонарей рассыпался на кусочки. Разбитые мачты и сверкающие паруса дождем посыпались на наши головы, а одна из мачт сломалась пополам. — Обрубить поврежденные мачты! Экипажи пушек, назад и заряжайте! — орал Джип. — Живо! Живей, не то они нас возьмут на абордаж! Нельзя подпускать их! Мы должны показать им, что они только зря теряют время!

Снова и снова, в неумолимом ритме, мы откатывали орудия и заряжали, пока мои измученные руки уже не в силах были поднять шомпол — не знаю ни сколько раз мы это проделали, ни сколько это заняло времени. Наверное, всего несколько минут, но я уже не мог этого определить. Окружавший нас туман сгустился от дыма, глаза слепило пламя и искры, от постоянного дребезжания при взрывах мы дрожали и немели.

— Бейте по ним, ребята, бейте! — заревел Пирс, когда мы вскочили, чтобы зарядить орудия, и когда он вдруг заколебался, а потом скомандовал: — ПРЕКРАТИТЬ ОГОНЬ! — мы просто не среагировали. Некоторые экипажи продолжали заряжать уже почти автоматически, затем остановились и побежали вниз, с недоумением уставившись на капитана. Казалось, что клубящийся дым собирался и рассеивался, а потом резкий порыв ветра разорвал туман, нашим взорам открылся ослепительный рассвет, чистый и свежий

воздух, наполненный светом, небо, голубое, яркое, с острыми, как стекло, краями, испещренное белыми пятнышками облаков, как мех горностая, а под ними — только океан.

Настоящий, реальный океан, сине-зеленое море мягко перекачивалось под нами, его долгие, медленные волны поднимали нас, почти виновато извиняясь, а их белые барашки мягко клубились вокруг корпуса. Затем Джип, стоявший на квартердеке, издал крик и указал на что-то. Далеко, почти на полпути к горизонту, плыл темный силуэт, и моим измученным глазам показалось, что к нему все еще приставал туман, словно защищая щитом. Команда разразилась усталыми приветственными криками; я не мог винить их за это, поскольку они, должно быть, считали, что хоть им и не удалось побить их неожиданно сильного противника, зато удалось отправить Волков бежать восвояси, поджав хвосты. Но мне-то было известно другое и стоявшим на квартердеке — тоже, я это понял по их лицам, когда с трудом вскарабкался туда.

— К чему им было рисковать и затягивать бой? — говорил Джип. — Мы и так уже на сей раз подошли слишком близко. У них уже есть добыча, они ее и охраняют. А мы остались без мачт, да еще без двух, и беспомощны, как младенцы.

Пирс фыркнул: — А, никогда не отчаивайтесь! Мы поставим временные паруса, будьте уверены...

— А потом? — резко спросил я.

Мне ответила Молл, и ее голос звучал мрачно: — Доползем до ближайшего порта — если повезет. Мне очень жаль, Стивен. Больше мы ничего не можем сделать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НЕ ВЕРЯ СВОИМ УШАМ, я перевел взгляд с Молл на исчезающие сгустки тумана, тянувшиеся, как кильватерная струя в воздухе, по направлению к пустому горизонту.

— Ты же не можешь... не хотите же вы сказать... Я задохнулся, во рту у меня было сухо и вязко. Я дико озирался по квартердеку. Внизу у сходного трапа скорчился Ле Стриж, рядом с ним, глядя на него снизу вверх и положив, как собаки, головы на его грязные колени, сидели Финн и темноволосая девушка; рука старика в перчатке, все еще запятнанной темнеющей кровью, лениво поглаживала их волосы. От мыслей об этом жестоком колдовстве у меня внутри все восставало, но я отбросил всякие колебания.

— А ты? Ты только что остановил их — неужели ты не можешь сделать это еще раз?

Девушка, которая на самом деле не была девушкой, лениво закинула голову и взглянула на меня непроницаемыми сытыми глазами.

— Я устал, — пробормотал старик, рассеянно продолжая ласкать своих питомцев. — Истощен. А теперь они слишком далеко...

Пирс в три размашистых шага пересек палубу: — Клянусь Богом, мастер Стивен, нам и не надо сейчас, чтобы их останавливали! Как по-вашему, зачем мы так их лупили, как не за тем, чтобы заставить их прекра-

тить все это и бежать? Чтобы показать, что расправиться с нами обойдется слишком дорогой ценой, и лучше оставить нас в покое! Но столкнись мы с ними еще раз, и они уже точно нас прикончат! Не важно, какой ценой — потопят нас или просто расстреляют снарядами корпус!

Мое запястье ныло от тяжелого меча. Я осторожно продел его сквозь ремень, пока он не повис на нем тупым верхним концом, и обернулся к остальным. — Клянусь Господом Богом, должно быть хоть ЧТО-ТО, что мы можем сделать! Мы не можем так просто сдаться — покинуть ее...

— Оснастить судно заново не займет так уж много времени, — заметил Джип, покусывая губу. — А потом мы можем снова отправиться в погоню за «Сарацином». Может, Стриж еще может узнать ее маршрут...

— Да! Если только еще не слишком поздно! И какова возможность этого? Господи, да будь все проклято к чертовой матери, парень... — Я снова задохнулся и стиснул кулаки, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не наорать на него.

— Спокойно, Стивен, — невозмутимо сказала Молл. — Мы сделали все, что в наших силах, добрая дюжина людей отдала свои жизни, а кто может сделать больше? И ты вел себя, как мужчина, против всех ожиданий. Не твоя и не наша вина, что их на борту оказалось так много.

Я топнул ногой по палубе, потому что просто не мог ничего придумать умнее. — Господи, Джип, я же ГОВОРИЛ — нам нужен корабль побольше!

Джип покачал головой: — На большом корабле мы бы не догнали Волков, Стив. Как бы там ни было, ничего более крупного не нашлось, ни одного корабля,

который был бы вооружен так, чтобы выстоять против них. И уж, конечно, такого, что смог бы взять на борт четыреста человек или больше, черт побери, — если бы мы даже смогли набрать их за такое время. Потому что мы сражались именно с таким количеством Волков!

— Целая армия, кто же мог ожидать такого? — согласилась Молл, затем озадаченно приложила палец к губам. — Так много? Но как это возможно? У них едва хватило бы места для запасов.

— Да, я действительно слышал, что они крупно запасались, пока были в порту, — вставил Пирс. — Для долгого путешествия, говорили они, и всем было наплевать — чем дольше, тем лучше, говорили мы.

— А они в это время, наверное, жили просто от одного дня до другого, — задумчиво произнес Джип. — Но на внутреннем рейсе... Черт, да они, должно быть, днями голодали — и намеренно! У них не хватало ни пищи, ни воды! Так никогда не делают — даже Волки — разве что надо набить на борт как можно больше народу. Как на рабовладельческих — или, может... Он тихонько присвистнул. — Может, солдат. Может, они и были армией, это верно.

— Солдатами? — Молл негромко рассмеялась. — Не будь безумцем, парень — зачем? Ограбить Порт? Тут не годится и армия в десять раз больше, даже если бы они сумели выпустить этого ДУПИЮ — ох!

Прижав руку ко рту, она уставилась... на меня. Джип кивнул: — Не Порт, нет, но какое-то другое место? Одним Волкам никогда бы с этим не справиться — но с этим существом в роли капитана?

Я широко раскрыл глаза: — Капитана? То есть чтобы вести их? Так у той штуки был разум?

— И, может, почище моего или твоего. Ясно как

день, что не такой, как у нас, — ясно как день. С такой штукой, которая бы думала за Волков и попугивала, чтоб шли дальше, — что ж, могли и рискнуть, верно ведь?

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросил я.

— Что, может быть, набег в Сердцевину был не таким необдуманном, как мы считали. Может быть, именно туда они направлялись с самого начала. Часть их плана.

— Но... что они могли там сделать? Против полиции... солдат...

— Перво-наперво, кто бы их нашел? Кто-нибудь видел этих Волков, когда они явились в твою контору, оба раза? Или видел, как они уходили? У них свои способы. Они могли много дел натворить, ударить в нужных местах... здесь ограбление, там убийство, может, и настоящее нападение...

На мгновение слова Джипа вытеснили Клэр из моих мыслей. Я попытался представить себе это: банду террористов, способных появляться и исчезать под неким покровом невидимого, нападать с устрашающей свирепостью — и спускать с поводка их будет та всепожирающая штука со склада. Ужас, который они будут нагонять, даже больше, чем ужас; вряд ли этому будут какие-то границы...

— И это могло быть только начало, — спокойно сказал Джип. — Мостик. Для настоящего вторжения. Мы в Портах, мы все постоянно начеку, чтобы не проникали такие маленькие фокусы Снаружи. Стражи всегда на вахте, и лига, и гильдия, они смотрят за часовыми; там подняты барьеры, барьеры, которые ты никогда не видишь, и все же ничто не может пересечь их, не подняв их по тревоге. Есть и другие меры

предосторожности, вещи, которые я даже не пытаюсь понять; Стриж мог бы рассказать тебе больше, если б захотел. Нам не нравятся тени за нашими спинами и когда кто-то проскальзывает мимо нас, черт побери. Но если наладить маршрут, они могут начать... темные штуки, подлые и скверные. Хуже, чем твой ДУПИЯ, намного, намного хуже. Знаешь, это начинает напоминать что-то вроде большого...

— Да, — согласился я. — Именно. Гораздо большего, чем просто спасти Клэр, ты это пытаешься мне втолковать, верно? О'кей, такое возможно. Но она по-прежнему остается в центре всего этого! Тот ритуал, что они для нее готовят, это должно быть как-то связано. Стало быть, для нас это ровным счетом ничего не меняет, не так ли — ничего? Если не считать того, что теперь спасти ее стало важно как никогда. Если даже мне придется ПЛЫТЬ за ней, черт побери...

— Bravo! — негромко сказала Молл.

— А я разве говорил, что это не так, а? — спокойно сказал Джип. — Если провалится все остальное. Только давайте сначала попробуем все же отремонтировать корабль, хорошо?

Пирс был уже у поручней, прижав говорящую трубу к губам и бомбардируя экипаж приказами: — Встать, щенки! Вы что думаете — у вас сегодня день отдыха? Думаете, будете просиживать мне тут задницы да вшей искать, а? И это, по-вашему, называется порядок? На каком-нибудь бразильском бродяге и то лучше будет! Палубы не худо бы облить водой, пройти швабрами и отдрать песком, и самим вам это тоже не помешало бы... — Эта взбучка была встречена устало, но добродушно, возможно, потому что Пирс хрипел не менее измученно, чем ощущали себя матросы. Мне пришлось проглотить свое горькое разоча-

рование и смириться — сделать действительно ничего было нельзя, и все спокойно пережили это. От того, что я приду в ярость, пользы не будет.

— Что ж, — вздохнул я, оборачиваясь к Джипу, — тогда покажи мне, чем я могу помочь, и я это сделаю... — Длинный меч скользнул мне между ногами и с грохотом опрокинул меня навзничь на палубу, испортив мне красивый жест, но, по счастью, и только.

— Если уж ты решил носить эту штуку, не худо бы научиться им пользоваться, — сурово выругала меня Молл, поднимая на ноги. — Не то рискуешь получить очень тяжкие увечья!

— ... ГЛАВНОЕ, НА СВИДАНИЯХ НЕ БУДЕТ ОТ ТЕБЯ ТОЛКУ, а? — ухмыльнулся Джип, затем добавил, критически оглядев меня: — Впрочем, смотрится на нем ничего. Мы могли бы обучить его паре-тройке фокусов, а, Молл?

Молл выхватила меч у меня из-за пояса и разрезала им воздух со свирепой грацией. — Не Волки сработали это, нет. Хорошо сбалансирован, но тяжеловат — видно, баварский, судя по орнаменту. С ним нелегко управляться — ты справился лучше, чем я могла предполагать.

— Да просто так же, как если бы играл в сквош, — ухмыльнулся я. — Полезно для запястий. — Молл подняла бровь, и Джип расхохотался.

— Он имеет в виду игру, похожую на теннис — а вовсе не то, что ты подумала, леди.* Ладно, Стив, мы тебя научим — помоги Господи твоей бедной шкуре. А пока давайте-ка займемся мячами. Авось удастся что-нибудь поправить...

* Squash — по-английски означает также мягкий резиновый мяч.

В конце концов, нам удалось кое-что подправить, но не очень много, и к тому времени пот смыл с наших лиц пороховую копоть. Становилось все жарче, и люди по очереди укладывались в желоба для стока воды и пускали на себя струи из палубных насосов. Я лежал, раскрывая рот, вместе с ними под струей и ощущал, как на коже тут же засыхает тонкая соленая корка. Я жадно слизывал ее с губ. Где мы находились? Создавалось впечатление, что только в тропиках: воздух был теплым, солнце свирепствовало. Над нашими головами, прилаженный к обломку грот-мачты, лениво хлопал единственный временный парус, и когда его подняли, он временами давал нам отраду желанной тени. После пяти часов изнурительной работы в зловонной жаре внизу это было райское блаженство. Я ничего не понимал в тонкостях ремонта такелажа, но забивать при помощи деревянного молотка досками пробойины в местах, куда попали снаряды — с этим я мог справиться. Сейчас я, правда, был уже не в состоянии забить гвоздь в папиросную бумагу, выход на палубу отнял у меня последние силы, так что я был рад просто снова приподняться на локтях и ждать очередной чудесной водной струи. Однако вместо этого на меня легла тень, почти такая же желанная, как вода, и задержалась рядом.

— О, привет, — сказал голос Джипа, — все еще рвемся в бой, верно?

— Отваливай, — прохрипел я, моргая и глядя на него — фигуру, окаймленную сияющей медью. Он подвинулся, и солнце обрушилось на меня гигантской тарелкой. Я со стоном откинулся назад: — Нет, стой, мне нужна тень. У меня сейчас голова отвалится и полетит по этому желобу. Еще немного постучать молотком, и так оно и будет.

— С тебя станется, — весело сказал Джип. — Но мы уже почти все сделали. Мы сможем теперь двигаться, не забирая слишком много воды, благодаря вам, ребята. А новый такелаж и рангоут выдерживает вес паруса как новенький.

Я взял протянутую мне руку, и Джип поднял меня на ноги без малейшего усилия. Он должен быть трудиться так же тяжело, как все остальные, и выглядел таким же разгоряченным, измученным и заросшим щетиной, но, похоже, это ничуть не уменьшило его энергии. Его тонкое лицо светилось, когда он, ухмыляясь, смотрел вверх на примитивное временное приспособление, сделанное из сломанной фок-мачты. Интересно, сколько же ему лет, подумал я; как давно он пришел в этот мир и откуда? Что-то в нем было, то же, что и в Молл, хотя ощущалось менее сильно — некая энергетическая аура, неистощимая сила. Они казались просто неустанными, в этом было что-то почти нечеловеческое, если не считать прямо-таки излучаемой ими человечности, проявлявшейся как в прекрасном характере и доброте (в отношении меня — так просто необыкновенной), так и в поразительной свирепости, с которой они обрушивались на своих врагов. Слово «нечеловеческое» к ним не подходило; правильней было бы сказать «сверхчеловеческое».

В чем здесь было дело: только в возрасте или просто в случайности, вызванной другим качеством, другой силой, благодаря которой они жили такой долгой и интенсивной жизнью? Теперь, когда я над этим задумался, я понял, что нечто похожее было и в Пирсе, правда, в более флегматичной форме, и в других членах экипажа. Но в них это было выражено не так сильно или не так завершено, и иногда это действительно выглядело как нечто нечеловеческое;

хромой мастер оружейник, Хэндз, казалось, потрескивал и мерцал какой-то злобной разрушительной энергией, словно в его желудке сгорала не пища, а оружейный порох. Словно он воплощал собой живой дух своих орудий, с единственной целью — разрушать, и не важно, что именно.

Внезапно я глубоко ощутил, как мне не хватает какой-нибудь страсти, хотя бы вот такой, односторонней; во мне ведь ничего подобного не горело. Я почувствовал себя заржавевшим, покрытым пеплом и пустым, как давно заброшенный камин, который я восстановил, ремонтируя свою квартиру. Потребность помочь Клэр, может быть, и вызвала свет, но не более того. Последний яркий язык пламени в тлеющей золе, но его одинокий свет только осветил пустой очаг. А все остальное было холодным.

Джип тепло похлопал меня по плечу: — Эй, выше голову! — сказал он, таща меня через неопишемую суматоху по направлению к квартердеку. — Я подумал — тебе захочется посмотреть, мы сейчас собираемся развернуть его, дать парусу немного набрать ветра и, если такелаж и рангоут выдержит, — ну, тогда будем давить на газ.

— НАВЕРХ! ВСЕ НАВЕРХ! — как из бочки, из говорящей трубы раздался голос. — ПО БРАСАМ! МИСТЕР ПОМОЩНИК! МЫ ПОДНИМАЕМ ЯКОРЬ! Продолжайте, когда будете готовы, штурман!

Пока помощник и его команда выбирали так, чтобы мы держали нос по ветру, Джип, стуча башмаками, взбежал по сходному трапу: — Да, да, капитан! Готов, рулевой? Тогда разворачивай — аккуратненько, вот так — на один румб, на один румб — паруса... — Его глаза были прикованы к новому такелажу, он отдавал команды напряженным, монотонным голосом, даже

почти не кричал, но на палубе стало так тихо, что его голос был слышен совершенно отчетливо. Грубый квадратный парус затрепетал, рей скрипнул; я затаил дыхание. Полотнище ударило раз, другой, затем туго натянулось с удовлетворенным хлопком. Мачта напряглась, скрипнула и задрожала на опорах под этим сильнейшим напряжением, игравшим на ней, как невидимые пальцы, — и выдержала. Палуба перестала пошатываться и плавно поднялась, когда корабль медленно, с трудом двинулся вперед. Раздался дружный вздох, словно все вспомнили о том, что надо дышать, словно мы сами пытались наполнить парус.

— **РОВНО ИДЕТ! МОЛОДЦЫ, МОИ ПТЕНЧИКИ!**
— визг трубы не мог скрыть облегчения, прозвучавшего в голосе Пирса. — Молодцы! Ручаюсь, теперь пора освежиться! Еще не полдень, но будем считать, что он уже наступил! — Хриплые приветственные крики были ему ответом. — Выпивку сюда, мистер помощник, двойную порцию всем! А потом — за еду, по вахтам!

Еще не полдень? Вот оно стояло, солнце, как раз пересекло зенит — хотя это могло ничего и не значить в этом безумном мире. Я чувствовал себя так, словно день уже подошел к концу — после пяти часов в этой адской дыре, но с другой стороны, начал-то я сразу после восхода. В толпе на палубе стали образовываться течения, и я почувствовал, что меня несет с одним из них, направлявшимся к подножию новой грот-мачты, где были выставлены две большие бочки. Прежде чем я успел что-либо сообразить, я уже заглатывал полную глиняную кружку какой-то крепчайшей смеси. Я никогда особенно не любил ром, но даже разведенный водой, этот грог оказался самой лучшей штукой, какую мне когда-либо приходилось

пробовать. Жизнь рывком вернулась ко мне, и я обнаружил, что улыбаюсь в ответ другим матросам, и вид у меня был, наверное, столь же глупый. Похоже, у меня складывались с ними такие же хорошие отношения, как и с офицерами, а, может, даже лучше, и это меня нелепо порадовало. Начиная со студенческих времен я всегда был вождем и никогда — простым индейцем, и в том, чтобы снова быть зеленым новичком была своя хорошая сторона. Не то чтобы на борту были какие-то сильные социальные различия — вон пришел Джип, вытирая губы после той же кружки, и если матросы расступились перед ним, это было сделано добродушно и с подлинным уважением.

— Время чего-нибудь пожевать, вахта левого борта! — крикнул он, и, в то время, как половина экипажа со стуком и грохотом посыпалась вниз, повел меня на квартердек к нашему столу. Он без энтузиазма заглянул под салфетки, покрывавшие элегантные серебряные блюда, которые расставил стюард Пирса на складном столике. — Сдается мне, обычная еда на корабле — бобы, солонина, немецкая колбаса, бисквиты — и все холодное, черт побери. Печка на камбузе погасла во время боя.

— А что, надо пять часов, чтобы разжечь ее снова?

— Я имел в виду — вышла из строя после выстрела из двадцатифутового орудия — попали ей прямо в бок.

— Гм-м-м. Знаешь, сейчас такая погода, что люди предпочитают холодный завтрак.

— По самому удивительному совпадению... — ухмыльнулся Джип. — Ладно, есть ведь еще ром, чтобы протолкнуть все это внутрь.

Ром действительно был, в огромных стаканах, но я смог выпить только один. Джип клялся, что я ткнулся носом в тарелку с бобами и заснул, но он, как обычно,

преувеличивал; я никак не мог вырубиться, пока не съел все до последнего кусочка.

Он падал на меня. Я знал это, я его видел и не мог даже пошевелиться; в меня летел метеор с неба, его сияние в каждой минутой становилось все ближе, отчетливее, зеленее, пока не закрыло собой небо, он с ревом мчался на меня, объятый пламенем, — огромная хватающая рука. Пальцы сомкнулись, как падающие колонны, и страшный взрыв разорвал меня на атомы и развеял по ветру. А потом, так же внезапно, я проснулся, глядя в небо, испещренное темно-синими пятнами тропического звездного света. Я был рад этому; мои глаза были не готовы к чему-либо более яркому. Более яркие звезды сияли, как иглы. Новый взрыв сотряс меня, и звезды заплесали в моей голове. Я перекатился на живот, понял, что это так же неудобно, и со стоном сел. Теперь, когда я проснулся, я узнал этот звук и смущенно стал шарить в поисках моего меча.

— Хорошо выспались, мастер Стивен? — осведомился знакомый голос, чуть сардонически, со стороны руля. — Не бойся, это всего лишь сигнальные пушки.

— Конечно, — пробормотал я — или что-то в этом роде, изо всех сил стараясь отлепить язык от неба. — Как х'р'шо, что вы дали мне поспать. Милая мягкая палуба...

Башмак ритмично постукивал по дереву: — Твоя каюта еще не готова, а то бы мы положили тебя туда. Здесь есть вода в бочонке, если желаешь.

Я проглотил кружку практически одним глотком и почувствовал себя гораздо лучше: — Можно мне еще? Там хватит?

— Даже чтобы окунуть туда твою голову, и тогда она не отвалится! — усмехнулась Молл. Я последовал

ее совету, по крайней мере, окунув в бочку лицо; вода была тепловатой и солоноватой, но все равно невероятно освежающей. — Пей сколько хочешь, в ней нет недостатка. Смотри, на горизонте земля.

— А? — я вздернул голову, отплевываясь, с лица ручьями текла вода. — Как? Где? — Но я увидел ее, как только Молл указала, — темную полосу между морем и странно освещенным небом.

— Мы просигналили о помощи. Вот для какой цели служат пушки — чтобы привлечь внимание, но, похоже, мы спугнули зайца!

Я вытер залитые водой глаза и выглянул наружу; там что-то было, оно напоминало светящийся уголек на низком возвышении, и оно понемногу становилось все больше. По его бокам были руки, они указывали пальцами, раздавался смех. Я вздрогнул, хотя ночь была теплой: слишком все это было похоже на мой сон. Но когда эта штука подкатилась ближе, и Пирс приветствовал ее, я и сам расхохотался. Это был пароходик самого нелепого вида, какой мне доводилось встречать — увенчанный огромной дымовой трубой, поддерживаемой опорами наподобие мачты, и громадными открытыми колесами, снабженными лопастями и расположенными по обе стороны маленькой рулевой рубки, составлявшей всю его надстройку. Когда он издал свист и застопорил машины, я ожидал, что с него выглянет Микки Маус. Однако вместо этого появилось создание с седыми усами, медными пуговицами и мегафоном, потиравшее руки, и приветствовало Пирса с жизнерадостным сочувствием человека, извлекавшего свой доход из трудностей, постигших ближнего. Между ними завязались оживленные переговоры, которые можно было разобрать только наполовину. Может, это было даже хорошо, учитывая то,

что мне удалось услышать: они свободно обменивались комплиментами вроде «английский разбойник-оборванец» и «грошовый плавучий чайник». Если я не ошибся, оба единодушно вызывали друг друга на дуэль. Однако совершенно неожиданно они вдруг закончили на дружеской ноте, и пароходик трудолюбиво, с пытением стал разворачиваться, причем его лопасти закрутились в противоположных направлениях. Пирс и Джип широким шагом отправились на корму, их голоса звучали очень весело:

— Клянусь Иеговой, нам здорово повезло! — прокотал капитан. — Паровой буксир, и за вполне разумную цену.

— Верно, — безмятежно согласился Джип. — В последний раз, я помню, ты на полном серьезе клялся, что если вы не сойдетесь на двадцати пяти центах за милю, ты изнасилуешь его жену и сожжешь его дом дотла. И вдобавок пристрелишь его собаку. Ладно, Молл, давай-ка я тебя сменю. Эта река — мой старый друг. Тут вверх по течению полно перекатов и илистых отмелей, и я их все знаю по именам.

— Да и вообще всю их подноготную, в чем я не сомневаюсь. Вот тебе руль, штурман! А я собираюсь немного отдохнуть. — Приветливо махнув рукой, Молл легко сбежала на верхнюю палубу. Глядя на ее пружинящую походку, когда она прокладывала себе путь сквозь нарастающую суматоху, ни за что нельзя было подумать, что она вообще нуждается в отдыхе. Помощник пытался наладить взятие рифов самодельной грот-мачты, но без нормального такелажа и рангоута это было убийственно трудной задачей, и даже эти закаленные матросы так устали, что путались и делали ошибки направо и налево. Пирс бешено сверкнул глазами и схватился за свою говорящую трубу: —

Эй, на палубе! Всем отставить! По одному фалу зараз! Выбирайте по очереди, заразы вы этакие! — Матросы тупо уставились на него, и капитан стал отстукивать время кулаком по поручням: — Выбирайте — раз! Выбирайте — два!

Чистая музыкальная нота подхватила ритм выкриков и превратилась в насмешливую легкую мелодию, которая то взлетала вверх, то опускалась. По палубе прокатился смех, и одна из женщин запела под музыку:

Рэнзо, Рубен Рэнзо!

...Мужчины подхватили песню, хрипло, как вороны, зато она вдохнула в них живительную энергию. На палубе, похоже, сразу воцарился порядок, и мужчины налегли на фалы а такт повторявшимся строчкам.

Тридцать пять палуб получили —

Рэнзо! Рэнзо!

За то, что очень грязным был!

Рэнзо! Рубен Рэнзо!

Чудо из чудес — запутанный клубок стал потихоньку распутываться, и мужчины смогли вскарабкаться по самодельной мачте и дальше — на рей, очень осторожно, поскольку ножного каната не было.

Я оглянулся в поисках источника музыки и с изумлением увидел Молл, появившуюся из своей каюты со скрипкой на плече, покачивавшейся с каждым резким движением смычка. Она ступила прямо в сплетение, перепрыгивая через препятствия и отбрасывая ногой концы канатов, не пропустив при этом ни одной ноты, и уселась на поручне, как на насесте. Когда матросы закончили выбирать, Молл почти неощутимо перешла к другой мелодии, странной и задумчивой, звучавшей как-то в стиле времен Елизаветы

— что, впрочем, было не так уж и странно, если разобраться. Мелодия была невероятно спокойная и красивая.

— Отличный маленький скрипач, правда? — мягко сказал Джип.

— Просто прекрасный — хотя я не эксперт. Она когда-нибудь спит?

— Нечасто. Я видел, раз или два. Но долго — никогда.

— А ты?

Джип негромко хмыкнул: — Временами.

Буксир нетерпеливо завыл, по палубе поплыло облачко черного дыма из его трубы, вдохновив Пирса на новый поток ругани. С кормы пароходика к нашему носу был протянут трос, это было сделано быстро. Маленький буксир снова взревел и неуклюже повернул прочь, вспенивая лопастями темную воду. Трос напрягся, натянулся; «Непокорная» под нами на мгновение угрожающе закачалась, а потом рванулась вперед в новом ритме, подпрыгивая и ныряя на волнах. Я повернулся к Джипу: — Это ты называешь рекой? Да тут единственная полоска земли видна! Она все же больше похожа на море.

— Конечно, в некотором смысле. — Голос Джипа звучал чуть рассеянно, глаза были прикованы к воде впереди. — Но это большая река, сильное течение несет страшное количество ила и плывет прямо к морю, чтобы там его выбросить. Здесь дельта тянется на многие мили, а течение все время образует отмели. Мы уже идем по основному течению, я его пока не вижу, но оно тут — привет! — Казалось, по кораблю прошел легкий, почти неслышный гул. — Бэби немного подрос. Ладно, ничего, отчистит нам медь. В этих местах осторожность не лишняя.

И я понял с неожиданным возбуждением, что за то короткое время, что мы разговаривали, волны вокруг нас становились медлительными, более плоскими, словно сама вода как-то потяжелела, казалось, под нами распростерлась тень. Наконец, волны стали биться о какую-то скрытую твердь, и их голос превратился в спокойное шипение прибоя — близкого, слишком близкого, чтобы исходить от той далекой полоски земли. Медленно, почти робко по обе стороны в звездном свете поднялись бугристые силуэты, и очень скоро я увидел, что они покрыты чахлой травой и группами кустов. Движение корабля менялось, становилось более ровным, глухой пульс прибоя был уже позади и замирал вдалеке. Казалось, что там, в черноте, за светом наших фонарей сама земля протянулась нам навстречу.

Так все и шло, час за часом в ночи. Тучи скрыли луну, а звездный свет освещал нам только смутные контуры берега, свет наших фонарей туда не достигал. Впереди нас горела открытая дверца топки буксира, сердитая путевая звезда в черноте, сопровождаемая настойчивым, неумолимым пыхтением машины. Я постарался подремать, лежа или сидя, опираясь на транец, но без соединенного эффекта от рома и крайней усталости неудобства палубы заставляли меня просыпаться почти через каждый час. Однажды что-то неприятно пропело мне в ухо, и я резко сел и стал озираться по сторонам. Берега немного изменились, но необязательно к лучшему. Теперь там были деревья, странно сученные и росшие на болотах, судя по тому, что доносилось до нас в теплом бризе — запахи и непрерывный хор чириканья, карканья и свиста. И москитов, я стукнул одного и выругался, но Джипа, похоже, они несколько не беспокоили.

— Чуть позже они снимут вахту, — сказал он, в непринужденной позе устроившись у руля. Я уже собирался что-то сказать, когда в ночи эхом отозвался звук — нечто среднее между гудением и кашляющим ревом, а за ним последовал тяжелый всплеск. — Аллигатор, — заметил Джип, — наверное, что-то ему приснилось.

— У меня сердце обливается кровью, — я спрятал голову в ладони, чтобы спасти веки от moskitov и снова погрузился в свои невеселые мысли. Я хотел спросить, куда мы плывем, но был слишком измучен, чтобы об этом волноваться. Я помню, что еще два-три раза просыпался в смутной тревоге, но не помню, что именно меня будило. Последний раз я припомнил более отчетливо. В моей голове глухо стучали барабаны, в воздухе стоял запах молнии, по стене взад-вперед скользили тени...

Внезапно, так, словно кто-то встряхнул меня, я проснулся, резко сев, весь в напряжении, тяжело дыша. Ничего не изменилось, насколько я мог видеть, и все же что-то было не так. Во-первых, воздух стал прохладнее, и запахи были другими. Луна теперь вышла, хотя стояла в небе очень низко и отбрасывала на палубу длинные тени. Джип по-прежнему стоял у руля, не двинувшись с места. Он кивнул, когда я с трудом заставил себя подняться, потянулся так, что мускулы затрещали, и мысленно пожалел, что съел все эти бобы. Я был не в том настроении, чтобы разговаривать, так что я оперся на поручень и стал смотреть на реку. Странные деревья по-прежнему были там — какая-то разновидность кипарисов, подумал я, разглядев их более отчетливо, — но они смешивались с другими видами по мере того, как берега становились все выше. И между ними, как мне

показалось, я заметил теперь вспыхивавшие время от времени крошечные искорки — далекие огоньки. Сначала я решил, что всему виной мои глаза, пока в темноте не раздалось пение — стройный хор голосов, в основном женских. Напев был похож на какой-то блюз, медленный и скорбный, как мутная река.

Я как раз собирался сказать об этом Джипу, а заодно и спросить, куда мы направляемся, когда из теней в реке неподалеку от нас материализовался новый силуэт — высокий неуклюжий трехмачтовый корабль, больше даже, чем «Сарацин», медленно покачивавшийся на якоре в канале. Казалось, его огромный бушприт насмеялся над нашей истерзанной оснасткой, когда мы проходили мимо. За ним были пришвартованы более мелкие суденышки, и другие, величиной чуть больше каноэ, подтянутые к грязному берегу. Затем снова пошли деревья, но между ними все больше появлялось расчищенных просек, были там и здания, почти у самой воды, и снова голоса, на сей раз хриплые и пронзительные. Я взглянул на другой берег, но тот был погружен в непроницаемую темноту. Однако на реке лунный свет тускло освещал еще один большой корабль, стоявший на якоре, стройное длинное судно, похожее по форме на акулу и сидевшее в воде на удивление низко. Его плоские палубы были увенчаны темными закругленными выпуклостями, а их длинные хоботы были зачехлены непромокаемым брезентом; широкая приземистая дымовая труба поднималась между ними, лишь слегка превосходя их по высоте. Это несомненно был военный корабль, имеющий орудия с башнями, гораздо более современные, чем наши пушки, заряжаемые с дула. За ним деревья исчезали, и на фоне неба вырисовывалась фаланга больших уродливых строений, то там, то здесь увен-

чаных тонкими фабричными трубами. Широкий мол далеко выдавался вдоль берега в реку, так далеко, что в конце его отмечали только слабые огоньки, а вдоль него располагалось буйство различных мачт, очень похожих на те, что я видел над крышами на Дунайской улице. Но среди них, выступая, как широкие столбовидные стволы дождливого южного леса, пара за парой стояли трубы. Украшенные фантастическими ронделями, звездами и даже коринфскими капителями, они венчали высокие корпуса судов, словно здесь собралось многочисленное плавучее потомство фабрик. Когда мы подошли ближе, я увидел огромные цилиндры, установленные на их корме. Я оперся на поручень и сжал голову руками.

Джип издал вопросительный звук: — Это все смешение времен, — простонал я. — У меня от него голова идет кругом. Неужели времена постоянно так перепутываются?

Джип покачал головой: — Тут нет никакой путаницы. Суда с квадратным такелажем, с колесами на корме, даже жестяные мониторы — где-то в 1850-х — 1860-х годах их можно было увидеть пришвартованными здесь вместе.

Я кивнул, тщательно изучая Джипа: — Ты это помнишь, да? Со времен своей молодости?

— Я? — Джип улыбнулся. — Нет, черт побери! Я не такой старый. Они все исчезли к тому времени, когда я родился, не считая, может быть, парочки судов с колесами на корме. Там, где я рос, я ничего такого не видел, даже похожего, и ни капли моря. Только волны зерновых посевов, миля за милей. Говорили, что они похожи на океан, — да что они понимали? Они никогда его и в глаза не видели, так же, как и я. До тех пор, пока не сбежал на побережье; тогда-то я и

увидел море и с тех пор никогда с ним не расставался. Даже несмотря на то, что получил нашивки капитана как раз вовремя, чтобы идти на войну против подлодок.

Теперь я уже поразился другому: Джип казался далеко не таким современным, чтобы сражаться против подлодок. Против тунисских корсаров — да, но против немецких подлодок — нет. Из-за этого его «вневременная» личность казалась еще более невероятной, чем у Молл. — Похоже, тебе досталось. А где ты был? На Северном море? На мурманских конвоях?

— И там, и там. Но я родился задолго до начала века в Канзасе. Мне было где-то около шестнадцати, когда я сбежал, я ведь говорил о Первой мировой войне. — Он вскинул голову. — Я здесь просто застрял, вот и все. В тених, в точности как вон те корабли. Как все, что мы видим — эти песни из старых рабовладельческих загонов, маленькие рыбацкие деревушки, вся эта чертова река под нами. Все это — часть того, что создает это место, его характер, его образ. Это тень. Она еще не исчезла, пока — нет. Она продолжает болтаться за пределами Сердцевины, цепляясь за это место. Может быть, она чувствует, но остается невидимой, хоть проживи здесь всю жизнь, разве что в один прекрасный день завернешь за правильный угол.

— Какое место... — попытался я спросить. Но мои слова утонули в реве буксирного гудка и неожиданного взрыва активности на палубе. Джип выкрикивал приказы и повернул руль. Пирс явился снизу со своей трубой и вызвал обе вахты. Мы подошли к пустому причалу, и на «Непокорной» приходилось начинать работу. В результате я остался единственной бесполезной персоной на борту, не считая, пожалуй, злове-

щего маленького трио, спрятавшегося в той каюте на полубаке, но они с трудом могли сойти за людей. Я подумал было занять свою полуразрушенную клетку, но к ней не было свободного доступа с квартердека. С буксира были подтянуты мокрые тросы и переброшены смутно видневшимся фигурам на набережной. Я как раз пытался проскользнуть между ними, когда Молл позвала меня голосом, прозвучавшим не хуже пароходного гудка, и от неожиданности я чуть не повис в ослабленной петле: — Эй, прекрасный Ганимед! Удираешь, как шиллинг в шафлборде?* Сейчас мы ее заматаем — иди сюда, одолжи нам силу своих рук. К шпилю!

Я не мог припомнить, кто такой, к черту, был Ганимед, и был не очень уверен, что мне хочется вспомнить, но по крайней мере нашлось хоть какое-то дело. Мы подняли длинные перекладыны с их опор, просунули их в прорези и наклонились над ними.

Молл ногой отшвырнула пал и осторожно вскочила, прочь с нашего пути, на израненную верхушку кабестана: — Поднимайте, мои чудные силачи! Поднимайте, мои румяные храбрецы! Поднимайте, это путь к тому, чтобы получить выпивку! Что это вы так потеете над ними, они же легче перышка! Сапожники вы все, вот что, даже лучшие из вас! Вам пушинку и ту не сдвинуть с места! — Она отцепила от плеча скрипку и заиграла веселую мелодию, явно самую популярную в здешних местах:

*Была у меня подфужка-нанка,
Да больно жалостя и ленива,
Выбирай, выбирай, Джо!*

* Игра с передвижением деревянных кружочков на размеченной доске

*Потом была девушка-янки,
Да я от нее чуть слабее.
Выбирай, выбирай, Джо!*

Пока мужчины, хором распевавшие песню — и женщины тоже, перебирали национальные характеристики различных девиц, о которых я раньше и не подозревал, изувеченная «Непокорная» была подтянута к причалу. Я согнул спину вместе с остальными, но как только кранцы ударились о борт, канаты были быстро выбраны, сходни поданы, и моей полезной деятельности пришел конец. Приступ активной деятельности усилился вдвое, все либо выкрикивали приказы, либо подчинялись им, либо делали и то, и другое. Никто напрямую не сказал мне, чтобы я убирался, но я все никак не мог найти на палубе места, где кто-нибудь не нашел бы срочной и уважительной причины, чтобы виновато, но твердо оттеснить меня в сторону.

Возмущаться этим я тоже не мог. Мне повезло, что команда по-прежнему рвалась продолжать погоню, даже после полученного нами резкого и кровавого отпора — не важно, чем они при этом руководствовались: мстью, общей ненавистью к Волкам или предложенными мной деньгами. Мне пришло в голову, что у этих полубессмертных может быть особое отношение к деньгам. Они никогда не могли быть уверены, что денег будет достаточно. Они должны были знать, что почти неизбежно деньги у них кончатся, рано или поздно, а также что нет смысла болтаться на одном месте слишком долго, чтобы заработать побольше, поскольку это сократит их жизни, затащит их назад в Сердцевину или как они там это называли. Неудивительно, что они были так искушены в торговле! И

проявляли такую готовность заработать сразу большую сумму за короткое время, пусть даже в таком опасном предприятии, как мое.

Но у меня таких стимулов не было. Мне нечего было делать, я был покрыт коркой, липкий, грязный и подавленный. Если я хотел уединения и душевного равновесия, мне надо было либо удалиться в то, что осталось от моей каюты, либо удрать по трапу на причал. Я выбрал последнее, но как только моя нога коснулась *terra firma*, помощник капитана и группа матросов со стуком спустились вслед за мной, отодвинули меня — с величайшими извинениями — в сторону, вскарабкались на какой-то длинный плоский вагон, который тащила четверка огромных коней, и потрусили в тень строений на верфи. Эти строения были совсем непохожи на мрачные стены из камня и кирпича, оставшиеся дома. Правда, они были столь же обветшалыми — в основном из дранки, окрашенные, как подсказал мне свет фонарей, в поблекшие пастельные тона, увешанные обрывками неудобочитаемых объявлений. Окна были почти все разбиты или заколочены, а вокруг ступенек все заросло травой. Я как раз собирался сесть на одну из них, когда на берег сошла группа матросов с огромными, похожими на колбасу, свернутыми полотнищами, по-видимому, теми парусами, которые удалось спасти; и стала растилать их на булыжнике, именно в том месте, где находились мои ступеньки. Тут они меня и оттеснили — с глубочайшими извинениями — в сторону. Какое уж там душевное равновесие, мне даже просто отдохнуть и то не удавалось.

Оставив изготовителей парусов насвистывать и браниться над пробитыми снарядами дырами, я побрел прочь по причалу и заглянул за первый же угол,

который мне встретился. Это была улица, такая же, как другие улицы в доках, что я видел раньше, но гораздо менее освещенная. Одному Богу известно, что там горело в двух фонарях, которые там виднелись; это был не газ и не электричество — судя по тусклому слабому пламени, это могло быть что угодно: от рапсового масла до ворвани. Место ничего не говорило мне о том, где мы находились, или что это был за город. Я раздумывал, не рискнуть ли мне пройти немного дальше, когда я заметил какой-то силуэт, сгорбленный и жалкий, под одним из фонарей. С трудом различимый в теплом воздухе, и все же странно знакомый: кто-то, кого я видел раньше, кого узнал просто по позе, а таких не могло быть много.

Я сделал шаг вперед. Фигура сильно вздрогнула, словно увидела меня, и пробежала несколько шагов по дороге, по направлению ко мне. Затем она поколебалась, полуобернувшись, словно кто-то отзывал ее прочь, и в нерешительности остановилась посреди темной улицы. Я тоже колебался, не уверенный в том, кого или что я вижу, но ведь я был все еще в пределах слышимости от доков. Один громкий крик, и сюда прибегут люди; обнаженный меч, похлопывавший меня по икре, также служил мне примитивным утешением. Кроме того, подойдя ближе, я увидел, что он или она, что бы оно там ни было, было не очень крупным; не Волк, во всяком случае. Скорее женщина, судя по контурам ее развевавшегося одеяния; и впечатление, что она мне знакома, становилось все сильнее. Может быть, я просто следовал за одной из портовых шлюх, хотя после Катьки я бы не стал спешить принимать хотя бы одну из них как должное. Однако эта была ростом ниже Катьки, скорее ростом с... Клэр? Я отбросил эту мысль. Еще пара шагов, и я увижу более

отчетливо — но тут фигура снова сильно вздрогнула. Она дико оглянулась вправо, на узкую боковую улочку, затем вскинула руки и отчаянно замахала мне, чтобы я возвращался. Я остановился, стиснул меч и увидел, как фигура метнулась сначала в одну сторону, потом — в другую, как животное, загнанное в угол между стенами. Затем круто развернулась, словно в отчаянии, и ринулась в начало улицы. Я позвал. Она оглянулась, задела ногой за бордюр и растянулась во всю длину — все это выглядело не так уж подозрительно или угрожающе. Я побежал к ней, когда она с жалким видом поднималась, и на секунду успел заметить развевающиеся волосы, длинные волосы. Я не видел, какого они цвета, но, по крайней мере, они были той же длины, что у Клэр. Но тут с новым жестом отчаянной паники этот кто-то прыгнул куда-то в затененную улицу, и, завернув за угол, я услышал топот ног, убежавших прочь по асфальту.

Я все-таки не был полным идиотом и не пустился вдогонку. Осторожно вынул меч и остановился, чтобы глаза привыкли к темноте. Когда глаза привыкли, никто ниоткуда не выглядывал, там было просто неоткуда выглядывать среди высоких бетонных стен, безликих, как тюремные. Дорога была неровной, в лужах поблескивавшей воды, на длинных тротуарах не было ничего, кроме мусора — вот его-то как раз было довольно много — а тот отчаянный звук шагов продолжался, сопровождаемый чем-то вроде тяжелого дыхания. Я побежал, перепрыгивая через лужи, уворачиваясь от мягко раздувавшихся обрывков бумаги и пластика, и в свете более яркого фонаря в конце улицы снова краем глаза заметил ту же фигуру — стройную, легкую, отчаянно прыгавшую впереди, прижав руки к бокам, с развевающимися волосами. Это была не Клэр;

та была менее хрупкой, более крепкого сложения. Но все же оставался в ней тот же намек на что-то знакомое, бесивший меня, подавлявший все мои инстинкты самосохранения в отчаянном желании увидеть, кто это. Куда делось солнце? Мы плыли по реке всю ночь — оно явно должно скоро взойти.

Мой призрачный заяц, хромая, поскакал налево, еще раз налево, налево и опять направо. Я помчался за ним, оборачиваясь вокруг уличных фонарей, как ребенок, для скорости. А потом новая улица открылась в неожиданно яркий свет, показавшийся мне ослепительным; сначала все, что я смог разглядеть, — были ряды белых огней, казалось, висевших в туманном воздухе, как звезды, без всякой опоры, а среди них, над огромным количеством поблескивавших отражений — высокие стволы сверкающего движения. Мои ослепленные глаза отказывались воспринимать эти танцующие, стеклянистые колонны, и только звук подсказал мне, что это фонтан. За ним, под затененным рядом арок, плясали его отражения — и сквозь них мелькнула еще одна тень, скользившая от арки к арке. Это было что-то вроде пьядцы*, обрамленной витринами магазинов, которые теперь были темными и пустыми; я не стал останавливаться и разглядывать, что это были за магазины. Звук моих бегущих шагов эхом отдавался от крыш. Мы были на городской площади, заяц и я; ярко освещенной белыми шарами, сверкавшими с элегантных подставок из кованого железа, установленных на высоких каменных стенах, и вычурно украшенных стояков, кольцом окружавших ограду сада в самом ее центре. А по его дорожкам, подстриженным и ухоженным, скользила темная фи-

* Piazza — площадь (ит.)

гура, под копытами статуи, изображавшей пятящуюся лошадь, и дальше — по направлению к белой стене, возвышавшейся на всеми остальными стенами в дальнем конце площади. Три острые башни выступали из ночи, средняя — самая высокая. Три шпиля. Это было что-то вроде церкви или, вернее, собора, но странного, диковинного со своими толстыми колоннами и узкими окнами в форме арок и с часами в центре. Похоже на то, что я видел в Испании или Италии, тот тип, что они называют романеск, и если подумать, то вся площадь тоже была выполнена в том же стиле. Мы могли быть где-нибудь в Испании — правда, не совсем. Так у какого же черта на куличках я оказался? Уточню — просто где? У черта не могло быть церкви.

Флагштоки стояли голыми и пустыми. Вывески были слишком далеко, чтобы можно было прочесть их, не сворачивая в сторону. А там, в темноте, около огромной загороженной двери промелькнул объект моего преследования, колебавшийся, убегавший, стоявший в такой позе, словно собирался нырнуть внутрь — почему? Искать спасения в священном месте — от меня?

Я замедлил бег и ровной, легкой походкой стал приближаться к фигуре. До того, как смогу броситься вперед и схватить ее. Но я остановился в сомнении, и как только она это увидела, снова сделала отчаянный жест и попятилась в затененную узкую улочку за ее спиной. Я подошел достаточно близко, чтобы заметить блеск темных глаз, кусочек щеки пергаментного цвета и больше ничего. Кого я знал с таким цветом лица и глаз? Разве что...

Фигура круто развернулась и нырнула за угол. Я прыгнул за ней И нашел ее там: она стояла ко мне спиной, словно глядя в небо. Небо уже заливалось

светом, и верхушки крыш выступали резкими силуэтами, но свет был белым, и он не затмевал звезды. У меня волосы встали дыбом. Когда вместо луны встает солнце, это уже достаточно неприятно. Но луна вместо солнца, новая ночь вместо рассвета и исчезновения глубоких теней — это было гораздо хуже. Я сделал два коротких шага вперед, поймал фигуру за плечо и почувствовал, как свободная легкая накидка, почти шаль, упала с ее головы. Она резко обернулась.

— Простите, — по-идиотски заикаясь, пробормотал я, как человек, остановивший не то лицо, поспешно озираясь в поисках той самой тени. Лицо под длинными волосами было лицом мужчины, морщинистым, костлявым и тошнотворно бледным, яркие губы — тонкими и плотно сжатыми. — Я думал...

И тут его глаза встретились с моими. Их злобный блеск вонзился в меня, острый, как алмаз, и обдал меня холодом — это был торжествующий взгляд карточного валета. И я видел это лицо раньше! Но где? Только мельком — красная машина, бешено несущаяся... Тонкие губы раздвинулись в беззвучном хриплом смехе, издевательском, жутком. Инстинктивно я выхватил меч и поднял его, словно пытаюсь отразить удар, но человек-тень только отпрыгнул назад и бросился бежать. Я помчался за ним, теперь уже в ярости — ярости, питаемой страхом. На сей раз ни от чего не надо было уворачиваться, не надо было хромать; улица была прямой, и он побежал очень быстро, промчался один квартал и — через дорогу, против света, еще квартал — а я бежал на расстоянии не более длины моего меча от его ног. До тех пор, пока в середине третьего квартала я обнаружил, что его нет. Я резко остановился, споткнувшись, стал дико озираться, рубанул воздух — пустоту. Потом подавил-

ся от быстрого потока какого-то гнусного запаха, похожего на рвоту. И все; он исчез.

Что он затевал, кто бы он там ни был: хотел заставить меня заблудиться? Подумал бы хорошенько, черт бы его побрал. Я был готов к этому. Я запоминал каждый поворот. Я знал, откуда мы прибыли, и где должна быть река. Где бы я сейчас ни находился...

Я снова сунул меч за пояс и оглянулся. Высокие старые стены, некоторые из них — каменные, маленькие зарешеченные окошки — все это выглядело как-то странно знакомым. Да, это были склады, в основном викторианской эпохи, судя по виду, и довольно обшарпанные. Но там и тут по стенам тянулись вычурные вывески, более новые, чем остальные, оконные рамы были свежевыкрашены; где-то даже блеснул отсвет розового неоновового света. Еще один диско-клуб? Опять такое же место: претенциозный шик вторгается, как голый рак-отшельник, в раковину старой солидной коммерции. Но где? На неоновой вывеске было написано «Praline», это звучало по-французски, но это еще ровным счетом ничего не значило: в Москве тоже есть кафе с французскими названиями. Правда, Францией здесь не пахло — равно как и Москвой; это был кислый запах большого города в теплом и влажном воздухе; кощунственная смесь транспортного дыма и жареной пищи, а также ароматных растений, мне совершенно незнакомых. Это были окраинные улицы, и на них не было никого, чтобы спросить. Но прямо впереди было больше света, и слышался отдаленный шум уличного движения. Мне стало любопытно, и я пошел посмотреть.

Улица, на которую я вышел, была поразительной. Никаких больше складов; она была широкой и хорошо освещенной, окаймленной домами, террасами высоких

величественных зданий из красноватого кирпича. У них снова был какой-то ускользающий европейский вид, особенно по верхнему фасаду, где шло что-то вроде длинной галереи, образуя глубокие балконы под обычной крышей. Там росли домашние растения и большие кусты в горшках: лавр, мимоза и другие, которых я совсем не знал: экзотические, элегантные и грациозные, буйно разросшиеся на витиеватых чугунных перилах. Но эти дома тоже были восстановлены, большинство из них были теперь фасадами магазинов или кафе — некоторые из них были открыты. Я подошел к ближайшему, и теплый ночной воздух поднялся и ударил меня густыми ароматами кофе, жареного лука и горячей выпечки, и звуками джазовых записей. И я неожиданно почувствовал такой голод, что впору было хоть плакать.

Но это был жажда чего-то большего, чем пища: это был быстрый взгляд в цивилизацию, разумную жизнь или, по крайней мере, то безумство, которое я знал. Но возьмут ли они здесь мои деньги? Я пошарил в карманах. Во внутреннем кармане я нашел несколько маленьких монеток, очень тяжелых — это было золото, но такого я никогда не видел: на монетах были какие-то странные надписи и слоны. Должно быть, это были деньги Джи́па. А все мои обычные деньги находились в карманах моей собственной одежды, на борту, и я стал ощущать себя очень беспокойно. Мне пора было возвращаться. Но я не мог удержаться, чтобы не заглянуть в окно — посмотреть, что за люди сидят в кафе. Они были такими же, как я, точно такими же; они могли приехать из любой страны мира, ну, почти из любой. Большинство из них были молоды, несколько кавказского типа, но хватало и черных, и людей с Востока — жизнерадостная космополитичес-

кая толпа, так оравшая в попытке перекрычать джаз, что я не мог разобрать, на каком языке. А вывеска на кафе гласила: «Au BagatRIA». Баратрия — это где же?

Из кафе вышла молодая пара, и, чувствуя себя последним идиотом, я подступил к ним. Лицо девушки, покрасневшее и хорошенькое, исказилось; лицо юноши потемнело, и он резко оттолкнул ее. Я пожал плечами и дал им пройти. Ну и манеры у них здесь, нечего сказать. Я пошел по дороге. Здесь была все еще освещенная витрина книжного магазина, и, клянусь Богом, все названия были на английском! Только для меня все бестселлеры на одно лицо. Я покупаю «Тайм» и «Экономист», так что это мне тоже ничего не дало. Затем шел магазин мужской одежды, набитый черной кожей и называвшийся — вы не поверите — «Геббельс». Это доказывало только, что дурной вкус — явление универсальное. После него — видеомagазин, но там виднелись только две-три кассеты. Названия были английскими, но несколько специфическими: «Хорошенькие персики», «Пусси-ток», «Мастерская тела». Ну, да. Где же это все находится, черт бы побрал, в Коста Брава? Еда пахла для этого слишком аппетитно.

Мимо проходил еще один человек, которого можно было спросить — крепкий чернокожий мужчина, но как только я раскрыл рот, мне его чуть не заткнули кулаком. Прошедшие день-два научили меня не очень-то подставлять другую щеку, но я сдержался: наживать сейчас себе неприятности было бы неправильно. В отдалении по тротуару спешил более респектабельный горожанин, толстый и средних лет. Я подошел к нему, чтобы перехватить, но не успел я произнести: — Простите, сэр... — как он сунул что-то мне в руку и удалился со скоростью, для которой его телосложе-

ние было явно не приспособлено. Я смотрел ему вслед разинув рот, потом взглянул вниз на свою ладонь. Несколько серебряных монет; я взял две самые крупные и увидел на них орла, стершегося от долгого употребления. Четвертаки, двадцатипятицентовики — разрази меня гром, я был в Америке.

Я стоял, беспомощно хихикая про себя. За ночь и день — причем большую часть последнего мы дрейфовали — я ухитрился пересечь Атлантику. Если бы я когда-нибудь понял, каким образом, я мог черт знает что натворить в экспортном бизнесе, это точно.

Или... а сколько в действительности это заняло у меня времени? Все происходит во времени. И вдруг мне вспомнились детские сказки про короля, вернувшегося из-под холма. А здесь, в конце концов, была страна Рипа ван Винкля.*

Неожиданно я перестал хихикать. Несмотря на все тепло этой ночи, я почувствовал себя измученным и замерзшим, как возвращающееся привидение — жалкая тень, в звездном свете заглядывающая в тепло жизни, из которой его так давно вырвали. Теперь мне надо было знать, в каком времени я нахожусь, а не только в каком месте. Я бросил голодный взгляд на кафе, но подавил эту мысль — на пятьдесят центов нельзя было купить и воды для кофе, если здешний город был вроде Нью-Йорка. Плоская синяя коробка на противоположной стороне улицы была газетным автоматом; вот что мне поможет! Я поспешил назад, на ту сторону улицы — и остановился как вкопанный на середине. Теперь я знал, почему люди сторонились меня.

* Рип ван Винкль — герой одноименного рассказа Вашингтона Ирвинга, проспавший 70 лет.

Так же, как я сам сторонился бродяг, пьяниц и отщепенцев. И вот я стоял, отражаясь в витрине магазина одежды, — гротескное привидение, парившее над прямыми манекенами внутри. Головорез с разинутым ртом, волосы всклокочены, весь в саже, небритый, одетый в облегающую кожу, обнаженные руки покрыты ожогами и шрамами, безвкусная цветная повязка, как у бандита, на лбу и четырехфутовый меч, свисающий вдоль ноги — видит Бог, сам я бы просто удрал. Может, Джип был прав, и, по крайней мере, меч они не заметят, но то, что было правдой для него, было не совсем так для меня. Я был слишком частью этой жизни.

Затем на меня с ревом помчался грузовик, даже не пытаясь притормозить, и я отскочил на тротуар, как электрическая лягушка. Я сделал жест водителю, потом вспомнил и поднял вверх один палец — это они здесь все понимали. Не то чтобы я особо винил его, разве что за обидчивый характер чернокожего. Я выглядел просто психом и опасным, как черт. Я поспешил к автомату, выудил монеты и сунул их в прорезь. Как раз хватило — я вытащил газету и уставился на нее. «Нью-Орлеанз Стэйтс Айтем», издано четвертого...

На следующий день после того, как я уехал. Новый Орлеан. День и ночь — правильно. Вот и все. Я почувствовал, как у меня задрожали колени. Значит, это правда... Я выпустил из рук газету, повернулся и побежал туда, откуда пришел, прочь от огней и кафе, ароматов креольской кухни и чугунных балконов, помчался: как сумасшедший, к реке и причалу.

Я добежал до площади, уверенный в каждом повороте, и выскочил прямо у собора, на полной скорости пересек сады, пугая запоздалых прохожих, и, задыха-

ясь, нырнул в улочку, откуда пришел. Здесь все было просто — за каждый поворот, как я и запомнил, и память подвела меня не больше одного раза. Пешком таким образом идти было легче, можно было постоять, отыскивая приметы, не нужно было принимать быстрые решения, где сворачивать. И все же я вздохнул с облегчением, когда, наконец, вышел на ту дорогу, где меня подцепил тот лживый призрак, и увидел широкую реку, поблескивавшую темной медью под неясной луной. Миссисипи, не больше, ни меньше. Что ж, в любом случае, мне найдется о чем спросить Ле Стрижа.

Отсюда я шел уже спокойно, восстанавливая дыхание. Я не слышал стука молотков; может быть, они сделали перерыв на ночь. Я не мог их за это винить; две ночи подряд — это было бы слишком для кого угодно. Я свернул за угол к верфи; а потом я остановился как вкопанный и схватился за стену здания, словно бег неожиданно схватил меня за ноги и превратил их в воду.

Это было не то здание. Это была не дранка, ее здесь вообще не было, ни в одном, ни в другом конце широких бетонных причалов, тянувшихся по обе стороны реки. Это была современная стена из гофрированного железа, точно такая же, как другие стены, которые я видел по всей верфи. У некоторых причалов стояли и корабли — большие грузовые суда, и ни одной мачты, ни одной трубы между ними, зато с современными контейнерными кранами или бункерами для зерна и минералов, и огни их прожекторов прорезали тонкие клинья в ночи. От «Непокорной», от всего того, что привело меня сюда, не было и следа.

Я мог бегать по этим верфям взад-вперед, разыскивая их; я не стал этого делать. Я слишком хорошо знал,

что случилось. Я боялся этого с той минуты, как увидел газету, эту дату, хотя к тому времени могло быть уже поздно. Может быть, это произошло, когда взошла луна. Мои предположения, мои воспитанные Сердцевиной основные инстинкты переплелись с реальностью, которая привела меня сюда. Но я слишком спешил, вернулся назад в Седцевину, увидел слишком много из того, что не хотело меня отпускать. Валет, несомненно, считал, что так и случится. И та глубинная часть меня, отчаянно рвавшаяся выполнить свою цель, что завела меня так далеко и так быстро, отступила туда, где ей было лучше, и вычеркнула все остальное. Она выбросила меня на берег в чужой стране, без документов, паспорта, денег и даже разумного объяснения, почему я здесь оказался. Она оставила меня совершенно голым на безлюдном берегу. Отрезала меня от «Непокорной», от Молл и Джипа, от всякой надежды на помощь.

Рассвета так и не было. И, может быть, больше не будет никогда. Передо мной не было ничего, кроме улиц, целого города поворотов, за которые можно завернуть, в надежде на то, что за каким-нибудь, за следующим... надеясь вопреки надежде. Сколько времени это займет? Опустошенный и больной, я вцепился в дверь склада, глядя вверх на пустые маленькие окна далеко вверху, на глаза такие же слепые, как и мои, к тому, что хотели бы увидеть больше всего. Оно было где-то за этими окнами, под всей этой современной мишурой, прошлое, заключенное в оболочку листовой стали, как в футляр, а, может, как в гроб?

— Эй! — заорал сердитый хриплый голос. — Эй, ты! Ты че здесь делаешь? Кончай давай! — Я чуть не бросился на него, но вовремя вспомнил, что в таких местах даже ночные сторожа должны носить оружие,

да и вообще лучше не привлекать внимание к мечу. Свет прожектора проследил за мной пятном света, пока я удалялся. Я завернул за первый угол, в тень неосвещенных улиц. Темнота огромным кулаком сомкнулась надо мной, и тени заполнили голову. Потерянный, одинокий, я слепо брел, спотыкаясь, по вонючим лужам, глубже и глубже погружаясь в ночь.

Сначала я все еще пытался запомнить, куда иду, поворачивая в ту или иную сторону, разыскивая другой путь назад по затемненным проходам — к реке и докам. Но скоро мой усталый ум потерял след, а вскоре после я позабыл вообще, в какой стороне находятся доки, но продолжал идти, поскольку остановиться было негде. Время от времени я лихорадочно пытался думать. Что бы сделал любой потерявшийся турист? Пошел бы в британское консульство, придумав для удобства случай амнезии? Тогда меня отправят домой. Правда, придется многое объяснять — насчет того, как я здесь оказался, насчет золота, насчет того, что... случилось с Клэр. Мне повезет, если не попаду в психушку. А с таким грузом на совести из-за Клэр, может, я предпочел бы туда попасть...

Через некоторое время я обнаружил, что снова выбрался из темной дымки на более широкие улицы с огнями и освещенными окнами; однако что это были за улицы и где они находились, меня уже не интересовало. Некоторые были с кирпичными элегантными домами, какие я видел раньше, другие были нарядными и новыми, обрамленными сверкающими витринами магазинов и неоновыми вывесками — но все они были пустыми, голыми, мертвыми. Я налетал — не знаю на что: фонарные столбы, мусорные баки, уличный мусор. Я слышал голоса — сердитые голоса, но не знал, откуда они доносились. Возможно, на этих

тротуарах все-таки были люди, но если и были, я их не видел. Только машины с шипением проносились мимо, сгустки света и шума без водителей. Иногда они внезапно шли прямо на меня, бешено сигналила, казалось, шли со всех направлений, и мне приходилось уворачиваться и проталкиваться сквозь них и, шатаясь, уходить прочь, пока они снова не подъехали.

Мое зрение было затуманено. Ощущение изоляции усилилось. Окружавшие меня краски и шум, все, о чем сообщали мне мои чувства, казалось, имели все меньше и меньше смысла, ничего не прибавляя ни к чему, ни к какой вразумительной картине. Я чувствовал, что должен продолжать двигаться любой ценой, чтобы этот хаотичный мир не мог сомкнуться надо мной и навеки меня отрезать. Но я уже очень устал, и время от времени под моими ногами земля неожиданно приподнималась, и я спотыкался. Сверху раздался знакомый мне звук — вой кружащего реактивного самолета, но я видел только рисунок бьющих в глаза огней, скользящих над пустотой и прикрыл глаза. Меня притягивали тени и тишина, и каким-то образом после часов блужданий я обнаружил, что бреду по маленьким улицам, пригородным аллеям, обрамленным домами более уютными и менее враждебными. Но освещенные окна по-прежнему злобно смотрели на меня, и мимо с шипением пролетали машины.

До тех пор, пока одна из них с поразительной внезапностью не остановилась позади меня, скрипнув тормозами. Она встала прямо на бордюр. Я круто развернулся, перепугавшись от неожиданности, и схватился за меч, а потом замер, полусогнувшись, когда бело-голубой свет мигнул мне прямо в глаза. Я

никого не увидел, зато услышал голоса, твердые и резкие.

— ЭТО ОН! МЫ ЕГО ПОЙМАЛИ!

— УЧАСТОК? СВЯЖИТЕСЬ... ДА, МЫ КАК РАЗ СЛЕДУЕМ ЗА НИМ...

— СМОТРИ, СМОТРИ, ЗДОРОВЫЙ ПАРЕНЬ... ДАВАЙ С НИМ ПОЛАСКОВЕЙ... Эй, паренек!

Я вздрогнул и отскочил, когда хлопнули двери пустой машины.

— Господи Иисусе, что это? Мачете? — я посмотрел вниз. Инстинктивно я наполовину вытащил меч, и он выплевывал назад голубой свет, как ледяной огонь.

— АЛЛО! ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ВООРУЖЕН, ПОВТОРЯЮ — ВООРУЖЕН...

— Эй, парень! Мы хотим просто перекинуться парой слов, никому вреда не будет! Так что убери свою палку, слышишь?

Я попятился и продолжал пятиться. Неожиданно в моей голове все ужасно прояснилось. Я никак не попаду в доки из полицейской камеры — или из психушки. Теперь я видел полицейского — дородного негра средних лет с огромными седеющими усами; он старался, чтобы его голос звучал ободряюще, но его толстая рука находилась рядом с расстегнутой кобурой. Второй, без сомнения, будет прикрывать его из машины. Я в отчаянии огляделся, и опять мое внимание привлекла темнота и тень: через дорогу между двумя домами открывался разрыв, там над обвисшей проволокой разрастались деревья. Я еще немного отступил, затем немного расслабился, наклонил голову, услышал, как толстяк облегченно вздохнул, — и выхватил меч из ножен, описав им шипящую дугу. Я не так хорошо управлялся с ним, как предполагал: меч,

должно быть, почти раздвинул его усы. Полицейский отскочил назад с изумленным взвизгом, зацепился за гидрант и повалился навзничь. Это открыло мне путь, я сделал огромный прыжок, прямо над ним, затем на крышу полицейской машины и дальше — на дорогу, которая, к счастью, была пуста. В два прыжка я достиг травы, едва успел остановиться, чтобы не попасть под разукрашенный фургон, затем помчался прочь, потому что только что рядом со мной просвистела пуля. Фургон, скрипнув тормозами и отчаянно сигналив, описал дугу, от которой у него, по-моему, сразу облысела резина, и встал на траве между мной и полицейской машиной. Я добрался до изгороди, перпрыгнул через нее и приземлился по самые лодыжки в замусоренной траве прежде, чем сообразил, что, фигурально выражаясь, я здесь не один.

Если бы я лучше знал этот город, я бы не так удивился, приземлившись на могиле, увидев впереди обширные ряды огромных внушительных надгробий, разграбленных, заброшенных и заросших. Но сейчас это меня нисколько не волновало. Разрушенный город мертвецов казался самым безопасным укрытием, какое я только мог себе представить. Я побежал между могил, как человек, отчаянно старающийся добраться назад, в свою собственную. Где-то позади я услышал, как кто-то пытался перепрыгнуть через изгородь, но позорно оскандалился. И опять во мне заговорила совесть: я совершенно ничего не имел против этих полицейских. Мне ни капельки не нравилось то, что я делал, — зато теперь им было меня не остановить.

Я петлял и нырял среди рядов мертвых, прыгая от дорожки к дорожке, поворачивая и поворачивая, пока не потерял счет времени и направления. Иногда я проскальзывал в полуобрушившиеся слепки с гречес-

ких и римских усыпальниц, с трудом переводя дыхание в тяжелом воздухе и прислушиваясь, не идет ли погоня, пока не убеждался, что погони нет. Не было ни малейшего движения, ни дуновения ветерка. Я не мог упрекать полицейских за то, что они оставили погоню: в этом месте можно было играть в прятки всю ночь, а заросшие сорняком гравиевые дорожки не оставляли следов. Если разобраться, то я и сам не был уверен в том, с какой стороны пришел. Я огляделся. Насколько хватало глаз, тянулись памятники, памятники, памятники, целый горизонт могильных крестов, венков, изваяний ангелов и других, более невероятных вещей. И никакого движения, даже дуновения ветерка не было в этом свинцовом воздухе; никаких признаков того, что где-то рядом есть город живых. Это придавало кладбищу какой-то вневременной налет, создавало ощущение, что оно висит в воздухе. Должно быть, я был в самом его центре. Зато, по крайней мере, поверхность земли здесь была достаточно ровной. Я пошел дальше, ориентировочно в сторону, противоположную той, откуда пришел. Мне ничего не оставалось — только идти, пока не наткнусь на какую-нибудь стену...

Неожиданно меня пробрала дрожь, хотя ночь была теплой. Пробравший меня холод был резким настолько, что напоминал электрический шок. Я зацепил какой-то предмет — не траву, не камень...

И тут я чуть не расхохотался. Это было просто маленькое пугало, высотой едва мне по грудь — на двух скрещенных палках висела старая потрепанная шляпа и выцветший от времени и погоды фрак. Оно все заросло сорняком. Я хотел рассмеяться, но от пробравшего меня холода у меня слишком перехватило дыхание, и сердце бешено колотилось. Я дико

огляделся по сторонам, но больше здесь ничего не было, ничего, кроме теплого ветерка, шевелившего ветви деревьев; эта группа памятников ничем не отличалась от остальных. Поваленные, разбитые, исписанные рисунками, как и все прочие — правда, завитки, спирали и нацарапанные круги показались мне необычными. Такими, словно их нанесли светящейся краской, или они как-то странно разлагались. Мне где-то раньше приходилось видеть нечто подобное, но не так отчетливо. Здесь, в непроглядной темноте казалось, что их окружает слабое зеленое сияние, и даже не такое уж слабое. Когда глаза привыкали, рядом с ним почти можно было разглядеть...

Раздалось легкое скребущее царапанье, и я вздрогнул. Я круто развернулся, воображая себе какого-нибудь пылающего мстью и жаждущего нажать на курок полицейского, однако для него звук был слишком слабым. Под одним из обезличенных памятников шевелилась трава; стало быть, я потревожил какое-то маленькое животное. Что у них тут водится? Опоссу-мы, ленточные змеи... Я наклонился, чтобы посмотреть.

А потом я отскочил с пронзительным воплем, который мог просто расколоть воздух по всему кладбищу. Нацарапанный на памятнике силуэт сверкнул ослепительной вспышкой пламени, а рядом с ним прямо перед моим лицом замахала рука, высунувшаяся из земли. Земля подо мной поднялась и почти бросила меня в эту руку, но я, шатаясь, удержал равновесие и повернулся, собираясь бежать. Впереди меня гравий раздулся и изогнулся горбом, словно под ним полз какой-то могучий червь, и отбросил меня назад. Я упал. Держа в одной руке меч, я выбросил

другую и вонзил в землю пальцы, чтобы удержаться — а потом едва успел их отдернуть. Под гравием что-то щелкнуло и захлопнулось, словно рыба бросилась на муху. Земля снова содрогнулась в конвульсиях. Кусты бешено закачались и упали, с глухим стуком опрокинулось одно надгробие, за ним второе, остальные тряслись и крошились. Качающаяся голова ангела отвалилась, ударилась о землю и подкатилась почти к моим ногам. А вокруг меня поднималась земля, цеплялись пальцы, рука тянулась вверх, как какое-то растение, вырвавшееся в замедленной съемке.

И тут позади меня раздалось противное тихое хихиканье.

Я круто развернулся. Маленькое пугало тоже выросло, теперь оно возвышалось надо мной — огромная тощая фигура, загораживавшая мне проход, поднимая пустой рукав. Под ним хрустели сорняки, сорняки с длинными, глубоко проросшими корнями, разжиревшие на тучной почве. Единственный палец, костлявый и изъеденный — что это было: прут или кость? — скрючился прямо перед моим лицом. Допотопная шляпа слегка наклонилась вбок, и в моих ушах зашелестел звук, шипящий и щекочущий, как близкий шепот, — только он звучал в обоих ушах одновременно. Голос. В какое-то мгновение — как шелест сухих листьев, а через минуту — тягучий, булькающий, жуткий:

Bas 'genoux, fi' de malheur! Fai's moa bonheur!

Еще хуже было то, что я понял: в этих словах есть смысл. Это был какой-то исковерканный французский или жаргон или диалект, я такого никогда не слышал. Говорил он с сильным акцентом, но я понял. Он приказывал мне склониться и воздать почести...

Li es' royaume moan —

*Li est moa qui 'raigne 'ci!
Ne pas passer par 'li
Sans hommage 'rendu**

Чье царство? Кому поклоняться? Я не мог пошевелиться. Отчаянная паника подхватила мои мысли, как порыв ветра из открытого окна, и рассеяла их по всем возможным направлениям. Неожиданно, издав визгливый хруст, палец ударил меня прямо в середину лба. Он попал в повязку. Последовало что-то вроде высоковольтного разряда или беззвучного взрыва, и свет вспыхнул не у меня перед глазами, а где-то в мозгу.

— Черта с два! — рявкнул я. Слишком перепуганный, чтобы что-то соображать, я рубанул рукой. То, что в именно в этой руке оказался меч, было чистым везением или инстинктом. Ощущение было такое, что я рубанул какой-нибудь забор. Шляпа взлетела вверх, конец палки отлетел в сторону, а рваный скюртук свалился в кучу бескостных рук. Толстые стебли сорняков обломились, источая зловонный сок, мне в лицо вековой могильной пылью ударила пыльца, и я расчихался. Что-то — может быть, стебли шиповника — вцепилось мне в лодыжки. Я снова закричал, вырвался от них и рванулся прочь, спасая свою жизнь, а, может, и нечто большее. В эту минуту вид полицейского с его пистолетом мог показаться мне самым прекрасным зрелищем на свете — или уж, на худой конец, настоящий свет. Мне почти показалось, что какой-то просвет есть — где-то впереди; теплое неясное сияние, высоко над тенью могил, бесконечно теплое и казавшееся таким надежным. Я зайцем помчался в ту сторону, так быстро, как мог. Что бы это

* Здесь мое царство — Здесь я правлю! Здесь нельзя пройти, Не поклонившись... — искаж. франц.

ни было, в тот момент оно было мне нужно, просто необходимо. Я боялся, что оно исчезнет и оставит меня темноте, шелестевшей за мной по пятам.

Оно не исчезло. Свет сиял ровно и разрастался, пока на его фоне не выступили деревья; это был большой маяк реальности — наверное, уличные фонари. Все, что я слышал, был стук крови в висках и мое дыхание, и то, и другое — очень тяжелые. Мою грудь и голову словно сжимали железные обручи. Но надгробия стали редеть, между ними открывался просвет; здесь была стена, а за ней — снова ограда, менее разрушенная, чем другие. Не останавливаясь, я вскочил на один из камней, расположенных у стены, с камня — на стену и схватился за проволоку. К счастью, проволока не были ни колючей, ни электрифицированной. На последнем, отчаянном дыхании я подтянулся, перелез через нее и свалился вниз, приземлившись среди каких-то жестких сорняков футах в двенадцати внизу — и побежал. Я бежал до тех пор, пока не наткнулся на что-то твердое и упал, всхлипывая, на колени прямо у кромки света.

А потом я весь съезжился и отшатнулся, ибо земля задрожала. Со стремительным шипящим стуком и клацаньем, с одиноким заунывным воплем у меня перед глазами промчалось нечто огромное: нескончаемая цепь бегущих теней, закрывавших от меня свет, весь мир.

Когда гром прошел мимо, и свет снова стал ярким, ко мне потихоньку стали возвращаться обрывки изображения. Я, задыхаясь, посмотрел наверх и стал подниматься, весьма пристыженный. Мне просто повезло, что этот товарный поезд прошел по другой колее, а не по той, где находился я. Я попал на какую-то сортировочную станцию, она была хорошо освещена, но бро-

дить здесь было небезопасно. Правда, это было в тысячу раз лучше, чем то проклятое кладбище. Часть моего сознания лихорадочно металась, отчаянно пытаясь найти рациональное объяснение тому, чему я только что был свидетелем, чтобы обосновать это и отбросить: дрожью земли, игрой разыгравшегося воображения, да чем угодно. Я не стал обращать внимания. Слишком я был рад тому, что выбрался оттуда. И тут я замер: я услышал голос, не очень далекий и не очень близкий, но ясный и резкий, в ночной тишине.

— Я ТЕБЕ УЖЕ СКАЗАЛ, ПОШЕЛ ТЫ КУДА ПОДАЛЬШЕ, ИДИ САМ РАЗГУЛИВАЙ ПО ЭТИМ КОСТЯМ СКОЛЬКО УГОДНО, А ДО ТЕБЯ ВСЕ НЕ ДОХОДИТ... — Там, в нескольких сотнях ярдов вдоль колен, у ограды стояла полицейская машина с включенными фарами. И я понял, с неотвратимостью, от которой мне стало нехорошо, что они и не думали бросать погоню, просто вызвали другие машины, чтобы перекрыть все возможные выходы. И эта машина, по счастью, была «моей»; я узнал этот голос и посочувствовал. Стоя на четвереньках, я стал дюйм за дюймом продвигаться вперед.

— ИСПУГАЛСЯ? ТЫ ЛУЧШЕ ПОСЛУШАЙ МЕНЯ МИНУТКУ, ДУБИНА... ЭЙ!

Я знал, что это значит и помчался прочь, прежде чем хлопнула дверца, фары повернулись в моем направлении и взвыла сирена. Я услышал хруст шин по гравию, и мне было пора опять бежать, хотя я еще не успел восстановить дыхание.

Долго бежать дальше я не мог, но ничто не заставило бы меня вернуться назад, на кладбище. Где-то на станции приближался новый поезд. Я, хромая, перебрался через пути в тень каких-то стоявших товарных вагонов. Я даже подумал было забраться в один из

них, хотя бы для того, чтобы пару минут передохнуть, но они были надежно заперты, а тень, казалось, не давала никакого прикрытия. Я перебрался через сцепку, оказался прямо на пути идущего поезда и обрел новое дыхание; позади я услыша, как скрипнул гравий — полицейская машина свернула в сторону. Я побежал дальше через пути, между ровными рядами безмолвных вагонов, пока неожиданно не оказался перед новой оградой — а в ней, не более, чем в ста ярдах, были открытые ворота. Неужели полицейские не поедут к ним? Я пошел на риск в надежде на то, что других машин там нет. Мне это удалось, и я вдруг оказался свободен от всех оград и несея, как сумасшедший, по пустой улице. Но позади меня все громче становился звук сирены. И, кажется, впереди, за углом вон того высокого здания, раздавался еще какой-то звук. Я мог повернуть в ту сторону — или в другую. Тот звук не был звуком сирены. Я сделал выбор и повернул за угол.

Если бы мои истерзанные легкие позволили, я бы рассмеялся. Улица была широкой, она поблескивала в ночном тумане, словно ее недавно смочил дождь, по обе ее стороны, как в ущелье, нависали высокие здания, безликие в ночи. В одном из узких боковых дверных проемов стоял старик — единственная живая душа во всем этом просторном месте. Это был чернокожий в ветхом пальто, он скорбно играл на трубе — вот что это был за звук. Я побежал к нему и увидел на нем большие темные очки, перед ним — плакат и жестяную кружку. Старик внезапно перестал играть, опустил трубу, и я сделал широкий вираж, чтобы не испугать его, жалея, что не могу обратиться к нему. Вместо этого он сам обратился ко мне:

— СЫНОК! Эй, сынок! Где горит?

Почти инстинктивно я остановился; это был поразительный голос, слишком глубокий и повелительный, чтобы исходить от такого сгорбленного старикашки. И у него был странный выговор — напевный, совсем не американский. Я задохнулся, попытался ответить и не смог; но он и не ждал ответа: — Бежишь от того человека-а? Поли-иция? Угу, слышу, слышу этих негодников. — Морщинистое старое лицо расплылось в широкой улыбке, показав раскрошившиеся зубы. — Эту беду мы поправим. Ныряй-ка ты сюда, мальчик, мне за спину, за порог, о'кей? О-о'кей! Ну, как, схоронился? — И снова не дожидаясь ответа, он поднял трубу и заиграл. Я знал эту песню — «Лазарет Святого Иакова», невероятно скорбную и как нельзя более подходящую к моему случаю. Я распластался за дверью, дрожа и пытаюсь восстановить дыхание. Я потихоньку поглядывал на спину старика, оборванную и сгорбленную, но при этом необыкновенно широкую, и на квадратик неба, обрамленный дверным проемом.

*— Что ж, я поехал в лазарет
Святого Иакова,
И там свою поддержку я нашёл,
На мраморном столе она лежала,
Как снег, бледна и холодна
И так прекрасна...*

Я мысленно впитывал слова песни и пожалел, что вынужден слушать. Один из старинных настоящих блюзов, таких старых, что почти можно было проследить их корни, восходившие к древнему фольклору...

Взвыла сирена, внося диссонанс среди высоких стен, затем он оборвался, утонув в визге тормозов; дверной проем озарился пульсирующим голубым светом: — Эй, папаша! — крикнул голос, на сей раз другой. — Не видал, тут не пробегал здоровый такой

мужик? Белый парень, размахивает мачете или чем-то там — совсем свихнулся...

— Сынок, — усмехнулся старый трубач, — добрых двенадцать лет уж как я ничего не видал, черт побери! Не то небось не стоял бы тут на холоде посередь ночи, уж ты мне пове-ерь!

— А, — сказал полицейский, несколько сбитый с толку. — А, ну да, верно. Ну, может, тогда слышал чего? Пару минут назад?

Старик пожал плечами: — Вроде бежал кто, минут пять до вас. Кажись, по Декейтер-стрит. Я тут наигрывал на моем рожке...

— О'кей, папаша! — В кружке звякнула монетка. — Ты бы шел отсюда, слышишь? Не то позарится кто-нибудь на твою кружку, в такое-то время ночи! — Сирена снова включилась, и свет скользнул прочь от дверного проема. Я обмяк от облегчения. Старик продолжал играть с того места, где его прервали, до тех пор, пока звук сирены окончательно не замер вдали, потом завершил мелодию негромким дерзким и веселым звуком и стал вытряхивать слюну из трубы.

— Славные ребятишки, да только вот мозгов им это никак не прибавля-ает! — Он обернулся и ухмыльнулся мне, и у меня возникло странное чувство, что старик меня прекрасно видит. Но все равно он стал шарить у своих ног в поисках своего плаката, и я поднял его и вручил ему. На плакате была религиозная картинка, выглядевшая невероятно старой, на ней был изображен «Черный рай» наподобие чего-то из «Зеленых пастбищ», а под ним было грубыми буквами выведено «Открыватель Путей». Старик старательно запрятал плакат за дверь и осторожно уселся рядом со мной.

— Послушайте, — сказал я, — вы меня вытащили

из такой передряги... я ведь ничего не сделал, но... черт, просто не знаю, как вас благодарить... И тут я понял, что знаю. Я порылся в кармане в поисках джиловых монет — потом я с ним рассчитаюсь. Я положил две из них на ладонь старику, тот кивнул и снова улыбнулся. — А теперь запомните, — предупредил я. — Это золото. Вы не можете сразу их потратить, зато можете продать — они не краденые, тут все в порядке. Отнесите их в приличный магазин старинных монет, если сможете, а не просто в банк или к ювелиру или ростовщику. Они должны стоить дороже, чем просто золото на вес.

Старик серьезно слушал: — Спасибо, мой добрый друг. Это поистине христианская доброта. Как у святого Иакова, тот лазарет назвали по его имени, а? Сен-Жак — так его звали в настоящие старые времена — или Сантьяго...

Я усмехнулся: — Ну, правильно, ведь этот город основали испанцы, да? Вы знаете свою историю.

Старик засмеялся, довольный: — Я-то? Да я просто много чего повидал на своем веку, только и всего. Так много чего помню, что моя старая закоченелая спина гнется под ношей!

— Что ж, вы теперь сможете ее немного согреть — купите себе для начала новое пальто.

Я не собирался говорить это покровительственным тоном, но так оно прозвучало. Старик добродушно покачал головой: — Сынок, спасибо тебе за добрый совет! Но я знаю совет получше. И вот тебе он бесплатно — коли промерз до самых косточек, единственное спасение — ром!

— Я это запомню, — серьезно пообещал я. — Еще раз спасибо. Но мне лучше идти. Полиция может вернуться, а мне надо попасть назад, к реке — в доки

— э-э, а вы случайно не подскажите, как туда добратся?

Старик закудаhtал и поднялся прежде, чем я успел предложить ему руку: — В доки, а? — И снова стекла очков блеснули, глядя на меня странно, всепроникающе. — Это легко сделать, сынок. Легче легкого. — Он небрежно кивнул в сторону улицы. — Добрый христианский напев скоро приведет тебя куда нужно!

И, прежде чем я успел вымолвить хоть слово, он прижал потрепанную трубу к губам и заиграл мелодию, которую я узнал. «Евангельский корабль» — песня евангелистов-«возрожденцев», совсем не похоже на джаз, но в его исполнении она звучала. Труба теперь пела не скорбно, но резко, это было как лезвие голубых нот, рассекавших темноту. Ее яркий колокольчик неожиданно блеснул красноватым светом, стал отражаться, искажился паутиной черных нитей. Изумленный, я обернулся через плечо и увидел, как край неба между стенами ущелья побледнел, залился красным — словно приливная волна, занимался рассвет. И на фоне этого поднимавшегося сияния, как ветви зимних деревьев, встали силуэты похожих на шпиль мачт. А в конце мрачной улицы сияла единственная слабая полоска золота, огнем игравшая на танцующей трубе.

Я на минуту застыл; широко раскрыв глаза от изумления и страха, а потом, позабыв про все, бросился бежать по этой озаренной тропе. Мелодия повсюду эхом отдавалась от мрачных стен, билась в слепые окна:

*Я несу вам добрую весть,
И позбаву я ною,
Раздайте со мной мою радость!
Я софрался в далекий путь*

*На «Евангельском корабле»,
Поплыву надо всеми ветрами!*

Наверное, так должны звучать трубы в День
Страшного Суда.

*Поплыву я в далекий путь
На «Евангельском корабле»,
Поплыву вдаль за небеса,
Буду петь и петь до тех пор,
Пока колокол не зазвонит,
И пока не покину сей мир!*

Я мчался вдоль безмолвного потока утреннего света, как ребенок, разбрызгивая воду из луж. Потом я вспомнил, что не попрощался со стариком, если его вообще можно было назвать человеком, и обернулся, чтобы помахать ему рукой. Но он уже повернулся ко мне спиной и брел по направлению к Декейтер-стрит или куда-то еще, все еще играя на трубе и крепко зажав подмышкой свой плакат. Я все равно помахал ему, мне подумалось, что у него есть много способов, чтобы видеть вещи. А потом со стороны доков я услышал резкий свист буксира, и мое сердце на секунду остановилось. Среди леса мачт что-то двигалось, скользя мимо них прочь в течение: у корабля были высокие мачты, не дымовые трубы. Я, как сумасшедший, помчался к реке.

Я никак не успевал добежать туда вовремя, но все равно продолжал мчаться. Они могли еще не уйти на такое расстояние, чтобы не услышать моего крика — или я мог сесть на какое-нибудь суденышко и последовать за ними...

Добежав до причала, я поскользнулся на влажных от рассветной росы булыжниках, удержал равновесие, схватившись за угол стены и почувствовал, как краска на покоровившейся стене из дранки шелушится и

трескается под моими пальцами. Сердцевина отпустила меня, и я вернулся назад. Но я не чувствовал возбуждения, одно изумление. Ибо у корабля, скользившего прочь по позолоченным водам, как призрак ночи, пропадающий перед рассветом, были три мачты, а не две, и его высокий транец возвышался на одном уровне с верхушками дымовых труб буксира. Я озираясь широко раскрытыми глазами, оглядывая доки во все стороны, наугад прикинул путь и снова бросился бежать.

Моя догадка оказалась правильной. Спустя всего двадцать минут я взлетел вверх по сходному трапу и, тяжело дыша, повалился на палубу, снова гладкую, источавшую густой запах смолы, льняного семени и сочной древесины. С квартердека раздался топот: это Джип и остальные прямо-таки скатились вниз по трапу, а за ними возбужденно ковылял старик Ле Стриж. Женщина и мужчина из палубной вахты практически подняли меня на ноги и посадили на крышку люка, запиравшую трюм, однако я так задышался, что почти не мог говорить.

— Они... здесь...

— Да, да, мы знаем! — успокаивающим тоном сказала Молл. — Придержи язык, пока паруса не набрали воздуха. Кроме этого, ты не пострадал? Это благословение, гораздо лучше, чем мы опасались.

— Это так, приятель, — заметил Джип, покачивая головой с лаконичным облегчением. — Мы рады, что ты вернулся живым и здоровым, еще как рады. Как только мы обнаружили, что ты пропал, мы пустили по твоему следу старика Стрижа — и вот он является и говорит, на тебя что-то наслали и увели, заманили обратно в Сердцевину — в ловушку — ну... Он сказал, что послал зов от твоего имени, и это все, что он мог

сделать! — Джип сплюнул за поручни. — Черт, могли бы мы сообразить, что тут может случиться беда. Здесь старый центр торговли рабами — тут все еще как вши кишат ОБЕЙЯ, ВУДУ, много чего еще можно назвать. Здесь это вроде как часть закона. Только вот зачем каким-то местным БОКОРАМ бить ради нас в барабаны? Вот чего я не пойму. Здесь мы вроде как никому не наступали на хвост — черт, как они вообще про нас узнали?

— С «Сарацина»! — задыхаясь, выговорил я.

— ЧТО?

— Именно это я и пытался все время вам сказать, — хрипло прокаркал я. — Он тоже стоял здесь на якоре, все это время — примерно в миле вниз по реке, на том берегу — я видел, как он отплывал, совсем недавно...

Пирс схватил меня за плечо: — Ты уверен, парень — то есть, я хочу сказать, вы уверены, хозяин?

— Да, уверен — черт побери, меня послали, чтобы я его увидел...

— ЭЙ, НА ТОП-МАЧТЕ! — взревел Пирс.

Стриж приблизил свою гранитную физиономию к моему лицу так близко, что мне стало противно: — Послан? Кем? Как?

— С-старик чернокожий, бродячий... уличный музыкант, вы знаете...

— ЭЙ, НА ПАЛУБЕ! ПЛАВУЧИЙ ЧАЙНИК С ЧЕРНЫМ, КАК САЖА, ТОРГОВЫМ КОРАБЛЕМ НА БУКСИРЕ! В ЦЕЛОЙ ЛИГЕ ОТСЮДА!

— Все наверх! — заорал Пирс. — Мистер Помощник! Ступайте на берег и притащите сюда эту старую тархтелку — буксирщика! Все наверх! Мы, наверное, поддали им крепче, чем думали, они зашли сюда на

ремонт — и увидели нас, когда мы проходили мимо — ха! Какова наглость, а, братцы мои?

Глаза Стрижа устрашающе сверкали: — Какой старик? Кто отозвался? Кто пришел?

— У-уличный музыкант, я же сказал — играл на трубе — у него был плакат... называл себя «Открыватель путей», вот так все было...

Стриж отдернул голову, Джип присвистнул и захлебнулся, Молл провела рукой по волосам: — Клянись верой, неплохая у тебя оказалась компания!

— Послушайте, он был добр ко мне, кем бы он там ни был! Он спрятал меня от полицейских — он указал мне путь назад, «Сарацин», он спас мою шкуру! А, может статься, что и рассудок — после той штуки на кладбище я уже думал, что у меня сейчас крыша поедет! Может, это он и ответил на этот твой зов...

— Какой штуки? — резко спросил Стриж, но голосом, совершенно не похожим на его обычное рычание. По-моему, я заметил маленький проблеск подлинного чувства за каменной злобной маской — это я мог бы только приветствовать, если бы оно не было так похоже на страх. Я рассказал ему все, и увидел, как его лицо скорчилось, Джип посерел, а Молл, к моему изумлению, присела на корточки рядом со мной и крепко, до боли, обняла меня.

— Барон! — прокудахтал Стриж высоким дрожащим голосом. — И Легба! Глупый мальчишка сбежал от Барона, встретился с Легбой и еще называет его слепым стариком! Станет ОН являться на мой зов!

— А кто может сказать, что это не так? — мягко возразил Джип. — Все это... принимает форму, которой я и боялся. Здесь многое поставлено на карту — не просто рейд в Сердцевину... или похищение девуш-

ки — много, много больше! В игру вступили мощные силы, если вмешались даже Невидимые!

— Не просто вмешались! — резко сказал Молл. — Неужто ты не понимаешь? Они принимают разные стороны — а когда они вообще так поступали? А Стивен оказался в центре всего этого!

Джип сжал кулаки: — Хорошие или плохие, но людям с ними лучше не связываться! Эй, мистер помощник, что там с буксиром?

— Буксиров нет! — закричал, задыхаясь, помощник, пренебрегая трапом и прыгнув на борт рядом с новыми опорами грот-мачты. — Три загорелись — но два из них за одну ночь — нарочно подожгли. Благодарение Богу, что у них котлы не разлетелись на мелкие кусочки. А последний забрали Волки под пистолетом вместо платы! Нам придется ждать часами!

Пирс швырнул на пол шляпу и топнул по ней ногой: — Клянусь огнем Вельзевула! Пропустить рассвет? Никогда! Все на брасы! Мы погонимся за ними под одними парусами! Мы догнали этих ублюдков раньше и, клянусь всеми громами и молниями ада, мы сделаем это снова, даже если они удерут от нас к черту в задницу! ЭЙ, НА МАРСЕ! БЫСТРО ЗА ДЕЛО, ПРОСПИРОВАННЫЕ СУКИНЫ ДЕТИ, МЕРЗАВЦЫ...

Лоснящееся лицо помощника беспокойно сморщилось: — Но, капитан... как мы узнаем их курс, чтобы следовать за ними? Мы никак не можем...

— Еще как можем! — мрачно заявила Молл. — Стриж пусть проверит, если ему заблагорассудится, но сомневаюсь, что его божественное откровение скажет нам больше. Похоже, тут раздор между Невидимыми. В таком случае, куда еще может направляться «Сарацин», как не на остров, где находится их дом?

Джип ударил ладонью о ладонь: — Точно! Что ж, шкипер — на Эспаньолу?

— Да, бери курс, — пробормотал Пирс, вся его ярость куда-то испарилась. — Эспаньола! Гаити! Подветренный берег для душ, масса теней, весь пропитан кровью и черной магией. Но надо так надо! Старший рулевой — к рулю! И молитесь Бога, чтобы мы успели вовремя!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАД НАМИ ВОЗВЫШАЛИСЬ темно-зеленые стены, задумчивые, непроницаемые, бурлящие под грозовым небом. Изумрудное пламя вспыхнуло из-под мечей, когда они скрестились. Мой был отброшен в сторону, как надоедливая муха; острие другого просвистело в дюйме от моей левой подмышки. Я как-то ухитрился парировать удар, отпрыгнул назад, снова поднял свою гарду, ловя ртом воздух. Некоторые из порезов открылись, и я вздрогнул, когда в них попал пот. Мы кружили, обходя друг друга, защищаясь. Молл усмехнулась — зрелище не слишком обнадеживающее. Она гипнотически покачивалась, как кобра, выжидая время и выбирая место, куда ударить.

Так было всю дорогу от Нового Орлеана, и доказательством тому были мои шрамы. Сначала казалось, что наш поспешный отъезд оправдывает себя. Мы прямо-таки полетели вниз по этой огромной реке на крыльях утра: Ле Стриж ставил себе в заслугу свежий ветер, надувавший наши паруса, сопровождавший нас долгое время, сводя на нет преимущества парового буксира Волков; однако я больше склонялся к тому, что это заслуга безошибочного ведения корабля Джипом. У меня было странное ощущение, когда я наблюдал за ним, стоящим у руля, что этот его спокойный взор был устремлен сквозь пелену времени и пространства, выбирая какую-то невидимую нить судьбы

и беря прямой курс между ее извилистыми витками, скользя от одного к другому. Я сделал ошибку, сказав об этом Молл, когда мы перехватывали легкий завтрак на баке.

— Не так уж она и странна, твоя фантазия, — был ее ответ. — Считается, что у каждого есть врожденные способности, однако немногие живут достаточно долго, что они могли развиться полностью. В Центре люди, подобные ему, всего лишь хорошие навигаторы, но снаружи, на Колесе они скоро научаются различать человека на звезде сквозь каждый поворот и изгиб переменчивого времени. Только здесь настоящая сила может расцвести с помощью мастерства и обучения, что ее питают. Ты, мой друг, возможно, мог бы со временем стать могущественным коммерсантом; однако сперва тебе надобно было бы заполнить ту пустоту, что есть в тебе, напитать твой изголодавшийся дух, чтобы он мог расти. В тебе не хватает не только страсти. Людям в жизни надобно настоящее дело, пока его для них не подыскивали другие. — Она бросила последний кусочек хлеба в кружку с кофе и осушила ее до последней капли. — И коль скоро мы стали праздными философами, Стивен, мой мальчик, пора мне сдержать слово и приоткрыть тебе кое-что из моей собственной особой тайны. Мои лекции коротки, зато обоснования глубоки! Так вставай и к бою!

Так начались мои уроки — уроки владения мечом и, может быть, чем-то еще. С самого начала, с первой позиции они были строго практическими; мы фехтовали с обнаженным лезвием и незащищенным острием, а это очень скоро обучает уважать оружие, которым дерешься. Сначала, пока мы шли вниз по реке, Молл отмечала каждое касание только легкими игривыми ударами клинка плашмя. Так что, когда она стала

делать настоящие уколы, для меня это почти комплимент.

К тому времени мы уже были в море. Мы так быстро прошли этот путь, что я стал надеяться увидеть на горизонте паруса черного корабля, как только мы покинем дельту, или узнать его последний курс от буксира, когда тот будет возвращаться. Но вместо этого мы прошли мимо его останков, дымившихся на песчаной отмели.

Но что лежало под нашим корпусом ночью, — это был вопрос, который я задал лишь однажды. Джип устремил взгляд в бесконечность и улыбнулся: — Моря к востоку от солнца, к западу от луны! — спокойно ответил он. — Лежат они между Проливом Ночи и Звуками Утра, за Вратами Полудня. Волны, бьющиеся под зачарованными казематами, под заоблачными башнями замков. Есть другие, что могут дать тебе более простые ответы, но, прямо тебе говорю, ты им за это спасибо не скажешь. Некоторые вещи лучше увидеть своими глазами — и в один прекрасный день, если повезет, ты увидишь.

Это заставило меня замолчать. Я так и не собрался с духом, чтобы спросить у кого-то еще. Я более чем немного опасался того, что могло случиться, если бы я не смог поверить в ответ. Но мне это все время напоминало то, что я видел однажды, во время одинокого ночного полета, возвращаясь из какой-то безрадостной командировки во Франции. Тогда наш маленький самолет забрался между двумя слоями туч: нижние были ровные и катились, как сине-стальное море, верхние были выше, круче, суровые, как серый гранит; и только одинокий мазок бледно-оранжевого света отмечал горизонт, который в противном случае затерялся бы в бесследной бесконечности. Если бы я тогда

посмотрел вниз и смотрел бы дольше, смог бы я мельком заметить высокие мачты над этими гребнями туч, широкие паруса, скользившие по направлению к тому последнему далекому свету?

Ост-зюйд-ост — вот как лежал наш курс — к острову Тортуга и оттуда — снова на юго-восток, между Великой Багамской отмелью и призрачным Гаванским побережьем до Наветренного пролива. За все это время нам попались несколько других парусов, но ни одни из них не были черными. А когда мы вызывали их, оказывалось, что им черные паруса тоже не попадались. Мы скоро догадались, что Волки идут весьма эксцентричным курсом, чтобы избежать встречи с нами — в какой-то мере нам это даже льстило. Зато это оставляло нам последнюю надежду в лице Ле Стрижа, а это не нравилось никому. Стриж постоянно сидел в своей каюте, откуда доносились странные звуки и еще более странные запахи, и появлялся время от времени только для того, чтобы подтвердить, что наш противник был где-то впереди нас примерно по этому самому курсу. Каждый раз он казался все более седым и измученным. — Их становится все труднее преследовать, — ворчал он неоднократно. — Что-то новое тянется к ним, что-то, стремящееся укрыть их от моих глаз. Но оно еще не достаточно сильно. Не теперь.

А пока Молл систематически отделявала меня до синяков. Оказывал ли я сопротивление? Не спрашивайте. К концу длинного дня упражнений с мечом у меня так деревенели мускулы, что я едва мог ходить. Не то чтобы я жаловался. Если Молл пользовалась временем, чтобы преподать мне жестокий курс выживания, это было потому, что она боялась, что он мне понадобится. И я знал, как мне повезло, что у меня

оказался такой восхитительный озорной учитель, способный заставить трещать воздух, но никогда не забывающий при этом, что значит быть неуклюжим новичком. Помнится, я где-то вычитал, что почти в каждой области есть знак подлинного величия. Когда на третий день наших занятий Молл вдруг перестала оставлять тонкие порезы, похожие на порезы от бумаги, которые скорее чесались, чем болели — во всяком случае, пока в них не попадал пот, — я начал ощущать себя неким подобием бойца.

Но также и неким подобием мазохиста. Правда, по крайней мере, Молл знала, когда остановиться. Как раз.

В один прекрасный полдень — по-моему, на четвертый день — матросы на топах мачт прокричали предупреждение, и мы побросали все и побежали к поручням. Но не черные паруса поднимались над горизонтом. Это были увенчанные гребнями зеленые клыки гористого острова, и для нас они были символом поражения. Если на горизонте была Эспаньола, имелся шанс, что мы пропустили своих противников, и они уже были здесь.

— А Клэр... — я не смог договорить.

Джип покачал головой: — Спокойно, приятель. Что бы они там ни задумали с ней сделать, это что-то вроде... ритуала, а для этого у них есть предназначенное время и место и все такое. Есть шанс, что это еще не сейчас, едва ли они могли так точно рассчитать свое прибытие — во всяком случае после той маленькой стычки с нами. И если они уже не причинили ей вреда, скорее всего до тех пор и не причинят.

— Если из-за всей проклятой заварухи она от страха не лишилась рассудка!

— Сомневаюсь, — сказала Молл, ласково кладя

руку мне на плечо. — Мы крепче, чем вы нас считаете, Стивен, — наш пол. Она будет думать, что живет в кошмаре, конечно, но она уже увидела проблеск надежды. Не терять мужества и выполнить задачу — вот твоя роль. Так сыграй ее до конца!

Во время последнего пути на юг, в Порт-о-Пренс атмосфера на борту была наэлектризована. Нас вполне мог поджидать неприятный сюрприз. Вскоре после восхода солнца мы под всеми парусами вошли в окруженный горами залив, при этом пушки у нас были наготове, а их экипажи скорчились за закрытыми портами, с глубоким подозрением оглядывая каждый маленький островок и проход, достаточно большой для того, чтобы в нем мог скрываться корабль. Но когда главный порт острова вырос, а точнее, разостлался впереди нас в конце залива, сразу же стало очевидно, что ни один корабль, хотя бы отдаленно напоминающий по размеру корабль Волков, там не пришвартован.

В состоянии мрачного перевозбуждения мы пришвартовали «Непокорную» в шатком доке неподалеку от разрушенного лесного склада в дальнем конце города. Ле Стрижа, горько жаловавшегося на крайнюю усталость, упростили еще раз использовать свой божественный дар. А в это время мы послали группы людей на берег, чтобы потихоньку разузнать, нет ли каких новостей. После моего маленького инцидента мне, разумеется, было позволено не идти. Они оставили меня сидящим на поручне — залечивать свои царапины, грызть ногти и смотреть на город, который, как предполагалось, был для меня слишком опасным.

Город, однако, таким не выглядел. Это было совсем не то, что приближаться к Новому Орлеану по темной Миссисипи, окутанной ночью и таинственной. Воздух был свеж, прохладен и прозрачен, освежающий свет

вычерчивал каждую подробность с поразительностью ясностью. Вовсе не опасный и не злобный — скорее ленивый, он вытянулся, как задремавшая неряха, по всему плоскому побережью, тесня назад лесистые склоны гор. И даже вдоль побережья, у самого моря попадались пятна разросшихся деревьев между стенами из белого камня и выбеленных солнцем досок, обветшалых и отбеленных солью, между элегантными старыми виллами во французском и испанском стиле и полуразрушенными доками. Местами деревья редели и переходили в пятна заросших низкорослым кустарником пустынных земель, где бродили желтоватые волю, трясая головами, отгоняя первых мух. На более высоких склонах сгустки той же густой растительности произвольно смешивались с группами выбеленных солнцем зданий. Что порождало рост — здания или джунгли? Я не мог сказать с уверенностью. Двадцатый век этого места не коснулся. Здесь не было слышно шума городского транспорта. До нас доносились крики запоздалых петухов вперемешку с воплями летавших стаями попугаев; в остальном, поблизости все было тихо. Я даже не слышал детских голосов, чуть ли не самого универсального в мире звука. Все, что я мог временами расслышать — было постоянное глухое пульсирование и заунывное пение или, возможно, завывание. Это была единственная нестройная нота во всей этой мирной сцене. Ничего в ней не было опасного; и все же, чем дольше я наблюдал и слушал, тем более меня охватывало чувство, что что-то не так, что-то здесь дьявольски не так.

Двадцатый век...

Минуточку... Я в свое время много читал о Порто-Пренсе, так ведь? Год назад или что-то около того, когда делал короткую справку одному из мелких

клиентов Барри об условиях торговли в Карибском море. Всю ту музыку, что печатает Министерство торговли о том, каким современным выглядит город по сравнению с большинством столиц третьего мира. Даже до обидного современным по сравнению с тем, в каком состоянии пребывает остальная часть страны. Офисы, отели, ночные клубы с неоновыми вывесками, сверкающие казино, доки, которые могли принять небольшие суда для круизов — где они все? Широкие бульвары, высокие башни из стекла и бетона — целый небосвод, который должен был отражать солнце, как лес зеркал — куда они все попрятались, черт побери? Как бы тщательно я ни осматривал пейзаж, всего этого не было и в помине. Раз или два мне почудился блеск стекла в воздухе — почти за пределами поля зрения. Но всякий раз, когда я начинал всматриваться снова, это оказывался белый шпиль церкви, ряд белых соломенных крыш на холме или просто случайная игра света. И больше ничего.

И эти заросшие лесами холмы... На острове очень остро стояла проблема исчезновения лесов. Об этом я тоже читал. Но откуда это казалось маловероятным, а с моря — совсем невероятным.

На минуту у меня появилась паническая мысль, что это был какой-то фокус Волков, какая-то новая маскировка вроде той, что они придумали, чтобы увезти Клэр. Они даже могли стоять здесь на якоре, прикрываясь этим. Но ведь тогда Ле Стриж, конечно же, узнал бы об этом.

Истинное объяснение подкрадывалось ко мне постепенно, как надвигающийся холод. И несло с собой именно ощущение холода.

Тени. Я видел тени. Тени в ярком свете дня, в самом его разгаре. Тени города восемнадцатого или девятнад-

цатого века, а возможно, смешения обоих веков; те же тени, что лежали позади Кэнал стрит в Новом Орлеане, позади Дунайской улицы там, дома. Длинные образы их прошлого, их духа, далеко раскинувшиеся в безвременье за пределами Сердцевины. Однако здесь тени были сильными, не просто образами в темноте, но более сильными, чем дневной свет. Должно быть, весь остров был наводнен ими, они не робко проглядывали по краю ночи, но находились прямо под живущим днем, готовые в любой момент проявиться. Даже в разгар дня они были достаточно сильны, чтобы поглотить все то, что заняло их место, — по крайней мере, для тех, кто уже двигался в тенях. И даже для тех, кто в них не был, их присутствие, должно быть, ощущалось постоянно — осязаемое, почти подавляющее, вечно следующее за ними по пятам привидение, стоящее за каждым сделанным ими шагом. Их яркий современный мир, должно быть, казался здесь всего лишь проблеском света на темных водах. И глядя под нужным углом, всегда можно было посмотреть насквозь, прямо в бездонную глубину вниз.

Как я уже сделал раньше; как делал даже сейчас. Меня пробрала дрожь. Был уже полдень; но когда-то наступит ночь. Если тени были так сильны даже при свете, какую же всепоглощающую власть принесет им ночь? И я вдруг очень обрадовался, что не сошел на берег.

Когда на борту стали собираться остальные, пропыленные, с усталыми ногами, все согласилось, что для этого похода были серьезные основания. Они обнаружили, что над районом доков нависло заклятье страха. Мало кто охотно отвечал вслух на вопросы, поскольку «Сарацин» действительно приходил, всего за несколько часов до рассвета, прибыв перед штор-

мом, от которого, казалось, раскалывались небеса, но только для того, чтобы снова отчалить еще до того, как поднялось солнце. И люди шептались, что встречать его по улицам шли странные фигуры, а те, кто попадался на их пути, так и не вернулись.

— Половина народу все еще притаилась в своих хибарах и трясется! — мрачно сказал Джип, благодарно потягивая холодное шерри из бокала, поднесенного ему стюардом Пирса. — Или побежали к своим БУНГАНАМ, чтобы те занялись экзорсизмом и врачеванием. Но бунганы и сами трясутся точно так же — черт, барабаны слышны даже отсюда!

— Да, и пение, — добавила Молл так же мрачно. — Но прошел слух, что кое-кто из языческих священников — те, что, как они думают, тайные БОКОРЫ и, похоже, служат и нашим и вашим, то есть, и светлым, и темным силам, — так они нарочно ходили встречать черный корабль. И что вся их утварь исчезла из храмов, будто они упаковали ее для какого-то великого праздника в другом месте...

И тут даже Молл подскочила; впрочем, подпрыгнули мы все. Хрустальный кубок Пирса разлетелся на куски прямо у него в руке. Дверь большой каюты с грохотом распахнулась, и оттуда во всем своем убожестве вылетел Ле Стриж, почти таща за запястье то создание — девушку.

— Туманы! — рычал старик. — Пар! Думают, могут напустить мне все это в глаза, а? *Tiens*, ничего у них не выйдет!

— Что? — заревел Пирс, слизывая шерри с пальцев. — Нашел их, господин хороший? Куда направляются?

— Зюйд-ост — они идут вдоль побережья, и вам надо сделать то же! Давайте, следуйте за ними, пока

можете! Пелена становится все гуще по мере того, как они приближаются к источнику! Мне пришлось прибегнуть к отчаянным мерам, — измученно, задыхаясь, произнес Ле Стриж и опустился на шелковые подушки Пирса. — Или будете стоять и спорить, пока они будут обглаживать косточки драгоценной и дорогостоящей Клэр?

Пирс и Джип уже покинули свои стулья и прошли мимо спутницы Стрижа, не удостоив ее даже взглядом. Зато я с содроганием увидел, что, хотя ее лицо оставалось тупым и неподвижным, из-под ее левого глаза тонкой струйкой, как слеза, стекала кровь. Наверху медный колокол созвал команду, прервав их отдых, и пол каюты задрожал, когда мужчины стали выскакивать вниз из своих гамаков. Ле Стриж обмяк, как поломанная кукла.

— Ближе к источнику? — резко переспросил я. — К какому источнику?

— Глупый мальчишка, как я могу сказать? Но я знаю одно: если только Стриж не полный дурак, а он не дурак, это точно — они направляются в какое-то тайное жилище отшельника. А теперь оставь меня, я совершенно выдохся! Хочешь знать больше, посмотри сам своими телячьими глазами!

Так я и сделал, пристально разглядывая море и землю в те несколько коротких минут, которые отвела мне Молл для перерыва в наших свирепых упражнениях. Казалось, она была как никогда полна решимости вбить в меня какую-то науку, и я все чаще и чаще оказывался лицом к лицу с острием и лезвием ее безжалостного меча. Конечно, вполне возможно, что мне вскоре предстояло встретиться с мечом в настоящем бою, но я подозревал, что Молл проделывала все это, чтобы чем-то занять меня и не дать слишком

беспокоиться. Я поймал себя на том, что легкомысленно думаю о том, каким партнером по игре в сквош могла быть Молл, кружившая вокруг меня, нападая, обороняясь и рубя со стремительной грацией, в то время, как я тяжело ковылял за ней через палубу. Был уже вечер, и мои ноги были словно налиты свинцом, причем еще и были готовы расплавиться.

По лесистому побережью сверху пробежала быстрая рябь. Вокруг нас, как долгий медленный вздох, заиграл ветерок с земли — не прохладный, а жаркий, томный, наполненный странными ароматами мускуса, специй, дыма и зловещего гомона птичьих криков. Я отвлёкся — и Молл сделала выпад. Отчаянным усилием мне удалось парировать удар, сделать захват и повернуть оба меча. Я хотел повернуть меч Молл на нее же, как она учила. Но каким-то образом мечи продолжали вращаться в вертикальном положении. И это мой меч оказался отведенным назад. Мы встретились, свирепо шипя, лоб в лоб. По нашим лицам струился пот. Это был мой пот, ибо Молл даже не разогрелась как следует. По крайней мере, я хоть удержал ее...

А потом каким-то образом ее клинок лениво перевернулся, и сталь злобно зашипела, соскользнув прямо по моему клинку. Что-то лизнуло мою шею с холодной кошачьей нежностью. И оставило легчайшее ледяное прикосновение, напоминающее щекотку. А потом горячая кипящая влага принесла более резкую боль — прямо над яремной веной.

Я взвизгнул и отшатнулся, как лошадь, укушенная оводом. Разумеется, она проделала все движения с точностью скальпеля, черт бы ее побрал. Корабль мягко поднялся под порывом знойного ветра. Захват рухнул, наши мечи со звоном полетели на палубу, и

я, потеряв равновесие, полетел на Молл. Мы схватились друг за друга, чтобы не упасть...

Один укол за другим. Я вдруг остро ощутил ее обнаженные руки, переплетенные с моими, прикосновение гладкой загорелой кожи, прохладный шелковистый поток ее волос на моей шее — такой необыкновенно женственный, и так близко. Молл попыталась резко отодвинуться, но не смогла, и ее бедра только крепче прижались к моим. Острота моей собственной реакции поразила меня; я резко притянул ее к себе и поцеловал. И — чудо из чудес! — она ответила на мой поцелуй. Ее бедра скользнули по моим. Ее губы крепко прижимались к моим губам. На одно прекрасное мгновение ее зубы раздвинулись, и я ощутил солоноватое тепло ее рта, жаркий изгиб языка.

На одно мгновение. До тех пор, пока на нас не обрушилось молчание и острое сознание того, что каждая пара глаз на этом распроклятом корабле глядит на нас. Светлые глаза Молл широко распахнулись. Она змеей вывернулась из моих объятий — я не смог ее удержать — и бешено отскочила, тяжело дыша, отплевываясь и вытирая рукой губы. Корабль закачался от прокатившейся по нему волны хохота, и у меня появилось неприятное ощущение, что я не смогу так быстро загладить это происшествие. Это если предположить, что я его вообще переживу. Молл стояла, глядя вниз на свой меч. Я поспешно нагнулся и подхватил свой. Меня трясло как в лихорадке и, клянусь Богом, ее тоже. Можно было подумать, что дело зашло гораздо дальше одного короткого объятия.

Предложить мир? Это казалось наиболее естественным до тех пор, пока я не увидел, как сжимаются и разжимаются ее кулаки. Последняя естественная вещь, которую я попытался сделать, получилась у

меня не очень-то хорошо. Я быстро огляделся. На квартердеке сардонически ухмылялся Джип, а Пирс тактично согнулся пополам, причем его физиономия была такой же багровой, как его заляпанный портером жилет. Искать убежища в респектабельной компании было бесполезно — таковой просто не существовало. На меня упала тень вант фок-мачты, и мне пришло в голову, что я никогда еще не лазил на мачту, и, в конце концов, сейчас мне представлялся самый лучший случай.

Непринужденно, без ненужной поспешности я заткнул меч за пояс, потянулся вверх — я видел, как это делают моряки, и подтянулся на поручень. Я теперь уже почти освоился на борту, во всяком случае, так я себе говорил. А что до риска, так тот, на который я пошел только что, был гораздо сильнее. Я посмотрел вниз на Молл, она ответила мне взглядом. Ее лицо было бесстрастным, но все пылало. Я поставил ноги на выбленку и стал взбираться на верх.

Сначала я даже получал от этого удовольствие. Скалолазание подавило во мне страх высоты, и потом мне же не было нужды лезть до самого верха, хватит просто до верхней платформы. Лезть по туго натянутым вантам было не труднее, чем по лестнице, но похожие на ступеньки выбленки слегка прогибались под моими ногами при каждом движении корабля, казавшегося странно живым. Я никогда раньше так остро не ощущал «Непокорную» живым существом в том смысле, как это понимают моряки — это было все равно что лезть по гриве какого-то огромного морского зверя. Причем почти так же страшно. Это было совсем не похоже на скалу; судно качалось, небрежно, непредсказуемо, так, словно у него был свой разум. И чем выше ты поднимался, тем сильнее была качка. В

первый раз, когда я глянул вниз, мне показалось, палуба находится в уже в нескольких милях, а смотревшая на меня снизу Молл была не более пятнышка с развевающимся белокурым пухом. Она ведь не подумывала о том, чтобы лезть вслед за мной, нет? Я обнаружил, что спешу добраться наверх; но когда я туда залез, сидеть на этой голой платформе на свистящем ветру без поручней или чего-то другого, за что можно было бы держаться, оказалось куда страшнее. Только матрос на топе в своем вороньем гнезде, где он нес вахту, казался надежным пристанищем. У меня не было желания так быстро спускаться вниз, даже если Молл за это время немного поостыла. Я ступил на ванты топ-мачты и снова полез наверх.

В этот раз я старательно не смотрел вниз, и это, похоже, помогло. Я довольно быстро добрался до фор-марса, хотя от канатов у меня образовались мозоли, а пот разъедал порезы. Воронье гнездо было ничуть не похоже на те симпатичные надежные ванночки, что показывают нам в фильмах — просто еще одна голая платформа, но с железными петлями, приделанными на уровне пояса по обе стороны мачты и поручнем, под который можно было просунуть пальцы ног. Часовая, пиратка с просоленным лицом и сложением, как у капитана русского траулера, показала мне, как привязать ремень к петлям. При этом она все время посмеиваясь.

— Вы и мистрис Молл, хе-хе! Видала я вас отсюда, сверху! Экий у вас коронный обезоруживающий ударчик! Вам бы его опробовать на каком-нибудь Волке! Только вот берегитесь ответного удара, хе-хе-хе! — Занятый поисками опоры для ног, я не обращал на нее внимания, пока она не приблизила свое дубленое лицо к моему вплотную; сейчас она было более

серьезна: — Скверное вы выбрали время — баловаться такими штучками в этих краях, юный сэр! Лучше не делать такого, когда дует ВЕТЕР ЭРЗУЛИИ! А то ведь никогда не знаешь, чем дело кончится!

— Что дует?

— Ветер с земли — да вы, никак, не почуяли? Да, так его прозывают в этой стороне: знак Эрзулии — теплый ветер, что дует с земли, когда штиль. А она — Эрзулия — ох, и распаленная злобная девка, верно вам говорю! Зажигает огонь в крови без разбору — а как он там будет гореть, кого сожжет — ей все едино!

Я ухмыльнулся: — Звучит не так уж плохо. Немного огня в крови мне бы, наверно, не помешало.

— Есть ведь огонь, что греет, а есть — что сжигает, а? А когда дует Эрзулия Кровь-в-Глазах, Ge-Rouge, тогда уж берегись все, что молодо и открыто — она гонит безумие в жилы! Вы вот могли меч себе в сердце заработать, и все из-за нее, распутницы! Ибо семь не есть знак ее, а? Недаром у него есть и другое прозвание — там, на Ямайке — Гробовщик, вот как его там величают. Он уносит последнее дыхание умирающего! — И, хмыкнув в последний раз, она нырнула через край платформы.

Я издал протестующее восклицание «Эй! » или что-то столь же невразумительное — и глянул вниз ей вслед.

Вот это действительно было ошибкой.

Пустота рванулась мне в лицо. Это было все равно что смотреть вниз с утеса — и чувствовать, как он уходит у тебя из-под ног. Прямо подо мной ничего не было. Ни палубы, ни корабля — ничего, кроме пенящегося океана где-то внизу, в невероятной дали, и волн, жадно поднимавшихся мне навстречу и с тошнотворной внезапностью падавших вниз. Мои пальцы

намертво вцепились в петли, но из-за пота они стали скользить. Пальцы уперлись под поручень, но ноги дрожали. Мне пришлось повернуть голову, чтобы увидеть «Непокорную», почти скрытую раздувавшимися парусами; она казалась игрушечной лодочкой на конце палки, она билась и качалась то в одну, то в другую сторону на море, по которому плыла. А на такой высоте каждое слабое движение кренившейся палубы превращалось в рывок, в бешеную резкую качку...

Казалось, я смотрел целую вечность — или почти вечность, а потом мне удалось отвести глаза в сторону — к этим загадочным холмам. На фоне слегка покачивавшихся верхушек деревьев качка была менее заметна, и стал двигаться ей в такт. Через некоторое время я уже был в состоянии обратить мои мысли к работе, на которой я, похоже, теперь застрял, и рискнуть осторожно оглядеть темнеющий горизонт. Я увидел все то же, что мы видели с тех пор, как покинули Миссисипи: солнце, рассерженно-яркое в закате, а под ним — ничего нового. Никаких других кораблей; никаких перемен в нашем везении.

Я беспокойно заерзал на своем продуваемом ветром насесте. “Посмотри своими проклятыми телячьими глазами”, — сказал Ле Стриж, и, в конце концов, я этим и занялся. Конечно, это просто совпадение. Лучше бы это было совпадением, черт возьми. Но здесь нельзя было быть уверенным НИ В ЧЕМ.

Например, в том, что именно я должен был выискивать. Нечто, способное переплюнуть малоприятные способы Ле Стрижа видеть разные вещи, должно быть также в состоянии сыграть злую шутку с моей обычной парой глаз. Разве что оно имеет силу только над колдовством, а не над реальностью. Однако, чтобы

спрятать что-либо среди этих заросших холмов, большой магии не потребуется. В течение долгих часов мы не видели никаких признаков жизни, кроме птиц и гигантских бабочек — вспышек яркого цвета на зеленом фоне, да время от времени — белой струйки дыма, поднимавшейся с дальней просеки или группы крытых листьями крыш. Мы причаливали у нескольких таких прибрежных поселений. Подплывали ближе и спрашивали рыбаков, сидевших в их лодках, посылали людей на берег спросить у деревенских жителей — всегда одно и то же: *un grand navire noir aux trois mats, orne aux lanternes comme des cranes grotesques, on l'a vu, hein? ils viennent d'enlever une fillette...**

И всегда между нами падала пелена. Большей частью это были обычные крестьяне, очень просто одетые, больше походившие на африканцев, чем на выходцев из Вест-Индии, с какими мне приходилось встречаться. Но у всех, кроме самых юных, был особый вид преждевременно повзрослевших людей, какой бывает при тяжелой работе и плохом питании. Их лица, молодые и старые, были с выступающими скулами, сильно изрезанные морщинами, к таким хорошо пристает непроницаемое выражение; а их опущенные глаза ничего не выдавали. Даже дети, которые должны бы, казалось, быть веселыми и счастливыми, впадали в молчание и только чертили пальцами ног в пыли, когда мы с ними заговаривали; никакие уговоры и посулы в мире не могли их тронуть. Нельзя было упрекать их за это: прошел слух, что где-то что-то затевается, а у них не было оснований

* Большой черный корабль с тремя мачтами, украшен фонарями в виде причудливых черепов — вы такого не видели? Они недавно похитили девушку... — франц.,

доверять нам больше, чем Волкам. В одном-двух местах, увидев, что мы высаживаемся на берег, местные жители с криками бросились в джунгли. Еще в одном месте кто-то выстрелил в нас и зацепил одного из матросов. Правда, слегка: это был грубый выстрел наугад, сделанный больше со страху, чем по злобе. В этом тенистом сплетении ветвей не было даже смысла искать стрелявшего. Мы оставили их в покое и снова стали полагаться только на собственные глаза.

Теперь это были мои глаза, скользившие из стороны в сторону над землей, морем и небом — бледными и пустыми.

Мы обогнули какой-то мыс и пересекли еще одну пустую бухту; здесь не было ни деревень, ни дыма, ничего, кроме деревьев, подходивших к самой воде. Впереди же, за дальним мысом солнце казалось сверкающим медным куполом, тонущим в море, а облака — плюмажем взрывающейся пены. Мне пришла в голову мысль об Атлантиде: может, она тоже была где-то здесь? Похоже, здесь, в тених было все. Сам корабль был частью тени, бродившей за пределами Сердцевины, — а я? Я приплыл на нем к востоку от восхода солнца; к добру или к худу, но я был его частью. Я стал смотреть на вещи другими глазами. Так где же теперь было мое место? Пылающий закат отчетливо выделил очертания мыса впереди, бахрому его деревьев сгибалась и качалась в этом насмешливом душном бризе.

Только вот некоторые из них не сгибались и не раскачивались. Только чуть покачивались, жесткие, безлиственные. Один... два...

Мы были совсем недалеко от места. Я собрался с духом, набрал побольше воздуха в легкие, наклонился вниз и закричал, но все было бесполезно. У меня не

было выучки, как надо орать: ветер унес мои слова. К тому же, если кричать еще громче, могут услышать где-нибудь еще, и кое-кто может получить дополнительную минуту для того, чтобы выкатить свои огромные пушки. Быстро, стараясь делать пальцами четкие движения, я отстегнул пояс и проскользнул вниз через открытый люк — у него было очень подходящее название: «ловушка для салаги»; затем — снова на ванты. Это было совсем как в скалолазании: самое трудное — это спуск. Во всяком случае, так, чтобы при этом остаться целым. У меня тряслись ноги; я спускался слишком медленно. В отчаянии я оглянулся и прямо под собой увидел одну из задних опор, крепивших мачту — толстый трос, натянутый, как фортепьянная струна и круто спускавшийся к поручням. Иметь бы еще оборудование для спуска... но у меня его не было. Плохо дело.

Заправив меч получше назад, я протянул руку и обхватил канат сначала рукой, потом ногой, по-обезьяньи. Затем перебросил свое тело через него. Скользить вниз нужно было, перебирая руками, но я не успел. Я уже спускался вниз, и даже слишком быстро — трос стал скользким в моих потных ладонях. Я цеплялся, как настоящая обезьяна за палку, подвывая и вонзая подошвы башмаков в трос вместо тормозов. Они так сильно врезались в шероховатые завитки, что чуть не сбросили меня совсем, но все-таки задерживали мой полет. Я прибыл на палубу позеленевший, ловя ртом воздух, вся рука у меня была в алых следах от троса — тем не менее, я явился вовремя, чтобы, задыхаясь, отдать рапорт.

Мое сообщение немедленно вызвали приступ бурной деятельности на корабле, однако совершенно бесшумной. Одного произнесенного свистящим шепотом

приказа Пирса (причем эффект был тот же, как и от крика) было достаточно, чтобы вся команда помчалась бросить реи. Шлепанье их ног по палубе было чуть ли не самым громким звуком, производимым людьми на палубе. Рукой в расшитой перчатке, которые он упорно продолжал носить даже в эту жару, Пирс прочертил резкую линию в воздухе — справа налево. Помощник поднял в ответ трость; раздался громкий скрип и грохот: открылись порты левого борта и выкатились пушки, вот и все. Мы были готовы, насколько это было возможно. В молчании, затаив дыхание, мы подпрыгивали и ныряли в бурном море, приближаясь к нужному месту.

Постепенно показался наветренный берег мыса, такой же крутой и заросший деревьями, как все остальные, окутанный еще более глубоким звездным светом. Отсюда солнца не было видно, свет исходил только с закатного неба, отражаясь в водах уединенной бухты. А там, в бухте, повернутый в сторону берега, лениво паря в облаках, отражавшихся в спокойной, как стекло, воде, без сомнения, виднелся силуэт «Сарацина».

Пальники перестали вращаться. Канониры держали их над отверстиями, готовые еще раз обстрелять корабль Волков ужасающим продольным огнем. Если Клэр удалось пережить наш прошлый бортовой залп, сможет ли она пережить и этот? Помощник беспокойно поглядывал на квартердек; мы все еще скользили мимо, через бухту. Идеальный момент для залпа был уже упущен. Но Пирс стоял молча, постукивая пальцами по подбородку, а Джип тихонько насвистывал сквозь зубы. Вот стояла наша законная добыча, его порты были закрыты, паруса убраны, он был мирно поставлен на мертвый якорь, и нигде ни одного огня,

никаких других признаков жизни. А как же такое было возможно?

— Носом и кормой, видите? — вдруг прошептал Пирс. Почему он спрашивал меня? — Он пришвартован носом и кормой. Если бы только носом, он мог бы мгновенно сделать поворот оверштаг, верно? И таким образом привести в действие пушки. А так он не может. Кровь Господня! Игра стоит свеч! Подойдем и посмотрим на него. — Он снова сделал жест, Джип крутанул руль, и в том же сверхъестественном молчании матросы кинулись к фалам и стали травить, напрягая силы в едином свистящем дыхании. Даже боцман и его помощники свели свои ритуальные проклятия к нескольким хриплым восклицаниям шепотом, а помощник стоял, задавая ритм постукиванием трости о ладонь. Паруса повернулись, палуба нырнула; напряженная, притихшая «Непокорная» развернулась и встала носом к берегу.

Пирс не сводил глаз с черного корабля. Его короткий кивок помощнику отправил поток матросов на ванты и нок-реи, причем они действовали с небрежной легкостью, от которой мне сделалось несколько тошно. Они безупречно контролировали свои движения; почти без единого слова паруса были убраны, и «Непокорная» замедлила ход до ровного скольжения. При этом мне вспомнилось, сколько же лет на самом деле было людям, за которыми я наблюдал. Все эти опасные, сложные эволюции они проделывали так же легко, так же автоматически, как и дышали. Пожалуй, они могли бы пойти и убрать паруса даже во сне; собственно, почему бы и нет? Они, во всяком случае, некоторые из них, проделывали это в течение трех-четырех сроков жизни. Или больше.

Неожиданно Пирс снова поднял перчатки, секун-

ду-другую держал их высоко над головой, потом резко опустил опустил руку. Пал шпиля был сброшен, и якорь был спущен почти без единого всплеска, почти не потревожив тихих вод, а где-то через секунду «Непокорная» мягко остановилась. Я вытаращил глаза. Все рассчитав за какие-то две секунды, Пирс сумел поставить нас аккуратно под идеальным углом к черному торговому судну. Здесь мало какие из ее пушек могли нас настигнуть, зато, случись такая необходимость, мы могли разнести их корму бортовым залпом. Сам Пирс считал это делом само собой разумеющимся; как только якорь коснулся воды, он отвернулся и шепотом выдал серию приказов. Джип уже был внизу, на главной палубе, собирая абордажную группу. Я уже собирался присоединиться к ним, как вдруг появилась Молл, таща за собой Стрижа, у которого был явно больной вид. На меня она даже не взглянула.

— Ну, колдун? — прогрохотал Пирс.

Стриж огрызнулся на него. Вид у старика и впрямь был измученный. Он издал скрежещущий кашель, сочно сплюнул на чистую палубу Пирса и начертил пальцем ноги сложную фигуру в слюне. Посмотрел, как она уляжется и вздохнул: — Я мало что могу вам сказать. Над кораблем по-прежнему висит облако. Но если она не на борту... — Он кивнул в сторону острова: — Попробуйте там.

— Какая великолепная догадка! — отрезал я. — Ты же считаешься таким могущественным колдуном, и это все, что ты можешь мне сказать?

— Я выдохся! — пробормотал Стриж. Затем с отвращением принялся к густым влажным ароматам, доносившимся с земли. — И как могу я достичь большего в этом месте? Мое место на Севере. Мне

подавайте морозный ночной воздух, что пахнет смолой и резким дымом от дров. Отвезите меня назад к соснам Брокена, где встречаются темные силы...

— Ну, в последнее время ты там бывать не мог, — сообщил ему я. — Там уже ничего этого нет. Восточные немцы вырубили леса и поставили там огромный бетонный блочный дом, черт побери, — вроде Берлинской стены...

Стриж зловеще оскалил зубы: — Где встречаются темные силы, я сказал. Эта стадия человеческой глупости сгодится для шабаша ничуть не хуже. Может, даже лучше. — Он, казалось, приободрился и снова уставился на бесформенную, размазанную слюну. — Может, где-то высоко вверху. На холмах. Это самое большее, что я могу сделать. А теперь скажите этой стерве, пусть даст мне поспать!

Если смотреть почти с уровня моря, то «Сарацин» казался в десять раз больше, он нависал над нашими баркасами, когда мы подгребли поближе. Было трудно вспомнить, что всего несколько дней назад я влез на эти выпирающие борта, да еще под огнем. Двое мушкетеров на носу все время нервно водили оружием по высокому поручню; Джип их не останавливал. Мы добрались до борта, и на нас никто не напал. Абордажные топоры мягко зацепились за черные доски, и под пристальным наблюдением мушкетеров с баркаса Молл матросы взобрались по деревянным ступенькам наверх с такой легкостью, словно по широкой лестнице. Что касается меня, то мысль о том, что я могу обнаружить, была так ужасна, что раньше, чем успел сообразить, я уже был на палубе и перепрыгивал через поручень.

Палуба под моими ногами оглушительно загрохотала, но там не было вахты, которая подняла бы

тревогу. На самом деле, там вообще не было следов чьего-либо присутствия. Пронзительный скрип, заставивший всех подскочить, был всего лишь скрипом двери, раскачивавшейся на ветерке. Когда мы разделились, чтобы обыскать корабль, я направился к трапу, ведущему на корму, и бросился вниз по мрачным ступенькам, сопровождаемый Джипом, шедшим за мной по пятам и свистящим шепотом напоминавшим об осторожности.

Он мог и не трудиться и ничего не говорить. В ту же минуту, когда просунул голову в люк, я понял, что там никого нет. Для этого не надо было быть волшебником или чем-то там еще. Я просто знал. Возможно, судя по тому, как неподвижен был застоявшийся воздух, или по тому, как отдавались эхом звуки, наши шаги, как плескала и билась о днище вода; но чувствовалось, что корабль пуст. И повсюду, от палубы до палубы, было одно и то же: темнота, зловоние, неподвижность. Я старался не думать, чем это должно было быть для Клэр — целыми днями находиться здесь, внизу, среди этого запаха нечистот. Но если бы только она могла быть здесь... Как-нибудь. Дверь лазарета была заперта. Я посмотрел на нее, Джип пожал плечами и одним выстрелом разнес замок. Но когда Джип распахнул дверь, мое сердце упало: внутренняя дверь была приоткрыта. Я знал, что внутри никого не окажется, но все равно заглянул туда. На куче лохмотьев, изображавших постель, что-то темнело; я поднял этот предмет — и ужаснулся самому себе, ударившись в слезы.

— Ее юбка? — спросил Джип. — Послушай, она же порвалась, вот почему она не могла в ней ходить

— та просто свалилась. Это еще не значит, что с ней что-то не так...

Я не стал объяснять. Дело было не только в этом. Дело было в том, что я оставил позади: свой упорядоченный мирок офиса, мою тщательно спланированную маленькую нормальную жизнь, мою скрупулезно бесполоую личную жизнь — или это был НАШ мир, НАША личная жизнь? При виде этой когда-то безупречной юбки мне внезапно вспомнилось все, и меня затопила волна чувств, которые я не мог даже распознать, а не то что контролировать. Мне захотелось спрятать голову и завывать. Но настолько я все же мог еще себя контролировать, поэтому вместо этого я, по-моему, произнес все известные мне ругательства. Если учитывать, что я говорил на четырех языках, их должно было быть довольно много. Потом я скатал юбку и сунул за ремень.

Джип рассудительно кивнул, соглашаясь: — Пошли наверх. Посмотрим, может, кто еще чего нашел.

Но, как мы оба и предполагали, никто ничего не нашел. Корабль выглядел голым: не убраным и готовым к выходу в море, но буквально голым. И все лодки исчезли. Здесь напрашивался только один ответ. Джип отдал резкий приказ, и экипаж нашего баркаса посыпался назад, за борт. — Пусть лучше твои ребята закончат обыск, — сказал Джип Молл, когда мы вскарабкались вверх по лестнице. — А потом идите за нами, когда закончите. Только дай сигнал кораблю, чтобы нас прикрыли, ладно?

— Да, сейчас же! — отозвалась Молл. — Однако берегите себя!

Она не стала терять времени. Когда мы отчалили от поцарапанного выстрелами борта, «Непокорная»,

поддерживаемая упругими тросами, уже величественно покачивалась на своем причале. Мы стали грести по направлению к длинному серпу пляжа. Завеса нависшего над дюнами леса, напоминающего джунгли, пугала. За ней могла спрятаться целая армия снайперов, и я каждую минуту ждал, что она вот-вот появится. Как только наш киль зарылся в бледный песок, мы бросились на мелководье и побежали вверх по пляжу, прячась за песчаными холмами, камнями, корнями пальм, пользуясь любым прикрытием, какое попадалось под руку. Но из этой зловещей темноты деревьев не появилось ничего, кроме поразительно громкого перекличья птиц.

Джип поднял голову и тревожно осмотрелся на пляже: — Конечно, нет гарантии, что они высадились именно тут; они могли уйти в следующую бухту или в самую последнюю. Но Стриж, он... эй! Гляди-ка!

Все, что я мог разглядеть, было странное веерообразное пятно во влажном песке, сразу за линией прилива.

— Да, вот об этом я и говорил! Они причалили здесь, это точно, а потом попытались затереть следы кия; только вот когда делаешь это в спешке, всегда остается след. Они припрятали лодки где-то неподалеку. О'кей, ребята! — бросил он. — Вставайте и начинайте искать! Лодки, следы, что угодно! Пока не стемнело!

Лодки мы обнаружили довольно быстро, они были затоплены в широкой запруде ручья на краю леса, а камни и песок играли роль гирь и камуфляжа одновременно. От этого места наши следопыты прошли по слабо отпечатавшимся следам к казавшимся непроходимыми зарослям дикого тагуэу и алоэ. Они приняли меры к тому, чтобы чаща выглядела нетронутой, но

прямо у земли согнутые стволы и покалеченные листья все еще выпускали сок, и было ясно, что вся команда проходила здесь, причем не более, чем несколько часов назад. А за зарослями было видно начало узкой тропы, уходившей вверх.

Джи взглянул на меня: — Вверх по холму, а? Никогда не следует игнорировать этого старого ублюдка. — Он вынул карманную подзорную трубу, и мы стали осматривать склоны, лежавшие над нами. Отсюда они казались необъятными, полными складок и изгибов. Высоко на холмах еще маячило солнце, но свет его был слабым и неясным.

— Ничего не вижу, кроме верхушек деревьев, черт бы их побрал, — пожаловался я.

— Я тоже, — признался Джип. — Разве что... как ты думаешь, что это? — Он передал мне трубу. — Не на этом склоне, а дальше, прямо на этой стороне холма. С корабля его не видно. Вон там, где что-то вроде выступа перед гребнем.

Сумерки в тропиках коротки. Я слишком долго возился и едва успел засечь его. Но порыв ветра раздвинул деревья как раз на столько, чтобы можно было увидеть что-то белое, а после этого очертания приняли уже более отчетливую форму: — Засек!

— Да. Впечатляющая штука, верно?

Это был замок. Вернее, усадьба безошибочно в испанском стиле — огромная — пережиток старых колониальных времен; однако окружавшие его элегантные белостенные террасы были увенчаны бойницами и амбразурами для пушек. — Похоже, здесь кто-то чего-то побанвался.

— Пари держу, что да! Они так обращались с черными, эти испанцы, что всегда до смерти боялись

восстания. Правда, когда случались мятежи, спасти их не могли никакие стены.

— Ну, и как ты считаешь?

— Ночь и день похода, вот что я считаю.

— Так долго? Он не так уж далеко.

— Пешком? Вверх по этому холму, дальше — долина или две, потом вверх по тому склону — и все это через густой лес, почти что джунгли, будь они прокляты. Далековато, а? Нам понадобятся припасы. Слушай-ка, тебе лучше бежать назад на берег, встретить Молл и ее ребят. Пусть тащат сюда все припасы из лодок.

— А как насчет подкрепления? Они никого не оставили на корабле. Нас шестьдесят человек — и это против трех сотен или даже больше?

— Это лучший расклад, чем тогда, при абордаже. Даже если бы мы не оставили на «Непокорной» ни одного человека — а на это мы пойти не можем — нас все равно было бы меньше.

— Тогда, Стриж! Впрочем, нет, он сейчас еле жив. Но его создания.

— НЕТ! У нас есть отравы для Волков получше. Ты ведь еще не видел Молл в деле, по-настоящему. Она... у нее есть опыт. Только вот она не может вызывать это в обязательном порядке, по всяком случае, не часто. — Джип криво усмехнулся. — Был момент, еще на корабле, когда я было подумал, что ты нашел некий фокус. Как бы там ни было, у нас все равно нет времени, чтобы привести еще людей. Вся наша надежда — на внезапность... и быстроту. Вспомни, они ведь прошли через эти кусты всего несколько часов назад. Они, конечно, направляются в замок, но они еще не там!

Спустилась ночь, и вместе с ней затих ветер; воздух

был жарким и неподвижным. Негромкий рокот прибоя стал тоже звучать приглушенно. В рябившем небе вокруг сердитой луны танцевали звезды. Лодка Молл направлялась к берегу; я прохаживался вдоль пляжа, встречая ее и развлекаясь гротескными выпадами крабов, разбросанных по линии прилива. Я заметил, как зашевелился песок, и присел на корточки рядом с маленьким провалившимся кратером черепашого гнезда, где почти все черепашата уже вылупились. Оглядевшись, я заметил только одного крошечного черепашонка, покрытого песком и решительно доковылявшего уже почти до линии воды. Я встал и подошел, чтобы помочь ему, но меня опередил стремительно атаковавший краб, который схватил крошечное существо своей огромной клешней и утащил его в свою нору. Я бросил ногой в нору песком: чувствуя себя бесполезным, но вовремя остановился; это ведь часть процессов, происходящих в природе, правильно? Скажите это черепашке.

Приближающийся баркас оставил в неподвижной воде след холодного огня. Фосфоресцирующий свет капал с весел, кружился вокруг наших ног, пока мы втаскивали баркас в бухту. Молл выпрыгнула на берег, и, когда она проходила мимо меня, я коснулся ее руки: — Послушай... извини, если я тебя обидел! Мне правда очень жаль! Но... пусть все думают, что это была просто грубая шутка, Молл. Для меня это что-то значило. Для тебя тоже.

Она тут же вскипела и быстро отошла от остальных: — Так пусть «что-то» означает «ничего», ибо более ничего не будет! Ступай, не смей следовать за мной, ступай похвастайся своей мужественностью перед собратьями-мужчинами! Теперь в ней никто не

усомнится! Но прошу тебя, выбери себе кого-нибудь другого для упражнений!

Теперь настала моя очередь почувствовать себя уязвленным: — Это же несправедливо, черт возьми! Скажи на милость, что дает тебе право думать, что я стал бы так выставляться? Я бы не стал этого делать, так же, как и ты! Ты мне нравишься! Я восхищаюсь тобой — я тебе обязан жизнью! Я даже немножко люблю тебя — по-твоему, это невозможно?

Молл тяжело осела в песок. — Пять веков! — хрипло произнесла она и тихонько засмеялась. У меня по коже побежали мурашки — настолько этот смех показался мне нечеловеческим. — И я все еще тяну эту лямку! Ах, какая ирония — быть любимой тем, кому не решишься дать отпор, чтобы не убить те обрывки чувства, что он себе оставил. — Я хотел протянуть руку; сам я этого не осознал, зато Молл поняла: — Нет, не смей меня больше лапать! Я редко пользуюсь услугами жеребцов! — Затем, слегка оттаяв, неловко потерла рукой мое колено. — Даже таких горячих. Ну, будет тебе, господин хороший! — мягко прибавила она. — Я с тобой не лягу, но проживи я еще тысячу лет, я тебя не забуду. — Большим и указательным пальцами она ущипнула чувствительный нерв на моей ноге с такой силой, что я с визгом вскочил на ноги. — Совсем. Довольно тебе этого?

— Проклятие! Это очень много, — смиренно согласился я.

— Не проклятие! — очень серьезно воскликнула она. — Благословение, мой друг! Благословение!

В тени ветвей джунгли казались зловещим местом, где возникало ощущение клаустрофобии. Воздух здесь был жарче, тяжелее, невероятно влажный, как тяжелый выдох, притом из скверно пахнущего рта, потому

что был наполнен зловонием. Он пульсировал металлическим стрекотом цикад и отвратительным кваканьем древесных лягушек. Несколько наших фонарей мало что могли здесь сделать, разве что привлекали внимание разнообразной ночной фауны, слепо натываясь на них. Мой ранец, казалось, застревал в каждой веточке, мимо которой мы проходили. Я начал разделять точку зрения Ле Стрижа насчет юга, а мы ведь еще не прошли через заросли.

Абордажные сабли рассекали спутанную массу, здесь их короткие тяжелые клинки были более эффективны, чем мечи. Мы не соблюдали осторожности, оставляя за собой след; даже напротив. Пока мы прорубали себе путь, отовсюду с испуганным чириканьем взлетали маленькие птички. — Наверное, бананки, — ухмыльнулся Джип. — Яркие штучки. Только жаль, что так громко верещат.

Я знал, что он имеет в виду. Не было смысла давать Волкам услышать наше приближение. Или увидеть нас; как только мы вышли из зарослей, фонари один за другим были погашены. Тропа была узкой, и Волки намеренно не стали ее сильно расчищать. Она вела нас меж высокими папоротниками, под петлями висячих лиан, невидимых в темноте, зато всегда готовых нас подвесить, в мрачную тень королевских пальм и манговых деревьев, где почва была осклизлой от их перезревших плодов. Нас окружал веселый говорок маленьких ручейков. Довольно часто один из ручейков пересекал нашу тропу, и мы скользили, с плеском и бранью идя по грязи, разгоняя во все стороны маленьких лягушек. Когда луна поднялась достаточно высоко, чтобы ее свет стал проникать сквозь деревья, казалось, стало полегче, но при этом она отбрасывала странные тени, испещренные пятнами, двусмыслен-

ные, наполовину живые, и мы не могли удержаться, чтобы не протыкать их по пути мечами.

Время шло, а с ним и мы с трудом продвигались вперед, исходя потом, стирая ноги. Воздух стал чище, наполнился сладкими пьянящими ароматами. Благодатный бриз, примчавшийся с прибоем, освежил влажный шепот леса. Там и тут раздавались крики сов, больше похожие на уханье, чем те, что мне когда-либо доводилось слышать дома. А некоторые другие звуки, доносившиеся до нашего слуха, пугали нас до смерти — пронзительные вопли и дикий невнятный хохот. Однако меня гораздо больше беспокоили молчаливые препятствия, которые было невозможно обойти. Тропа была крутой, и когда подо мной начинал крошиться и осыпаться мягкий суглинок, я ловил себя на мысли, что завидую когтистым лапам Волков. На верхних склонах заросли стали реже, зато более цепкими: в основном, сизаль и другие украшенные шипами ужасы. Матросы шли, как автоматы, у которых не было возраста, но что до меня, то я начинал уставать все сильнее и сильнее. Наконец, Джип приказал остановиться, и я налетел на него раньше, чем приказ дошел до моего сознания. Краснеющая, разбухшая луна висела на одной уровне с нами — впереди, за кивающими кронами пальм. Мы поднялись на первый склон. Оставив остальных перекусить сухим печеньем и выпить тепловатой воды, мы на животе поползли вперед, чтобы заглянуть за край склона. — Ничего пейзаж, а? — негромко выдохнул Джип.

— Первый класс, — согласился я, соображая, что там подо мной ползало и есть ли у них тут змеи или какие-нибудь скорпионы. — Ты что-нибудь видишь?

— Нет. Правда, это не значит, что их там нет. — Пейзаж был действительно потрясающим. Перед нами

широко расстилалась долина, обрамленная деревьями, чьи верхушки касались слабого призрачного тумана, висевшего под луной. В разрывах тумана я заметил дрожащую серебряную ленту и услышал шум воды, рокотавший громче прибоя. Вода спускалась с дальней стены, с крутой «вершины» она прыгала вниз по извилистым ступенькам скал и, наконец, падала каскадом, завесой в тенистый пруд. Из него клубами поднимался сияющий пар и раздавался глубокий настойчивый голос, а между клубами пара, флиртуя, рваные тени охотившихся летучих мышей. Над водопадом поднимался холм, прямой, крутой и густо заросший лесом, таким высоким, что и холм казался вдвое выше; верхушки деревьев касались выступающей террасы замка. Отсюда замок был виден более отчетливо, он казался белым кораблем, терявшимся в темном море, и все же он доминировал над холмом в каменном величии.

Джип бросил взгляд назад: — Осталось совсем немного до рассвета. — Сквозь деревья поблескивало море, на его фоне скелетами выделялись наши мачты, все еще удивительно близко. Мы ведь большей частью поднимались вверх, а не уходили в сторону. — Пора нам двигаться. Доедай!

Бисквитами не очень-то можно было наесться, но когда мы осторожно перебирались через вершину, Джип сорвал с дерева, мимо которого мы проходили, несколько темных плодов и дал мне один. Я увидел, что остальные сделали то же самое, вонзил в плод ноготь большого пальца и осторожно понюхал. И получил что-то вроде легкого шока. Это был маленький авокадо, но гораздо более ароматный, чем та кожистая отрава, которую подавали дома на деловых завтраках. Мякоть была настолько сочной и зеленой,

что соуса к нему совершенно было не нужно. Дальше по пути нам попало апельсиновое дерево, и, хотя плоды были еще кислыми, их было хорошо сосать от жажды. Через час или чуть позже луна, бешеная и пылающая, зашла за замок. Воздух стал прохладнее, и в теплой влажной темноте под тающими звездами джунгли в ожидании дня стали потягиваться и шевелиться. В подлеске раздалось чириканье и гомон, и ушастая голубка заворковала странным печальным голосом, пробуждая своих сородичей и соседей. К тому времени, когда рыжий рассвет коснулся бледнеющего неба, воздух звенел настоящим рассветным хором — всеми криками, которые только можно представить, начиная с чириканья корольков до маниакальных воплей и кудахтанья птиц, которых Джип называл хлебными птицами — позже я узнал, что они называются *corneille*. Когда мы спустились с холма, деревья изменились. Мы миновали длинную рощу с деревьями, на которых росли съедобные плоды, а спускаясь ниже, по направлению к реке, — целые заросли манго, с длинных зеленых ветвей которых зазывно свисали фрукты.

— Угу, — сказал Джип. — Я так и думал. Их тут разводят, уже давно, плантации того замка. Жаль, они еще незрелые. — Он покачал головой. — Хотя они все равно, наверное, застряли бы у меня в глотке. Все плантации в этих местах полны кровью.

Маленькие попугаи и попугайчики прыгали среди ветвей, как живые цветы, или раскачивались взад-вперед, чтобы украдкой посмотреть на нас, насмешливо вереща. Затем они чего-то испугались и стремительно, громко хлопая крыльями, улетели, а встающее солнце пламенем зажигало их перья, когда они взлетали вверх. Воздух быстро прогрелся, и прохладное течение

ручья стало притягивать нас, как магнит; мы, спотыкаясь, побрели к нему, почти не замечая топкого полуболота, цеплявшегося за наши башмаки. Мы шли до тех пор, пока на нас нестройной звенящей тучей не налетели legionоны мух, и тогда, осклизаясь на каменистом русле ручья и безуспешно отгоняя их, мы бросились через него назад на склоны, более сухие и крутые, где мухи перестали нас преследовать. Мы бросились на землю отдохнуть — жалкая, грязная и потрепанная кучка людей, и только Молл, замыкавшую наши ряды, казалось, мухи не тронули.

— Так и я знал, что надо было взять с собой Стрижа, — вздохнул я. — Ему раз дунуть, и они бы напрочь про нас забыли.

Один из матросов фыркнул: — Ага, и тут же с копыт долой, только попробуй укуси разок!

— Или его дружков...

— Черта с два, — сказал Джип с приглушенной свирепостью. — Не смей даже мечтать об этом!

Меня это задело: — О'кей, о'кей! У меня от них тоже мурашки по коже, но ведь они спасли несколько жизней во время абордажа, правда? Включая и мою. Так что с ними там такое?

— Тебе это знать не надо, — коротко сказал Джип.

— Но послушай, я же уже теперь тоже кое-что повидал, ты забыл? Насчет девушки не могу себе представить, но вот Финн — не знаю, он что-то вроде оборотня, да?

— Нет, — мягко отозвалась Молл. — Он собака. Желтая дворняга с помоек, злая и сильная, превращенная чарами в человека. Силою воли Стрижа он остается в человеческом облике — обиталище другого разума.

Несмотря на солнце, я поежился: — Чьего разума?

— Одного из мертвых — или тех, кто никогда не жил. В любом случае, силы из внешнего мира. Из дальних уголков Края. Какого-то духа.

— А девушка? Тоже какое-то животное?

— Нет. Пег Паулер — старинное сельское имя, еще моих времен; так называли духа реки.

— РЕКИ?

Джип проворчал: — Духа, что глотает и топит. Старый дьявол каким-то образом заперт в теле одной из своих жертв — может, самоубийство, а, может, статья, просто несчастный случай. Я надеюсь, во всяком случае. Из того немногого, что я знаю, он должен был быть совсем рядом именно в тот момент, когда она умерла. И хорошо подготовлен.

— Господи Иисусе, — сказал я, жалея, что вообще спросил. — А эта слизь, которую она выплевывает...

— ЗАГРЯЗНЕННАЯ река, — сказал Джип, как выплюнул, бросив раздраженный взгляд на Молл. — Наверное, вроде той, что течет к вашим докам. Ладно, давайте двигаться!

И он повел нас дальше вверх по холму. По эту сторону долины деревья стали выше, но на склоне они давали меньше тени. Многие из них были как огромные трубы, с широкими листьями, похожими на гигантские листья фиговых пальм, простиравшимися только на самых верхушках. Они пропускали солнце по мере того, как оно шло к зениту, и солнце било по нашим вспотевшим спинам. По всей долине, как сводящие с ума голоса, раздавались звоны металлических колокольчиков, но это были всего лишь крики птиц. Во рту у меня все запеклось, голова болела, но я знал до последней капли, сколько воды осталось у меня во фляге, и на чем свет стоит честил мух, отогнавших нас от воды. Густой папоротникообразный мох рвался

у нас под ногами и обнажал землю, красную, как свежая рана. Почва была довольно влажной, и мы слышали звук других ручьев, несомненно, стремившихся к водопаду. Но они были слишком удалены от тропы. Вскоре после полудня мы взобрались на еще одну ложную вершину, более или менее спускавшуюся в открывавшуюся за ней впадину, и благодарно опустились на землю у грязного маленького ручейка, протекавшего у подножия.

Но меня пригибала к земле не только усталость, но тошнотворная внутренняя пустота, холод, которого не могла рассеять никакая жара. Джим был прав. Я жалел, что вообще стал расспрашивать про существ Ле Стрижа. Сама мысль об этом таила в себе какой-то особый ужас, и он охватил меня, затряс и никак не желал отпускать — ужас одержимости, чего-то, скрытого в теле, как в оболочке, чьего-то другого, чуждого разума, проглядывавшего из глаз, ему не принадлежавших, как разрисованные обрывки на пустом облупившемся доме. Доме с привидениями. Привидение в машине; но не то привидение, и не те руки им управляют...

— Да, — сказала Молл, когда я позволил себе обронить несколько слов о том, что я чувствовал. Она брызгала коричневатой водой в свои разгоряченные щеки. — Это так. Одержимость — это самая могучая вещь в любой магии, в добро или во зло. Будь то заклинание Финляндии или ОБЕЙЯ Бермуд, либо просто чернокнижие, но дух в теле не принадлежит ему, и это ужасно — столь неестественное смешение, выпускающее на свободу великие силы. И коль скоро злым заклинанием дух закрепляется в чуждом теле, что ж, тогда он может ходить среди людей неузнанным и обратить эти силы во всякое зло. Что до этих

существ, то Стриж едва ли решится выпустить их из виду. И все же они несовершенно: одно — животное, другое — живой труп, и ни один из них не может долго прожить среди людей, чтобы его не разгадали. А лишь разгадают — тут есть быстрое и верное средство от них избавиться. Так бойся их, да, но не придавай им большого значения, они не причинят тебе вреда.

Как мне было объяснить, что вовсе не их я боялся? Это была просто сама мысль — так некоторые люди боятся пауков, кошек, скрежета ножа по тарелке, просто абстрактных ужасов. Меня это пугало безотносительно к тому, имело это ко мне отношение или нет, пугало само ужасное сознание полной уязвимости. И мысль, что это могло... или с Клэр... Это было почти что выше моих сил. А фобии тоже принимают живые формы за пределами Сердцевины? Спрашивать я не мог. Я просто поблагодарил Молл; и когда Джип подал сигнал, я пошел.

Здесь, выше водопада деревья снова менялись, становились все выше и толще; сначала какие-то карликовые сосны, ароматные эвкалипты, а затем высокие *ognes* — гаитянские вязы и пахучие кедры. В их тени идти было легче, но полумрак заставлял меня настораживаться.

Джип, похоже, тоже это почувствовал: — Теперь уже, должно быть, совсем близко к замку, — пробормотал он, избегая встречаться со мной взглядом.

— Правильно! И к тому времени они уже будут там, правда? И что они будут делать с...

— Проклятие, Стив, я не знаю. Послушай, что бы они там ни делали, эти их церемонии — они ведь всегда проводятся ночью, верно? А мы придем туда до того.

Только-только. Джип не сказал этого вслух, но

слова повисли в воздухе, как пылинки в солнечных лучах, косо стоявших между стволами. Теперь лучи стелились низко, и с запада набегали темные тучи. У нас было мало времени, а я еще даже не видел проклятого замка.

Во всяком случае, так я думал. Но оказалось, что я уже некоторое время смотрел на него. На этом крутом склоне само поместье было скрыто стеной самой дальней террасы, так сильно заросшей, что, если смотреть снизу, она смешивалась с качавшейся позади зеленью. Мы продрались сквозь по-настоящему гнусную чащу шипастого сизаля, и замок неожиданно появился перед нами. Прямо перед нами были стены террасы, возвышался фасад замка, он появился так неожиданно, что мы стали как вкопанные и столкнулись друг с другом, как провинившиеся дети. Руки сжались, прозвучали невнятные приглушенные проклятия. Прохладный бриз коснулся наших лиц. Наступившее молчание было опустошающим. Если когда-либо где-то и устраивались засады, то именно здесь.

Мы могли теперь ясно видеть замок, высокий и непреклонный под быстро накатывавшими темными тучами. Зрелище несколько не ободряло; замок выглядел так, словно ОН мог нас видеть. В этих высоких окнах с поднятыми вверх архитравами, похожими на дьявольские брови, было что-то безглазое, разверстое, и казалось, что темнота за ними — это не просто пустота, но находится в каком-то маслянистом движении. От этого у замка был не менее покинутый вид. Тропики не слишком добры к трудам людей. Наружная штукатурка была вся в пятнах и крошилась, камень раскололся у основания и изнашивался под дождем, зловещие амбразуры рушились, а жестокие завитушки на внутренних стенах наполовину лишились зубцов от

ржавчины. Балконы из литого чугуна провисли, как чахлые усы; с полуоторванных петель свисали обломки ставень, а с крыши в дюжине мест осыпалась штукатурка и зияли дыры. Не было ни звука, ни признака жизни.

То есть до тех пор, пока что-то не застучало. Воздух прорезал медленный, полный муки скрип и перешел в быструю дребезжащую дробь. В этом месте, под накатывавшимися черными тучами это был кошмарный звук. Меня он навел на мысль о каком-то призрачном галлионе, качавшемся на якоре над рябью верхушек деревьев, или о костях, танцующих на избитой ветрами виселице.

Молл, замыкавшая наше шествие, разбила чары: — Дураки! Кретины! Что это еще может быть, как не тростник? — Так оно и оказалось: огромные заросли желто-зеленого тростника деревянно покачивались на ветру на самом верху стены, и их стебельки сталкивались в музыкальном перезвоне. Но нервный смех замер у нас в горле, ибо за зарослью, на самом верху террасы, стояло зловещее видение. То самое, которое я, по крайней мере, видел раньше — пугало с кладбища Вье Карре, но гораздо выше, черное и застывшее, как облетевшее дерево перед надвигающимся штормом. Его сюртук с высоким воротником свисал с перекрещенных перекладин-плеч на высоте моей головы, его потертая шляпа наклонилась вперед, словно оно было погружено в свои мысли среди сухого стучащего тростника.

— Барон следит за своим костяным двором! — ядовито сказал Джип. Но пока он говорил, ветер, казалось, подхватил шляпу, потому что она перекатилась на плечо и поднялась, словно глядя на море. Все как один, мы пригнулись и проползли мимо, как мыши

под пристальным взглядом наблюдающей совы. Если хотите, можете назвать нас сумасшедшими.

У основания стены мы обнаружили ворота с массивными колоннами по бокам; сами створки, когда-то затворявшие их, исчезли, дверные петли проржавели на корню. Витиеватая резная перемычка — там был изображен религиозный сюжет — похоже на Св. Петра перед рассветом — лежала на боку, разбитая на куски и наполовину похороненная в земле. За ней длинная узкая лестница вела на террасу; ее балюстрада заросла и была в руинах, ступеньки — все в трещинах и покосились, но, кажется, это был единственный путь наверх. Быстро, пригнувшись, мы проскочили через ворота, нервно поглядывая наверх; трудно было найти место, где мы были бы более уязвимы. Наверху Джип подал мне знак выйти вперед, и мы вдвоем осторожно заглянули через край. Перед нами до внутренней стены простирались растрескавшиеся плиты террасы, они были совершенно пусты, если не считать групп кустов и тростника; самая большая из них скрывала от нас зловещую фигуру-палку — или наоборот? За внушительными внутренними воротами — одна из створок по-прежнему свисала с петли, вся прогнившая — стояла другая такая же фигура, только уже без одежды; без шляпы и пальто распростертые руки пугала казались скорее жалостливыми, чем зловещими.

— Фидермэн! Топо! Пойдете с нами! — прошипел Джип двум матросам, стоявшим позади нас — огромному седовласому головорезу и седеющему маленькому хорьку. — Никаких пистолетов, только холодное оружие. Остальные последуют за нами, когда дадим знать, что это безопасно. Молл, если нас схватят, ты примешь командование. Пошли, Стив!

Полусогнувшись, наша четверка, спотыкаясь, побегала по неровным плитам, ныряя за каждый удобный куст, пока мы не добрались до внутренних ворот и скорчились за их стойками. Мы как раз заглядывали в щель между стойкой и провисшей дверью, как вдруг неожиданно мелькнувший свет заставил нас круто развернуться. Бледный свет забрызгал собиравшиеся вверху тучи, и тихий треск эхом отозвался между стенами долины. Мы беспокойно переглянулись, затем снова повернулись к воротам. Между ними и мрачно возвышавшимся фасадом здания — почти дворца — лежало то, что когда-то, должно быть, было элегантным, ухоженным двором, украшенным декоративным камнем и там и тут засаженным тенистыми деревьями в каменных кадках. Теперь деревья разбили кадки и разрослись, пустив корни сквозь плиты со свирепой мощью. Некоторые упали, возможно, опрокинутые ураганом, и в агонии вывернули огромные куски плит. Остальная часть двора была загажена кучами мусора и грязи, а пустые окна и зияющий дверной проем огромного дома издевательски ухмылялись, глядя на царившее под ними разорение. Насколько мы могли видеть, дом был совершенно пуст. Однако широкая лестница, ведущая наверх, была заметно расчищена от мусора посередине, так, словно ей недавно пользовались люди — много людей. Мы рискнули высунуть головы и выглянуть за ворота, затем быстро выступили вперед с мечами наготове. Если не считать единственной фигуры-палки, двор был пуст; ни у окон, ни на крыше не было и следа часовых. Мы с Джипом обернулись — помахать остальным, чтобы шли сюда, — и тут нас сбил с ног какой-то вихрь.

Распростершись на спине, полузадохнувшись, я увидел, как Джип отлетел назад и ударился о стойку

ворот; малыш Топо упал на него сверху, его шея болталась — по-видимому, сломанная. Фидермэн лежал на мне и бил ногами мне по животу. Я отчаянно пытался выбраться из-под него, но дрыганье ног перешло в конвульсии, и он упал на бок, издавая какие-то булькающие звуки. Я приподнялся — и передо мной оказались темные пальцы, это было за секунду до того, как они сомкнулись на моем горле. Эта доля секунды дала мне две возможности — я втянул подбородок и с силой во что-то всадил свой меч. Я услышал, как он воткнулся с жутким звуком, словно вошел в мясо, но тощие железные пальцы вокруг моей шеи лишь слегка согнулись и только крепче сомкнулись в ужасном объятии. Я бил снова и снова, поворачивая меч, когда он выходил наружу — а потом воздух разорвала мощная вспышка молнии и осветила лицо того, кто на меня напал. Мой крик утонул в похожем на взрыв ударе грома. Само по себе это лицо не было чудовищным. Я видел множество похожих на него, как близнецы, в половине маленьких деревенок — с высокими скулами, обветренной и сероватой кожей. Но не этот череп, проступающий под вытянувшейся кожей, с отвисшей челюстью, сверкающим взглядом, уставившимся в пустоту. Моя челюсть хрустнула, когда его леденящая хватка стала крепче, горло сжали конвульсии. Она убивала меня, эта штука, и при этом на меня даже не смотрела...

А потом раздался свист, похожий на порыв ветра, и лицо взлетело вверх в темноту. Хватка конвульсивно дернулась, но руки продолжали держать меня до тех пор, пока лезвия не ударили по тонким, похожим на лапы насекомого, пальцам. Крови совсем не было, они просто расслабились и отвалились. Освещенное вспышкой молнии, обезглавленное тело покатилося в

сторону. Молл ударила его мечом, запятнанным чем-то черным, как смола. На плитах показались плоские пятна от капель дождя.

— Джип, — прохрипел я, когда тот помогал мне подняться, — почему в фильмах зомби всегда такие МЕДЛИТЕЛЬНЫЕ?

Он ухмыльнулся и притронулся пальцами к исцарапанному лбу: — Смотрел когда-нибудь «Франкенштейна»? Карлофф уловил это почти точно. Как бы там ни было, здесь их зовут *corps-cadavres**, а ЗОМБИ — это то, что в них вселилось.

— Вы собираетесь стоять здесь и болтать, пока на вас небо не рухнет? — резко спросила Молл, и мощный удар грома, расколовший воздух, лишний раз подчеркнул ее слова. — Нет сомнения, мы разбудили сторожевого пса. В замок, и поживее!

Пока мы мчались вверх по ступенькам, молнии пересекались над крышей, гром бил прямо нам в уши и потоками хлынул дождь. Но мы не собирались слепо врываться в эти разверстые двойные двери. Те из нас, у кого были пистолеты, вытащили их и взвели курки, я надеялся, что дождь еще не добрался до затравки. Затем снова сверкнула молния, и в ее ослепительном свете мы увидели перед собой огромный зал, с высоким потолком, благородных пропорций, с возвышением в одном конце, на котором стояли разбитые останки высоких сидений, покрытых богатой резьбой и балдахинном — почти тронов, теперь облупившихся и в паутине. Когда-то этот дом был дворцом какого-то богатого дворянина, но теперь он был жутко опустошенным. Мы осторожно сгруппировались на пороге.

* Тела-трупы — франц.

— Фонари! — скомандовал Джип, шепотом, не смотря на бурю. — Зажигайте, живо!

Но то ли в фонари попал дождь, то ли ветер задувал в оконные проемы, то ли по какой-то другой причине зажечь их оказалось долгим и трудным делом. Молл нетерпеливо протолкалась к ним и умудрилась уговорить один из фонарей слабо затеплиться. Затем подняла его вверх, и мы все сбились в кучу в центре огромного зала. Ибо от качающегося света фонаря по широким белым стенам стали двигаться тени — но ведь в зале не было ничего, что могло бы их отбрасывать.

Это были резкие, отчетливые тени, силуэты мужчин и женщин, кружившихся парами, степенным шагом, танцуя менуэт или, может быть, сарабанду. Можно было разглядеть каждую деталь их костюмов, огромные кринолины дам и высокие парики, покачивавшиеся в танце, веера, трепетавшие, когда они делали реверансы кавалерам, чьи расклешенные рукава и украшенные лентами косички париков жестко торчали кверху, когда они кланялись в ответ. Звук музыки не было слышно; не было слышно ничего, кроме внезапных порывов и плеска дождя. Они кружились вокруг нас, их тени раздувались и разбухали, когда они приближались к свету — не к нашему свету, и уменьшались, когда танец уносил их прочь. Это был танец, который, должно быть, когда-то танцевали в этом зале, но все равно смотреть на него было жутко. Затем я услышал, как люди изумленно ахнули; но я уже увидел его — темный, одинокий силуэт, что прошел между танцующими, как туча, одетый так же, как и другие мужчины, но державший в руке под изящным углом тонкую трость. Проходя, он поклонился танцующим, элегантный, как мажордом или распо-

рядитель танцев; они поклонились ему в ответ, но больше уже не поднялись. Мужчины зашатались, согнулись и попадали, женщины закачались в реверансе и опустили на пол. Танец скользил вокруг них, не обращая никакого внимания, но это был танец смерти, ибо пара за парой падала при повороте, судорожно цепляясь друг за друга, за воздух, но тщетно. Они падали и исчезали. Но позади темной фигуры все новые пары падали рядами, склонив головы, уронив руки, больше не танцуя.

Только у Молл хватило мужества заговорить: — Самые худшие из этих существ — всего лишь тени! — засмеялась она. — У них нет над нами власти! Идем! — Она пошла дальше по залу, с мечом наготове, направляясь к высокой арке в дальнем его конце; закрывавшая его огромная портьера-гобелен посерела от пыли, собравшейся в ее обвисших складках. Как только Молл дотронулась до портьеры кончиком меча, половина занавеси оторвалась и упала с глухим стуком, подняв тучу пыли и разбросав повсюду личинок насекомых. Мы прошли через проем арки и попали в отдельный зал, который казался меньше из-за спиральных лестниц по обе его стороны. С левой стороны со стены свалилась одна из огромных картин, высотой по меньшей мере в двенадцать футов, когда-то висевшая над лестницей. Обломки ее позолоченной рамы валялись посреди разбитых ступенек, и пауки использовали их для собственной тонкой работы. По другую сторону картина все еще висела, но то, что было на ней изображено, было выедено, и демонстрировало лишь отвратительное заплесневелое пятно на стене позади. С первого взгляда становилось ясно, что здесь никто не проходил веками — во всяком случае, никакое существо во плоти; обе лестницы были покрыты

густым слоем свалявшейся от пыли паутины. Но между лестницами в дальней стене были и другие двери. Они были большей частью покоробившимися и закрытыми, однако центральная дверь висела на одной петле приоткрытая, и расщепленное дерево казалось свежим.

Когда Молл и я заглянули внутрь, мы обнаружили, что там находилась лестница, очень широкая, но целая; и темнота, в которую она вела, брызнула нам в глаза. Мы переглянулись, пожали плечами и помахали остальным, чтобы шли за нами. Они повиновались, но не слишком охотно — я впервые за это сумасшедшее путешествие заметил, что они по-настоящему заколебались. Что ж, я не мог их за это упрекать. У меня не было выбора, а Джип и Молл сделали свой по своим причинам. Но даже тех, кто любит золото и ненавидит Волков, можно простить, если они не хотят идти в такую очевидную ловушку.

Тем не менее они все равно пошли, так же осторожно, как и мы, спускаясь вниз спиной к стенам, с оружием наготове, без всякой уверенности в том, что принесет следующий шаг и что вообще там окажется. Воздух был неподвижен, но пламя фонаря колебалось и дрожало, словно с ним играло чье-то легкое дыхание; у меня почему-то было такое чувство, что если бы его нес кто-то другой, а не Молл, оно бы погасло совсем. Правда, оно не слишком помогало, но все же со светом разница была больше, чем можно было себе представить. Атмосфера этого дома словно тяжким весом давила нам на плечи, и даже когда свет выхватил край высокой сводчатой каменной арки и мы почувствовали, что колодец открывается в более широкое пространство, клаустрофобия не ослабла. Буря теперь казалась всего лишь отдаленным шумом. Здесь было

тихо, как в могиле — во всяком случае, в большинстве могил, но мы не могли быть здесь одни.

Затем, прямо у кромки света что-то стремительно мелькнуло. Мой пистолет и оружие Джипа выстрелили одновременно. Появилась ослепительная вспышка, и раздался пронзительный вопль, от которого у меня похолодело в груди. Это не был крик Волка — в кого же угодил мой панический выстрел? Потом, когда мое зрение прояснилось, я облегченно вздохнул. На ступеньках внизу лежали окровавленные останки двух жирных черных крыс: одну из них выстрелом перерубило надвое, у второй оторвало лапу, и она корчилась в предсмертных муках. Джип и я обменялись смущенными улыбками.

— Хорошая стрельба, дружище! — сказал Джип.

— Ничего себе стрельба! Их тут, наверное, было не меньше сотни!

— Так мало?

Молл подняла фонарь, и ее длинные кудри, освещенные его огнем, засияли золотом; казалось, пламя удвоило их блеск; светлые глаза сверкнули. Над нашими головами появился грубый сводчатый потолок, а слева и справа неясно обрисовались альковы, и гнетущее ощущение слегка ослабло.

— Наверное, здесь был винный погреб! — прошептал Джип, когда стало ясно, что сию минуту на нас никто прыгать не собирается. — Точно, похоже...

Что-то мягко хрустнуло у нас под ногами, и он посмотрел вниз: — Кукурузная мука? Может, мельня...

Затем свет коснулся задней стенки алькова: — Нет, — заметил Джип. — Стало быть, это не винный погреб.

— Разве что они держали здесь бочку амонтильядо,

— прошептал я в ответ, глядя на ряд свисающих цепей и кандалов, и Джип криво усмехнулся.

Молл гневно отбросила свои кудри, и пламя подпрыгнуло, когда закачался фонарь. По всей стене выступал ряд альковов и с потолка свисали ржавые остатки железных клеток, в которых человек мог бы сидеть на корточках, но ни сесть нормально, ни встать там было невозможно. В центре помещения был сложенный из кирпичей очаг, наподобие кузнечного, однако железные штуки на длинных ручках, так и стоящие в нем среди золы и древесного угля, не были, как я знал, предназначены для работы с металлом.

Молл зашипела, как кошка: — Проклятые собаки даго! Пусть дьявол изжарит их в аду на сковороде! Темница! Темница для беспомощных рабов! И место пыток! Развернись, ад, и поглоти ее целиком, и заточи в ней ее хозяев!

Она не шептала. Его проклятие сотрясло воздух своей силой, а от стали, звучавшей в ее голосе у меня все тело закололо иголками. Тени запрыгали в панике, когда она размахивала фонарем, а свет горел высоко и ясно. Даже ржавые клетки скрипели и раскачивались, и я содрогнулся, увидев, что из одной из них свисают пожелтевшие кости лишенной кисти руки. Судя по всему, их изгрызли крысы. Казалось, кости почти показывают на что-то на полу. И новый свет действительно показал там что-то: дорожки, завитушки и спирали, проглядывавшие сквозь холмики серой пыли на полу. Фигуры, которые мне что-то напомнили, нечто явно неприятное; но единственное, о чем я подумал, было — почему они не заплесневели, почему их не съели крысы...

Джип щелкнул пальцами: — Веверы! Конечно же, из кукурузной муки!

Тут я вспомнил: — Джип, что... это же... такие же рисунки они размазали по всему моему офису!

— Держу пари, это они и есть! Гребни, знаки ЛОА! Здесь совершались ритуалы, и совершались они не испанцами! Это что-то вроде геральдики — делаешь знак, призываешь их... смотри, видишь, вроде корабля с парусом, это бог морей Агве! А прямо перед нами, вот тут, похоже на розу компаса — это... — Он на секунду запнулся. — Это твой друг, Папа Легба, а там, видишь, вон то сердце с завитушками вокруг. Это мечи, пронзающие его...

— ИБО СЕМЬ НЕ ЕСТЬ ЗНАК ЕЕ! — повторил я, пораженный.

— ЧТО?

— То, что сказала та женщина-часовой — я об этом забыл — темная женщина с лицом, как дубленая кожа... я думал, она просто...

— Мэй Генри, — задумчиво произнесла Молл. — Старая пиратка с Бермуд, она так долго плавала в тех водах, что эти суеверия прилипли к ней, как ракушки. Она со странностями, но в своем уме. Скверно, что она не пошла с нами. К чему это она сказала?

— Обо мне — после того, как ты и я... и ветер, она сказала ветер-Гробовщик...

— Тот, что уносит умирающих, да! И злые чары! И, клянусь всем, что свято, она права! Эрзулия, ее знак — пронзенное сердце, сила любви! Но вот это — этот вевер, ты разве никогда не видел этой фигуры, Джип?

— Она, конечно, грубовата. Вроде скошена, исковеркана, почти... А, да. Ты хочешь сказать, это Эрзулия Ge-Rouge?

— Да — Эрзулия левой тропы, любовь, рождающая боль и гнев! Любовь, приносящая разрушение! Эрзу-

лия в рабстве у Петро! Дона Петро, ЛОА, что искажает всех остальных, что извращает их в своих низких целях! Превращает все доброе, заключенное в них, в жестокость! — Молл, сверкая глазами и тяжело дыша, смотрела на меня. — Как он исковеркал тебя, Стивен, и меня — чтобы настроить нас друг против друга! Тот ветер нес чары, чары искаженной любви, любви, превращенной в западню и ложь... — Она помедлила, между ее вздымающимися грудями текли струйки пота. — Мне было назначено сразить тебя! Или по меньшей мере, поссориться, не помогать тебе более! Оставить тебя и твоих в крайней нужде! Мне — МНЕ! Смотри, смотри, они все искорежены, все перевернуты — все пленники — все, кроме его знака, возглавляющего остальных! — Молл выступила вперед и подняла фонарь над самой большой фигурой, распростершейся от стены до стены, — огромным зубчатым кругом, расположенным вокруг грубо вырезанного креста. В приступе внезапной ярости Молл свирепо лягнула его, и в пламени фонаря взвился удушливый вихрь пыли. Затем, когда он рассыпался вокруг Молл мелкими перьями, она замерла, и ее меч принял горизонтальное положение.

— ЧТО ЭТО БЫЛО?

Он раздался из темноты, ясный, но слабый, призрачное эхо звука, казалось, погребенного в самих камнях, окружавших нас, — неожиданное звяканье цепей и короткий вскрик, полузадушенное рыдание, полукрик.

После танца теней это было уже слишком. Руки торопливо потянулись назад к лестнице, почти в панике — а я? Я тоже был там с ними. Я бы почувствовал себя более пристыженным, если бы Джип не отреагировал точно так же, торопливо переступив через

веверов и попятившись. Только Молл продолжала стоять на том же месте, прямая и сияющая во мраке. Она громко крикнула: — КТО ЭТО ГОВОРИТ?

Какие-то невероятные энергии подняли вокруг нее вихри пыли, но ответа не последовало. Но при самом звуке этого звонкого голоса, сочного и бесстрашного, прилив страха, угрожавший затопить наш разум, отхлынул. А мне он принес неожиданное сознание того, чем мог быть этот звук. — КЛЭР! — закричал я. — КЛЭР! ЭТО ТЫ?

И в этот раз прозвучал ответ — одно слово, но оно заставило меня ринуться мимо Молл, выхватив у нее фонарь, прямо в вихрь пыли. Это было мое имя.

— СТИВ!

Оно прозвучало из последнего алькова на правой стене. Такого похожего на те, другие, куда мы не заглядывали, — а там, в темноте, на коленях, со свисающими на запачканное лицо скользкими от грязи волосами стояла Клэр.

Вытянув вперед руки, она пыталась освободить запястья от сковавших их ржавых наручников, изо всех сил натягивая массивную цепь, протянутую между ними сквозь толстые кольца в стене. Но при виде меня она отшатнулась, потом медленно повторила мое имя, словно не веря своим глазам.

— Стив... СТИВ! Я... эти выстрелы... Я не видела... только эту ужасную великаншу... а потом я услышала... услышала... СТИВ! — Но к этому времени она уже заговаривалась, покачиваясь на коленях, и я бросился к ней как раз вовремя, чтобы подхватить ее, когда она упала лицом вперед; после Молл она казалась легкой и хрупкой, как пушинка.

Не то чтобы это был классический обморок, но что-то близкое к нему. Ее глаза были открыты, но

смотрели дико, и она стала извиваться в неожиданном приступе паники, когда Молл подошла к ней следом за мной. Ничего удивительного; я немного побавался, что Молл слышала, как Клэр назвала ее великаншей, что, разумеется, было не так. Но тогда, возвышаясь над фонарем, как статуя — воплощение ярости, Молл действительно казалась гигантшей. На ее лице мерцал свет лампы, когда оно сначала вспыхнуло, а потом смертельно побледнело, словно сам гнев живым светом струился под ее чистой кожей. Впрочем, она не оставила сомнений в том, почему это произошло, когда схватила цепь и потянула за нее.

Глаза Клэр распахнулись и расширились с внезапным ужасом. Она отшатнулась: — СТИВ! ОСТОРОЖНО!

Молл ободряюще покачала головой, протягивая руку к запястьям Клэр: — Тихо, тихо, моя мистрис. Я не Волк. Мы теперь же снимем оковы с этих твоих белых запястий...

По подвалу прокатился хриплый, скрежещущий хохот: — ДЛЯ ТОГО ЛИШЬ, ЧТОБЫ ОБВИТЬ ИХ ВОКРУГ ТВОИХ СОБСТВЕННЫХ, БЕСПЛОДНАЯ СУКА! ОСТАВЬ ДЕВКУ ИЛИ ЗАЙМИ ЕЕ МЕСТО, ПОКА НЕ СДОХНЕШЬ ОТ ГОЛОДА!

Мы как один развернулись и увидели то, что раньше увидела только Клэр. Голос Джипа разорвал молчание: А... ЧЕРТ! — И это как бы подвело черту.

Мы не были круглыми дураками. Джип поставил караульного у двери и на лестнице. И откуда мог появиться огромный Волк, стоявший теперь посередине лестницы, я не мог представить — разве что прошел сквозь стену. Но тем не менее он был тут, во всем своем тошнотворном великолепии — в алом сюртуке с грязными рюшами, наставив на нас огромный писто-

лет. Очевидно, это был какой-то капитан или командир. Он был выше и тоньше, чем обычные Волки, волосы он не убирал — они длинными черными прядями падали ему на плечи, но были припудрены чем-то напоподобие золотой пыли; его борода была подстрижена на вандейковский манер, и кроме того, у него были насмешливо топорщащиеся усы. И хотя он стоял один, у него был вид непобедимой уверенности. А потом я понял почему, а также почему нам бесполезны были любые часовые — разве что из команды Ле Стрижа. Вокруг его голых ног копошились крысы, и целый поток их с топотом мчался вниз по ступенькам. Собравшись вокруг него, они быстро сели на задние лапы и стали вытягиваться, вырастая и раздуваясь, как языки пламени, до человеческого роста и выше — превращаясь в Волков, взбивавших свои франтоватые плюмажи и сладко потягивавшихся с облегчением. Их могла быть целая сотня или даже больше, толпившихся на ступеньках.

В течение долгой минуты все молчали. Потом Джип печально покачал головой: — От крысы до Волка — экий негодящий прогресс, вот что я вам скажу. По мне, так вы мне нравились больше такими, какими были.

Молл издала легкий холодный смешок. И это был тот же смех, что я слышал у нее на пляже, тот же странный звук: глубокий, темный, отдающийся эхом чуть ли не раньше, чем он вышел из ее горла. Она легко подняла свой меч, все еще посмеиваясь. Волк в тревоге застыл и навел пистолет. Молл пожала плечами, раскрыла ладонь и позволила мечу упасть; Волк расслабился. Но едва меч ударился о пол, она круто развернулась, повернувшись спиной к Волкам, схватила цепь Клэр обеими руками и одним резким дви-

жением ударила цепью о кольца. По плитам разлетелись обломки металла, а из треснувших камней в тех местах, где крепились кольца, появился дымок.

Тогда Молл подхватила свой меч и, повернувшись спиной к нам, изумленно глазевшим на нее, она глубоко и удовлетворенно вздохнула, по ее лицу разлилась неземная улыбка, и я с легким содроганием понял, что она и вправду стала казаться выше. Затем она посмотрела на ошеломленных Волков, откинула голову и снова рассмеялась, более громко, звуком, каким мог бы звучать обычный смех в бронзовом колоколе либо в целом перезвоне колоколов, выбивавших странные резонансы и гармоники друг из друга. Для меня это был жуткий звук, но для Волка он прозвучал еще более ужасно, ибо он вскинул вверх руки, словно его атаквали, и выстрелил. Меч Молл взмыл вверх с быстротой, в которую трудно было поверить, раздался удар более громкий, чем выстрел, и сгрудившиеся на ступенях Волки в панике попятись от пронизывающей песни рикошета. Молл отразила пулю, перехватив в середине ее полета.

Забывший Молл фонарь упал к ее ногам, но свет не погас, он разрастался, разбухал, ибо свет в действительности шел от нее, излучая сияние ее чистой кожи, поблескивая в ее волосах, словно струился из какого-то бессмертного ветра. И я, стоя на коленях у ее ног рядом с Клэр, чувствуя, как этот свет пронизывал меня, словно я был пузырем из тонкого стекла, наконец, понял, что именно так сильно притягивало меня к ней. А затем она громко крикнула и простерла меч. Из него вспыхнул свет, чистый и свирепый, как взгляд ее глаз, беспощадный к преследуемым ею теням. Меч со свистом разрезал воздух, Волки залаяли и заморгали — и, смеясь, с криком: — В атаку, Непокорные!

— она бросилась к ним. Мы больше не могли сопротивляться вихрю; ошеломленные и ослепленные, мы были подхвачены, и нас понесло за ней, как хвост за кометой. Даже Клэр, стоявшая рядом со мной, кричала вместе с Молл и дико хохотала над вспышками и грохотом моих пистолетов, когда я выстрелил из них в толпу на ступеньках, а затем бросил их вслед за выстрелом. А потом почти так, словно мы сошлись стена к стене, мы бросились на них, и битва началась.

Схватка была ужасной, она кружилась то в одну сторону, то в другую, ибо Волки, хотя и уstraшенные преображением Молл, не поджали хвосты, как могли бы — как сделал бы я или любой нормальный человек. Они были огромны и более чем вдвое превосходили нас числом; без Молл мы бы погибли. Что-то вело их, как Молл вела нас, что-то темное, пожиравшее свет так же, как Молл излучала его. Мы видели это в их безумных глазах, когда они бросились на нас со всей своей ужасающей силой, хотя мы и отрезали их, прокладывая путь вниз сквозь вонзавшееся в них оружие, чтобы добраться до нас. Но там, куда подошла Молл, они стоять не могли, и она бросилась на выручку к упавшим вниз людям, стоя над ними, как объятая пламенем башня. Я вцепился в Клэр и рубил везде, где мог; во внезапном водовороте людей возник Джип, схватил нас обоих и толкнул по направлению к лестнице, где было самое чистое место схватки. На моем пути прыжком оказался Волк. Я ударил его, как учила меня Молл, он упал, а я ринулся на последнего Волка, загораживавшего мне путь. Но как только мой меч пронзил его горло, меня отбросило в сторону алой вспышкой, и ударило о стену так, что я почти потерял дыхание. Я услышал единственный пронзительный крик Клэр, она помчалась прочь, изо всех стараясь не

свалиться назад, в гущу схватки. Я увидел одетого в красное капитана Волков, который, угрожая мне абордажной саблей, тащил ее со ступеньки. Я бросился на него, мы скрестили клинки, но тут другой Волк, размахивавший огромным испанским кинжалом, прыжком загородил мне путь и приготовился нанести удар, который я не мог парировать. Мое ухо ожгло вспышкой и громом, лицо Волка исказилось, и он согнулся пополам. Посмотрев вниз, я увидел Джипа, делавшего мне жесты своим пистолетом. — Эй, не стой стоймя! — крикнул он. — Беги за ней!

Ударяясь о стены, как пьяный, спотыкаясь, я бросился наверх и наружу, жадно глотая холодный воздух, чтобы прояснилось в голове. Зал был пуст, но с одной из боковых лестниц раздался приглушенный вскрик и грохот; по лестнице наверху, припадая на одну ногу, шел капитан Волков, таща упирающуюся, всю в паутине Клэр за собой. Я побежал к расшатанной лестнице и взобрался вверх по ней по оставленному ими следу, прыгая со ступеньки на ступеньку и слыша за спиной звуки многочисленных падений. Доски лестницы тоже прогнили, и мы оба — капитан Волков и я не раз проваливались по самые лодыжки в крошащееся в пыль дерево и отчаянно кляли себя. В конце лестницы оказалась еще одна, и, хотя Клэр брыкалась и била Волка, пока он тащил ее, она не могла задержать его ни на минуту — а он двигался быстро. Он добрался до верха гораздо раньше меня и направился прямо к широкой двери, однако, благословение Божие, дверь застряла, и ему пришлось молотить ее кулаками, а когда я, наконец, добрался до конца лестницы, Волк налег на дверь всей своей огромной тяжестью. И в этот момент, когда дверь распахнулась, я бросился на него.

Он развернулся ко мне с пистолетом в руке, я лихорадочно пригнулся. Пуля просвистела мимо, а я нацелился на него мечом, собираясь нанести удар, который раскроил бы его от грудной клетки до паха. Волк парировал удар с такой силой, что я снова был отброшен к лестнице. Я снова ринулся на него. Он снова отразил мой удар и отскочил в сторону. Я поскользнулся на промокшем от дождя полу, налетел на перила за его спиной, почувствовал, как они затрещали, и я полетел вниз, в пустоту. Я едва сумел остановиться на краю, видя, как обломки дерева исчезают в темноте у моих ног, — а потом откатился в сторону, как вовремя, потому что в пол рядом со мной ударила абордажная сабля. Если бы я тогда не слазил на ту мачту, черная пропасть удержала бы меня на секунду дольше, и моя голова последовала бы вниз за перилами. Я нанес бешеный удар, и Волк отшатнулся с рычанием и бранью — из бока у него хлынула кровь. Это дало мне возможность подняться на ноги, и тут я увидел, где мы находились: на галерее прямо под крышей, большей частью она была открыта, и на нее лились маленькие водопады дождя. Пустота под нами, должно быть, была большим залом. Волк почти наверняка стремился добраться в дальний конец дома, к какой-то задней лестнице и сбежать.

Но теперь он уже никуда не стремился. Он шел на меня, оставив Клэр там, где ее бросил, в полной уверенности, что сначала уберет меня со своего пути; это было по нему видно. Тяжело дыша, жалея, что почти потерял дыхание, я поднял меч.

Он глумливо ухмыльнулся — и сделал выпад так быстро, что я в панике взвизгнул и отпрыгнул. Но и он слишком сильно потянулся за саблей и был вынужден упасть и откатиться в сторону, уворачиваясь от

моего свободного удара, — прямо к хрупким перилам. Он отпарировал, завращал саблей и ударил мне по лодыжкам; я подпрыгнул и рубанул его, но он перехватил меч и поднялся на колено, оттолкнул меня, и я зашатался. Я двумя руками нанес удар, целя ему в голову, он стремительно поднял саблю и отвел мой клинок, направив его на перила, в которые тот и прошил дерево. Затем, когда мой меч застрял, Волк вскочил и замахнулся на меня саблей. Я высвободил меч и встретил ее ответным ударом, а потом мы стали нападать друг на друга, обмениваясь вихрем быстрых ударов, вперед-назад, вверх-вниз; и над нами сверкали молнии. Я сумел продержаться против него, но три дня, пусть даже обучения Молл, не могут сделать из человека настоящего фехтовальщика — лишь такого, кто может увидеть приближение конца. У него было преимущество в росте и силе, в длине рук, и был тот гнусный опыт, что помог ему стать капитаном «Сарацина»...

Мою ногу пронзила агонизирующая боль, и я заорал. Его огромная нога наступила на мой башмак, и когтистые пальцы пригвоздили его к полу. Его тяжелый клинок со свистом стал опускаться мне на голову. Я поднял меч обеими руками и остановил удар — едва успел. Но моя голова доходила только до его груди, и все равно он был сильнее меня. Волк наклонился и медленно, но неотвратно стал отводить мой меч вниз — на меня. В усилии его физиономия исказилась оскаленной ухмылкой, а с пожелтевших клыков капала слюна.

И тут я увидел Клэр — она пошевелилась и подняла голову, широко раскрыв глаза; и неожиданно я оказался снова в офисе, читая — считывая запись о «Сарацине» с базы данных...

Я поймал взгляд Волка и подмигнул, хотя мышцы рук у меня трещали и было больно дышать: — Эй, капитан, ничего не узнаешь?

Он все смотрел и смотрел, его кошачьи глаза блестели: — ЭТОТ МЕЧ! СТАЛО БЫТЬ, ЭТО ТЫ ЗАРЕЗАЛ ДИЕГО, МОЕГО ПЕРВОГО ПОМОЩНИКА! — В его жутком голосе зазвучал смех. — НЕДОЛГО ЖЕ ТЕБЕ ЭТИМ ПОХВАЛЯТЬСЯ! ПОЛЕЗЕН ОН БЫЛ, ДОБЛЕСТНЫЙ БРОДЯГА — НО СО МНОЙ ЕМУ НЕ РАВНЯТЬСЯ!

— И со мной тоже — верно? А ты уверен, что можешь равняться со мной? Ваш налет на склад провалился — как насчет этого? Ваш паршивый зеленый свет не сработал — ветер не надул ваши паруса — как насчет этого, мошенник? Или лучше мне звать тебя Азazelом?

Это его задело! С внезапным оглушительным ревом он заставил меня опуститься на колени и навис над мной, брызгая слюной: — КАК УЗНАЛ ТЫ ЭТО ИМЯ, СВИНОЕ ОТРОДЬЕ?

Я помнил его по той записи в базе данных. — О... это же МОЯ магия... неужели не помнишь? — Когда с трудом переводишь дыхание, трудно говорить саркастическим тоном. — Ты же проследил ее... послал за мной своих мерзавцев... а все, на что они смогли наложить лапу,... это на беспомощную девушку! Вы слишком глупы... вся ваша свора... слишком тупоголовы, чтобы равняться с...

Я не ожидал, что это произведет такой эффект: в его желтых глазах мелькнула тревога, и давление ослабло. Однако это сработало. Раздался внезапный, тошнотворный глухой удар, словно в мясо, и он рывком выпрямился и напрягся. Любой человек согнулся бы пополам в беспомощной агонии, но хотя его

синевато-серая физиономия исказилась, желтые глаза вылезли из орбит, он все еще держал меня и пытался нанести удар — но слишком поздно. Я увидел, что к нему приближалось, а он — нет. Я пригнулся под ударом и, сжав обеими руками рукоятку меча, ударил им вверх. Мне не было необходимости это делать. Он издал жуткий булькающий крик, когда кончик меча вонзился в него прямо под грудной костью, но его бросила на меч сила его собственного удара, подняла, бледного и брыкающегося, над моим плечом. Поток зловонной крови обжег мне руку, когда он соскользнул с лезвия, повалился на перила, подняв дождь обломков и полетел вниз, в пустоту. Ужасный дрожащий вопль резко оборвался в оглушительном грохоте. Над моей головой детонатором отозвался гром, потряс крышу и обрушился на нас грохочущим дождем обломков черепицы.

Я не стал смотреть ему вслед. Я повернулся к Клэр, прыгавшей на одной ноге, держась за голую ступню, которой она приложилась к Волку в самый нужный момент, и бросился к лестнице. Прогнившее дерево поддавалось и крошилось у нас под ногами, я боялся, что в любую минуту мы можем провалиться. Мы бежали к другой лестнице, потому что на тех, по которым мы поднялись, уже не хватало ступенек. Из внутреннего зала внизу неожиданно раздался рев, и по всему холлу рассыпались люди — это команда прорвалась наверх из подвала. Сквозь молнию кометой пронеслась Молл, и там, где она проходила, Волки прятали глаза и убегали или падали замертво.

— Превосходно, Стив, превосходно! — крикнула она, увидев нас. — А теперь наружу и прочь отсюда, да поживее! Сюда идут какие-то новые чары!

В лавине рассыпающегося дерева мы почти скати-

лись с лестницы. Когда мы ринулись к внешнему залу вслед за остальными, пол под нами затрясся, и в свете молний, с шипением пролетавших вокруг окон, я увидел труп капитана Волков, распростертый среди разбитых обломков высоких тронов. По потолку пробегала дрожь, штукатурка осыпалась, и, казалось, каменные стены дрожат и расплываются от вибрации. На пороге стоял Джип, лихорадочно размахивая рукой и пропуская людей мимо себя наружу, другая его рука повисла и почернела. Рядом с ним раскаленной сталью сияла Молл, ее глаза были слишком яркими, чтобы в них можно было смотреть, волосы развевались прядами, как дым. Ее вытянутая рука с мечом, казалось, отгоняла нападающие тени и сдерживала дрожь стен. Когда мы прошли — последними — она танцующим шагом прошла и встала позади нас, пятясь и размахивая мечом свистящими широкими взмахами. На полу извивались и ползали несколько раненных Волков, те, что остались в живых, в панике выпрыгивали из окон — им было не до нас. Мы, шатаясь, выбежали на террасу. Джип хватал ртом воздух — каждое движение отдавалось в его раненной руке; дождь потоками обрушился на нас, и Джип поскользнулся и упал. Я наклонился, чтобы помочь ему, все еще поддерживая Клэр, и застыл, широко раскрыв глаза, в полном ужасе.

Молнии теперь сверкали почти все время, похожие на гигантский стробосвет, и в их пульсирующем свете с фасадом замка стали происходить странные изменения, на него наложились какие-то тени, создавая зловещий облик. Высокие окна над дверью, казалось, изменили форму, превратившись в два огромных темных овала. Впечатление было такое, словно на доме появилось лицо или проступило сквозь его стены —

лицо с тяжелыми солнцезащитными очками над скулами, запавшими и лишенными плоти; дверь стала его ртом, растянутым, кричащим, зияющим ртом — это было издевательская смертная маска. И пока мы смотрели, лицо исказилось: весь фасад, казалось, размягчился и разбух, рот задвигался, тяжелая перемычка и колонны у двери зашевелились, как губы, а залитая дождем лестница стала изгибающимся, блестящим языком, жадно вытянувшимся к нам, пока мы боролись под дождем. Неожиданно над нами встала Молл, она уже больше не сияла, ее лицо было серым и измученным, волосы от дождя прилипли к ее щекам. Но она нагнулась и схватила Джипа, словно он вообще ничего не весил, обвила его здоровую руку вокруг своего плеча и потащила его прочь по плитам, прочь от мстительной тени двери.

— Пошли! — задыхаясь, сказала она. — Я не могу сейчас сразиться с Геде, а он может собрать других — Волков или еще хуже...

Пока она произносила эти слова, я увидел, как ветер подхватил пугало в конце террасы и сорвал с него одежду. Остов из палок упал вперед с треском; но шляпа взлетела к небу, а пальто ринулось вниз на нас, словно огромный, хлопающий глазами ворон, с распростертыми руками. Меч Молл и мой взлетели вверх в одну и ту же секунду и вонзились в него; пальто вихрем взмыло вверх и улетело прочь, через край террасы, вместе с порывом ветра. Тогда члены команды собрались вокруг нас и забрали Джипа у Молл; но я продолжал крепко держать Клэр.

— По ступенькам не спускаться! — приказала Молл. — Путь, которым мы пришли, уже выслежен! Спасайтесь, все! Через тот конец террасы — и в джунгли! Бегите, спасайте свои жизни — и души!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СОЛНЦЕ БЫЛО ВСЕ ТЕМ ЖЕ, что мы целый день ругали вчера, и тем не менее, когда оно встало, мы приободрились. Оно примчалось из-за холма, прямо как кавалерия, размахивая блестящими золотыми саблями между деревьями, чтобы поднять наш дух и отбросить преследовавшую нас темноту. Джим, Клэр и я потянулись и вздохнули, наслаждаясь теплом, как ящерицы, на длинной плите скалы. Остальные члены нашей группы разлеглись по другим теплым уголкам вокруг нас. Никто не двигался, разве что иногда с ворчанием ерзали, когда беспокоила рана, или закрывали рукой глаза, чтобы унять лихорадочное кружение за веками. После целой ночи, когда мы часами в ужасе продирались через сплетения, хлеставшие, резавшие и душившие нас прямо-таки с человеческой злобой, мы ничего больше не хотели — только лежать и не двигаться под убаюкивающий тихий рокот недалекого водопада. Мы победили, мы спаслись, мы были в безопасности и могли вернуться на корабль до наступления ночи.

И с нами была Клэр — мы нашли ее. Это казалось почти нереальным. И все же она была здесь, лежа на уступе скалы рядом со мной, совсем так, словно мы были дома и принимали солнечные ванны на крыше офиса во время второго завтрака. Мы вытащили ее

оттуда, увели. Теперь она могла вернуться к своей старой повседневной жизни...

Она и я. Это вызвало у меня самые разные странные мысли. Я крепко зажмурил глаза, чтобы отогнать их. Я страстно хотел поспать, но события прошедшей ночи по-прежнему кружили и проносились в моем мозгу, и их было не унять. Этот безумный бег через джунгли, когда буря и Бог знает что еще мчались за нами по пятам, казался почти кульминацией по сравнению с тем, что произошло раньше. Но каким-то образом нам удалось продержаться вместе...

Нет, не каким-то образом. Я знал, как. Ни один из нас, даже самый храбрый, не решился бы выпустить из виду Молл или звук ее голоса, если хотели хоть как-то продержаться. Молл плачивала нас, хотя сама была полностью выжата и потрясена, она вела нас длинным кружным путем вокруг склонов, уводя прочь от замка и смертельных троп, идущих к нему, — и дальше, вниз, вниз, к дальнему концу маленькой долины, ведущей к водопаду. Когда небо впервые чуть посерело, мы пришли в долину, и первые лучи света показали каждому из нас лицо соседа и разлитые по нему страхи и полное изнеможение, которое чувствовал он сам. Всем, кроме меня; ибо ближе всех ко мне была Клэр, чье тепло я ощущал сгибом своей руки, а на ее лице было только изумление и восторг.

Для меня это было некоторым шоком. После всего, что она пережила, один Бог знает, чего я ждал, — наверное, найти ее потрясенной, ошеломленной, ничего не соображающей развалиной. Самое лучшее, о чем я молился, — чтобы это состояние не слишком долго продлилось, чтобы я смог вернуть хоть что-то из ее прежнего, жизнерадостно-уверенного «я». И уж конечно, я никак не ожидал найти эту новую Клэр, расслаб-

ленную, все принимающую и, по всей видимости, чувствовавшую себя безоблачно счастливой в моем обществе, не требовавшую объяснений и не произнесшую ни слова о возвращении домой. Мне пришло в голову, что после дней, проведенных во мраке и ужасе, после грубого обращения, даже кровопролитие и ужасы, маниакальный бег во спасение, должно быть, означали для нее месть и пьянящую свободу. Этот отдых и покой, видимо, был для нее раем. Однако мне придется понаблюдать за ней потом, на случай, если проявится реакция.

Действительно, просто стыд. У меня и самого было ощущение, что я с ней странно расслабился, так, как никогда не бывало в офисе. Если бы все это было не столь неестественно, я бы почти предпочел, чтобы она всегда была такой, как теперь.

Я снова перекатился на бок и протянул к ней руку, но моя рука только ударилась о край утеса. Подступивший было резкий приступ тревоги тут же прошел; я вспомнил, как Клэр говорила, что как только сможет подняться, сразу спустится вниз к пруду искупаться. Несомненно, она нуждалась в этом. За несколько дней, проведенных под нежной заботой Волков — хотя она, к счастью, думала, что это был только один день, она стала оборванной и грязной, к тому же прибавилась еще и изрядная толка запекшейся крови, поскольку Клэр помогала Молл обрабатывать наши раны. Она, по-видимому, решила, что я сплю, и ушла, не потревожив меня. Ни Клэр, ни я не беспокоились, во всяком случае, не сильно; повсюду были расставлены часовые, но под этим ярким солнцем наш импровизированный лагерь все равно чувствовал себя в безопасности. Меня подняло на ноги сознание того, что я ведь тоже вонял до небес. От одной мысли об этом я зачесался.

Клэр была рядом, и это возрождало цивилизованные мысли. Прохладная вода и чистая гладкая кожа — все это пронеслось у меня в мозгу. Промелькнули и другие мысли, как дразнящие рыбки, но я позволил им ускользнуть. Я был не тем человеком, чтобы пользоваться ситуацией — никоим образом. И все же...

Все же лучше было бы присматривать за некоторыми вещами. Я потянулся, лишь чуть-чуть скованно, не больше; я почувствовал только несколько уколов в затекших мышцах и полузаживших ранах, в остальном же я поразительно хорошо себя чувствовал. Джип пошевелился, когда моя тень упала на него, вздрогнул, чуть потревожив раненную руку, затем, что-то бормоча, снова погрузился в сон. Тревожить его все равно было нельзя, равно как и никого из тех, кого я мог видеть. Лагерь спал; и только часовые шевелились на своих постах в тени. Я полез вниз по каменистому склону — к водопаду.

Вокруг водопада высоко росли деревья, подлесок был более зеленым. Когда я продрался туда, мое внимание привлекли цветные пятна на густых кустах с жесткими листьями. Полоски полотна пастельного цвета, совершенно порванные и бесформенные, пропитанные влагой — это были остатки одежды Клэр, разложенные для просушки. Я заколебался; мне стало неловко, но я все еще чувствовал, как она прижималась ко мне всю эту долгую ночь, все еще видел ее, исцарапанную и задыхающуюся, с трудом тащившуюся наверх, чтобы нанести удар капитану Волков в самое уязвимое место. Я вспоминал, как она держала в узде свой рассудок, ее силу духа в течение всего этого кошмара, который я на нее нечаянно навлек, — она все же была необыкновенным человеком. Даже когда она была просто моей идеальной секретаршей,

умницей, отличным работником, верной. Я чувствовал какое-то даже восхищение ею, сдержанной, но сильной, может, разве что чуточку чрезмерно заботливой. Я всегда видел, как много она помогала мне в моей карьере; я тоже приглядывался к ней. Но теперь мое восхищение стало гораздо более сильным, и вместе с ним было что-то другое, вроде первого резкого прорыва ростка сквозь его оболочку, сырое, влажное и ничем не ограничиваемое, пытающееся обрести форму и цель. Я увидел в ней что-то новое — что-то от Молл...

Я глубоко и судорожно вздохнул. Воздух был прохладным и наполнен ароматом цветов. Может быть, она всегда была мне нужна, но подсознательно я чувствовал, что она моя — в тех отношениях, которые действительно имели значение. Было ли это восхищение просто покровительственным или собственническим? А она — она что-то чувствовала ко мне, это ясно; чувствовала настолько, что из-за этого ее похитили. Может быть, поэтому ее многочисленные поклонники никогда не задерживались подолгу? Потому что настоящим был я?..

За кустами был маленький водоворот, и я мысленно представил себе, как она кружится, нежась, солнце сияет на ее боку, на распростертых руках. При этой мысли все дразнящие фантазии снова пронеслись в моем мозгу — старые, очень традиционные. Победитель получает награду; только храбрецы достойны красавиц — и все в таком роде. Не то чтобы я собирался навязываться ей. Возможно, что и слова будут не нужны, все просто получится само собой. В конце концов, это будет естественно — нечто уместное, нечто правильное. Что-то, что я заработал — мы оба заработали. К черту здравый смысл, к черту дистанцию. Возможно, она была права, Молл. Может

быть, я сам лишал себя... чего-то. Спокойно, неторопливо я раздвинул кусты и ступил через них на песчаный край пруда.

Клэр была там, но не одна. С ней вместе под стеклянными струями водопада стояла Молл, обнаженная, как и Клэр, по бедра в пенящейся воде. Она склонилась над Клэр, обвив ее руками, крепко прижимая к себе. Клэр тоже сжимала в объятиях Молл. Полуоткрытые губы Молл прильнули к губам Клэр в страстном жадном поцелуе. Обе женщины стояли неподвижно, они могли показаться статуями в фонтане, а их переплетающиеся волосы — вырезанной единой струящейся массой пепельного золота. Они меня не видели. Не имея ни малейшего понятия, зачем, я сделал один шаг вперед, и моя нога запуталась в одежде Молл, беззаботно брошенной на песке. Я тупо повернулся и снова ушел в кусты.

Все еще как в тумане, я вернулся на свой намест на скале и плюхнулся на землю. Там я тяжело сидел не знаю сколько времени до тех пор, пока не почувствовал, что между мной и солнцем легла тень. Прохладные руки легко легли на мои плечи, как это часто бывало в офисе, и задержались, чтобы помассировать и снять напряжение. Скандализованный, шокированный, я стряхнул их и сердито посмотрел вверх, услышав спокойное хихиканье Клэр. Она встретила мой взгляд взором широко раскрытых веселых глаз, слегка прикусила костяшки пальцев и с минуту стояла, созерцая меня и слегка покачиваясь с одной ноги на другую. Затем, когда стало ясно, что я не собираюсь ничего говорить, она пожала плечами и медленно удалилась вниз по склону к другому свободному месту на скале. Вытянувшись, она поймала мой взгляд и снова улыбнулась. Я отвел глаза, но только для того,

чтобы увидеть, что Джип проснулся и смотрит на меня своим ясным взором.

— Ты вдруг на нее разозлился. За что?

Я зарычал: — Рассердился? Я? С какой стати? Я просто... Господи, я беспокоюсь, как тебе, наверное, известно! Все еще беспокоюсь — за нее! Болтается вокруг вот просто так — проделывает вещи, о которых раньше даже не помышляла, черт бы ее взял! Ну, то есть обычно.

— Ты так уверен? Какие вещи?

— Господи Иисусе, парень! Разве это не очевидно? Я хочу сказать — ты только посмотри на нее! Бродит как... просто вьется вокруг всех и каждого, хихикает как дурочка — это не та Клэр, которую я знаю! И ей плевать — как будто думает, что это просто какой-то сон или фантазия!

— Держу пари, именно так она и думает! — негромко сказал Джип.

— Послушай, не мели ерунду! Ей ведь не нужно щипать себя — особенно, после того, как она врезала тому Волку в пах! И если она не знает, что не спит, значит, она рехнулась, черт побери!

Джип поднялся, болезненно поморщившись: — Я видел такое уже не раз — послушай, Стив! Она гораздо глубже вросла корнями в Сердцевину, чем ты. И потом, сдается мне, она больше привыкла пользоваться своим воображением. Тебе потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть ко всему этому, сформулировать для себя то, что происходит. Ты так уверен, что все это наяву, потому что у тебя нет ярких фантазий или, вернее, потому что ты все это понял. А ей ведь никто ничего не говорил. Она, конечно, знает, что бодрствует, но только в мире, которого не понимает. Она просто плывет по течению. Так что же, ты

удивляешься, что ей легче просто приписать это какому-то лихорадочному сну, горячке? Где путь наименьшего сопротивления — самый гладкий. Где лучше всего принимать все так как оно есть, идти туда, куда ведут ее инстинкты. И это куда лучше, чем просто сразу свихнуться, и, уж поверь мне, если бы она была хоть на йоту менее психически устойчивой...

— Замечательно! — прорычал я. — Значит, она просто думает, что она в какой-то несуществующей стране — где она может делать всевозможные вещи, которые никогда бы не сделала в нормальной жизни, и это не важно. Ну, например... всякие фантазии.

Джип хмыкнул: — Ну и что? А это важно?

Огромная желтая бабочка прилетела и уселась ко мне на колено. Я раздраженно согнал ее: — О'кей! А что будет, когда она обнаружит, что это не сон?

— Разве? Стив, я тебе гарантирую, дня через два после того, как мы привезем ее домой, ей именно так и будет казаться. Она будет помнить, что был какой-то переполох в офисе, что ты с какими-то друзьями вытащили ее из лап каких-то мерзавцев, и она будет им очень-очень благодарна — но в основном, тебе, потому что ты по-прежнему будешь рядом. Вот и все. А со временем и это сотрется.

— Да... но другие...

— Я буду страшно удивлен, черт побери, если они будут помнить. Воспоминания, что коренятся вне Сердцевины, — они долго не держатся, разве что их чем-то подкрепляют. Многому ты сам верил наутро после той первой ночи? — Я все еще переваривал его слова, когда он прибавил: — И разве это не хорошо? Что все, что она пережила, не оставит на ней следа?

Я задумался. Я чувствовал за собой такую огромную вину за то, что случилось с Клэр. Сначала я почти

боялся встретиться с ней лицом к лицу; но если эти воспоминания не будут ее преследовать... — Что ж, кажется, в этом есть смысл.

— Конечно, есть. Тогда что в этом плохого?

Я вскипел: — Плохого? Господи! Только потому, что она ничего не будет помнить... разве это оправдывает то, что она сейчас бросается на всех подряд — что каждый может воспользоваться...

— Да? Например, каждый, кто вдруг захочет поплавать? — Терпеливая улыбка Джипа смягчила колкость замечания — во всяком случае, почти. Я вспомнил, как сам мило пытался обманывать себя, и вздрогнул. Что-то от Молл, да?

Никто не любит выглядеть круглым дураком. Я сердито закусил губу: — Слушай, в этом не было бы никакого вреда! Совершенно необязательно, чтобы дело далеко зашло, а если бы и так, ну и что? У нее были молодые люди, это было бы нормально. Но между мной и Молл — огромная разница, черт бы побрал... я остановился на полуслове, стиснув зубы от смущения. Но Джип только широко раскрыл глаза — он все понял, и его улыбка стала немного кривой.

— Угу. Может быть, может быть. Похоже, ты чуть-чуть шокирован.

— Шокирован? Конечно, шокирован, и еще как! Я ведь знаю Клэр, не забывай! Я знаю ее уже несколько лет...

— Стив, большинство людей даже себя толком не знают! До тех пор, пока что-то не сорвет то, что на поверхности — может, сон или большая опасность — и не выплывет то, что лежит внизу. Сны и опасности! А у нее сейчас полно и того и другого!

— Но Клэр! Чтобы из всех людей именно Клэр!

Она просто милая нормальная девушка! Это ведь такие вещи, о которых она даже... — Я снова выдохся.

— Ну, в общем, нет, или это не лежит сразу под внешним слоем, правда? Но все равно это часть ее. Некоторые вещи, которые ты делал вчерашней ночью — тебе ведь тоже не снилось, что ты это можешь, но и это часть тебя. И многое другое, менее достойное. Улыбнись — ты же живой человек. Ты, я, Клэр — мы ведь не святые, черт побери. Иногда случается и оступиться. И если не перебарщивать, это может быть даже забавно.

— ЗАБАВНО! Господи, я хочу сказать, послушай, я не более искушен, чем любой другой человек, но Клэр... Клэр, а не кто-нибудь другой! ПОЧЕМУ? — Джип не ответил, и я продолжал размышлять, поеживаясь, несмотря на солнце. — Боже мой, не то чтобы я не понимал... притягательную силу этой женщины. Я на себе это ощутил. И сам летаю, как мотылек, вокруг той же свечи — ты же знаешь. Только мне потребовалось немножко не слишком дружественной помощи. И это было бы хорошо, так ведь? Для меня. — Я выплюнул свою горечь. — А я просто обжегся. ПОБЕДИТЕЛЮ... Только одни гораздо больше победители, чем другие, правда? Естес...

Джип сочувственно покачал головой: — Молл, Клэр... ради всего святого, мой мальчик, ты просто не знаешь, кого из них больше ревнуешь, так?

— Хватит об этом!

— Как скажешь. Так, значит, это на Молл ты так обозлился?

— Да! До смерти обозлился! А чего ты мог ожидать — что я буду плясать от радости, будь оно все проклято? — Но в моих словах прозвучала фальшивая нота, и через минуту я закрыл глаза и поник головой.

— Нет. Нет. Ах, ты черт. Я не могу, правда? Не могу даже ревновать. Мне не дозволено.

Глаза Джипа смотрели испытующе: — Боишься показаться малость неблагодарным?

— В общем, да! Самым неблагодарным сукиным сыном по эту сторону заката, но... — Я не стал договаривать. — Это ведь нечто большее, правда? Люди ее склада — это ведь у них в характере? Любить ровно столько, сколько им необходимо.

Джип с минуту в раздумье пожевал губами: — Стало быть, ты понимаешь. Ни за что бы не подумал, Стив. Ты полон сюрпризов.

— После замка — да, я понимаю. Во всяком случае, кое-что. Ты ведь мне говорил, так? О людях, что двигаются наружу, к Краю, так или иначе. Меняются и растут — во зло или к добру. И Молл одна из них. Из бессмертных, я хочу сказать. Или как вы их называете? Богини. Ну, по крайней мере, полубогини.

— Да, она как раз начинает становиться такой. Это нечасто можно видеть — когда на нее находит. Хотя, я думаю, оно должно всегда быть у поверхности — то, что заставляет ее так бороться со злом. А потом что-то просыпается и бац! Хотя, Иосафат! Я тебе прямо скажу — такой, как вчера ночью, я ее никогда не видел, вот именно такой, и так долго. Это она сделала огромный шаг вперед. В один прекрасный день, может быть, через много-много лет, это прорвется навсегда, и в конце концов, она просто сбросит внешнюю оболочку, как старые лохмотья, и засияет чистотой. Но до той пор у нее есть свои чувства и слабости, как у других, может, даже больше. И когда этот приступ проходит, она становится слабее всего — целиком. Тогда она на самом деле скатывается вниз. Ей нужно... — Джип нахмурился. — Не знаю. Любовь, утешение.

И она тянется к тому, к чему может. — Он еще с минуту задумчиво смотрел на меня. — Больше не сердись?

Я вздохнул. — Нет. Наверное, нет. Это просто... ну, древние греки — со своими сварливыми богами и богинями...

— Да?

— Неудивительно, что они в конце концов стали философами, вот и все.

Он негромко рассмеялся: — Я там был. Поверь мне!

Но не стал вдаваться в подробности. Пришла моя очередь оценивать его: — А как насчет тебя, Джип? Ты тоже понемногу становишься богом?

— Я? — Я думал, он опять станет смеяться, но он был, казалось, слегка шокирован таким предположением, как начинающий служащий, которому предложили стать вице-президентом. — Нет! Я ведь едва прожил свой первый век. Мне надо пройти долгий путь — если захочу. Только вот сомневаюсь, что когда-нибудь мне этого захочется. Сдается мне, я так и буду ходить по кругу, до тех пор, пока не иссякну, но, по крайней мере, это не будут вечно сужающиеся круги. Двигайся, живи, чтобы кровь бежала по жилам, и оттачивай свои пороки до тех пор, пока счетчик не отстучит свое, — вот как живут большинство из нас. Но некоторые, у кого есть настоящая страсть, настоящий дух, — они начинают терять вкус к чему-то еще. Они сужаются, они шлифуются, оттачивают себя до остроты кончика иглы. Они все больше и больше становятся похожи на свою страсть, в них это сразу видно.

— Как Хэндз!

— Точно, как Израэл Хэндз. Если он проживет

достаточно долго и хотя бы наполовину не выживет из ума, он догорит до того, что у него станет разум огня, искр и летящего железа. Может, превратится в чьего-нибудь бога пушек, когда-нибудь, со временем, и его будут свистать на все церемонии, где отливаются новые пушки или будут приносить ему в жертву канониров, чтобы лучше их наводить. А может, когда в небе будет бушевать буря, где-нибудь люди будут говорить своим детям: — Гляньте-ка! ЭТО ПУШКИ ИЗРАЭЛА ХЭНДЗА РАСПУГИВАЮТ ЗВЕЗДЫ! — Мы прыснули со смеху, хотя у меня все еще не прошла горечь. — Но вот Молл, — задумчиво произнес Джип, — ее труднее вычислить. Справедливость — вот часть ее страсти, но и хорошая битва — тоже, и музыка. И какая-то мудрость, интуиция, когда ее меньше всего тревожат...

Я кивнул, думая о той звездной ночи у руля, когда она вытянула из меня всю правду о моей жизни, а это получилось бы у немногих. Джип продолжал настаивать.

— Говорят, в основном у таких, как она, это и получается. У тех, кто достигает Края, может, даже пересекает его — кто знает? — и возвращаются назад преображенными. Возвращаются где-то, как бы там ни было, ведь чем дальше ты продвигаешься к Краю, тем меньше значит время. Может, она уже вернулась. Может, мыплы с Минервой, Стив, мой мальчик; или с Дианой. Или же с какой-нибудь призрачной богиней наших далеких предков, что жили в пещерах среди Великих Льдов. Или с какой-то силой, которую знает только будущее, когда все эти ваши умные ящички заползут назад, на силиконовые пляжи, откуда они явились. Не знаю. И никто не знает. Но это может случиться, это точно.

Мысль была отрезвляющей. И когда Молл чуть позже пришла с пляжа, я был готов к тому, чтобы посмотреть на нее новыми глазами. Но она выглядела обыкновенной, как никогда, даже бледной, с кудрями, облепившими ее лицо, костлявой и несимпатичной, не тонкой и изящной. Она казалась осенним лесом, который ветер лишил листьев, и она избегала встречаться взглядом со мной или, как я заметил, с Клэр. Тогда до меня дошло, что, по-видимому, вчерашняя ночь стала для нее опытом более сокрушительным, чем для кого-либо из нас. — Не задерживайтесь более десяти минут! — коротко сказала она. — Потом поднимайтесь и пойдем прямо на корабль! — Раздался хор стонов и жалоб, но она резко обернулась к нам: — Вы, безмозглая шайка скулящих болванов! Что, ждете еще одной адской ночи, как в бедламе, в лесах? Мы едва успеем на берег до заката!

Это сработало. Никому не понадобилось лишних десяти минут, а мое страстное желание искупаться таинственно пропало. Мы вдруг запрыгали и засуетились, стали застегивать ремни, заряжать пистолеты и освобождать мечи в ножнах. Когда мы отправились в путь, Клэр пошла рядом со мной и совершенно естественно взяла меня за руку; затем, отыскав глазами Молл, протянула ей другую руку. Молл заколебалась, видимо, слегка обескураженная, пока я нетерпеливо не помахал ей, зовя к нам. Мне это не стоило особых усилий. Клэр поставила Молл между нами, и я почувствовал, как рука Молл взяла мою и сжала ее, словно она висела на утесе и это было единственное место, за что она могла ухватиться. Мое возмущение быстро таяло. Ее судьба могла быть самой одинокой из всех человеческих судеб — и если она действительно будет

помнить меня тысячу лет, пусть лучше вспоминает без горечи.

Тропа вскоре стала крутой и узкой и развела нас, плюс нам приходилось помогать Джипу. Поскольку он не мог цепляться за ветви и отростки, он все время скользил, и каждый рывок был для его руки агонией. Он еще ухудшал положение тем, что все время пристально вглядывался по сторонам во все, что угодно, но не смотрел под ноги. Раны были обработаны тем, что оказалось под рукой: мои обожженные порохом руки — горьким соком алоэ, например, но у Джипа не было ничего, что могло бы успокоить боль, не считая единственного утешения — он разнообразно и цветисто поносил прострелившего его Волка и свою собственную глупость.

— По крайней мере, он не пробил кость, — ободрила Джипа Клэр. — Разве что немного поцарапал ее. Дюймов выше — и он мог по-настоящему сломать тебе руку...

— Он ее чисто выбил, — сурово сказала Молл. Она казалась такой же нервной, как и Джип, и постоянно оглядывалась через плечо.

Клэр сочувственно вздрогнула: — О Боже! Что ж, тебе, по крайней мере, повезло, что у него не было автомата.

Я пристально взглянул на нее, но она только улыбнулась. Все было именно так, как говорил Джип: она жила во сне, почти со всем соглашаясь и не задавая вопросов. Не думая о том, как подействует то, что она говорит. И тем не менее, это была прежняя Клэр, это точно. Сознательно или нет, она очень хорошо все подметила.

Они ведь были такими всеведающими вонючками, эти Волки. Я не мог себе представить, что они упус-

тили бы шанс расширить свои возможности наносить увечья. Почему же ни у кого из них не было современного оружия? Они, конечно же, могли раздобыть его достаточно легко. Почему не пистолеты-пулеметы Томпсона или М-16 вместо абордажных сабель? Почему, раз уж на то пошло, не морские орудия вместо пушек, заряжающихся с дула? Почему не быстрые суда-истребители вместо парусных кораблей? Мне никогда не приходило в голову спрашивать об этом. Однако во время одного из наших коротких привалов, в полдень, в широкой тени огромного «звездного яблока», Джип был более или менее готов к разговору — подозреваю, потому что это отвлекало его мысли от боли или других вещей.

— Конечно, они могли бы их использовать. Мы тоже. Время от времени какой-нибудь остолоп дорывается до того, что ты и я называем современным оружием, и поднимает изрядный переполох, в основном, до тех пор, пока не забивает ими все битком или же у него выходят боеприпасы. И что потом? Все шансы за то, что окончательно все погубит, пытаясь отремонтировать. А что касается боеприпасов, так он, конечно, мог бы отлить ручную оболочку для пуль 45 калибра, я так думаю; или, наверное, сделать ручную кожухи или сохранить использованные. Напихать в них черного пороха или пироксилина, в половину их мощности — но сделать боеголовки, фульминат ртути или что-то в этом роде — это уже трудная работа. Такая же трудная, как изготовить ручную целый новый мушкет, даже нарезать канал ствола — такого, чтобы его можно было заряжать, не наделав при этом бед. Ну, положим, он ухитрится сделать и это — а потом его второй или третий кустарный снаряд взо-

рвется в казенной части и начисто оторвет ему руку. Понял?

— Начинаю понимать, — задумчиво сказал я. — Они здесь слыхом не слыхивали о промышленности — о массовом производстве...

Джип сделал беспечный жест: — Да слышали, конечно. Но промышленность велика; она собирает людей вместе, связывает их. И чтобы произвести ваше современное оружие или суда или что-нибудь другое, нужна целая цепочка различных отраслей промышленности. А здесь люди долго не задерживаются, иначе рано или поздно Сердцевина снова засосет их. Так что кому здесь очищать нефть для ваших быстроходных судов? Кто станет делать пули, патроны и поршневые кольца? Или хотя бы регулировать паровые цилиндры? Здесь от силы-то одна-две верфи — и рабочие вечно приходят и уходят. Но необходимости в чем-то большем нет, нам хватает и этого. Здесь у нас человек может жить и бороться так, как ему заблагорассудится, так, как мы делали всегда...

— До самой Промышленной Революции, — задумчиво докончила Клэр, делая круговые движения головой. — Вроде барьера...

— Чего? — Джип с сомнением посмотрел на нее. — Ты случаем не из из этого профсоюза — «Индустриальных рабочих», а, леди? Брось ты это дело. По мне так я рад, что вам дали право голоса,

Я поспешно вмешался: — Она хочет сказать, что здесь вы никогда не сможете пойти тем путем, каким пошла Сердцевина. А там многие люди на самом деле считают, что тот путь был ошибочным. Правда, я — нет! Хотя должен признать, что здесь у вас жизнь без прогресса лучше, чем я мог ожидать — в отношении медицины, например...

Джип забылся, собрался было пожать плечами и вздрогнул от боли: — Да, прогресса здесь не хватает, это верно. Зато у нас есть другие преимущества...

Клэр подняла голову с моего колена и усмехнулась: — Ты хочешь сказать, недостатки, правда?

— Леди, я хочу сказать сказать то, что сказал. Ты пока видела только дурную сторону. Но на нас здесь работают другие вещи. Другие силы, другая мудрость.

— Магия?

— Это только слово. Но оно охватывает очень-очень многое, черт побери. Ну, например, то, что заштопает мне руку через несколько часов, стоит нам ступить на палубу «Непокорной» — а это, похоже, будет не так уж скоро. Сколько нам еще осталось?

— Несколько миль — четыре, по-моему. В основном вниз. Мы обошли хребет стороной, так что выйдем на берег дальше — с другой стороны бухты.

— Несколько миль! — эхом отозвался Джип и бросил быстрый взгляд на солнце и стоявшие позади нас холмы. — Тогда вам придется тащить меня за ноги.

— Ты справишься, — твердо сказал я. — Я ввязался в это дело, спасая твою шкуру. Что ж, по-твоему, я допущу, чтобы мои старания пропали даром?

Я ничего не сказал об этом тогда, когда Клэр была поблизости и могла услышать; но именно с того момента, когда я вспомнил те безумные мгновения на окутанной туманом верфи, что-то стало беспокоить меня. И в течение всего обратного пути эти мысли не давали мне покоя, и не раз я ловил взгляд Клэр, недоумевавшей, почему я стал таким молчаливым и озабоченным. Однако я хотел дождаться, пока смогу поговорить с Джипом наедине, а такой случай не представлялся мне часами. Мы карабкались вниз по последнего склону, нервно продираясь через заросли

алоз, острого, как абордажные сабли. Тот маленький кусочек неба, что мы видели сквозь деревья, быстро краснел; но по крайней мере, мы поняли, что успеем вовремя, когда те, кто шел впереди, закричали и стали возбужденно показывать пальцами. У подножия склона была видна слабая полоска света — это далекий берег проглядывал сквозь кромку леса. Сразу почувствовалось облегчение, настроение у всех, даже у раненых, разом поднялось — это было заразительно — у всех, кроме Молл и Джипа. Молл была мрачной, молчаливой, настороженной, резко отворачивалась от каждого, кто с ней заговаривал. Джип стал необычно для себя неразговорчивым, даже хмурым и таким нервным, что вздрагивал при малейшем звуке, а их в этом сумеречном вечере было предостаточно.

— Что ж, — отважился сочувственно сказать я, помогая ему сесть после того, как он как-то здорово упал, — тебе сейчас туго приходится, но, по крайней мере, тащить тебя нам еще не надо...

— Туго! — согласился он, держась за больную руку. — Ах, черт, могло бы быть в сто раз хуже. — Он оглянулся назад, на склон, на минуту прислушался, потом покачал головой. — Должно было быть хуже, если разобраться.

— Жаждешь наказания, так, что ли?

— Проклятие, нет, конечно! Мы очень легко отделались, вот и все. Даже слишком. Сколько Волков они натравили на нас прошлой ночью — полторы сотни? Не больше. О'кей, тогда остается еще больше половины из тех, что были на борту, и неизвестно, где они. Где они были, когда кончилась заваруха?

Я стал помогать ему встать: — Так это тебе не дает покоя? Наверняка прикрывали тропу. Лежали в засаде. Они не ожидали, что мы потащимся через лес —

я сам этого не ожидал, сказать откровенно. Если нам не изменяет удача, они все еще бродят там, наверху...

— Да, если нам не изменит удача! — мрачно отозвалась снизу Молл. — Но с наступлением ночи все может измениться. Довольно медлить, это не подобает мужчине!

— Он же стоять не может! — сердито заявил я, но Джип оттолкнул меня и, шатаясь, поднялся на ноги.

— Она права. По мне, так я не буду чувствовать себя в безопасности, пока не ступлю прямо на палубу старушки «Непокорной»!

С его словами все мои тревоги проснулись: — Да... а что потом?

— Потом? — При этой мысли Джип приободрился. — Дом и красавица, и долой огромную тяжесть с твоей души — в основном, в золоте!

— Видит Бог, вы все это честно заработали! Только вот как же я?

Он бросил на меня взгляд, хотел ответить шуткой, но потом явно передумал. — О'кей, ну и что же ты?

— Ты сказал, Клэр... не будет помнить в действительности о том, что произошло. А как же я? Я тоже просто все забуду?

Джип проковылял мимо меня вниз по грязному склону, в удушливо-ароматные заросли гибискуса впереди. — Все зависит, — бросил он через плечо. Поймал здоровой рукой ветку и стал неуверенно пробираться вниз.

— От чего? — Скользя вслед за ним, я снова повторил свой вопрос. — Джип, я хочу знать! Это важно для меня, черт возьми!

— Стив, — выговорил он сквозь стиснутые зубы, — это не так просто... если бы я мог сказать... я бы сказал... о'кей?

Наши башмаки оступались и скользили, раня яркие цветы гибискуса, и цветы истекали блестящим черным соком, капавшим на землю. Я больше ни о чем не спрашивал.

Я увидел, как внизу, среди деревьев матросы, шедшие впереди, пустились бежать, и Молл ничего не сделала, чтобы их задержать, а только остановилась и нетерпеливо помахала нам, чтобы шли быстрее. Клэр, осклизаясь, вернулась, чтобы помочь нам, и длинный низкий луч заходящего солнца блеснул на ее голых ногах и зажег огненные самоцветы в ее волосах. Вместе с другими отставшими мы, спотыкаясь, ступили в высокую траву, шелестевшую на легком ветру. Сквозь последнюю завесу деревьев я увидел серо-голубое шампанское океана и край солнца, сверкавший последним яростным светом на фоне душивших его туч.

Море на мгновение засверкало цветом свежей крови; свет потускнел. Мы вышли на берег в первой вспышке розовых островных сумерек. Там стояли корабли — в одной-двух милях от берега, в уединенном рукаве бухты. По спокойной воде пробегала легкая рябь, как дыхание, затуманивающее зеркало. А на берегу стояли лодки, и их вид подстегнул даже раненых, и они, забыв о боли, заспешили к лодкам, стремясь поскорее уйти даже из тени этого леса. К ним с готовностью и нервным нетерпением протянулись руки помощи, люди оглядывались назад, на линию деревьев, в то время, как колонна отставших неровно тянулась по берегу. Мы еще не были под прикрытием пушек «Непокорной» и дергались, как котята, при каждом шорохе. По рядам хриплым шепотом отдавались приказы. Пистолеты щелкнули — курки были взведены, мечи вынуты из ножен, и любая взлетающая вверх птичка рисковала сразу десятком

смертей, хотя, к счастью, никто не оказался настолько глуп, чтобы стрелять. Подойдя на достаточно близкое расстояние мы лихорадочно замахали руками кораблю — мы не решались позвать громко — и получили лаконичный отклик. Он показался нам первым ощутимым звеном, связывавшим нас с безопасностью, каким бы слабым ни было это звено, — ниточкой, за которую цепляется человеческая жизнь. Мы все почувствовали, как наше настроение поднялось и подпрыгнуло, как лодки, ожившие под нашими руками, когда мы потащили их в легкий прибой.

Когда мы беспрепятственно плюхнулись в лодки, нам показалось, что напряжение почти разрядилось. Я даже услышал, как некоторые отчаянные головы жалеют, что Волки не погнались за нами, не то они бы им показали, где раки зимуют. Когда первая лодка отчалила с мелководья и на минуту в поле зрения показался замок, раздался громкий, вызывающий, насмешливый вопль. Я вспомнил дрожащий, мясистый глухой удар, когда мой меч вошел в тело капитана Волков, и стиснул зубы от торжества, забыв, как страшно я тогда был перепуган. Я обхватил Клэр за плечи и крепко обнял. Она посмотрела на меня и засмеялась; и мы стали следить, как с каждым ударом весел ненавистный берег стал удаляться все дальше.

Только Молл, казалось, не разделяла всеобщей радости, и, пожалуй, Джип. Молл неподвижно сидела на корточках на носу другой лодки, рука у меча, и постоянно переводила взгляд с корабля на берег, словно прикидывая расстояние, которое могла пройти неведомая угроза, посланная нам вслед. Джип в изнеможении лежал на корме нашей лодки, но его взгляд все время скользил в том же направлении — от корабля к берегу и назад. Через несколько минут он

стал пытаться согнуть покалеченную руку, чтобы не дать ей затечь.

— Прекрати это, самоубийца! — сказал я. — Сейчас опять кровь пойдет.

— Пойдет, конечно, но я хоть смогу ей пользоваться! — спокойно возразил он. — Я же сказал — пока не ступлю на палубу. Даже и тогда, наверное, не успокоюсь. Мы слишком легко уходим.

— Двенадцать погибших и восемнадцать раненых — это легко?

— В общем, нет. И, может, Молл нагнала на них страху... самой Молл. Но держу пари, они так быстро не сдадутся — только не Невидимые. Они замышляют снова устроить нам ад. Может, он уже здесь. — Его покрасневшие от боли глаза на мгновение остановились на Клэр. — Может, мы возьмем его с собой.

Клэр отступила и прижалась ко мне: — Что он говорит?

— Ничего. Он бредит. Кончай с этим, Джип! Это ведь просто Клэр, верно?

Он кивнул, весь в поту от сгибаний руки. — Верно. Я доверяю твоим чувствам, Стив. Просто хотел увериться, вот и все. — Он откинулся и закрыл глаза. Я обнаружил, что слегка отодвинулся от Клэр, оглядывая ее с головы до ног и сурово встретив ее взгляд.

— Просто Клэр, — повторил я, и она довольно неуверенно улыбнулась.

Все равно было большим облегчением оказаться под прикрытием «Непокорной» и увидеть махавшего нам с носа помощника капитана. Скрипнули краны, и я заметил Мэй Генри с головой, повязанной яркой банданой, среди сонных рук, протянувшихся, чтобы спустить нам веревочные лестницы.

— И обвязки и кресла для раненых! — нетерпеливо крикнула Молл. — Пошевеливайтесь, бездельники!

Бросив последний взгляд назад, на берег, она стала подгонять людей к лестницам, помогая тем из раненых, кто не мог залезть сам. Я уже помогал Джипу подняться наверх, Клэр была под нами; Молл карабкалась по ступенькам лестницы мимо нас, ругая тех, кто шел впереди, за медлительность. Вместе, оседлав поручни, мы подняли Джипа и перебросили его на борт. Услышав, как его ноги решительно ударились о палубу, я уже собирался пошутить по поводу его определения безопасности, как вдруг увидел выражение его лица. Я резко поднял глаза вверх — и замер.

Этого от нас и ожидали. Ужас зрелища, представившегося нашим глазам, удержал нас на месте именно столько, сколько было нужно. На рее поднимался, болтаясь наверху с петлей на шее, гротескно изогнувшийся труп желтой собаки...

Над нами словно взорвались заброшенные сети, поймали Клэр, когда она открывала рот, чтобы кричать, Молл, когда она перебрасывала ногу через поручень, вынимая меч, меня, когда я поворачивался, чтобы криком предостеречь остальных. Нас резко рванули назад, мы перевалились через поручень и кучей сплетенных тел полетели на палубу. Все происходило в молчании; но тут вдруг раздался хриплый крик.

Я рванул сеть, только еще больше запутавшись в ней, зато освободил Джипа, ближайшего к краю. Он вскочил и бросился на поручень. Через палубу за ним прогрохотали тяжелые башмаки, но я увидел, как он бросился за борт совершенно невероятным нырком, выбросив вперед раненую руку. Снизу раздался крики и всплески — матросы, предупрежденные

шумом борьбы, попрыгали с лестниц в лодки. Раздалось жуткое завывание Волков, треск пистолетных выстрелов и буханье мушкетов. Мой меч оказался зажатым подо мной, я пытался его достать, корчась и извиваясь, как пойманная рыба, а Молл цеплялась за сеть и рычала поверх меня. Затем, поставив колено мне на живот, она приподнялась и захватила в руки две огромные пригоршни сети, собираясь разорвать ее, и ей это бы удалось, даже при том, что ее внутренний огонь погас. Но над нами нависла Мэй Генри — лицо ее напоминало сырое тесто, глаза были стеклянными, и злобно ударила кофель-нагелем; Молл упала на меня, дергая ногами и держась за голову, и я почувствовал, как она дернулась еще раз, когда кофель-нагель снова опустился на ее голову.

От силы удара бандана соскользнула с головы Мэй Генри, и Клэр, зажатая подо мной и Молл, вскрикнула от ужаса. Под банданой в горле пиратки зияла огромная рваная дыра, черная бескровная борозда, сквозь которую был виден даже блеск спинной кости. Я с воплем вскочил, сбросив с себя Молл, и схватил Клэр. Все еще опутанный сетью, я потащил нас к лестнице, ведущей на квартердек, и мне это почти удалось — появился какой-то прилив сил. Однако я поскользнулся в луже смолянистой слизи и с грохотом упал, чуть не повалившись на что-то жуткое, валявшееся в дверях каюты полубака. Искореженная огнем масса, окруженная огромной звездой обугленной древесины, только смутно напоминавшая человеческую фигуру; но по пряди длинных волос и обрывка черных лохмотьев, сохранившихся в одном углу, я понял, что это была девушка, которую Ле Стриж называл Пег Паулер. В этот раз они пришли подготовленными, и загрязненная вода не смогла погасить их огонь.

Меня схватили за волосы, рывком откинули голову назад. Я смотрел вверх на лица Волков и другие физиономии с суженными от торжества и вожделения темными глазами. Эти физиономии нельзя было назвать красивыми, их линии были более странными, чем у Волков. У них были отвислые ушные мочки, губы изрезаны шрамами, лбы странно плоские и зауженные, и все это было покрыто замысловатым узором чего-то черного: краски или татуировки, так, что почти полностью закрывало медновато-желтую кожу внизу. Что-то взлетело в воздух на фоне сияющего неба и опустилось. Вспышка света, как агония...

Не знаю, полностью ли я вырубился и на какое время. Кажется, я чувствовал, что меня переворачивают, моя голова тошнотворно билась о палубу, ощущал хватку ремней, от которой останавливалась кровь. И я помню, как меня буквально поставили на ноги, скрученного, как борова, — руки, которые были смертельно ледяными. И тем не менее, я, по-моему, был уже тогда на берегу, покачивание было качанием шеста, к которому я был привязан, в листьях снова пел шорох ветра. Моим первым четким воспоминанием была тошнота, приступ рвоты, подступившей к горлу, паника и кашель, когда я чуть не захлебнулся ею. Мне едва удалось повернуть голову и очистить горло, и после этого, хотя мой череп разбухал и сжимался при каждом пульсирующем ударе сердца, я почувствовал себя более живым и готовым воспринимать окружающее. Правда, я был совершенно разбит, измучен, голова кружилась; я даже не был уверен, было ли то, что я мог видеть из несущей меня процессии, наяву или в горячечном сне: мелькание и сверканье вроде факелов, стук вроде барабанного боя и тихий гул голосов. Длинные конечности Волков

шагали и шаркали, полупританцовывая в такт глухому барабанному бою. Более короткие ноги шли рядом, голые и покрытые тем же черным узором; красный свет факела и двигающиеся мышцы придавали ему жутко живой вид; это было похоже на решетку, ведущую в ад. Только несшие меня ноги не приплясывали, но тяжело ступали, свинцовые и твердые, как какие-то свинцовые быки. Они не обращали ни малейшего внимания на встречавшиеся им препятствия, но налетали на них или так же небрежно проходили мимо и били о них меня. Избитый, исцарапанный, больной, я потерял всякий счет времени, пока меня не бросили в мягкую траву, при этом шест оказался поверх меня. от удара у меня в голове снова все поплыло. Я едва уловил хриплый шепот, раздавшийся рядом, в темноте.

— Привет.

Сперва я не мог говорить. — О... привет, Джип. У тебя ничего не вышло, да?

— Они поймали меня на мелководье. Все эта распроклятая рука! Не Волки, Караобы — не слишком милые ребята. Пару раз подержали мне голову под водой — просто ради спортивного интереса — Бог знает, почему они не dokonчили дело.

Ко мне стал подкрадываться страх: — А остальные? Молл... Клэр...

— Клэр я видел. Зомби бросили ее вон там, неподалеку — пока живую и невредимую. Молл я не видел...

— Она... они ее довольно сильно ранили, Джип. — Я больше ничего не хотел говорить, а он и не хотел услышать.

На какое-то время Джип замолчал, слышались

бормочущие голоса Волков. — Во всяком случае, шкипер здесь, и те, кто остался из экипажа.

— Джип... ты видел? Мэй Генри...

— И помощник — и Грей Колл, Паршивец Мак-Илвейн, Дикон Меррет — да, я видел. Господи, аккуратную штуку они провернули. Взять меня — я сначала наполовину боялся, что они захватили корабль — сразу, как увидел, что замок — это ловушка. В этом был смысл — но когда я увидел, как они машут, естественно, как ни в чем ни бывало... За этим стоит что-то большее, чем просто Волки или эти индейцы. Здесь нужны мозги.

Я вздрогнул в прохладном бризе: — Индейцы... а кто они вообще такие?

— Американды. Караобы — за это даго и прозвали так море. После того, как почти вырезали их или взяли в рабство. Они, в общем, неглупые ребята — те, что остались. Только это не они.

— Ты хочешь сказать — это те, что здесь были изначально? Еще один пережиток прошлого?

— Похоже, что так. — Джип замолчал — к нам приблизились шаги, на минуту остановились, затем поспешили прочь. — Ты сказал — они сильно ранили Молл?

— Она... может быть, она умерла, Джип.

— Тогда это будет их самая большая ошибка за всю жизнь, — наконец, выговорил Джип — задумчиво, даже не мстительно. — Она... — Я услышал, как он задохнулся и ахнул от удара башмака. Меня угостили следующим, не слишком сильно, но прямо по почкам. Извиваясь, я только смутно осознавал, что меня отвязывают от столба. Руки и ноги у меня были по-прежнему связаны, меня потащили через траву, которая внезапно оборвалась на голой каменистой

почве, где меня и бросили. Я лежал, моргая и думая о том, каким ярким казался свет факела, потом чья-то рука схватила меня за волосы, подняла и поставила на колени, и я увидел два высоких костра, между ними — белые камни и снующие туда-сюда темные фигуры.

В тот момент я не разглядел их, потому что неожиданно загремели цепи, и вокруг моей шеи сомкнулось холодное, как лед, железо, больно прихватив кожу. Я инстинктивно отпрянул — и понял, что не один. Клэр и все оставшиеся в живых члены экипажа, среди них — Пирс, Хэндз и похожий на краба маленький стюард, были брошены рядами на землю рядом со мной, скованные между собой чем-то, напоминающим старинные шейные колодки рабов. И рядом со мной, в неприятной близости, сидел сам Ле Стриж. Он поднял верхнюю губу в некоем подобии саркастического приветствия, но я уже не обращал на него внимания, потому что следующей в ряду сидела Молл. Живая; но ее голова свесилась, по лицу разливалась смертельная бледность и толстый сгусток крови склеивал кудри на ее лбу. Ее опущенные глаза были погасшими и затуманенными, и у меня упало сердце. Я понял, что у нее сотрясение мозга, если не проломлен череп. Я как-то был свидетелем дорожного происшествия, и там один тип выглядел именно так; он умер в машине скорой помощи.

Сдавленное ругательство сообщило мне, что Джипа бросили прямо рядом со мной. — Ну, и что это такое? — резко спросил он. — Мы стоим в очереди на жертвоприношение или как?

— Несомненно, — прошипел Стриж сквозь сжатые зубы. — Хотя я бы на твоём месте не стал особенно туда торопиться.

Я знал, что он имеет в виду. Мои глаза стали

привыкать к свету, и чем больше я видел толпу, собиравшуюся здесь, тем меньше она мне нравилась. Помимо Волков здесь были обычные мужчины и женщины и среди них немало явных гаитян. Однако не все были чернокожими деревенского типа и выглядели лучше откормленными и довольными жизнью. Остальные были мулатами — могущественной аристократией Гаити — ухоженными созданиями, которые могли прилететь из Лондона или Нью-Йорка. На их шеях и пальцах блестело золото, в свете огня сверкали драгоценности; на некоторых были элегантные напудренные парики и монокли, однако другие расхаживали в роговых очках и носили на запястьях шикарные часы «Ролекс». Надетые на них тяжелые платья были хорошего покроя, висевшие на них веверы и другие странные символы сияли блестками и золотой канителью. Эти элегантные существа гротескно смешивались с голыми каранбами в их военной раскраске, однако последние звенели столь же ценными украшениями: не просто медными побрякушками и спиралями на руках, шее и лодыжках, но кольцами из чистого мягкого золота, свисавшими из их изуродованных мочек, золотыми палочками, продетыми через губы и носы и отсвечивавших красным в пламени костров. То там, то тут в толпе мелькали белые лица — белые всех оттенков, бледные, как старый пергамент, или бесцветно-белые, как у альбиносов; у многих из них тоже были тяжелые серьги и украшения, сделанные по давно позабытой моде, зато у других были явно современные прически и даже очки. Одна матрона с волосами, выкрашенными в голубой цвет, разразилась украшениями из алмазной пыли — чистое пижонство в стиле Палм-Бич, что выглядело здесь невероятно гротескным и зловещим. У меня появилось странное

чувство, что я наблюдал сборище откуда-то издалека, из давних лет ужасной истории острова; и я знал, что это могло быть правдой.

Но каково бы ни было их происхождение, раскачивавшиеся, теснившиеся под этот мягкий сложный ритм, они все казались похожими, ужасающе похожими. Если я когда-либо и ставил под сомнение братство людей, то в эту ночь я увидел, как оно продефилировало передо мной — все, что было в нем самого худшего и темного. Родство — ужасная штука, когда оно выражается в холодном, всепожирающем взгляде, безжалостном, жестоком, совершенно эгоистичном или откровенно злобствующем, оценивавшим нас как возможность интересного шоу. Я мог представить, что так смотрели на своих пленников на арене римляне, или хищные западные туристы в каком-нибудь отвратительном бангкокском кабаре — больше с жестокостью и восторгом деградации, а не с простым старинным вожделением. На меня это произвело меньше впечатления, чем могло бы; я слишком беспокоился за Молл и Клэр. Но на мгновение мне действительно пришло в голову, что можно быть и хуже, чем просто пустым. Если моя жизнь была пустой, ничем, кроме амбиций, не заполненной, то она хотя бы не была заполнена такими ощущениями, и ей не двигало то, что двигало этими людьми. По крайней мере, моя пустота была нейтральной — может, это было и не очень хорошо, но и не очень плохо, я ведь не обделял никого, кроме себя. Или обделял?

В определенном смысле для меня это было примерно то же, что и удар по голове — внезапный шок понимания. Они ведь тоже могли быть амбициозными, эти люди, так же, как и я. Выглядели они во всяком случае именно так — точно так, как и люди, которых

я знал. Они могли вырезать из своих жизней все остальное, так же, как я; получили все, что хотели и где хотели — и что потом? Плато. Некуда больше идти или долгое-долгое ожидание. А что они могли сделать потом? Я уже начинал ощущать ее, эту пустоту в моей жизни, это грызущее недовольство — ровно с того момента на светофоре. Одни амбиции, случайный секс — со временем я все меньше получал от них удовольствия, от этих моих стерильных радостей. А когда они, наконец, иссякнут, что тогда? Что бы я стал искать потом, чтобы заполнить свою пустую жизнь? Какой кратчайший путь к наградам, которых, по моему мнению, заслуживал, к свершениям, которыми, как мне казалось, был обделен? Что еще я мог бы встретить, и при этом не распознать зло, ибо не оставил в себе достаточно чувства, достаточно умения сопереживать, чтобы судить об этом? А если допустить, что набрел бы на что-нибудь вроде этого... Неужели в одно прекрасное утро я мог бы проснуться и увидеть тот же взгляд в своем зеркале во время бритья?

Они кружили взад-вперед, болтали, пили, протягивали руки, чтобы, проходя мимо, погладить высокие камни. Камень был запачкан и изранен чем-то вроде дыма от костра; дым высвечивал на них какое-то подобие знаков, грубо нацарапанные изображения, не заслуживавшие даже, чтобы их назвали примитивным искусством. Они казались детскими, даже дурацкими, и тем не менее это эlegantное общество приветствовало их в почти чувственным благоговением.

— Отведите меня на бал! — лаконично заметил Джи. — Что это их так притягивает, старик? Какой-то ХУМФОР, правильно?

Стриж насмешливо ухмыльнулся: — Более того, дитя! Ты можешь прочитать знаки на этих камнях?

Думаю, нет! Работа этих краснокожих дикарей, этих обезьян-КАРИБАЛОВ, вырезано до того, как другие люди пришли на этот остров. Это СОБАГИ, алтарь, одна из их древних святынь — а их культ, если ты помнишь, был весьма забавным.

— Подожди минутку, — сказал я, и у меня внутри вдруг все упало. — Их именем названо не только море, верно? Карибалы... КАННИБАЛЫ?

— Сообразил, — сказал Джип. — Представляешь, как они дерутся из-за наших останков? По мне — так пусть меня лучше слопают кариобы — в любом случае.

— Да? — Стриж сплюнул в пыль. В его голосе звучало ядовитое презрение. — Чтобы они тебе живому **рас**кроили бока и набили их травами и перцем для вкуса? Они поклонялись жестоким богам, это племя, молясь, чтобы их несчастные соседи служили пищей для их обрядов. Когда с ними смешались рабы, выросшие в жестокости, сформировавшиеся под плетью и клеймом, — о, они прекрасно поняли такое поклонение. Некоторые приняли его и соединили с собственным колдовством Конго и жестокостями, которым научили их хозяева. Тогда они стали поклоняться новому богу, тому, кто поставил себя выше других, чьи ритуалы могли согнуть их и подчинить его воле. Культ гнева и мести, черпающий свою силу из всего того, что обычные люди называют низким.

Стриж обернулся ко мне, и на его костлявом лице играли разные эмоции: — Ты, мальчишка — слышишь эти барабаны? Слышишь? Ты, кто не оставил все как есть, стал вмешиваться в дела сил, которые выше твоего пустого понимания! Это те барабаны, что я заставил тебя услышать там, далеко, за океаном и закатом, — тамбур марингин. Они произносят имя, сначала тихо, потом громче, до тех пор, пока холмы

не запульсируют от боя, и весь город или деревня задрожат и станут запира́ть двери, крепко прижимая к себе талисманы, предохраняющие от волков-оборотней и пожирателей трупов. Ибо это культ Петро, темный путь УАНГИ, левая тропа ВОДУНА, который может коверкать и уродовать даже самих Невидимых, превращать их в порочное зло. А здесь, сегодня, у этих древних камней, это его его родовой ТУННЕЛЬ — храм, где впервые был провозглашен его культ.

По моему телу разлился смертельный холод, но при этом я исходил потом. — Ты хочешь сказать — это была такая же церемония? В кипящей воде? Что они собирались принести в жертву...

— Трижды идиот! — разъярился старик. — Кретин, ты можешь послушать хоть слово из того, что я говорю? Это была не такая же церемония! Это была именно ЭТА церемония! Здесь! Сегодня вечером, дитя несчастья! Ритуал жертвоприношения — и еще кое-что! И все твои дурацкие труды служили только на то, чтобы привести нас к нему! Не только ее ты стремился вытащить — всех нас! Чтобы мы разделили ее судьбу!

Он говорил достаточно громко, чтобы услышала Клэр. Я в тревоге поднял голову и встретился с ней глазами, широко раскрытыми, полными дикого страха — и все же искавшими, я видел это, какие-то слова: — Ты пытался! — задохнулась она. — Ты пытался... вот что самое важное...

Но остальные молчали, даже Джип, и Стриж холодно засмеялся. — Ты слишком низкого мнения о себе, чтобы говорить такое, дитя! Но жизнь этого маленького ростка или этой пустой скорлупы, которая называет себя мужчиной, — что они по сравнению с моей жизнью? Начать с того, что я прожил так долго в этих мирах не для того,

чтобы меня выгнали отсюда из-за такой безнадежной затеи и заставили наощупь искать путь назад!

— Тогда сделай что-нибудь! — рявкнул Джип. — Или иди захлебнись собственным змеиным языком, старый тупица...

— Стой! — сказал Ле Стриж очень резко, и огонь заиграл на его залоснившемся пальто, когда он нагнулся вперед, прислушиваясь. Только вот слушал ли он вообще? Казалось, он был сосредоточен на каком-то чувстве, но на таком, которого у меня не было. А потом он рассмеялся — очень холодно: — Сделать? Что я могу сделать, закованный в холодное железо? Никакая сила во мне его не пробьет. Найди мне силу извне, и теперь же... Но все равно, даже если бы это можно было сделать, уже слишком поздно. Что-то идет сюда, приближается что-то другое... — Неожиданно на его высоком лбу выступил пот, и он тихо вскрикнул: — Здесь зло! Сила — зло древнее и сильное. Не такая, как у меня...

Он круто развернулся ко мне, широко раскрыв глаза и тяжело дыша, развернулся так резко, что чуть не опрокинул Молл. — Ты! Ты, что моришь голодом собственную душу и блуждаешь между злом и добром, не попробовав ни того, ни другого — ты, поклоняющийся пустоте и дешевым безделушкам! Это дело твоих рук, ты навлек это на нас! Оно подходит ближе... ближе...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я ОТВЕРНУЛ ГОЛОВУ от брызжущей слюной ярости старика, похожего на кобру, разбрызгивавшую яд. Я мог бы, наверное, чувствовать стыд или гнев; на самом деле я не чувствовал почти ничего. Некоторую нервозность, легкую тошноту, неуверенность — но под всем этим было полное отсутствие чувств, отупение. Это было похоже на взгляд из окна в глубокую черную яму. И, может быть, сознание провала; я не знал. Я к этому не привык.

Но ядовитый голос старика неожиданно перешел в шепот, а потом смолк совсем. Барабаны тоже зазвучали приглушенной дробью, гомон толпы превратился в испуганный шепот, а звуки стали тихой тревожной погребальной песнью. Казалось, даже пламя склонилось и задрожало, хотя влажный воздух оставался по-прежнему неподвижным и прохладным. Затем толпа вдруг расступилась, мужчины и женщины поспешно рассыпались в стороны, расчищая путь к пламени и камням. С минуту все было неподвижно. Потом что-то двинулось через пламя. На голую землю по направлению к нам легла тень. То, что ее отбрасывало, было всего лишь какой-то фигурой, темным силуэтом, похожим на мужчину, закутанного в одеяние с капюшоном, почти как средневековый монах или прокаженный. Он направился к нам, скользя вдоль собственной тени, черный и непроницаемый, сам всего

лишь как тень, только более темная. Он мягко остановился в нескольких футах впереди нас — передо мной. А потом одним быстрым движением поклонился.

Поклонился в пояс, с грацией танцора, склонился почти до земли. В течение одного хорошо рассчитанного мгновения он стоял в этой позе, опираясь на длинную тонкую черную трость, затем неторопливо выпрямился и отбросил закрывавший его лицо капюшон. Яркие темные глаза впились в мои, и я ощутил этот взгляд почти физически — это был такой острый шок, что я не сразу осознал, что вокруг глаз было лицо. Не говоря уже о том, что это лицо я видел раньше.

Это была не физиономия Волка или местного жителя. Лицо европейца, но смуглое от природы, сильно загорелое с неприятной и какой-то нездоровой желтизной, ничего похожего на златокожих карайбов. Высокий лоб был сильно нахмурен, но лицо было гладким, если не считать двух глубоких складок, обрамлявших тонкий крючковатый нос и обрисовывающих черные усики, похожие на клыки, над тонкими темными губами и выдающимся твердым подбородком. Черные волосы, лишь чуть-чуть тронутые сединой, струились с нахмуренного лба и изящно ложились вокруг шеи. Еще более черными были глаза, которые он прикрывал, странно пустые, несмотря на их блеск, словно за яркими линзами проглядывала какая-то необъятная пропасть; и белки были желтыми и нездоровыми. В общем и целом, странное, поразительное лицо, теперь я это ясно видел. Гордое, почти как у короля, и все же слишком отмеченное озабоченностью, хитростью и злобой, чтобы казаться монаршим. Лицо государственного мужа, политика — Талейрана, но не Наполеона. И с намеком на болезненность, которой я не заметил на той новоорлеанской улице, когда он уводил

меня, сбивая с пути, или за рулем той машины, которой, похоже, кроме меня, никто не заметил. Или на картах Катьки...

Стало быть, не король — валет.

С минуту он, казалось, колебался. Затем длинные пальцы дрогнули в изящном приветственном жесте, в свете костра сверкнули драгоценности, и он заговорил:

— Уважаемые сеньоры и сеньориты! — Он говорил негромко, уважительно и обращался в основном ко мне. — Покорнейше прошу простить мне то, что я вынужден принимать вас в такой манере, без оглашения гостей и надлежащей церемонии знакомства. Так уж сложились у нас обстоятельства в этот час. — Где-нибудь веке в восемнадцатом, должно быть, по поводу его безупречного английского языка всегда поднимали большой шум. Однако мне трудно было его понимать, к тому же он шепелявил. — Могу ли я в таком случае взять на себя смелость представиться самому? Имею честь быть доном Педро Арготе Луис-Марией де Гомесом и Сальдиваром. Идальго королевского сана... Впрочем, простое перечисление титулов, несомненно, утомит людей вашего звания. Позвольте к этому не слишком точному соблюдению предписанных ритуалов присовокупить мое искреннее приветствие.

Все промолчали. Казалось, валет ждал.

— Мы знаем, кто вы, — прорычал я. — Мы все это знаем, если вы тот, кто стоит за всем этим. Это вы?

— В определенном смысле, сеньор, вы вынуждаете меня признать, что это я. — Он снова отвесил поклон, но не такой глубокий. Накидка раскрылась, и под ней оказался костюм, похожий на одеяние Пирса, только в десять раз более пышный — волна оборок у горла,

длинный жилет, расшитый чем-то, похожим на жемчуг и прочие драгоценные камни, короткие блестящие сатиновые штаны и раззолоченные туфли. Это был костюм типа того, какой можно увидеть в музее Прадо, покрывающийся пылью на портретах давно забытых грандов. — В другом смысле, однако, тот, кто «стоит за этим», как вы забавно изволили выразиться, — это вы, сеньор Эстебан.

— Я?!

Он широко распростер руки: — Ну, разумеется. Поскольку именно вас, сеньор, мы и искали. Все эти великие усилия были затрачены с единственной целью привлечь вас на этот остров, либо в какое-нибудь более малое место в пределах нашей досягаемости. Но остров был лучше всего.

— Я знал это! — взорвался Джип. — Я знал это, черт побери! Я был прав, что прогнал тебя тогда! Мне ни за что нельзя было позволять тебе вернуться...

Вежливо поднялась рука, и Джип тут же замолчал: — Ах, сеньор штурман, я должен просить у вас прощения за то, что, к несчастью, ввел вас в заблуждение. В наших первоначальных планах сеньор Эстебан не играл роли; да и как это было возможно, если мы даже не знали о его существовании? И лишь когда он начал — простите мне это выражение — вмешиваться, и более того, проявлять к нам интерес, используя собственные исключительно любопытные магические устройства, с самым плачевным для нас результатом, он привлек к себе наше внимание. И однако существо, которое вы зовете ДУПИЯ, случись ему быть успешно освобожденным из его укрытия, должно было выполнить единственную и исключительно трудную задачу — найти именно такого человека, как он.

— И что вы под этим подразумеваете, черт побери?
— резко спросил я.

Он слегка удивленно пожал плечами: — Ну, как же, человека с некоторым положением во Внутреннем Мире, сеньор. Несомненно, молодого человека, и тем не менее уже достигшего больших успехов, чьи бесспорные дарования обещали бы, что он может достичь еще больших высот. Но человека опустошенного, с полрой душой.

Наступила моя очередь взорваться: — Ах, ты маленький наглый сукин сын...

Снова поднялась рука. Вежливо; однако сам жест ударил меня, как злобный шлепок, прямо по губам, заставив застучать мои зубы и язык — онеметь. Я подавился своими словами.

— Но, сеньор, это всего лишь такое выражение — оборот речи, не более! — В его ровном тоне не было и следа насмешки. — Искренне прошу вас, поймите, что я никоим образом не хотел вас обидеть. — Длинные пальцы сделали протестующий жест. — В конце концов, я ведь когда-то тоже был человеком.

Я изумленно уставился на него, а потом во мне поднялся какой-то жуткий смех: — Вы? Вы равняете меня...

Его смешок был вежливым и протестующим одновременно: — Отнюдь, сеньор, отнюдь! В конце концов, я был рожден идадьго, повелителем огромных плантаций, даже нескольких серебряных рудников и многих рабов, трудившихся на них. В то время, как вы... Однако я поневоле рос очень одиноко, поблизости не было ни одного ребенка, с которым мне пристало бы общаться. Возможно, это было неизбежно, что вращаясь в одиночестве среди злых и стоявших много ниже меня по положению людей, в такой дали от цивилизо-

ванного общества моих грандов, я вырос несколько... отличным от них.

Он на мгновение обернулся, чтобы оглядеть молчаливую толпу позади себя, и все отвели взгляд, как люди, так и Волки. Впервые я почувствовал в его голосе открыто сардоническую нотку и что-то еще, вызывавшее более глубокое беспокойство.

— И, наконец, какая мне была от них польза? Что могли они показать мне, кроме зеркального отражения самого себя, безумств и любви, и ненависти? Достигнув возраста мужчины, я был отправлен ненадолго в свет — и он предпочел отвергнуть меня. Он — меня! Эти надменные марионетки-мужчины! Эти хорошенькие женщины, которым должно было быть лестно открыть для себя огонь, который они сами же разжигали! А они лишь глупо хихикали, прикрывшись веерами, и проходили мимо. Мне все наскучило, я был изнурен — разве вы не ощущали того же, сеньор? — я с головой погрузился в работу, в свои стремления, я страхом и болью заставлял своих рабов работать до полного истощения их жалких сил, я стал невероятно богатым по меркам нашего мира; и все же я ценил мое богатство только как символ успеха — как знамя, которым я мог размахивать перед лицом мира. Ах, сеньор, я уверен, вы поймете меня.

Я никогда не был особенно богат, и все же, хотя какая-то часть меня яростно негодовала, я обнаружил, что автоматически киваю головой. Я действительно понимал. Каким-то образом эта тревожная нота в его голосе, полупросительная, полуубеждающая, и в то же время как-то подавляющая, заставила меня посмотреть правде в глаза и признать, насколько мы были похожи. И тем не менее...

Я все-таки протестовал: — Но я же ничего не

делал такого... такого, как вы! И никогда не хотел ничего такого! Да, у меня были честолюбивые стремления. Карьера... может быть, когда-нибудь в политике... Но только чувствовать, что ты чего-то достиг, больше я на самом деле ничего не хотел. Знать, что я преуспеваю... показать это. Успех... имидж преуспевающего человека, печать одобрения, чтобы доказать, что как я много значу, какой я важный человек. Обрести положение в глазах других людей. Защитить меня от вопросов, от их сомнений — и от моих собственных. С УСПЕХОМ НЕ СПОРЯТ...

Он заметил мои колебания и милостиво кивнул — он даровал мне прощение. — О, я мог удовольствоваться этим, сеньор, в свою очередь. Ибо что еще остается тем, кому мир отказывается воздавать должное? И если бы не счастливый поворот в моих делах... Хотя должен признать, одно время мне так не казалось; как, возможно, не кажется вам счастливым поворотом судьбы ваше нынешнее положение. Произошла вспышка vomito negro, той, что вы зовете желтой лихорадкой, и я заразился ею. Мне понадобилось именно это. Понадобились недели лихорадки и горячки и призрачных видений, положения между жизнью и смертью, когда я оплакивал то, что смерть забирает меня столь молодым, прежде чем я осознал, что значит жить. Мне понадобилось так много, чтобы поднять меня из узкой сферы к той, какой в действительности заслуживали мои таланты. — Он улыбнулся.

— Как, несомненно, вам понадобилось для этого ваше нынешнее приключение, — продолжал он. — Ибо в горячке я ходил странными тропами, мне являлись видения, и я впервые понял, что за пределами нашего мира могут быть и другие миры. И я увидел

себя. Правда явилась мне в самый момент кризиса этой смертельной болезни и была она в том, что сама смерть придает значение жизни. Что человек никогда не живет столь полно или так цепляется за жизнь, как в присутствии смерти. Именно тогда, сеньор, я понял: погонять рабов — вот что наполняло смыслом мою жизнь, а не результат. И особенно — в положении между жизнью и смертью, медленное или внезапное постукивание по чаше весов.

Валет слабо улыбнулся: — Разумеется, я к тому времени уже ознакомился с разнообразными и любопытными религиозными верованиями, завезенными из родной Африки моими приобретениями. Многие из них, естественно, были мягкими и пресными либо просто грубыми и примитивными обрядами. Однако другие были более многообещающими. И среди монденгов, из того района, что вы называете варварским именем КАНГАУ, я обнаружил верования и обряды, хотя и неотшлифованные, зато представлявшие для меня особый интерес. Я освободил и изучил нескольких избранных, владевших этими обрядами, — о, сперва просто развлечения ради, уверяю вас! До тех пор, пока не стал понимать, что в этих проклятых варварских играх участвуют настоящие силы, и с ними можно достигнуть гораздо большего, чем простое развлечение. И принялся изучать их. Я сел у ног моих узников, даже заключал их в объятия, как братьев по крови — я, испанский гранд! — Он дважды постучал по земле тростью, и холод этого прикосновения поднялся во мне, и мое сердце онемело. — Однако только путем таких унижений возможно просвещение. Прошу вас, рассматривайте те неудобства, что вы сейчас испытываете, именно в этом свете; ибо, поверьте мне, я намереваюсь сделать так, что от них вы

только выиграете! Ровно столько же, сколько выиграл я. И это было великолепно.

Его голос упал, но я ловил каждое слово. — Ибо я стал священником-БУНГАНОМ, поддерживающим связь с Невидимыми. Однако это был только первый шаг, маленький шажок. Истинные глубины темны, и я обратился именно к темноте, к самому злому и нечистому, что есть в расе рабов. Я обучился у них искусству зла и принуждения, колдовства и некромантии; я стал БОКОРОМ, адептом тьмы. И за короткое время — сказалось мое врожденное умение властвовать — я стал самым великим среди тех, кто обучал меня, и поверг их вниз — страдать и дрожать со всеми прочими людьми их сорта.

Передо мной пронесся внезапный образ, как точка на воде. Я сам, в белых одеждах людей, окружавших нас, испещренных нарисованными знаками... — И это вы предлагаете мне? — Я не мог сдержать нового приступа идиотского смеха. — Вы хотите сделать из меня проклятого ведьмака?

Казалось, его это скорее позабавило, чем оскорбило. — О, нет, сеньор, нисколько! Вы неправильно судите обо мне. Я избавлю вас от этого скучного и бесполезного времяпрепровождения. Слишком много ложных поворотов, глупых исканий после свершения — так много ужасных сожалений! Я тогда не осознавал, что они были всего лишь одним шагом на пути более долгом, чем я когда-либо помышлял — разве что в бреду. Это убожество, примитивная дикость — то были начала, которые я давно превзошел. — Он посмотрел на меня сверху вниз взглядом, полным восторга и удивления, почти детского — так ограниченный ученый смотрит на редкий и драгоценный

экземпляр. — Так будет и с вами, сеньор, в свою очередь.

Я усталился на него. Это было все, что я мог сделать. — Не понимаю, — запинаясь, произнес я. — О чем вы? Что именно вы мне предлагаете?

Он рассмеялся: — Вещи, которых вы пока даже представить не можете! Власть, какая вам и не снилась! А пока, только для начала — власть, как вы ее понимаете, доминирующее влияние в вашем мире. За вами пойдут мужчины, да, и женщины — сначала несколько человек, потом партия, город, регион — нация! Вы будете поступать с ними, как вам заблагорассудится, по вашему капризу, и чем более, тем больше их будет толпиться вокруг вас! И вы будете получать от них средства к существованию, как это делал я, и продолжать жить после того, как они умрут, неподвластный годам! Что я предлагаю вам? Вот что, сеньор! Но только для начала!

Я продолжал смотреть на него. От его тирады я буквально онемел, а мои мысли крутились вихрем, как фейерверк. Я видел, как обнажалась душа человека — или более чем человека, а, может, менее. И почему? Потому что этот Дон Педро думал, что я еще один человек его сорта. Что самое меньшее, что я стану делать, — ухвачусь за его предложение, если только удастся мне что-нибудь втолковать. Не ученый, не ребенок — одинокий монстр, возможно, рассчитывающий, что встретил друга?

И НАСКОЛЬКО ЖЕ ОН ОШИБАЛСЯ? Когда-то он искал нечто... назовите это любовью; по меньшей мере, человеческой теплотой. В этом ему было отказано, и он направил свой гнев на честолюбивые стремления, садизм, Бог знает что еще. Но я — у меня была любовь, так ведь? А я отбросил ее. Я выбрал то же

самое честолюбие и возвел его на алтарь, намеренно принес ему в жертву любовь. Если разобраться, так это еще хуже. Боже всевышний, может быть, он был прав! Может, мне действительно понравилось бы его предложение. И возможно, именно к нему я все равно пришел бы в конце концов.

Снова возник образ. Я в роли... как это называлось? БОКОРА, священнодействующего над сполохами угадывающего костра, рисуя пальцами ВЕВЕРОВ.

Нет! Это было слишком глупо, черт побери. Я снова чуть было не разразился смехом, как вдруг почувствовал, как похожая на песок кукурузная мука превращается под моими пальцами в клавиши компьютера. Это воскресило, резко, как привкус специй, знакомое острое ощущение от вызова информации, жонглирования ею, манипулирования. То, что я ощущал, когда схватывал по-настоящему трудную сделку, увязывал узловатый контракт в четкий пакет соглашений, провизов, штрафов...

Только здесь я почему-то знал, что имел дело с величинами на целый порядок выше. Потоки международной торговли, чеки и балансы высокой коммерции, экономики целых наций — всех сил, что определяют жизнь каждого человека, начиная с индейцев Амазонки в травяных хижинах и кончая Председателем Верховного Совета. И все они станут подчиняться одному человеку. Они будут слушаться этих бегающих пальцев, лица, отражающегося на экране. В своем роде красивого лица, сурового, но обладающего магнетизмом, с сильными чертами, седовласого, но исполненного юношеского пыла — и в то же время, бесспорно, моего собственного.

Я заморгал, чтобы отогнать от себя это видение. В нем была яростная прямота, проникавшая прямо мимо

сознания и здравого смысла, чтобы вцепиться в мои инстинкты, как календарь Пирелли — или религиозный опыт. Слова застревали у меня на языке: — Почему?

— ПОЧЕМУ? — Снова эта властная, злорадная усмешка. — Да потому, сеньор, что я нуждаюсь в вас! Поскольку, чтобы достигнуть своих целей, я был вынужден пожертвовать тем, что накопил. В своих исканиях я был принужден покинуть пределы Внутреннего Мира, чтобы сбросить с себя все, что было во мне мне мирского. Стало быть, теперь мне необходимо иметь в нем агента — умного исполнителя моих замыслов, разделяющего со мной получаемые награды, человека, которому я мог бы доверять. А в вас я нахожу ткань, тучную почву, готовую для плуга, прекрасную глину для ваяния — и обжига. — Он потер руки от искреннего удовольствия. — И скоро, быстро! Без долгих лет, которые я выбросил на удовлетворение детских фантазий — на мелкие, робкие потуги моей воли. Все, что имею, я разделю с вами! Я сделаю из вас все, что есть я сам! И все, до чего вы сможете дотянуться и схватить, будет вашим!

Я был зачарован, я не мог протестовать — и не хотел. Через мои руки, через мой повелевающий разум сияющей рекой потекла вся мировая торговля, которую я мог поворачивать и так и этак, отбрасывая брызги золотой пыли туда, куда я диктовал. И все же что-то сюда не вписывалось, в потоках моего разума все время всплывал какой-то фактор и упорно отказывался исчезать...

— А остальные! — задохнулся я. — О'кей, я здесь! Тогда зачем вам они, теперь? Клэр — вам она больше не нужна! Отпустите ее! Отпустите их всех!

Не знаю, какой реакции я ожидал. Чего угодно,

пожалуй, кроме жуткой ярости, промелькнувшей на бледном лице, яркой, как молния, в зеленовато-желтом небе. Ноздри резко втянулись, темные глаза сузились до щелочек, синеватые губы перекосились; кровь прилила к выступающим скулам, затем стремительно отхлынула от пергаментной кожи. Кожа втянулась внутрь, словно ее засосали, плоско прилипла к костям, жесткая и морщинистая, зубы оскалились в жуткой усмешке, мышцы ослабли, а сухожилия проступили, как канаты. Остались лишь глаза под пергаментными веками, но их блеск погас, как высыхающие чернила.

Проведите факелом около сухого склепа или катакомб, и такое лицо выпрыгнет на вас из темноты, или, как это было со мной, в одном из неаполитанских музеев с гробами, обрамленными стеклянными панелями я видел руки с ногтями, которые когда-то продолжали расти, пожелтели, сморщились и скрутились; и хотя его руки не коснулись меня, я почувствовал, как они вцепились в мое лицо и провели по нему — от уха до уха. Все еще кипя, он снова поклонился — натянуто, очень натянуто.

— Я в отчаянии, что мне приходится противоречить сеньору, но ни за что на свете я не позволил бы этим вашим друзьям упустить такое событие. В действительности, их отсутствие серьезно нарушило бы всю процедуру!

Стриж разразился жутким, злорадным каркающим смехом, и его дыхание обдало меня как воню из клоаки: — И ты именуешь себя тем, кто сгибает Бессмертных, да? А сам не можешь даже выбросить из этого пустого разума его друзей! Ты — ха! Я встречал таких, как ты, раньше — пауков на потолке! Кто из людей смеет держать Их род в рабстве?

Дон Педро еще раз отвесил низкий поклон, и когда

выпрямился, его лицо было ясным и собранным, как прежде. — Я склоняюсь перед коллегой редких выдающихся качеств; мне жаль, что он должен разделить судьбу тех, кто стоит ниже его. Это правда, ни один человек не мог бы подвергнуть Их такому унижению. Однако прошло много лет, как я перестал быть всего лишь человеком.

Стриж издал булькающий звук и сплюнул: — Это весьма распространенная ошибка — а лекарство от нее быстро и фатально! Кто ты, как не мелкий Калигула, обучившийся чуть-чуть самым азам колдовства? Наслаждайся своими маниакальными идеями, пока можешь, человек; они просто насмеются над тобой, ожидая времени, когда Они освободят тебя от твоей мании! Да, и от всего прочего тоже!

— Калигула? — Казалось, темного человека это позабавило. — Едва ли, ибо он был лишь смертным, что вообразил себя богом. В то время, как я... — Он снова взглянул на меня. — Сначала, уверяю вас, у меня не было таких мыслей. Я стремился лишь украсить существование, ставшее для меня обременительным, найти... удовлетворение, выходящее за рамки условностей. — Он издал негромкий смешок, как человек, вспоминающий наивные детские мечты. — С благосостоянием, составленным мне моими существами я приобретал все больше и больше и изобретал изощренные развлечения. Некоторых я умертвил смертью быстрой и болезненной. Других оставил в живых — идти по узкой тропе, понемногу ослабляя их связи с жизнью, наблюдая, как они цепляются все крепче за шаткие, обманчивые обрывки, оставшиеся от нее. Из той смерти при жизни, что я им устраивал, я научился извлекать новую жизнь, освежавшую меня, и это было много; однако и это приелось. Один

раз в жизни я держал племя рабов на своей ладони и, как хозяин и БОКОР, держал в руках не только их жалкие тела, но их мысли, мечты, сердца — а потом сила, которую я извлекал из их мук, стала слабеть. Но даже тогда я уже стал зависеть от нее, чтобы поддерживать само мое существование. Даже тогда кровь была вином, что я пил, муки — воздухом, которым я дышал. Мне необходимо было найти какой-то новый источник. Но тогда у меня еще не хватало смелости и предвидения, чтобы искать Абсолюта. Итак, хотя мои силы были еще тогда ограничены, я обратился — как и положено человеку, не так ли? — к людям моего собственного...

Валет улыбнулся. — Не скажу, чтобы это вовсе не приносило мне удовлетворения. Бедные глупцы! Их жестокость была почти такой же, как моя, однако они творили зверства просто так, без всякой цели. Остров кипел под ними, и однако они беззаботно кружились в вихре своих маскарадов, завтраков и пустых празднеств. На них я наслал чуму, оспу, бесчисленные раздоры и заполнил их кладбища. А потом я пробуждал некоторых из их числа — тех, кто оскорблял меня больше всех, и самых красивых женщин. И им я устроил множество раутов моего собственного изобретения. — Он покачал головой с ностальгической снисходительностью. — Говорят, память о некоторых из них все еще хранится в стенах моего старого дома — возможно, вы видели их? Так оно и есть. Это, разумеется, приносило удовлетворение. Однако мне казалось, что необходим некий артистический мазок, чтобы шутка приобрела завершенность. И я завладел рабами и сделал эту власть гораздо более сильным хлыстом, чем их хозяева. Культ крови и мести — с ритуалами столь чудовищными, что у их участников

не оставалось после них ни сдерживающих центров, ни страха, ибо они уже проделали все самое худшее. Я стал как бы богом среди них, почти одним из Невидимых; и я толкал их к дикости и безжалостному мятежу. Тройная ирония! — Он негромко хихикнул. — Чтобы я, их мучитель, помогал им получить свободу! Хотя я, разумеется, следил за тем, чтобы последствия были достаточно кровавыми, чтобы они годами не знали покоя. И в том еще большая ирония, что они своим поклонением помогли моим спотыкающимся ногам встать на тропу власти.

За это время никто не произнес ни слова; нетрудно догадаться, почему. Однако при его последних словах резко поднялась чья-то голова, и голос хрипло произнес: — Твоим? Самого зверского из своих мучителей они почитали как своего освободителя? Ритуалы Петро, живой дух мести рабов — культ гнева, кровавых жертвоприношений — это все ТВОЕ?

К моему изумлению — и, судя по виду этого человека, к его тоже — это была Молл, она нашла в себе силы заговорить. Измученная, окровавленная, бледная, но живая и в полном сознании. Мое сердце буквально подпрыгнуло при виде ее. Человек, которого она назвала Доном Педро, казалось, испытывал по этому поводу совершенно иные чувства. Его темные глаза метнули в нее взгляд, похожий на язык змеи, и он поклонился, в этот раз напряженно, почти осторожно.

— Сеньорита права, — сказал он. — Мое, все мое. Толпа обнимает того, кто проливает перед нею кровь, не замечая, что кровь — ее собственная. Разве не так всегда бывало с освободителями?

Молл больше ничего не прибавила, лишь изо всех сил старалась не отводить от него взгляда. Он отвер-

нулся от нее так резко, что его накидка взметнулась, и снова встал лицом ко мне: — Я Дон Педро, кого они зовут Петро, и коль скоро я сам стал одним из Невидимых, все их могущество отдано мне в руки. — Он сжал руки медленно, сурово. — Я прожил много веков, прежде чем, наконец, сделал великий шаг. Я привел к расцвету мою внутреннюю цель, вошел в свою настоящую силу. И все же рядом с Невидимыми я был все равно что никто. Когда тебя боятся, когда тебе повинуются — это много; однако те, кто повиновались, были всего лишь бедными людьми с несчастного острова, их легко было приручить, легко было погонять. И хотя они считали меня богом, я был всего лишь посредником, способным тонкими путями призывать к власти Невидимых, однако мало чем владел сам. Власть Невидимых! Она всего лишь напоминала мне еще сильнее о моей собственной пустоте. Потребность власти бурлила во мне, в прах развеивала мои самые утонченные радости. Агония целой расы казалась мне слишком малоценным даром, чтобы утешить меня, служить компенсацией того, чего я не имел! И я постоянно экспериментировал, вызывал, расспрашивал, торговался — до тех пор, пока, наконец, не понял, что для того, чтобы достигнуть большего величия, мне сначала надо потерять все, что имел. И я сделал последний шаг, самый великий. Я сбросил свои оковы. Я оставил Внутренний Мир и пустился вплавь по течению Времени, в постоянном поиске некоего более тесного, глубокого, более полного союза со Смертью. Я искал — и нашел! Среди самих Невидимых я нашел одного, вечно жаждавшего господства над остальными и над более широким миром — и, наконец, над всеми мирами, которые только возможны. И все же даже Он не мог этого достичь, во всяком случае, один. Его сила

была бесконечно больше моей, однако мой живой ум — вот чем он был обделен. До тех пор, пока не пришел ко мне и не соединился со мной, влился в мое пустое сердце. Я нашел — и впервые в моей долгой жизни я почувствовал вкус свершения! Я был наполнен с высоты до самых глубин, я был завершен, более чем завершен!

Он прижал руку к груди. — Смешавшись таким образом, мы стали Одним великим — более великим, чем Его товарищи, и властелином над ними. Способным сгибать их по моей воле, мучить не просто смертных, но и высшие силы, и вытягивать из них силу, чтобы она переходила ко мне. Налить кровью глаза Эрзулини, зажечь огонь в ее бедрах! Довести Агве до штормового безумия, заставить Дамбалла трясти Землю в пределах его мира! Все должны повиноваться мне, когда бьют мои барабаны, когда поют мне ритуальные песни — когда через мой камень переклестывает кровь жизни!

Пламя неожиданно затрещало и вспыхнуло, и хотя он практически стоял спиной к костру, казалось, что в его глазах блеснул ответный отблеск. — Я обрел высшую власть, какую искал — и в этот бесконечный час я впервые испытал истинную радость. И это, сеньор Эстебан, все это я предлагаю вам — и вы СМЕЕТЕ колебаться

— Что... — Я говорил хрипло, словно каркал. — Что вы собираетесь делать?

Длинные пальцы задрожали, как падающий дождь. — Сегодня наши ритуалы вызовут ЛОА — и они придут. Придут к вам! Но не в своих обычных естественных формах, нет, чтобы играть в звериные празднества с дураками. Они придут, как я им велю, во власти и ужасе, которые мы напустим на этот ничего

не подозревающий Внутренний Мир, вы и я! Они пройдут сквозь него, сквозь все бесконечные вселенные, сквозь все время и времена, что спиралью вьются от него! Они станут нашим винным прессом, в котором мы станем давить сердца и людей, и высших сил одинаково, давить их в их горькой судьбе. Начиная с агонии одного ребенка и кончая мирами, что будут умирать в медленном пламени!

Должно быть, он уловил выражение моего лица. И сделал протестующий жест: — Разумеется, для вас сейчас это все не более чем загадки. Вы еще не цените этого — да и как можете вы это оценить? Однако я ожидал большего — честолюбивых стремлений, назовем это так. Разума, не столь увязшего в трясине заботы о преходящих судьбах других. И все же, уверяю вас, все станет вам ясно, скоро, скоро. Когда вы, в свою очередь, станете завершенным. Когда ЛОА займет свое место внутри вас, когда вы уже не будете более оболочкой, которую от себя оставили — тогда вы поймете. Протяните руку, сеньор Эстебан, примите с радостью чашу, что вам предлагают! Это великая честь, но она такова, что вы не откажетесь от нее, если вы по-настоящему мудры. — Его голос понизился до тихого воркующего шепота. — И, откровенно говоря, я не мог бы позволить вам отказаться.

Теперь его любезность была уже просто насмешкой. Сначала он вил паутину вокруг меня, сеть значений, что крылись за его словами, заряженными некоторой властью, чтобы убедить меня, заманить в западню, чтобы я с готовностью подчинился. А теперь все это развеялось по ветру, как рваная паутина. Он не стал бы теперь пытаться взять меня хитростью, а значит, как я догадался, он рассчитывал на силу. Какого рода силу, я угадать не мог; но я жутко

перепугался. От одной мысли о том, что я потеряю себя, я трясся, и все мои раны болели. По-глупому, ибо я знал, что это бесполезно, я напряг все силы и забился в своих путах, но железное ожерелье на шее лишь застучало. Когда-то оно сдерживало самых сильных рабов; а что он сделал с ними? Я старался сдерживать жалобный стон и был страшно пристыжен, когда мне это не удалось.

Валет медленно покачал головой. И снова трость постучала по земле. Теперь по моим конечностям стал разливаться холод, они онемели, и по ним разлилось свинцовое ощущение вялости, которое даже было не очень неприятным, как и этот мягкий, неумолимый голос: — Боритесь, если хотите, но вы лишь напрасно причините себе боль. Не во власти людей такого сорта, как вы, сеньор, сопротивляться тому, что вас ждет. Дверь остается открытой, и никого нет за ней, кто бы закрыл ее. А что касается ваших друзей, позвольте мне ободрить вас. Немного терпения, и вы увидите, как их тревоги также подойдут к концу. А теперь, надеюсь, вы извините меня. Не следует откладывать наш серьезный ритуал!

Он отвесил мне один низкий поклон, затем еще один, круто повернулся, его накидка взвилась в воздух, и он зашагал прочь...

Или нет? Казалось, он шел, однако он двигался по жесткой земле слишком легко и слишком быстро, скользя, как лист, несомый ветром. Меня сотрясла смертная дрожь — пробравший меня холод был глубже самой земли. Каким-то образом я расстроил его планы, и теперь, как обычно бывает в гневе и разочаровании, он сбрасывал маску. — Что он такое, черт побери? — выдохнул я.

Ле Стрижа охватил приступ неудержимого смеха:

— Ну, конечно же, да, ты просил его! Как трогательно; только вот чуть запоздало — где-нибудь на век или два! Как же ты сразу не заметил? По глазам, мальчик, по глазам. Существо, которое выгрызли изнутри, как паразиты — личинку; ходячая оболочка. От него ничего не осталось, кроме привычек и воспоминаний, настоящий человек уже давно съеден. От такого, как этот, человек должен держаться подальше, если хочет остаться человеком! Мало пользы просить его!

— А что еще я могу сделать? — резко спросил я, чувствуя, как кровь отхлынула от моего лица. Дон Педро старался уверить меня в том, что я могу пойти по тому же пути, что и он, и при этом оставаться человеком. Что же это будет на самом деле? Меня будут водить, как куклу, только изнутри?

И буду ли я вообще знать об этом? Будут ли мне приходить в голову мысли так, как приходили мои собственные? Иден, как действовать, что казались большей частью моими собственными — и все же, по временам в них могло закрадываться чувство беспомощного сомнения. И все это время будет оставаться все меньше и меньше того, что действительно принадлежит мне, до тех пор...

Я теперь слишком ясно понял, что имел в виду Ле Стриж. В школе, изучая биологию, я держал гусениц. Некоторые из них внезапно погибали; и я обнаружил, что растущая в них личинка осы выедала их начисто, оставляя только кожу, как подобие сумки, живую маску плоти. И все это время они продолжали двигаться, питаться точно так же, как всегда, так что я никогда не замечал разницы.

— Я не хочу становиться таким, как он!

— Ты не сможешь этому противостоять, — ровным голосом сказал Стриж. — Все так, как он говорит. Ты

тоже пуст, хотя и не отдаешь себе в этом отчета. Может, менее пуст, чем он, раз уж выказываешь некоторую заботу о других; но дух в тебе слабый и вялый. Ты не знаешь ни большой любви, ни сильной ненависти; ни великого добра, ни великого зла. Ты лишил свою жизнь всего того, что составляет смысл жизни, и у тебя внутри слишком много свободного места. Такие люди легко становятся одержимыми, и часто, независимо от того, что они об этом думают, они это только приветствуют.

— Это ты так говоришь! — зарычал я. — Это ты все твердишь мне это, черт бы тебя побрал! Кто ты такой, чтобы выносить мне приговор? Ты почти такой же придурок, как он! Если ты полноценный человек, я лучше буду пустым.

Улыбка Ле Стрижа неожиданно стала устрашающей, и в его глазах мне показалось, что я увидел рыжий отблеск костра среди замусоренного кустарника его пустого разума: — Я-то полон, я содержу в себе множество величин... Большую часть из них ты не поймешь, и они тебе не понравятся. Но по крайней мере все они выбраны мною самим. Они служат мне, а не я им.

Меня пробрала дрожь: — А я? Зачем я ему так сильно понадобился?

Старик фыркнул: — Зачем? Разве это не очевидно? Этот Дон Педро, при всей своей власти, покинул Сердцевину много веков назад и нигде больше не обитал, только на этом острове. За это мы должны быть благодарны. Он мало знает тот мир, которым мечтает править, в то время, как ты, хоть ты и мальчишка, умеешь им манипулировать. Имея тебя в качестве инструмента, они получают в свое распоряжение все твои знания и опыт. Им не потребуются

больше неуклюжие заговоры вроде того, что вы со штурманом провалили — не надо будет пытаться внедрить ДУПИЮ и протаскивать свору Волков через ваши барьеры, чтобы приобрести власть над Сердцевиной путем разбоя. Они смогут провозить контрабандой все, что пожелают, такими путями, которые нам в Портах недоступны. И они могут метить даже выше, коль скоро они рассчитывают, что займешь высокое положение. Чего только не достигнет политик, имея за спиной поддержку в лице мощи Невидимых, если его подчиняют себе хитро и безжалостно! Ты распространяешь их господство на все круги Мира...

— Прекрати! ПЕРЕСТАНЬ СЕЙЧАС ЖЕ! — казалось, голос Клэр разорвал те путы, которых не могли сбросить ее руки и ноги. — Нечего злорадствовать над ним, вонючий старый ублюдок! Он не виноват!

Неожиданный раскат барабанной дробы словно придавал вес ее словам — мощный удар, резко сменившийся молчанием. Толпа закачалась и расступилась, и на секунду я увидел сами барабаны — темные цилиндры высотой в рост обычного человека, сгруппированные по три, со стоящими за ними барабанщиками-Волками. Их толстая кожа блестела от масла и пота, их крашенные гребешки, как у попугаев, задевали крышу церемониального ТУННЕЛЯ.

— Ты действительно ничего не можешь сделать? — хрипло спросила Молл в наступившую краткую паузу. — Что-нибудь, пусть самое отчаянное?

Стриж презрительно засопел: — Если бы мог, не стал бы ждать, пока ты мне скажешь! Церемония начинается. Сначала *manges mineurs* — малые жертвоприношения, чтобы вызвать Невидимых снизойти к их почитателям. Затем *manges majeurs* — великие жертвоприношения, которые должны подчинить их

воле Дона Педро. А потом — потом будет уже поздно. Они приведут свою силу, чтобы она вселилась в нашего пустоголового друга, и он должен будет пасть. Мы, правда, все равно этого не увидим. Если и есть какая-то надежда... — Он резко качнул головой в моем направлении, и я впервые заметил, как в его древнем суровом взгляде мелькнул страх. — Тогда это будет зависеть от него.

— От МЕНЯ?!

Я чуть не заорал в голос от сознания жестокости всего этого. Свалить все на МЕНЯ?

Пальцы поглаживали барабаны, и барабаны пели — низкий гул, который разбухал и рос. К нему примешивалась новая нота, тихое монотонное пение, странно выпадавшее из ритма, неровная, искореженная музыка. Там были и слова, но я не мог разобрать их. Затем натянутые на барабаны шкуры взревели, когда на них обрушились костяные палочки и раскрытые ладони, — это был раскат, взрывавшийся и замолкавший, как прибой. Потом он перерос в какое-то подобие марша. Из-за барабанов появились фигуры, они наполовину покачивались, наполовину вышагивали с важным видом, с серьезной медлительностью ритуальной процессии. Медленно, очень медленно приближались они к огню, к высоким белым камням. Высокий Волк в черных лохмотьях показывал им путь, потрясая огромной тыквенной бутылкой, висевшей на чем-то вроде костяшек и белых горошин слоновой кости, поблескивавших в свете костра, — а, может быть, это были зубы? По другую сторону от него две женщины-мулатки, казавшиеся рядом с ним карликами, помахивали длинными тонкими посохами, на которых развевались флаги, расшитые сложными знаками веров. Вслед за ними маршировали двое каран-

бов, держа на татуированных ладонях абордажные сабли, а позади шли мужчины и женщины всех возможных рас и народов, потрясая тыквенными бутылками с костями, шаркая босыми ногами по земле. Я видел, как некоторые из них наступали на острые камни, все еще горевшие головешки, разбросанные костром, но, казалось, они этого не замечали. Когда они проходили, от толпы отделились новые люди, а остальные подхватили песнопение и стали раскачиваться ему в такт, широко раскидывая руки, перекачивая головы из стороны в сторону. Все еще распевая, они кружили вокруг пламени, а потом остановились перед камнями-алтарями.

Монотонное пение оборвалось внезапно, я не заметил, чтобы кто-то подал сигнал. Вся процессия как один опустилась вниз, толпа обмякла, как повисшая парусина. И Волки, и люди скорчились, подняв руки над головой. И только один остался стоять позади собравшихся — тот, кого, как я совершенно точно знал, еще минуту назад там не было. Неторопливыми ритуальными движениями фигура в одеянии с капюшоном скользнула вперед по спинам своих распростертых последователей и мягко ступила на плоский, обезображенный пламенем камень. Барабаны застучали и взвизгнули, руки протянулись вперед, и капюшон был откинут. Как луна, выглядывавшая из-за черной тучи, на его последователей смотрело лицо Дона Педро.

Я видел его очень отчетливо — на его лице все еще играла полуулыбка. Наступившее молчание, когда все затаили дыхание, было нарушено внезапным криком животного, низким протестующим мычанием, за которым последовала какофония других криков. Пищали цыплята, кто-то блеял — то ли овцы, то ли козы; лаяли,

по меньшей мере две собаки. И это вовсе не выглядело глупым, напротив, это страшно пугало. Если они были тем, о чем я думал..

Дон Педро распростер руки и один раз громко щелкнул пальцами. Шедший впереди Волк с развевающимися одеяниями взобрался на алтарь к Дону Педро, а за ним последовали остальные: карибы, белые и черные — почти все они возвышались над маленькой фигурой Дона Педро. Однако в свете костра выделялся только он, он казался единственной заметной точкой, а все прочие — бесплотными, как собственные тени на камне, скорчившиеся и дрожащие. Дон Педро запел своим шепелявым голосом:

Cote solai' lave?

Li lave lans l'est!

Cote solai' couche?

Li couche lans Guinee!

И тем не менее, ответный экстатический шепот толпы прозвучал еще более хрипло, мощнее, чем удар грома.

Li nans Guinee,

Grands, ouvre chemin pour moins!

Затем, сначала медленно, в особом пульсирующем ритме, они стали хлопать в ладони, и этот звук нарастал, ускорялся, пока не заглушил барабаны. — Это называется *batterie masoqnique*, — тихонько проворкотал Ле Стриж. — Стук в Дверь.

— Вечеринка начинается, а? — напряженно сказал Джип.

Дон Педро на мгновение закрыл глаза, словно в ожидании чего-то. Затем взял кувшин из рук одного из аколитов и, повернувшись сначала лицом вперед, затем к кострам и, наконец, к скалам, находившимся позади него, он поднял кувшин и слегка потряс им,

словно в приветственном жесте — как мне показалось, во всех направлениях по компасу. Потом он коротко что-то прокричал и выплеснул струю содержимого кувшина на белый камень. Жидкость напоминала кровь — она была красно-бурой, но затем, небрежно наклонившись прямо над костром, Дон Педро направил струю в левый костер, а потом развернулся и плеснул ею в правый. Перед алтарем с шипением взметнулась дуга синего пламени. Он поднял кувшин, направив его в нашу сторону, и швырнул его, разбрызгивая жидкость, сквозь пламя. Мы отшатнулись, когда кувшин упал и вдребезги разбился между нами, разбрызгав, как хвост кометы, ряд капель, которые сверкали и жгли. Толпа взревела, барабаны празднично застучали, а крики перепуганных животных зазвучали с новой силой. Воздух наполнился тошнотворным запахом — то, что сжег Дон Педро, было ромом, и довольно-таки крепким.

Барабанный бой участился. На алтаре вокруг фигуры своего бога прыгали и подскакивали, совершая возлияния ромом и какой-то жидкостью, напоминавшей вино. Толпа подалась вперед, вытягивая руки, изображая мольбы о символической пище, медленно двигаясь и топчась, изгибаясь то в одну сторону, то в другую, как змеи под дудочку фокусника. В толпе завизжала какая-то женщина, жутким рвущимся звуком, означавшим нечто большее, чем протест, она рванулась и оказалась прямо перед алтарем, кружась, подпрыгивая в такт барабанам, путаясь в сплетении своих одеяний, и в конце концов она уже казалась не человеческим существом, а какой-то несомой ветром птицей. Неожиданно какой-то чернокожий стал плясать, бросаясь на камень у ног Дона Педро. Позади него, как лоза, неуклюже, словно у него вообще не

было костей, с развевающимися длинными прямыми, раскачивался белый мужчина низенького роста. Волки завывали своими жуткими голосами и присоединились к танцу, сотрясая землю своими тяжелыми башмаками; и когда все они слились в единую толпу, она забурила, как закипающий котел. Только наши стражи-караибы стояли в стороне, у самого края площадки, переступая ногами и кружась в собственном круге, тряся головами и стуча по земле копьями. Но когда танец промчался мимо, один из стражей пронзительно вскрикнул, пригнулся и бросился вперед, расставив татуированные ноги, выставив копьё концом вперед в угрожающей позе. Барабаны привели его в состояние экстаза, он стал прыгать и бить копьем, а его собратья-карибы дрожали, дергались и тряслись, как все остальные. В руках танцоров поблескивали бутылки, они взлетали, переходили из рук в руки, все равно в чьи, и почти опустошенные, со звоном разбивались о камни. Аколитам приходилось от них увертываться, но Дон Педро только улыбался и продолжал стоять, раскинув руки, как священник, дарующий благословение, — или как кукольник, водящий марионетки на веревочках.

Затем он сделал жест — описал странный круг и полоснул поперек его раз, другой. Толпа отступила, все еще танцуя. Один из аколитов спрыгнул вниз и стал сыпать на землю перед камнем кукурузную муку из мешка; и пока он посыпал землю, его ноги вытаптывали тот же рисунок — круг, разделенный на четыре части двумя линиями.

Мужчины и женщины бросились вперед из толпы, потрясая чем-то трепещущим — цыплятами, которых они держали за ноги, а те беспомощно свисали вниз. Они протянули птиц по направлению к камню, потря-

сая ими в такт музыке, и внезапно в худой желтой руке Дона Педро блеснуло длинное лезвие, в котором отразилось пламя костра. Оно метнулось вперед, затем назад, и аколиты с экзальтированным воплем подбросили обезглавленные тела, все еще хлопавшие крыльями, бившиеся и брызгавшие кровью, высоко в воздух, так, что их бранные останки упали в разделенный на четыре части круг. Дон Педро воздел руки над головой и пропел:

Carrefour! Me gleau! Me manger! Carrefour!

Толпа взвыла и подалась вперед: каранбы, Волки, белые и все остальные — танцую и раскачиваясь из стороны в сторону. Молодая чернокожая женщина схватила одно из бьющихся безглавых тел и, разорвав на себе платье, стала поливать себя кровью, затем прижала его к своей груди, раскачиваясь и распевая. И в ее высоком чистом голосе я стал различать те из слов, которые знал:

Mait' Carrefour — ouvrir barri'ere pour moins!

Papa Legba — q'te p'tits ou?

Mait Carrefour — ou ouvre yo!

Papa Legba — ouvre barriere pour li passer!

Ouvri! Ouvri! Carrefour!

«Каррефур» — это ведь по-французски «перекресток». И Легба — мои кулаки сжались. Это было не французское слово, но имя, и я слышал его раньше. С криком, похожим на задыхающийся смех, толпа отхлынула, показывая на что-то. На открытом пространстве перед запятнанным кровью рисунком прыгали и прихрамывали две фигуры, опираясь на палки, которые вытащили из огня. Один из них, полный мулат средних лет, кренился на один бок, пробежал мимо меня, зловеще ухмыляясь и моргая воспаленными глазами. Но когда мои глаза встретились с его взгля-

дом, я почувствовал приступ ледящего возбуждения. Настоящего сходства здесь не было — скорее выражение, промелькнувшее на этом совершенно другом лице, притом очень странном. Искаженное, изуродованное гримасой почти до неузнаваемости, и все же я не мог ошибиться. Это был взгляд старого музыканта с угла улицы в Новом Орлеане — с перекрестка. А Легба — это было имя, которым звал его Ле Стриж.

Я в отчаянии позвал его. Человек заколебался, оглянулся на меня, и я уже не был уверен, что видел тогда этот взгляд на его лице. У меня пересохло в горле, и я поднял к нему свои связанные руки. Но в это время Дон Педро снова крикнул: — Каррефур! — и толпа подхватила это имя, как гром. Танцоры застыли, выпрямились, они уже больше не опирались на палки. Поднявшись во весь рост и встав на цыпочки, они распростерли руки широкими вызывающими жестами, словно преграждая чему-то путь, на их лицах появилось выражение мрачного отрицания. Толпа заорала, приветствуя их.

Стоявший передо мной человек расхохотался жутким булькающим смехом, который казался его собственным, сделал огромный глоток рома и выплюнул его над своей все еще сверкавшей палкой прямо в меня.

На меня ливнем жгучих иголок обрушился огонь, я заорал и стал извиваться в оковах. На Стрижа тоже кое-что попало, и он гневно зарычал. Мужчина снова расхохотался, в этот раз мстительно: — *Pou' faire chauffer les grains, blancs!* — выплюнул он и поплелся назад, танцевать. Согреть мои?... Мои чресла. Как мило с его стороны. Но на мгновение, когда он отвернулся, могу поклясться, что его черты исказились, словно в муках какого-то ужасного сомнения или агонии, и снова появился этот взгляд Легбы! На этой

обвисшей злорадной физиономии мелькнуло нечто большее, чем злоба, что-то новое — словно это он о чем-то молил меня?

Опять меня — все время меня. Что им от меня было нужно? Что я мог им дать?

— Звать его? — мрачно пробормотал Стриж. — Мог бы побережь дыхание, дурень, черт бы тебя побрал!

— Он помог мне в Новом Орлеане! — запротестовал я.

— Может быть! Хотя как и почему... — Стриж хмуро покачал головой. Его голос трещал, как тыквенные бутылки с костями. — Но здесь он не поможет. Не может помочь. Заклинание питалось живой кровью. Он не мог сопротивляться. Оно вызвало его теневое «я», его искаженную форму — Темного Повелителя Перекрестков, Каррефура. Не Открывателя Путей, а Стража на Перекрестках. А Каррефур людям не друг. — Ле Стриж вобрал голову в плечи. — Теперь пути открыты. И Другие должны последовать за ним, когда зовет кровь...

Линии кукурузной муки начертили новый, более сложный знак вевера. Барабаны гремели и стучали, толпа раскачивалась — внезапно новое адское возлияние ромом вылилось в пламя. Мужчины и женщины в толпе вытащили вперед нескольких козлов, а другие — собак, отвратительных тощих дворняжек, вызывавших жалость тем, как они виляли хвостами и принюхивались. Снова взмыл ввысь пронзительный зов Дона Педро:

Damballah! Damballah Oueddo!

Ou Couleure moins!

Ou Couleure!

Толпа подхватила имя:

Damballah!

Nous y'vini!

— Ритуалы вуду, — пробормотал Джип. — Я видел некоторые — но таких, как эти, никогда! Этот уж почище их всех, будь он проклят! Молитвы те же — во всяком случае, слова, вот только весь тон другой! Они же не молятся ЛОА, а все равно что ПРИКАЗЫВАЮТ им, черт побери!

— Они и приказывают! — хрипло сказал Стриж. — Власть здесь обширна! Это собственный туннель Дона Педро, сердце его культа. Это ритуал, по сравнению с которым все прочие ритуалы Петро — тени, эхо, полупонятные имитации, а тут — центральный. Кровь движет Невидимыми, живая кровь, и его власть заманивает их в ловушку. Их природа — жидкостная, он не может изменять их, однако может сгибать их, придавать им форму, движимую худшими сторонами их натуры. Дамбалла — это силы неба, дождя и погоды, но ритуалы Педро делают его Кулевром, Всепожирающей Змеей, силой шторма и потока...

Он замолчал, вернее, его голос утонул в крике Клэр. Началась расправа — козел был брошен на алтарь, распростертый и отчаянно блеющий. Меч Дона Педро нанес медленный удар в его задней части. Связанный зверь дергался и визжал, толпа орала; у меня переворачивался желудок. Казалось, прошла вечность, прежде чем клинок ударил снова. Фонтаном брызнула кровь, и орущая толпа бросилась ловить и пить ее, обсасывая свои руки, свои платья и платья соседей, чтобы получить еще хоть капельку. Обезглавленное тело, все еще дергавшееся в агонии, было брошено в толпу, но они не глядя затоптали его, стремясь увидеть, как принесут следующую жертву.

Каждый раз ритуал был одинаков — два удара:

одним он кастрировал, затем, посмаковав страдания жертвы, вторым ударом сносил ей голову. Я вздрагивал при каждом глухом стуке клинка. Так вот как он расправлялся с жалкими жертвами, доведенными пением, криками и потоками крови до иступления. А покончив с ними, так же точно он собирался принести в жертву *sabrit sans cornes* — своих особых «безрогих козлов»: Клэр, Молл, Джипа, Ле Стрижа и всех остальных. Но, похоже, меня это не должно было коснуться. Для меня он действительно замыслил нечто особенное.

И все, что мне оставалось, — это сидеть и смотреть.

Я видел, как делались жуткие вещи. Хуже всего было, когда он убил собак; может, это и нелогично, но было именно такое ощущение. И каждый раз, когда мы видели, как дергаются ноги очередной жертвы и свежая кровь брызжет и струится по углублениям в камне, мы думали, что следующими жертвами будем мы. В каждом новом круге в смеси кукурузной муки, крови и утопанной земли рисовался очередной вевер, и это сопровождалось новыми возлияниями, новые имена выкрикивались в небеса, барабаны выбивали новый ритм, люди и Волки одинаково вгоняли себя в экстаз, и голая земля содрогалась под топотом их ног.

На фоне пульсирующего света костра их мечущиеся силуэты, бурлящие, как растревоженный муравейник, действительно напоминали какое-то видение из ада. Пока большинство танцоров ничего особенного не делали — только визжали, пели и топали ногами вместе с остальными. Но мы не удивились, когда некоторые стали буйствовать, прыгать, бормотать и валиться на землю в припадке. Другие носились взад-перед в экстазе или раздражались такими яростными истерическими воплями, что стоявшим рядом прихо-

дилось хватать их и прижимать к земле. Однако припадки скоро проходили, и все больше и больше людей в толпе начинали меняться. Точно так же, как первые несколько человек подражали старикам; они в танце начинали принимать различные позы, пели хриплыми притворными голосами, подпрыгивали или расхаживали вокруг, делая странные, почти ритуальные жесты. Они напоминали актеров, репетирующих одинаковые роли. Казалось, какая-то новая личность закрыла их, как вуалью, спрятав под ней их собственную индивидуальность.

Само по себе это зрелище внушало тревогу, но меня оно привело в ужас. Это была одержимость — одержимость, которой я так боялся — изуродованные ЛОА нисходили, чтобы вселиться в их последователей. Один-два аколита, находившиеся около камней, схватили лежавшие наготове подпорки, словно знали заранее, какое именно новое существо завладеет ими. Некоторые из толпы стояли в тех же позах, танцевали тот же танец и даже размазывали по лицам золу, кровь или рассыпанную кукурузную муку, превращая их в импровизированные маски. Однако большинство танцующих позволяли каждому новому имени, каждому новому нисходящему божеству омыwać их и разбиваться о них, как волны эмоций. В мгновение ока они переходили от одного настроения к другому: то приходили в бешеный гнев, сопровождавшийся воплями, то начинали двигаться со змеиной грацией — и все это в каком-то дрожащем возбуждении, полуистерическом, полусексуальном, сметающим все условности повседневного человеческого поведения.

Когда, например, прозвучало песнопение ГЕДЕ, они задергались и стали вихлять бедрами, подражая чему-то грубыми спазматическими ритуальными дви-

жениями, как у роботов. Словно расчлененные скелеты пытались имитировать движения плоти. В следующую минуту, при выкрике ЗАНДОР! — они рыхлили каменистую почву наподобие плуга, потом, скорчившись, испражнялись и втапывали экскременты в землю. Когда с алтаря прозвучало имя Маринетт, танцоры стали подкрадываться и закатывать глаза, гротескно изображая соблазнительей, принимая эти позы перед алтарем, перед друг другом и даже перед тем местом, где мы лежали скованными. Женщина-Волк в лохмотьях расхаживала и подпрыгивала перед нами взад-вперед, ее пурпурные волосы развевались вокруг ее ног, она насмехалась над нами жестами, движениями, рвала на себе одежду. К ней присоединились другие, мужчины и женщины; и те, и другие бросались прямо на нас. То, что они проделывали, само по себе было просто грубо — вроде тех вещей, что делают, заманивая клиентов, проститутки, или заигрывания любовников. Но нам это казалось агрессивным, их целью было поиздеваться над нами, унижить нас — и из-за этого танец выглядел по-настоящему непристойным.

Еще минуту, еще одно имя — и танцоры забыли про нас и бросились на своих соседей, тиская, цепляясь ногтями, хватая ртом, совокупляясь друг с другом. И хотя часть действия переросла в секс, она приняла тошнотворную, зловещую форму, и участники взвизгивали от смеха при виде потекшей крови. Это была оргия без страсти, без какого-то следа настоящей похоти. У меня от нее внутри все переворачивалось. И в тот момент, когда маленький человек выкрикнул имя «АГВЕ», они позабыли друг о друге, распались, стали кататься по земле и делать руками и ногами

такие движения, словно плыли над грязной поверхностью.

Я тоже плыл, стараясь удержаться на плаву. Я изо всех сил пытался продолжать думать, сообразить, чего именно ожидал от меня Ле Стриж — чего-то, что я еще мог сделать, а он, при всей своей странной власти, не мог. Но барабаны превращали мои мысли в кашу, голова болела, и сосредоточиться никак не удавалось. Мелькание танцоров и пламени стало гипнотическим. Я не мог заставить себя отвести глаза от разыгрывавшихся передо мной уродливых ритуалов. Часы и минуты не имели значения; была только нескончаемая, расплывчатая ночь, жившая ревом и вонью бурлившей толпы маньяков, проделывавшей безумные вещи по команде безумца. Я пытался доказать, что Ле Стриж ошибался; я пробовал молиться. Но что я мог сказать? И кому? Здесь было слишком много такого, во что я раньше никогда не верил, может, даже и сами боги — некоторые из них, любые, может, и все. Но что я мог сказать любому из них?

У меня в голове все смешалось. Снова и снова я ловил себя на том, что качаюсь в такт жуткой музыке барабанов и голосов. Я закусил губу в отчаянной попытке сохранить сознание, продолжать мыслить — по крайней мере, хоть как-то сопротивляться. Но это продолжалось, и я не мог найти в себе силы. От сидения на холодной земле у меня немело все тело, замедлялось кровообращение. Меня постоянно отвлекал низкий голос, бормотавший слова, из которых я едва ли понимал половину. Я попробовал прикрикнуть на говорившего, кто бы он там ни был, — и только тогда осознал, что этим говорящим был я сам. Сначала я решил, что схожу с ума. А потом я понял правду, и это было еще хуже.

Я в панике затрясся. Это уже происходило. То, чего я так боялся — оно опускалось на меня, медленно, неотвратно, пока я сидел на земле. Попытка сопротивляться? У меня не было и одного шанса из тысячи.

Я лихорадочно прикусил непослушный язык, с силой прижал его зубами, чтобы заставить замолчать. Это было гораздо больнее, чем кусать губы, и я смог сосредоточиться. И тут я понял, что Стриж был прав. Все-таки была одна вещь, которую я мог еще сделать. Единственный способ, которым я мог противостоять этому Дону Педро, единственный путь избежать судьбы, которую готовил мне этот маленький мерзавец. Но я также знал, почему Стриж не сказал мне, что это за способ.

Я мог прокусить себе язык, захлебнуться кровью и умереть.

Легко подумать; однако сделать это гораздо труднее. Я слышал о том, что были люди, которым это удавалось — пленные под пытками, сумасшедшие в смиренных рубашках. И я сказал себе, что у меня, конечно же, есть повод, и не менее серьезный, чем был у них. Моя смерть вряд ли спасет моих друзей, зато она может спасти множество других жизней. И спасти меня самого от кое-чего похуже смерти — я не стану марионеткой и узником в собственном теле, пустой оболочкой для какого-то хищного ужаса, которого я не мог себе даже представить. И я сделал попытку. Да, я попытался, стиснул зубами самый центр толстой мышцы, до тех пор, пока боль не стала невыносимой и не выступили вены — но не более того. Я не мог. Я был готов, у меня были силы... но я просто не мог.

Назовите это трусостью, назовите это подсознательным сопротивлением — но я не мог этого сделать,

так же как не мог освободиться от своих оков. Я продолжал свои попытки. Я вонзил зубы в язык, я тряс головой; но не мог придумать ничего такого, что заставило бы меня стиснуть челюсти.

Вот и все, на что меня хватило, чтобы разыгрывать из себя героя; и все это время я чувствовал, как теряю контроль. Я знал, что что-то действует на меня — барабаны, холод, пение, зловонный воздух, жуткий парад жестокостей, творимых на алтаре. Это было то, что пришло мне в голову сначала. Вскоре я понял, что это не так. Они способствовали, это верно; они топтались вокруг моих мыслей, мutilи их. Но было и что-то еще, что-то за ними, и действовало именно это. Оно было больше, чем все эти ужасные факторы вместе взятые. С каждым дуновением его присутствие ощущалось все сильнее, меня словно тянули чьи-то руки, легко, но непримиримо. Они расшатывали мои мысли туда-сюда, словно зуб в его гнезде.

Это была не иллюзия; я стал видеть новые вещи. Фигуры, во много раз выше человеческого роста, они прыгали и извивались позади танцующих, передразнивая их, как гигантские тени, отбрасываемые в небе. С каждой минутой я видел их все более отчетливо, они кружились надо мной, а то, что меня окружало, становилось все более туманным. В моем мозгу рождались голоса — тихий щекочущий шепот, низкий громовой гул. Я чувствовал вспышки мыслей и воспоминаний, мне не принадлежавших, не принадлежавших ни одному человеку вообще, они оставляли за собой только смятение, так далеки они были от всякого опыта, который я вообще мог распознать.

Если я мог больше перепугаться, чем уже был напуган, так именно теперь. Но все оказалось совсем не так. С каждой минутой я чувствовал себя спокой-

нее, все больше недоумевая. Приоткрытая далекая дверь, льющийся из-за нее теплый свет, запах вкусной пищи, звук знакомых голосов — для ребенка, заблудившегося в ледяную ночь и голодного это могло быть тенью тех ощущений, которые я испытывал сейчас. Вся прелесть абсолютной безопасности, счастья, которого я никогда не знал, богатства, которого жаждал всю мою жизнь, но так и не получил, — сейчас я почувствовал слабый привкус всего того, чего мне не хватало, и обещание, что все это впереди и становится все ближе. Меня совсем не волновало, что мое тело становится каким-то легким, немеет — до тех пор, пока я не почувствовал, как мои руки и ноги резко дернулись раз, другой, хотя я не пытался ими двигать. Словно их подчиняла себе чья-то чужая воля...

Я рывком выпрямился, дрожа и покрываясь потом. Моя голова кивала, подбородок опустился на грудь. Это напоминало на попытки не заснуть, когда я зарабатывался подолгу. Не считая того, что в теплой черноте за моими веками ЧТО-ТО поджидало...

Я отчаянно боролся за то, чтобы сохранить контроль над собой. Где-то далеко в барабанном бое появилась новая нота — резкое металлическое позвякивание, как воплощение головной боли. И раздавались голоса — голос Стрижа, такой хриплый и отчаянный, каким я его никогда не слышал: — ... они куят железо ОГАНА... ты что, не слышишь? Это... это конец. Последний... самый великий. Если они смогут подчинить его...

Что-то из того, что он сказал, привлекло мое внимание, какое-то воспоминание. Какие-то острые обломки моей воли стали восстанавливаться. Я лихорадочно сосредоточился на всем том, что еще привязывало меня к земле — на боли в языке, тупых уколах

от ожогов, боли в ягодицах от сидения на холодной земле и еще более холодном прикосновении ошейника и цепей. **ОГАН** — вот слово, которое я уловил. Так, а где же я мог слышать что-то подобное? Я улыбнулся: конечно, Фредерик. Сейчас мне было приятно о нем думать. Старый Фредерик с его бачками, пыхтящий от праведного гнева, такой же воинственный, как изображение Св. Иакова на его картине: — **ПОДУМАЙТЕ, ЧЕЛОВЕЧЕ! ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ НЕВИДИМЫМ? ВЫ НЕ МОЖЕТЕ СПОРИТЬ С ОГУНОМ!**

Храбрость пришла к нам обоим слишком поздно — ко мне и к нему; что ж, лучше поздно, чем никогда. Это должно прекратиться, и теперь же. Смерть, уничтожение — мне надо было за что-то ухватиться. Лучше умереть, чем подпасть под этот тошнотворный сладкий соблазн, это ощущение счастья, которое не позволит мне быть самим собой. Стриж обвинял меня в том, что для меня нет ничего святого; он ошибался. Однажды я уже выбросил счастье — и это потому, что поклонялся успеху. Не его прелестям — не тому, что он мог мне принести. Просто удовлетворению от того, что ты чего-то достиг, ощущению свершения, самой абстракции. И какого бы бога он представлял, если я смог принести себя ему в жертву тогда, я с тем же успехом мог сделать это и сейчас. Нечто меньшее...

Его противоположность. Его абсолютное отрицание, его Антихрист. Провал. Полный провал во всем...

С УСПЕХОМ НЕ СПОРЯТ...

НЕ СПОРЯТ...

НЕ СПОРЯТ...

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ СПОРИТЬ...

С ОГУНОМ...

Я сделал такой глубокий вдох, что он стоном

отозвался в моих ушах, откинул назад голову и с силой ударив подбородком в грудь, прикусил...

И в ту же секунду тени отступили от меня, и я остался лежать на земле, задыхаясь, сплевывая кровь, лившуюся изо рта. Язык у меня страшно болел, но единственное, что я сделал, это прокусил его сбоку. Опасность захлебнуться мне не грозила. Я увидел пристально смотревшего на меня Джипа, затуманенный взгляд Молл и в конце ряда — широко раскрытые полные ужаса глаза Клэр. Этого я вынести не мог.

— Все в порядке! — с трудом пробормотал я, лихорадочно стараясь придумать причину тому, что я так заметался. — Это ничего. Просто, как сказал этот ублюдок, — у меня зад и вправду примерз! Мне бы...

Я был ошеломлен их реакцией. Даже Ле Стриж отодвинулся от меня в полном ужасе, чуть не свалив меня на землю ошейником, что было не слишком любезно с его стороны; остальные отшатнулись с выражением на лицах, которого я не мог понять.

— Эй! — сказал я, стараясь выговаривать слова более отчетливо и выплевывая запекшуюся кровь. — Все в порядке! Я просто говорил, что мне не мешало бы сейчас выпить этого чертова рома, потому что...

— Да! — хрипло прокаркал Джип. Я всего лишь один раз видел его таким бледным, это было после ДУПИИ. — Но как получилось, что ты сказал это на креольском наречии?

— На креольском? — Теперь уже я был ошеломлен. — Но я не знаю креольского! Французский — немного, но... — Я попытался произнести это снова. И просто-таки услышал, как мой собственный голос изменился, почувствовал, как ослабли и трансформировались мышцы в моей глотке, и звук, вышедший из

нее, был невероятно глубоким и замогильным. Я ощутил, как язык мой сформировал новые звуки, новые оттенки голоса — другие слова, другой язык и совсем другой голос.

— GRAINE MOAINE 'FRET! DON'MOA D'RHUM!

Проклятие, это действительно креольский!

Тени передо мной закачались, горло внезапно сжалось, и я понял, что голос сейчас снова станет моим.

Но прежде, чем я сумел выдавить хоть слово, Ле Стриж, пристально смотревший на меня, прошипел: — Давай! ПРОДОЛЖАЙ! Не борись с этим! — И он стал связанными ногами возить по кукурузной муке, теперь уже покрывавшей толстым слоем всю землю перед нами, рыча от усилий и пытаясь изобразить рисунок. Сложный рисунок — ничего удивительного, что он так пыхтел, — это было фантастическое изображение чугунного литья, гравировки на портике или на воротах...

Без предупреждения удары по железу стали нарастать крещендо, бешено забили барабаны, стараясь не отставать, — и вдруг все оборвалось. Неожданное отсутствие звуков было еще хуже, чем просто тишина. Больше похоже на пистолет, готовый выстрелить, на спичку, поднесенную к фитилю. Я поднял глаза — и через пространство встретился с далеким взглядом Дона Педро, непроницаемым, как сама Ночь. Он подал знак мечом, с которого капал кровь, и двое из его Бокоров-аколитов прыгнули с алтаря и зашагали к нам. В их руках были веревочные сворки — должно быть, остались от животных. Барабанный бой возобновился, медленным суровым раскатом. На ходу они запели в такт бою, выговаривая слова с деловитой, уверенной настойчивостью.

Si on mander poule, me bait ou.

Si ou mander cabrit, me bait ou.

Si ou mander chien, me bait ou.

Si ou mander beuf, me bait ou...

Я был поражен, обнаружив, что понимаю их — и даже слишком хорошо.

Если ты просишь у меня цыпленка, я найду его...

Держу пари, они могли это сделать. Толпа расступилась перед ними, потом отхлынула назад. Один или двое из толпы стали глумиться, орать и размахивать бутылками, но большинство присоединились к пению. На их искаженных лицах отражалась странная нечеловеческая смесь жадности и страха.

Si ou mander cabrit sans cor

Cote me pren'jr bai ou?

Ou a manger viande moins,

Ou a quitter zos pour demain?

Если ты попросишь у меня безрогого козла,

Куда мне за ним идти?

Съешь ли ты мясо с моих костей,

А кости оставишь на завтра?

Вот оно, наконец. Малые жертвоприношения — животных — уже были совершены. ЛОА были здесь в лице тех, в кого они вселились. И я не сдался так просто. Теперь, как и предсказывал Ле Стриж, Дону Педро надо будет сломить их, починив своей воле, и им придется брать меня силой. Для этого потребуется новая кровь, более сильная — manges majeurs. Человеческая кровь. Наша.

Они приближались к нашему концу ряда, по-видимому, собираясь начать с самого Ле Стрижа. Тот не обращал на них внимания, просто продолжал скрести своими башмаками в грязи и вязкой муке, всхлипывая про себя от усилий. Я вдруг понял, что он тоже поет,

в такт барабанному бою — произносит свои, какие-то еще более странные, запутанные заклинания.

Par pouvoir St. Jacques Majeur.

Ogoun Ferraille, negre fer, negre ferraille,

negre tagnifier tago,

Ogoun Badagris,

negre Baguido Bago,

Ogoun Batala...

Казалось, ритм барабанного боя вколачивал эти слова в мой мозг, как множество гвоздей. Я ОЩУЩАЛ их с такой силой, что она не укладывалась в рамки понимания. И я чувствовал нечто большее, нечто, заставившее меня забыть об опасности, унижении и обо всем прочем. Мне было нужно...

Мне нужно было выпить — притом очень нужно. Нужнее, чем когда-либо. Вообще-то я не питал пристрастия к бутылке, но сейчас жажда заставляла меня жадно сглатывать в ожидании хотя бы капли. Теперь танцоры толпились вокруг нас, завывая, как коты, и плюясь, но все, что мог видеть, были проклятые бутылки. И то, что они потягивали ром из бутылок и проливали его, в то время, как у меня не было ни капли, неожиданно привело меня в страшную ярость. Я заорал на них, и когда они в ответ лишь завопили и стали глумиться, я почувствовал, что закипаю, как чайник. В слепой ярости я потребовал свою долю, замолотил по земле связанными кулаками и заревел: — RHUM, MERD'E'CHIENNE! D'RHUM...

Я был немного ошеломлен тем, как это у меня вышло, так громко, что мой голос заглушил и толпу, и барабаны. Я увидел, как приближавшиеся аколиты заколебались, а толпа отхлынула назад.

РОМ УХОДИЛ ОТ МЕНЯ!

Я протянул руку к ближайшей бутылке и обнару-

жил, что каким-то образом мои запястья стали свободны, хотя с них по-прежнему свисали разорванные путы. Мои ноги были все еще связаны — я не мог понять, почему — и я освободил их с торжествующим воплем, затем попытался схватить ту бутылку — и растянулся лицом в грязи.

Ну, конечно! Вокруг моей шеи был этот проклятый железный ошейник и цепь — и другие были скованы точно так же! Что мы им — спаниели или как?!

Я с негодованием постучал по железу. Я услышал свой голос, скорбно вопрошавший, почему мой старый друг, мой верный старый слуга так со мной обращается. Разве он не знает меня? Неужели не узнал своего старого хозяина? Я нежно ласкал изношенное старое железо — и чувствовал радость, подступавшую и дрожавшую в этом живом железе, словно собака с готовностью приветствовала хозяина. Я услышал, как взвизгнул от восторга замок, извиваясь и отыскивая путь к свободе, и поющий звон бешеного избавления, когда ошейник слетел с моей шеи.

Смех внезапно прервался. Толпа отшатнулась, единовременно ахнув. Я вскочил и встал в напряженную стойку, словно кошка, готовая к прыжку. Рядом со мной яростно бил ногами Ле Стриж, доделывая свою диаграмму, а потом он упал с измученным стоном. Один из аколитов увидел рисунок, и у него глаза вылезли на лоб. Он ткнул пальцем в изображение и пронзительно завизжал: — LI VEVER! OGOUN! OGOUN FERRAILLE!

Что-то во мне подпрыгнуло при звуке этого имени, что-то взвилось, как ярко-алое знамя на ветру, что-то запело, как трубы. Я ощутил дикий прилив возбуждения, бешеную, поющую, танцующую, прыгающую радость. Я был был Господином, я был Ответственным

Лицом, здесь я распоряжался — и не вздумайте забыть об этом!

Эти ублюдки БОКОРЫ! Они подумали...

У них хватило наглости подумать...

Они осмелились поверить, что смогут управлять Невидимыми, как Невидимые управляют людьми.

Они осмелились попытаться заставить меня помогать им! Меня!

Меня!

Меня!

Меня!

Меня!

Меня!

Меня!

МЕНЯ!

Они думали, что могут принести в жертву моих друзей!

МОИХ ДРУЗЕЙ...

Заковать их в железо...

МОЕ ЖЕЛЕЗО!

И они посмели отказать мне в роме!

В РОМЕ!!

РОМ — ЭТО БЫЛО МОЕ ПРАВО. МОЙ ЗНАК. МОИ ЖИЗНЕННЫЕ СОКИ — А ОНИ ПОСМЕЛИ...

Я взревел. В этот раз я действительно взревел. И звук с треском прорезал тьму, гортанный громовой рев гордо вышагивавшего льва. Пламя склонилось перед ним. Толпа завизжала, аколиты уронили сворки, один из них неловко схватился за абордажную саблю на поясе. Барабаны стали заикаться, запнулись и замолчали. Бой не возобновился.

Мое сердце колотилось так сильно, что меня трясло при каждом ударе. Красный туман, как волна прилива, окатил ночь — и я пошел на стоявшего ближе всех ко

мне Волка. Он бросился на меня с голыми руками. Я поймал его руку, вывернул ее, выхватил из его другой руки бутылку и отбросил его в сторону. Свободной рукой я схватил его за запястье, но оно было огромно, и моя рука соскользнула. Что-то еще остановилось во мне, где-то внутри. А потом за моей спиной я услышал, как Ле Стриж хрипло запел:

Ogoun vini cailla nous!

Li gran' gouste, li gran' gran soif!

Grand m'ci, Ogoun Badagris!

Manger! Buuh! Sat'!

И я услышал. Я УСЛЫШАЛ:

Ogoun посетил нас!

Мы очень голодны, жажда мучит жажда!

Великая благодарность тебе, Ogoun Бадагри!

Так это же! Пей! Насыщайся!

Все очень правильно и пристойно. С оглушительным воплем я поднес бутылку к губам и осушил ее одним булькающим глотком. Волк перепугался. Казалось, жаркий спирт бросился из моего горла прямо в вены и поджег их мощной вспышкой, наполнив все мое тело крошечными прожилками покалывающего огня. Я сомкнул пальцы на его огромном запястье и услышал жалобный визг и треск ломающейся кости. Волк заорал, вытаращил зеленые глаза и скосил их, когда я с силой опустил пустую бутылку на его полувыбранный череп. На меня бросились другие Волки — кажется, трое. Я бросил того, которого держал, на одного из них, в кашу разможил нос другому, а третьему дал ногой в живот, потому что у него была в руках бутылка. Он взвыл и согнулся, я перехватил бутылку в воздухе и встряхнул — почти полная! Я расхохотался от радости, громко, громкоподобно, смехом освобождения. Цепи расхохотались вместе со

мной и подпрыгнули в воздух. С ответным стуком разлетелись другие оковы. Джип и остальные растянулись на земле, но Ле Стриж, все еще согнувшись, с трудом опустился на колени, волосы его были всклокочены, глаза горели.

Толпа представляла собой бурлящий хаос: те, кто стоял впереди, пытались отойти назад, а стоявшие сзади рвались вперед, чтобы посмотреть, из-за чего вся суматоха. Стражи-караибы не могли подойти к нам. Сквозь толпившиеся фигуры прорвался аколит, замахиваясь абордажной саблей и целясь мне в голову. Я взревел, приветствуя саблю. Стальной клинок рывком остановился в воздухе, прежде чем дотронулся до меня. У мужчины отвисла челюсть, а я поймал его за вытянутое запястье, встряхнул, как щепку, и отшвырнул прочь так, что он полетел кувырком. Он ударился о камень и свалился. Джип что-то крикнул мне. Нас окружали караибы, пробиваясь сквозь толпу. Я протянул вниз руку, поднял Джипа на ноги и разорвал веревки на его запястьях. На меня бросился какой-то Волк с кинжалом в руке и бутылкой, заткнутой за пояс. Однако моя пустая бутылка встретила его рывок. Я потряс его бутылкой, смутно сознавая, что Джип выхватил кинжал и разрезал путы на своих ногах, затем обернулся к остальным.

Где-то тут должен был быть еще ром...

Я увидел бутылку и пошел на того, кто держал ее, но банда Волков прорвалась сквозь толпу охваченных паникой людей и стала медленно подбираться ко мне, пытаясь схватить меня, ударить кинжалами, и вообще они мне мешали. Я обругал их и свистнул брошенным цепям. Цепи со свистом прыгнули мне в руки, я сгреб их, зажал в кулаках и, сделав огромные петли, вскинул над головой. Цепи со свистом и жужжанием взлетели

вверх, кружась, как циркулярная пила, и разбрасывая направо и налево нападавших в то время, как я продвигался вперед. Над моей головой пронеслось копье, коснулось этого крутящегося занавеса и разлетелось на мелкие кусочки. Проклятые карайбы! Я рывком вытянул руку. Цепь с гулом полетела вперед и обвилась вокруг тех, кто возглавлял атаку, сбив их с ног и поймав в ловушку все это орущее сплетение тел и конечностей. Остальные попадали на них, а Джип и мужчины, которых он освободил, с криком бросились на них, схватили их копья и палицы и обрушили их на головы упавших.

Они явно справлялись со своей задачей, и я с надеждой огляделся в поисках дополнительной порции рома. И чего-то еще, чего у меня не было, чего-то, что я не мог как следует вспомнить, но оно все время вертелось у меня в мозгу, словно зудело, а я не мог почесаться. Но пока мне требовался ром. Большинство людей в толпе были безоружными или имели при себе только легкое оружие, и после того, как я повалил парочку из тех, кто вытащил ножи, они с большой готовностью уступали мне дорогу. Один из них вытащил из своего одеяния длинноствольный пистолет, но курок у него на секунду заклинило, и он не дождался того, чтобы пожалеть об этом. Однако вверху, на алтаре высокий тонкий голос выкрикивал приказы или заклинания, а, может, и то, и другое, призывая своих настоящих бойцов. На фоне костра я увидел Волков, собиравшихся на его зов, передавая друг другу мечи и другое оружие, которое они, видимо, припрятали рядом на случай неприятностей.

Мечи! Вот что у меня зудело! Мои пальцы сомкнулись в том месте, где была рукоятка. Конечно! Эти паршивые ублюдки — они забрали его! Заковали меня

в железо... отказали мне в роме... стащили мой меч...
МОЙ МЕЧ... — я им покажу, негодяям!

Я со свистом втянул в себя воздух и почувствовал в нем особый запах стали. Я выдохнул его с дрожащим, бешеным свистом, тонким и острым, как звездный свет. Пламя приникло к земле, воздух задрожал, люди бросились наземь и зажали уши — а над алтарем что-то высоко подпрыгнуло в темноту, и вслед за ним протянулась рука, униженная драгоценностями, тщетно хватая пустоту. Это была рука Дона Педро. Нечто повисло в ночи, бешено вращаясь вокруг своей оси, как какой-то сбесившийся пропеллер, оно становилось все больше — больше — ближе... до тех пор, пока я не почувствовал шлепок и прикосновение шершавой акульей кожи к моей ладони, а потом — восхитительную тяжесть. Я поднял руку вверх и взревел от восторга — и тут я увидел покрывавшую его запекшуюся кровь. Ах, маленький мерзавец! Так он устроил эту бойню своим вонючим жертвам моим мечом...

МОИМ...

МОИМ...

МОИМ...

Я снова взревел. На этот раз не от восторга. Основная группа Волков уже начинала пробиваться сквозь толпу, но мой крик остановил их на полпути. Позади меня я смутно слышал протестующий голос Джипа, обращавшегося к Стрижу, развязывая его путы: — Какого черта, что с ним случилось? Что ты натворил? Ты должен вернуть его, слышишь, ты, проклятый старый стервятник! Не то, если Дон Педро не разделается с тобой, клянусь Богом, это сделаю я!

— Я ничего не сделал! — презрительно завопил старик. — Он все сделал сам! Единственное, на что Дон Педро никогда бы не поставил, это на то, что у

этого идиота-мальчишки достанет смелости, чтобы попытаться убить себя! Как я того и хотел! Только он попытался это сделать в нужный момент — когда они вызывали ЛОА! Проливая при этом кровь других — а он пролил собственную! Да еще чтобы помочь другим, не себе! Не бывает жертвы сильнее этой — нет жертвы более великой, чем собственная жизнь!

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что ЛОА снизошел, дурень! Но к нему! К нему одному! И свободным от Дона Педро! Да еще какой ЛОА! Все, что я сделал, — это завершил дело, то есть задержал Его, и быстро. А теперь вытащи меня отсюда! Вытащи нас всех! Ты что, хочешь, чтобы тебя захватило то, что надвигается? Ты хоть знаешь, кто Он?

Все это было очень интересно, но зачем здесь болтались эти Волки? Дон Педро пронзительно орал на них. Но они, похоже, не очень рвались в бой.

— Это Огун, идиот! — заверещал Стриж в ответ на какие-то слова, которых я не слышал. — Тот ЛОА, который с радостью укоренится именно в таком разуме, как у него! Огун Феррай — Повелитель Железа, Повелитель Кузнецов — и, стало быть, промышленности, коммерции и всей этой суеты! Даже политики! Огун, Дающий Прибыль! Огун, Приносящий Успех!

— Обожди минуту! — с ужасом и благоговейным страхом выдохнул Джип. — ОГУН? Но ведь он еще не весь...

— Нет! Он нечто гораздо большее! — проскрипел Ле Стриж. — Может, мне выпустить Его, вызвать другую Его ипостась? Ты хочешь, чтобы тебя тоже прихватило, когда я стану это делать? Забудь о мальчишке — вытаскивай меня отсюда! Спасайся сам!

Я обернулся и посмотрел на них. Джип отступил,

но только на шаг, не больше. Ле Стриж зарычал от смеха: — Что ж, быть посему! По крайней мере, это будет забавно! — Он вонзил пальцы в рисунок и запел:

Ogoun Badagris, ou general sanglant!

Ou saizi de z'orage;

Ou scell'orage:

Ou fais kataon z'edai'!

Огун Бадагри, кровавый генерал!

Ты держишь в руках ключи от бури;

Ты держишь ее на замке;

Ты выпускаешь гром и молнию!

Я взглянул вниз, тяжело дыша. Быстрыми ударами Стриж что-то добавлял к этому веверу, что-то претенциозное, огромный гребень, похожий на меч, обрамленный двумя знаменами, позади — звезды...

Что-то шевельнулось во мне — словно что-то огромное двигалось под землей, словно какое-то насекомое формировалось в своем коконе. Но оно еще не было готово вырваться наружу...

Меня захватило, поймало в ловушку какое-то внутреннее смятение, я вдруг почувствовал себя неуверенно. Я огляделся. Волки теперь зашевелились и собирались напасть всерьез. Стриж бешено тряс головой, с удвоенной силой возобновил свое пение — и тут их пререзал хриплый смех. Это была Молл, ее путы были разрезаны, и Клэр стояла рядом, стараясь поддержать ее. Но Молл не могла стоять и упала на колени, прямо у края рисунка. Ей удалось бросить презрительный взгляд на Стрижа: — Ты не премудр, старик! — прохрипела она. — Ты ведь кое о чем позабыл? С тебя станется, колдун и безбожник ты и есть! — Темная кровь снова заструилась из раны на ее голове, но она протянула дрожащие пальцы, истерзанные в кровь ее

путами, и отчаянным усилием стала чертить линии, пересекавшие знамена.

— Дай, я! — быстро сказала Клэр. — Что тебе нужно? Кресты? Христианские кресты?

— Да, именно так! — прошептала Молл. — Кресты крестоносцев! Ибо они дали Ему и христианское имя! Имя святого! — Дыхание с шумом вырывалось из груди Молл, пока она смотрела, как Клэр заканчивает рисунок. Что-то сдвинулось, побалансировало на краю — и уверенно скользнуло на свое место. — А теперь пусть Дон Педро услышит его и дрожит! Ибо это боевой клич его собственного народа, который он предал! Сен-Жак, Великий Святой Иаков...

— САНТЬЯГО! — этот клич непрошенно сорвался с моих губ, крик чистой боевой славы. Я был мечом, пламенем, всадником на крылатом коне, я был изображением, стоявшим в витрине Фредерика; я был заостренным железом и всем тем, что оно могло сотворить, и я был не расположен ждать. Я с торжеством поманил согнутым пальцем приближавшихся Волков: — *Vin'donc, foutues!* — крикнул я. — *Loup-garous depouilles, ecoilles!* — Давайте, сукины дети! Шевелите задами! Идите облизните мой меч дочиста! Идите сюда, дерьмовые трусливые овечьи пастухи!

Последняя фраза сработала. Волки бросились на меня, и когда они прорвались сквозь толпу, я взмахнул оставшимся куском цепи над их головами, как стальным хлыстом, так близко, что позорные ошейники просвистели между их разноцветными волосами. Затем я позволил цепи скользнуть змеей и обвиться вокруг моей руки и бросился на них сам. У них не было времени выстроиться хоть в какой-то боевой порядок. Первого, шедшего впереди, я поймал мощным ударом на уровне пояса и разрубил его надвое, и пока

его конечности еще дрожали, рикошетом снес головы двум стоявшим позади. Один из них поднял щит, и я ударил по нему раз, другой, третий, так быстро, что он не успел даже поднять меч, чтобы попытаться парировать удар, — его прибило к земле, как гвоздь. При четвертом ударе щит раскололся и вместе с ним — прятавшийся за ним Волк. Я отбросил его под ноги остальным и зарычал от восторга, а потом бросился прямо на них — это была настоящая бойня. Мечи разлетались, прежде чем дотрагивались до меня, топоры ломались, не смея врубиться в меня, и повсюду разлетались обломки оружия и останки Волков.

За моей спиной, словно лишившись разума, снова и снова пронзительно кричал Стриж:

— *Ogoun Badagri, ou general sanglant!**

Я хохотал как никогда, считая Волков с моего пути направо и налево, отбрасывая их через плечо на кончике меча, одного лягнул в живот, перепрыгнул через него, когда он согнулся пополам, нацелился мощным ударом на следующего, бросался, взмахивал, вонзал. Раздался громкий треск, и что-то просвистело мимо меня. Один из поклонявшихся стоял на одном колене и устанавливал на руке какое-то подобие пистолета. Я развернулся и побежал прямо на него. Он еще раз нажал курок, но курок не сдвинулся с места, и тут я напал на него. Вороненая сталь в душе остается железом.

За моей спиной раздался шум. Несколько Волков собрались в круг и напали на команду как раз в тот момент, когда освобождали от пут последнего из них.

* Кровавый генерал (предводитель) (фр.)

Когда я повернулся к ним, один из них бросил мне в голову топор; я протянул руку, поймал его и пошел на Волка с его же топором. Все они попадали друг на друга, стараясь избежать моего удара. У моих ног катался Пирс, сцепившись с чудовищным Волком, пытавшимся задушить его. Я всунул топор в шарившую вокруг руку Пирса, перепрыгнул через них и бросился на остальных, нанося мощные удары двумя руками. Теперь они отскакивали при малейшем моем выпаде, но я был быстрее. Те, кто был впереди, падали на тех, кто был сзади, и я резал их, как сплошную массу, отгоняя назад, назад, в объятую ужасом толпу, оттесняя их к тому вонючему алтарю. Сколько времени это продолжалось, не знаю, — бешеная музыка рубящего металла, крики, вопли и режущие, колющие удары; и вдруг у меня не осталось врагов. Ряды Волков дрогнули. Они, как сумасшедшие, разбежались во всех направлениях, и оставшиеся последователи культа помчались за ними — назад, к алтарю, ища укрытия у своего хозяина, или просто куда-то в ночь. Я кричал им вслед — не знаю, что. Оскверненная земля вокруг меня бурлила от тел, стонавших, дергавших ногами и извивавшихся, пока не замрут, и глубоко у меня в горле поднимался смешок, когда я видел их, и я передразнивал настойчивые вопли, несшиеся от алтаря. Несколько более дисциплинированных Волков пытались повернуть толпу самыми простыми средствами, а именно избивая всех, будь то Волки или люди, кто старался протолкаться мимо. Началась ужасающая свалка. Волки против Волков, и люди, зажатые в кровавой бойне между ними, рвали друг друга в куски, как кроликов, к которым в нору запустили хорька. Я

жадными глотками пил дымящийся воздух и как раз собирался броситься за ними в погоню, как вдруг меня заставил развернуться на каблуках крик — ничей другой крик не мог бы этого сделать.

Это был голос Клэр, он донесся от того места, где она стояла на коленях. Распростертая поверх вевера, лежала Молл, неподвижно, раскинув руки и ноги, кровь из раны на ее голове растекалась по широким выемкам. Медленно, очень медленно. В два шага я оказался рядом с Клэр. Я посмотрел вниз. Глаза Молл были полуоткрыты, но закатились так, что зрачки были не видны. Клэр зарыдала. Что-то во мне запело на высокой стальной ноте, это было узнавание, признание; и, не очень хорошо осознавая, что делаю, я медленно опустился на колени, протянул руку и притронулся средним пальцем к самой середине лба Молл.

Ее глаза закрылись. Казалось, сама ночь задрожала в нарастающей вибрации чистой поющей ноты бесконечной скрипичной струны, звучащей все громче — громче, чем умолкнувшие барабаны. Она пронизала нас, как мощный порыв ветра, сотрясла нас обоих. Я почувствовал, как ветер разметал мои волосы, и волосы Молл стали развеиваться и заструились, как дым. Было это что-то во мне или в ней — я не могу сказать, но ее глаза внезапно распахнулись, между нами сверкнула искра, и где-то в самой глубине ее сердца вспыхнул свет, такой яркий, что сквозь плоть проступили кости черепа. Клэр тоненько вскрикнула, а потом захлопала в ладоши, смеясь от радости. Сгустки крови вокруг головы Молл высохли, сморщились и исчезли. Израненная плоть побелела и очистилась, глубокая

выемка, оставленная на ее виске дубинкой карамба, раздулась и заполнилась. Молл конвульсивно дернулась от силы воздействия, затем откинулась назад с глубоким вздохом бесконечного облегчения. — Премного благодарна, милорд! Но во имя всех, кто ненавидит зло, не мешкай! Ступай, убей гадюку, а я... — Она подогнула под себя ноги и ровно, неторопливо поднялась во весь рост. — Клянусь всем святым, я пока прикрою здесь остальных! — Глаза Молл тревожно блеснули. — **СТУПАЙ! СТУПАЙ!**

Я обернулся...

И увидел Дона Педро, карабкавшегося высоко на белую скалу за алтарем, оглядываясь по сторонам. В тот же миг он увидел меня, и наши взгляды скрестились через пространство. В воздухе перевернулась карта, двойка пик слилась и превратилась в туза — яму бесконечной темноты, притягивавшую меня к себе... внутрь... и вниз. Я падал. Падал...

Мой локоть соскользнул, и голова дернулась; я очнулся за секунду до того, как сунулся носом в клавиатуру своего компьютера и спутал все, что было на мониторе. Нетронутая чашка кофе задрожала на краю стола, и я поспешно подхватил ее; в последнее время у нас тут и так было достаточно беспорядка и сломанных вещей. Надо же, задремал прямо за столом! Поделом мне, нечего половину уикенда проводить в дискотеках и не высыпаться. Ничего себе сон наяву! Сон наяву, черт бы его побрал! Во мне по-прежнему все звенело от его неистовства. Я собрал все силы, чтобы взять себя в руки. И подскочил, когда зажужжал коммутатор.

— СТИВ? — спросил голос Клэр.

— Д... да?

— У ТЕБЯ КАКОЙ-ТО СТРАННЫЙ ГОЛОС. С
ТОБОЙ ВСЕ В ПОРЯДКЕ?

— Конечно. Просто... немного увлекся, вот и все.

— СМОТРИ, НЕ ПЕРЕСТАРАЙСЯ. ТЫ НЕ
ЗАБЫЛ, У ТЕБЯ ВСТРЕЧА В ЧЕТЫРЕ? М-Р ПИТЕРС
В ПРИЕМНОЙ.

Я покачал головой, отхлебнул глоток остывшего
кофе и поправил галстук. — Что ж, хорошо. Проводи
его сюда!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Я АВТОМАТИЧЕСКИ ПОДНЯЛСЯ С МЕСТА, когда открылась дверь. Мужчина, ступивший через порог, выглядел как большинство клиентов, каких мне доводилось видеть — вернее, самых лучших из них, тех, кто обычно проходил через офис Барри, соответственно напичканных гостеприимством и обаянием. Его темный костюм-тройка был сшит в стиле лучших произведений Армани, белая рубашка — гладкая и жесткая от крахмала, воротник плотно облегал шею, а прямой, как линейка, галстук переливался шелком, как серый опал. Тонкое совершенство всего ансамбля, включая прекрасно сшитые темные туфли и атташе-кейс из мягкой перчаточной кожи создавало атмосферу чего-то экзотического, иностранного, которая точно подходила к его лицу — с высоким лбом, крючковатым носом, бледному, с тонкими висячими усиками и глазами как провалившиеся колодцы, полные чернил. Иностранцы почти всегда означали большие деньги.

— Мистер Питерс, — сказал я, и его тонкие губы изогнулись в улыбке. Он протянул длинную руку, я протянул свою...

ЧЕРНОТА. ШУМ.

Я отдернул руку, не имея ни малейшего понятия,

почему. Это было в высшей степени странное ощущение. Как в тот раз, когда я клевал носом на своей первой большой встрече, убаюканный духотой и монотонным гулом голосов, а потом резко проснулся, вспыхнув от прилива адреналина и стыда, спрашивая себя, на какое же время я вырубился и было ли это кем-нибудь замечено — так было и сейчас. Только здесь я погружался в кошмар, адски живой, как тот сон наяву. Темнота, свет костров, крики и вопли, и единственный голос, гораздо ближе, произносивший слова, которых я не мог разобрать. От этого меня затрясло, а мне этого совершенно не хотелось. Улыбка Питерса осталась прежней, но каким-то образом у меня не осталось сомнений, что от него ничего не укрылось; плохое начало. Я поспешно постарался скрыть смущение и указал ему на кресло.

— Э-э, садитесь, прошу вас. Не желаете ли кофе — или, возможно, что-нибудь покрепче? Шерри? У нас есть прекрасный «Фино», охлажденный... — Шерри казалось подходящим к этому лицу, хотя сам я чувствовал настоятельную необходимость выпить чего-то значительно более крепкого.

— Нет, нет, благодарю вас. Вы очень любезны, однако с сожалением должен сказать, что у меня очень мало времени. Я предпочел бы — простите мне мою невежливость — сразу приступить к нашему очень срочному делу.

Я расслабился, хотя от его голоса у меня по спине побежали мурашки. Его английский язык был так же преувеличенно совершенным, как и его костюм. Голос звучал экзотично, с этим его акцентом, это точно —

но, черт побери, мне он был знаком. Я каким-то образом знал и его самого — хотя один Бог знает, откуда. И мне он ничуть не нравился. Я боролся с собой, чтобы не дать ему это заметить. Я не мог вспомнить подробностей моего сна наяву, но он как-то уж очень хорошо в него вписывался — особенно, голос. Может быть, я создал свою грезу под влиянием этого голоса.

— Что ж, — сказал я, чуть напряженно, — мы здесь, чтобы оказывать услуги. Насколько я понял ситуацию из нашего разговора, м-р Питерс, вы хотите, чтобы мы взяли на себя ответственность за работу с партией груза очень конфиденциального характера из района Карибского бассейна. Мы готовы сделать это, естественно, на условиях, которые вы сочтете вполне конкурентоспособными и при самых высоких стандартах заботы о грузе. При условии... — я слегка постучал линейкой по столу. — Как всегда, при условии, что мы будем поставлены в известность о характере груза, его происхождении, содержимом и месте назначения, и будем иметь свободный доступ к тому, чтобы в любой момент провести его проверку. Совершенно конфиденциально, конечно, это подразумевается само собой. Конфиденциальность — это закон нашего бизнеса...

Питерс поднял руку, вежливо останавливая меня: — Сожалею, что не дал вам более подробной информации ранее, — самодовольно усмехнулся он, — однако речь идет не об одной партии груза, а о многих. Фактически, о продолжительном контракте. Коммерческие силы, которые я представляю, намереваются стать значительной силой в торговле этого региона и — это между нами — стать в нем доминирующей в

кратчайшие сроки. — Он мягко постучал в воздухе черной лакированной шариковой авторучкой.

КОНЧИК ТРОСТИ ПОДНЯЛСЯ ВВЕРХ.

Я моргнул. Что я только что?.. Еле уловимое движение. Нечто, что я на мгновение узнал — но как-то еще не вполне...

— Поймите, — добавил он, — это не праздные амбиции. Это проект, в который лично вы можете вполне быть вовлечены.

Замечательно. Мне что, уже что-то мерещится? И кроме того, я не совсем верил и тому, что слышал. Я стиснул линейку в застывших пальцах и стал смотреть вниз на голую крышку своего стола, стараясь сформулировать ответ.

СТРУЯ ЖЕЛТОГО ПЛАМЕНИ... ГОСПОДИ, ОГНЕННЫЙ ШАР! МЧИТСЯ ПО ГОЛОЙ ЗЕМЛЕ... РАЗДУВАЕТСЯ... КУЧКА ЕГО СОБСТВЕННЫХ ЛЮДЕЙ ОХВАЧЕНА ИМ... ОТДЕЛЬНЫЕ СИЛУЭТЫ ПОДПРЫГИВАЮТ, ГОРЯТ, ПАДАЮТ... ПОДКОШЕННЫЕ, КАК ДЫМЯЩАЯСЯ ТРАВА... ЗАПОЛНЯЕТ ВСЕ МОЕ ПОЛЕ ЗРЕНИЯ словно этого было недостаточно...

— Давай! — сказал я себе. Я буквально узнал свой голос, когда его услышал. — Ответь ему! Так, как ответил бы в обычной обстановке. Вот где все это происходит!

Я улыбнулся. Может, чуть-чуть кисло, но это не стоило мне больших усилий. Мне могло что-то привидеться, что-то послышаться, но по крайней мере, здесь я был на знакомой твердой почве.

— Вы должны понять, м-р Питерс, — в этой

ситуации я должен ставить интересы компании выше моих собственных. Ни от их имени, ни от себя лично я не заинтересован, даже пассивно, в нарушении законов или установленной этики ведения торговли.

Я ВСКИНУЛ МЕЧ НАВСТРЕЧУ ОГНЕННОМУ ШАРУ...

— И как бы ни была велика прибыль. Это наша твердая политика, и я от всего сердца согласен с ней. Мы достаточно хорошо справляемся, используя наши собственные методы. Нам нет необходимости их менять. И мы этого не хотим.

ЗАПАХ ГАРИ В МОИХ НОЗДРЯХ...

Я поспешно бросил взгляд вниз на компьютер — а вдруг он перегрелся?

ПЕРЕД МОИМИ ГЛАЗАМИ ПЛЯСАЛИ ПЯТНА... ПЫЛАЮЩИЕ ЯРКИЕ ЦВЕТА... ОГНЕННЫЙ ШАР БЫЛ СЛОМАН. КАСКАДОМ СЫПАЛАСЬ ПЫЛЬ.

— Хороший удар! — сказал я сам себе.

Я обнаружил, что тяжело дышу, обливаюсь потом, в горле пересохло. Мне чертовски хотелось выпить. Но Питерс, похоже, ничего не заметил, он широко распростер руки, выразительно размахивая ручкой. — Это огорчительно. Глубоко огорчительно. Что ж, считайтесь с интересами вашей фирмы, если вам так угодно. У нас в высшей степени значительная поддержка, и мы, не колеблясь, будем использовать все ресурсы, имеющиеся в нашем распоряжении. Если потребуется, то и в мировом масштабе.

ТРОСТЬ ПОВЕРНУЛАСЬ — УКАЗАЛА НА ЧТО-ТО, ЗАВЕРТЕЛАСЬ, КАК ДИРИЖЕРСКАЯ ПАЛОЧ-

КА, СТРЕМИТЕЛЬНО ОПИСЫВАЯ СВЕРКАЮЩУЮ ДУГУ...

— Я должен говорить с вами откровенно. Если, в конце концов, мы не сможем воспользоваться вашими услугами, нам придется — как бы это сказать? — заменить вас. Вы нам замечательно подходите, но, в конце концов, есть и другие агентства, другие молодые люди с вашей квалификацией и блестящими перспективами. Если мы, при нашем влиянии, остановимся на том, чтобы выбрать одного из таких молодых людей вместо вас, это неизбежно испортит вам карьеру, ваш успех — разве нет?

НЕ НА МЕНЯ, А НА КОСТЕР С ЛЕВОЙ СТОРОНЫ.

— Неужели? Простите, м-р Питерс, не вижу, каким образом.

Или, иными словами, — ты что, угрожаешь мне лично, маленький мерзавец?

— Мой дорогой сэр, в английском языке есть прекрасное выражение, отражающее эту ситуацию: наверху есть место только для одного. В наших руках такое лицо и агентство, которое оно в один прекрасный день возглавит, будет поставлено в положение очень привилегированное — например, оно будет пользоваться благосклонностью официальных источников, правительственных департаментов, самого правительства. Не только в Карибском бассейне, но и в этом конце света, в этой стране. Взлет этого агентства будет — как бы это сказать? — подобен метеору.

КОНЧИК ТРОСТИ ШЕВЕЛЬНУЛСЯ — ПЛАМЯ ВЗМЕТНУЛОСЬ ВВЕРХ, БРЕВНА, ПРУТЬЯ, УГЛИ,

ВСЕ... РЕВУЩАЯ КОЛОННА ПЛАМЕНИ... БЕЗУМЦЫ БРОСИЛИСЬ ВО ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ...

Господи. Неужели это и есть нервный срыв? Или что-то от стрессовой паранойи, о которой я слышал, — она встречается на очень напряженных работах. Ладно, продержаться до конца этой встречи, вот и все; еще полчаса. А потом я могу мчаться вниз и стащить у Джеммы валиум. Весь запас.

— Совершенно, как метеор. Его конкуренты окажутся в его милости, и... их превзойдут, если у них найдется достаточно здравого смысла, а иначе — их просто опрокинут.

Я заморгал и задумчиво согнул в руках линейку. Так или иначе, совершенно неожиданно чувство паники покинуло меня. Так были у меня видения — или я просто драматизировал то, чем он мне угрожал? Может, здесь есть кое-что и от стресса, но ведь угрозы-то были достаточно реальными — угрозы в мой адрес, в адрес компании. Хорошей компании; большого числа хороших людей, у которых вся карьера зависит от нее. Здесь я явно выходил за рамки своей работы. Мне бы следовало перебросить этот маленький кредит в более высокую инстанцию. Такого рода жесткие разговоры были, если уж на то пошло, епархией Барри. И все же я каким-то образом чувствовал, что за мной стоит некая инстанция, даже все распроклятые инстанции, какие требуются. К черту нервные срывы — если я и слышал голоса, то они говорили дело. Во мне поднималась колоссальная уверенность, и просто руки чесались разделаться с этим маленьким сукиным сыном самому.

ОГНЕННАЯ КОЛОННА РАСКРЫВАЛАСЬ... ЕЕ

ВЕРХУШКА РАСПРОСТРАНЯЛАСЬ... СТАНОВИЛАСЬ ШИРЕ... НАВИСАЛА, ВЗДЫМАЛАСЬ ГРЕБНЕМ, СТРУЕЙ РАЗБРЫЗГИВАЯ ЯЗЫКИ ПЛАМЕНИ И ДЫМ... ЗАКРУГЛЯЛАСЬ, КАК ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА... С ГРОХОТОМ ЛЕТЕЛА ВНИЗ НАД ГОЛОВАМИ НЕМНОГИХ ОСТАВШИХСЯ ПОКЛОННИКОВ КУЛЬТА... ПРЯМО НА МЕНЯ.

Ничего себе драматизирую! Наверное, я действительно возненавидел этого типа; что ж, почему бы и нет?

Я приснул со смеху и прижал линейку к губам. — Вы что-то выбрали уж очень прямолинейный способ излагать свою точку зрения, вам не кажется? У нас известное агентство с длинным списком вполне довольных и постоянных клиентов, в том числе, и государственных. Так что нельзя сказать, чтобы у нас не было поддержки и своего влияния, знаете ли. Агентство в состоянии справиться с коммерческим и политическим давлением; нам и раньше доводилось это делать, и мы выстояли. Даже выиграли от этого на самом деле. А иначе зачем бы вам приходиться ко мне?

Я ПОПЛЕВАЛ НА КЛИНОК СВОЕГО МЕЧА И ВСКИНУЛ ЕГО К НЕБЕСАМ...

— Вот это верно! — я снова говорил сам с собой. — Вот в чем здесь все дело. Ты просчитываешь очки в любой игре на ход впереди его. Скажи ему об этом.

— И, — произнес я вслух, — я буду с вами так же откровенен, как и вы со мной. Если я лично хотя бы вполовину тот, за кого вы меня принимаете, я должен быть вполне в состоянии справляться с такого рода нападками сам. Разве нет?

Я ВЗРЕВЕЛ ОТ СМЕХА... НАДУЛ ЩЕКИ... С

ШУМОМ ВЫДОХНУЛ МОЩНУЮ СТРУЮ ВОЗДУХА В СТОРОНУ ОПУСКАЮЩЕЙСЯ СТРУИ. КАСКАД ОГНЯ КОСНУЛСЯ СТАЛИ... И РАСКОЛОЛСЯ. РАСПЛЕСКАЛСЯ, КАК СТРУЯ ВОДЫ ИЗ КРАНА... УТРАТИЛ СВОЕ ЕДИНСТВО... ОБРУШИЛСЯ ДОЖДЕМ, ЗАДЫХАЮЩЕЙСЯ ТУЧЕЙ ЯРКИХ ТЛЕЮЩИХ УГОЛЬКОВ НА ГОЛОВЫ ПЕРЕПУТАННОЙ ТОЛПЫ. ДИКИЕ КРИКИ ЕЩЕ УСИЛИЛИ ПАНИКУ... ПОВСЮДУ ВОЛОСЫ И ОДЕЖДЫ ЗАНИМАЛИСЬ ОГНЕМ. Я ГРОМОВЫМ ГОЛОСОМ ВЫРАЗИЛ СВОЕ ТОРЖЕСТВО...

Я сглотнул. Господи, какое живое видение! Откуда, черт возьми, все это берется? Может быть, оно подкрадывалось ко мне с момента этого его загадочного звонка, наверное, я уже тогда почуял в нем что-то неладное. Может, подсознательно — или у меня стало развиваться шестое чувство. Телепатия, например, — я уже почти готов был в это поверить, но... Нет. Я просто слишком часто засиживался допоздна в этих ночных заведениях в доках, вот в чем тут дело. Ничего удивительного, что я напридумывал вокруг него вот таких небылиц и видел их каждый раз во сне, случись мне задремать. Правда, при моем складе ума я скорее мог бы ожидать, что выдумаю историю с торговцами оружием или баронами наркомафии, нечто... более практичное, что ли. Обыденное, если хотите. Это просто лишний раз доказывает, какая странная штука — подсознание. Я поднял глаза и оглядел офис. Знакомый, будничный, солидный — книжные шкафы, растения, картины. Стол Дэйва (а куда это ОН сейчас подевался?). Обычные, повседневные вещи. Вещи, за которые человек цепляется — да нет, даже больше.

Вещи, на которых я могу стоять твердо и с которыми могу защищаться от всего, что бы ни бросал мне в лицо мир. Реальные вещи, правда?

Это причудливые видения, эти неожиданные провалы в темноту, атаковавшие сразу все чувства, причем постоянно — могли ОНИ быть реальными? Старый софизм: снится ли философу, что он бабочка, или бабочке — что она философ?

А новый поворот событий таков, что здесь как раз ответ важен.

Каким бы ни был в действительности мой ответный удар, Питерсу он ни чуточки не понравился — это было очевидно. Он неловко заерзал в своем кресле и пригладил свои черные с проседью волосы. Так на чем же я все-таки должен стоять? Где разыгрывалась настоящая битва? Я напрягся. Он наклонился вперед и резко постучал ручкой по спинке кресла.

— Ваша уверенность вызывает восхищение, однако боюсь, что она основана на недостаточном опыте. Можно было бы даже сказать — на невежестве. С грубыми прямыми нападками вы, возможно, и справитесь, однако предположим, что у нападения слишком широкая база, чтобы вы могли ему противостоять? Разорение ваших клиентов — поток транспорта по принудительным ставкам, которые просто проглотят все доступные перевозки...

ТРОСТЬ УЖЕ СНОВА ДВИГАЛАСЬ — А С НЕЙ И ПРАВЫЙ КОСТЕР. ОН НЕ ПОДНИМАЛСЯ, НО СКОЛЬЗИЛ, КРАЛСЯ ВПЕРЕД... ПОЛОСОЙ БОЛЕЕ ШИРОКОЙ, ЧЕМ МОЖЕТ ОХВАТИТЬ ЧЕЛОВЕК, РАСШИРЯЯСЬ ВСЕ БОЛЬШЕ... ПО ХОДУ ЕГО ПРО-

ДВИЖЕНИЯ ЖЕСТКИЕ КУСТЫ ОХВАТИЛО ПЛАМЯ... ПОКЛОННИКИ КУЛЬТА, КТО НЕ В СОСТОЯНИИ ДОСТАТОЧНО БЫСТРО ДВИГАТЬСЯ, ЗАХВАЧЕНЫ ПЛАМЕНЕМ, ОНИ СПОТЫКАЮТСЯ, ПАДАЮТ, С ШИПЕНИЕМ И ПРОНЗИТЕЛЬНЫМИ КРИКАМИ ИСЧЕЗАЮТ В СВЕРКАЮЩЕЙ ПАСТИ...

— Следи за ним! — сказал мне внутренний голос.
— Нечего только защищаться! Отвечай ударом на удар!

Опять ты! Как я могу это сделать? Когда я даже не знаю, где я, в какой битве сражаюсь на самом деле? Когда я не могу доверять своим собственным чувствам? Мой разум...

— В чем дело? — спросил мой голос, слишком спокойно.

Что значит — в чем дело?

— Реальная или нет — это ведь одна и та же битва, правда? В обоих мирах ты должен взять над ним верх! Так ищи способ совладать с ним в том мире, который лучше знаешь. Найди его, и другой мир тоже победит — тогда ты будешь знать точно!

Правильно. Что ж, теперь у меня был ответ на софизм. Стань на бабочку и посмотри, что будет дальше. Если она погибнет, значит, это реально. Но в том мире, который я знал лучше, действительно существовал способ разделаться с Питерсом.

Я потер руки: — Ну, что ж. В таком случае я бы привлек больше наших собственных перевозок — и большую поддержку, если потребуется. И того, и другого хватает, м-р Питерс, в других местах по всему миру, и в этом не будет отказано людям, имеющим

солидную репутацию. И потом мы можем сыграть более широкий гамбит; грязные политические штучки не могут нас поколебать, тем более, если нам помогут наши конкуренты. Когда начинается такая травля, агентства держатся друг за друга, и банки их поддерживают. Мы помогали пресечь такие попытки раньше, и теперь другие агентства помогут нам победить вас! Я обернул бы вашу собственную тактику против вас, черт побери...

ГДЕ-ТО ПОЗАДИ МЕНЯ — С ОГРОМНОГО НЕ-
МЫСЛИМОГО РАССТОЯНИЯ — НАСТОЙЧИВО
ХРИПЕЛ ГОЛОС:

OU FAIS KATAOU Z'ECLAI'!

Я не обратил на него внимания. Я уже знал, как мне надо поступить. Я обнаружил, что крепко сжимаю металлическую линейку, и...

Я ЗАТКНУЛ МЕЧ ЗА ПОЯС... ХЛОПНУЛ В ЛА-
ДОШИ, С СИЛОЙ. ССУТУЛИЛСЯ... СНОВА СХВА-
ТИЛ ЦЕПИ... РАСКРУТИЛ ИХ, ПО ОДНОЙ В КАЖ-
ДОЙ РУКЕ... УСЛЫШАЛ, КАК ОНИ ПОЮТ!

СВИСТ... НА ТОЙ ЖЕ НОТЕ... ГРОМКИЙ... ЕЩЕ
ГРОМЧЕ...

МОЩНЫЙ ТРЕСК НАПОЛНИЛ ВОЗДУХ, И
ЦЕПИ БЫЛИ ВЫБРОШЕНЫ, ЖЕСТКИЕ, КАК ЖЕ-
ЛЕЗНЫЕ ПРУТЫ, КАЖДОЕ ЗВЕНО, КАЖДАЯ
ЧАСТЬ ЦЕПИ ДРОЖАЛА — НЕ НА ПОДКАТЫ-
ВАЮЩЕЕСЯ ПЛАМЯ, А ВЫСОКО НАД НИМ. ВСЕ
ПОЛЕ ОСВЕТИЛОСЬ БУЙНОЙ ГОЛУБОЙ ВСПЫШ-
КОЙ ПЛАМЕНИ...

Мой призыв был услышан.

Мой...

Мой...

Мой...

Черная ночь с грохотом сомкнулась надо мной. Мощный, как удар барабана, раскат грома расколол тучи. С каждой цепи, окруженной короной с шипением посыпались голубые искры, когда ужасающий заряд молнии прошел сквозь меня по цепям и ударил зазубренной трещиной в самую ночь, прямо в Дона Педро.

Железные цепи расплавились у меня в руках, когда сквозь них прошла мощная волна. Они упали и рассыпались шипящими и брызгающими каплями и благодарно погрузились в землю, из которой их когда-то вырвали. Но и сила Дона Педро была поистине устрашающей. Он не сгорел, его не поглотило пламя. Удар попал только в его простертую трость с серебряным набалдашником, выбил ее из руки, и она отлетела назад.

И по его команде огонь последовал за тростью.

Огонь поднялся, как кобра, сворачивая свои кольца, и ударил. Он выплеснулся на вершину высокого камня, и я увидел Дона Педро в тот момент, когда огонь упал, увидел, как он потерял равновесие под ливнем сверкающих обломков, соскользнул вперед — и вниз, вместе с этой разрушительной огненной лавиной упав на свой собственный алтарь. Толпа взвыла и отхлынула, но я ринулся вверх, на самый краешек камня, жажда увериться в своем триумфе.

И остановился. Весь алтарь был в сверкающих руинах, все еще пылала кучка разбитого дерева, по его краю запекалась и чернела пролитая кровь, начавшая шипеть, когда упали первые капли дождя. И все же в центре алтаря неожиданно что-то рванулось вверх, что-то посыпалось в сторону — и Дон Педро восстал.

Одежда на нем висела лохмотьями и дымилась, трость исчезла, лицо было обожжено, волосы и борода — в ореоле огня; тем не менее, он, казалось, этого не замечал. Он скользнул ко мне, прямо к краю камня над моей головой — и тут я увидел, что даже брови у него горят. Но темнота позади него была глубокой как никогда, и она устремилась ко мне...

Питерс покачал головой с печальной мудростью, обретенной с возрастом и опытом: — Я вижу, что для того, чтобы иметь хоть какую-то надежду убедить вас, мне придется выложить карты на стол, — вздохнул он, — и раскрыть полный размах нашей операции. — Он щелкнул посеребренными замками атташе-кейса, открыл его и протянул вперед, держа обеими руками. — Эта документация говорит сама за себя...

Я машинально поднялся и наклонился вперед. Однако в этот момент что-то всколыхнулось в моей памяти и вцепилось в меня. Карты на стол? Катькины карты — туз червей, двойка пик — два пустых озера черноты, слившиеся в одно. И валет с его холодными темными глазами...

Мое колебание спасло меня. Из открытого дипломата — ИЗ ЕГО СЛОЖЕННЫХ ГОРСТЬЮ ЛАДОНЕЙ — вверх метнулся язык желтого пламени. Словно для того, чтобы пронзить звезду — и как раз в том месте, где, если бы я не заколебался, находились бы сейчас мои глаза. Зарывав от ярости, я схватил первое, что попало под руку — это оказалась линейка — вскочил, перепрыгнул через стол и бросился на него.

ЧЕРНОТА ВЗРЕВЕЛА...

Снова свет. Его стул отлетел назад, мы с грохотом сцепились, кусаясь и щелкая зубами, как звери, катаясь из стороны в сторону. Моя рука на его горле... его

трость, удерживавшая мой меч... его свободная рука, пытающаяся выцарапать мне глаза... Господи, ну и силен же он! И весь этот шум, что мы подняли, почему же никто не войдет...

ОБЖИГАЮЩИЙ ЖАР...

Какого черта? Что-то сгорело — мои волосы дымилась... мы скатились в огонь. Какой еще огонь? Свет сияет... пол раскален..

То включаясь, то выключаясь — от света к тьме — вперед-назад, два мира мелькали вокруг нас, когда мы падали из одного в другой и обратно. Я был прав, прав был мой другой голос!

— Прав! Прав! Это ничего не значит, черт побери! Здесь или там, ты гнусный маленький подонок, но я буду терзать тебя до тех пор, пока ты не протянешь ноги...

— Грязный сукин сын, — задыхаясь, прошипел маленький человечек по-испански.

Питерс-Педро изо всех сил старался вывернуть свою трость и ударить меня — вырвав из моих рук меч. Я нажал посильнее — и меч, и трость вырвались из наших рук и отлетели в сторону. Наши руки устремились к горлу друг друга...

Мои руки были длиннее... они сомкнулись, сжались, крепче. В вакууме его глаз вспыхнула искра, взорвалась, пошла вверх. Нити зеленого огня затрещали и побежали по его рукавам, встретившись с моими руками — и сноп красных искр вспыхнул в ответ. Его глаза уже не были больше черными, они были сверкающими зелеными зеркалами, и я видел в них свое отражение. Отражение, которое я трудом узнавал — рычащая свирепая маска с глазами, полыхающими красным...

Крепче...

КРЕПЧЕ...

Его хватка ослабла. Одна рука отпустила мое горло и, хотя он не видел, где лежит его трость, рванулась прямо к ней, схватила и ударила меня по голове. Однако каким-то образом мой меч оказался под моими растопыренными пальцами, и когда Дон Педро рванулся вверх, я стиснул обеими руками рукоятку и нанес удар.

Классический смэш справа. Удар попал прямо в гладкую верхушку его головы, сбил его с ног, он полетел и распростерся навзничь на своем алтаре. Меч зазвенел в моих пальцах, словно я ударил по твердому камню. Дон Педро лежал и стонал, извивался и слабо дрыгал ногами, его пальцы скребли по черной рваной ране. Такая рана должна была быть смертельной, но он ведь не был обычным человеком. Тяжело дыша, шатаясь, я подошел, склонился над ним и занес меч, чтобы нанести новый удар. Его рот открылся...

Я отскочил с воплем отвращения. И как раз вовремя, чтобы увернуться от фонтана черноты, который он изрыгнул.

— Ах, ты, грязный ублюдок... — зарычал я и, кажется, собирался нанести ему еще один дикий удар. Однако кто-то схватил меня за руку, я обернулся и оказался лицом к лицу с Джипом. И только тогда ко мне стала возвращаться память.

— Нет, — устало сказал Джип. — Не подходи к нему. Это была не атака. Он больше не станет нападать.

— Но...

— Никаких «но». Ты разбил его. Ты встретил его здесь, на Спирали, где он получил всю свою силу, и

выпустил из него кишки. Ты победил его, заклинание на заклинание...

Я смущенно покачал головой: — Заклинания?.. Все было совсем не так. Я ведь не пользовался никакой магией. Что-то происходило здесь, но я... я это не контролировал. Он заставил меня думать, что мы... просто говорили о делах, и так до самого конца. В моем офисе... просто препирались по поводу сделки...

— Твои знания. Твоя магия. О, сила, что стояла за ними, была, конечно,... чья-то еще. Но ее использование, воля — это было твое, целиком и полностью. Тебе приходилось делать шаги. Дон Педро, он, наверное, увидел, что случилось, подумал, что ты слабое звено в товариществе, что в этом мире он сможет побить тебя. Вот так ты это и увидел, но ты обернул это против него. И, по-моему, то, что делал там, ты делал и здесь. Не важно, как ты победил его — ты победил, и только это идет в счет. Ты разгромил его власть, разбил его тело. А сейчас он попытался спастись от тебя. Сбежать.

— Сбежать? Но он...

— Во времени. Он удрал из этого более широкого мира, где был побежден. Бежал куда глаза глядят! Помнишь, я говорил, что некоторые люди просто ломаются и бросаются прочь, когда Спираль становится слишком непереносимой для них, — бегут назад, в тот момент, когда впервые ступили на нее? И смотри, куда его это привело. Назад, на ложе его болезни. Он умирает от vomito negro — желтой лихорадки. Как и должен был с самого начала.

И, глядя на извивающуюся фигуру своего врага, я увидел, что в нем что-то неуловимо изменилось, что белые камни позади него действительно приняли форму, напоминавшую высокие оштукатуренные

стены, а судорожное пламя умирающего костра отбрасывало на них отблески, похожие на свет мигающей лампы — или на образ лихорадки, сжигающей больного человека. Богатые одежды, которые сжимали и рвали его руки в горячечной агонии, расстилались вышитыми покрывалами, а испещренный пятнами алтарный камень напоминал грязные простыни величественного ложа больного. Тошнота подступила мне к горлу и неожиданная страшная жалость, я мог только стоять, не говоря ни слова.

— Ты неправ только в одном, мастер штурман, — негромко сказала Молл. — Да, у него желтая лихорадка. Но не это убивает его. Видишь почерневший и распухший язык, он почти душит его! Слишком много мне приходилось видеть, как люди умирали именно так. Беспомощный в своем плачевном состоянии, он не может ухаживать за собой, и нет у него никого, кто любил бы его настолько, чтобы рискнуть приблизиться. Чем подхватить заразу, они скорее позволят ему умереть самой жалкой смертью — от жажды.

Последовавшее за ее словами короткое молчание нарушил еще один голос: — Что ж! Надеюсь, он получает от этого удовольствие, маленький мерзавец! Я бы сказала, что это как раз соответствует его представлениям о том, как следует развлекаться, а вы? — Рот Клэр сурово сжался, когда она созерцала извивающуюся фигуру. — Ох, не смотрите так возмущенно! Когда они приковали меня в этой его темнице, с клеткой, костями и всем прочим, они смеялись, эти Волки. А потом они унесли лампу. Так что у меня было несколько часов, чтобы поразмышлять о том, какого рода забавы он любит.

— Держу пари, что так оно и было, — сочувствен-

но произнес Джип. — Но с этим покончено. И, судя по его виду, с ним тоже.

И однако он снова ошибся. Сотрясаясь в последних судорогах горячки, Дон Педро пронзительно вскрикнул и сел, хватаясь за рану на голове, его пальцы скребли в агонии, разрывая, как когти, саму плоть. Пока неожиданно она не лопнула, потом соскользнула и опала, бледное лицо обвисло, как мятая тряпка...

Крови не было. Под плотью не обнажилась белая кость. Череп тоже не было. И вообще не было ничего, кроме силуэта, формы, оболочки той самой твердой черноты, что лежала за его глазами, и эта чернота сияла в свете костра костра, как самый черный из опалов.

Несколько Волков, карайбов и других почитателей культа, кто еще не был повержен и не убежал с поля, бросили на нее единственный взгляд. А потом, издав хором страшный воющий крик, повернулись и бросились бежать, спотыкаясь о камни, налетая на деревья, топча друг друга в последнем паническом бегстве, когда рука, державшая их, опустилась и они увидели тайный источник ее силы. Я увидел единственного аколита, оставшегося из десятков, бывших там — высокого мулата, который пятился, вцепившись пальцами в свое засыпанное золой одеяние. А потом он прижал руки к глазам и с криком бросился во все еще пылавший костер. Плоть полностью соскользнула с фигуры, которая, шатаясь, выпрямилась передо мной, сбрасывая лохмотья, а потом упала вместе с остатками платья.

Но там, где она только что была, встало нечто. Странная штука — скелетообразный сияющий силуэт, черный на фоне прыгающего огня — глянцевитый хитиновый щиток жука, трясущаяся, с тонкими, как у

насекомого, конечностями, пародия на человека. Она стояла, слегка покачиваясь, — на голову выше меня, гораздо выше Дона Педро. Она действительно вытягивала и распрямляла свои искривленные паукообразные конечности, словно они слишком долго находились в согнутом положении, словно ей надо было накачать в них кровь после того, как прорвалась оболочка куколки в новом рождении. И как новорожденный, фигура качала из стороны в сторону ониксовым черепом, заменявшим ей голову, и издавала неуверенные чирикающие звуки, как будто робко и тревожно оглядывала то, что могло оказаться враждебным миром.

Фигура выглядела гротескной, ужасной, противной, однако ни в коем случае не угрожающей. Вид у нее был почти жалобный, когда я стал кружить вокруг нее с мечом наготове, схватив с алтаря горящую головню. Я приблизился, и она, защищаясь, согнула руки, запищала, заверещала и попятилась широкими неуверенными шагами. Оно выглядело таким несчастным, это страшилище, лишенное всех своих атрибутов, что мне стало почти весело. Я не смог удержаться. Я расхохотался громким, сочным смехом, от всей души, смехом, который прозвучал в воздухе, как гром над головой. Рядом я услышал, как расхохоталась Молл, так же, как смеялась тогда в замке. Ее высокий чистый смех смешался с моим, и вдвоем мы потрясли небеса, словно с покрытого тучами Олимпа раздался смех богов.

Джип смеялся; я видел это, хотя и не слышал его. Клэр, пошатываясь, подошла к нам, осторожно выбирая дорогу по каменистой земле, и беспомощно повисла на наших плечах, согнувшись пополам от смеха. Пирс бросил окровавленный топор и гоготал до тех

пор, пока его физиономия не побагровела, а с ним и все оставшиеся в живых члены команды — они насмешничали, показывали пальцами, гримасничали и делали грубые жесты в сторону дрожащей фигуры, прыгавшей перед нами то на одной ноге, то на другой. Хэндз-оружейник хихикал, показывал пальцем и плевался, и даже Ле Стриж, стоявший сложив руки на своем грязном пальто, улыбнулся ледяной улыбкой и фыркнул. Наконец, не ради того, чтобы напасть, а просто чтобы прогнать страшилище, я поднял головню и бросил в него. Она отскочила от черного черепа, издав всего лишь музыкальный звон, не причинив никакого вреда; но темная фигура в панике пронзительно заверещала и, развернувшись, помчалась прочь в темноту огромными прыжками длинных ног; она тут же совершенно растворилась в ночи, в морозящем дожде.

Наш смех преследовал ее, но в конце концов замер. Великое молчание воцарилось над этим полем с его ужасным урожаем сожженных тел, разбросанных повсюду, тлевших и начинавших дымиться, как только их касался мягкий дождь. Я медленно заткнул меч за пояс. Пнул ногой лежавшие вокруг бутылки с ромом, но большинство из них были разбиты или пролились. Джип поднял одну полную и даже неоткупоренную и протянул мне. Я посмотрел на молчаливые барабаны, лежавшие в развороченном туннеле, перевернутые и разбитые, с изрезанными расписными шкурами, и когда я направился к ним, я запутался в одеянии ярко-красного цвета, порванном и брошенном. Я поднял его, обернул вокруг плеча и завязал вокруг талии наподобие пояса. Рядом с барабанами я поднял ОГАН — железный гонг и молоток, которым в него били. Ударил однажды, просто ради эксперимента, выбивая

более спокойный, веселый ритм, чем тот, что играли на нем прежде, а потом на минуту прервался, поднес к губам бутылку с ромом, вытащил зубами пробку и выплюнул ее на алтарь. Сделал огромный глоток и почувствовал, как сладкий ароматный огонь полился по моему горлу. Затем я сделал глубокий вдох и снова стал выбивать тот же ритм — и стал плясать, поднимая ноги. Танец воина, одновременно радостный и суровый, благородный танец. Я щелкнул пальцами, и гром выбил гулкий медленный раскат. Я повернулся к Молл, взял ее за руку, и она стала плясать со мной, и мы вместе закружились под стук дождя. Джип танцевал с Клэр, женщины и мужчины из экипажа — в одном качающемся ряду, и наши глаза смеялись, встречаясь друг с другом, в буйной радости освобождения. Во мне поднялась всеохватывающая радость, такое богатство чувств, какого я прежде никогда не испытывал. В этот час моего триумфа мир — даже более широкий мир, Спираль и все миры внутри ее — показался слишком маленьким для моих объятий, для огромной бесконечной любви, которую я мог дать. И пока гром и железо играли, мы медленно уплывали от этого места пустоты и разрушения к краю леса.

Штормовой ветер расшевелили зеленые листья, и они поплыли над нами, как знамена, и когда мы проходили под их сенью, я оглянулся — всего один раз — и, исполненный закованной в железо уверенности, выкрикнул приказ. Раньше, чем замерло первое эхо, вниз ударил голубой палец молнии — ударил раз, другой, третий в суровом ритме танца. Алтарь разлетелся на куски, белые камни упали, голая корона холма была очищена словно взрывом. Все еще танцуя и держа за руку Молл — она держала за руку Джипа, тот — Клэр, а Клэр сжимала руку Пирса — мы

удалились, не прерывая танца, вниз в темнеющие джунгли, по направлению к морю.

Как долго мы танцевали под бой железа и треск в небесах — об этом я не имею ни малейшего понятия. Возможно, всю дорогу до берега, ибо когда первый серый вестник рассвета коснулся меня, я проснулся именно на песке — я лежал, положив голову на руки. Сначала я решил, что, должно быть, накануне я ел песок, поскольку казалось, что у меня весь рот забит им, тело придавлено к земле тяжелым весом, а в желудке — свинец. Я мог всего лишь пошевелиться, хотя и слышал рядом с собой голоса. Это разглагольствовал Стриж, как всегда, сардонически:

— Ты что, не узнал эту штуку? Ты меня удивляешь. Я его сразу узнал, и если бы даже не был уверен, достаточно было вспомнить стражей замка — фигуры в пальто и шляпах, зомби, крыс. Это был Барон Суббота, страж подземного мира, бог кладбищ — персонификация смерти. Это и был тот ЛОА, союзом с которым так гордился Дон Педро.

— Похоже на то, — пробормотал Джип. — Один своей злобой под стать другому...

— Отнюдь! — сказал Ле Стриж своим обычным презрительным тоном. — Суббота не злой, у него есть свое почетное место среди Невидимых, он имеет большое значение для естественного порядка вещей. А то, что он стремится расширить свои владения, свое царство, так это вполне естественно для него, какие бы средства ни давало ему для этого малоумное человечество — убийство, голод, войну. Зло в этом союзе было не от него, он бы его не понял. Ты видел в нем что-нибудь подобное, когда он открылся нам? В их союзе все зло шло от Дона Педро, и только его злобная натура в конечном счете вывела его за обыч-

ные рамки. Что бы там еще ни было в этом человеке, Суббота давно уже поглотил это. Поэтому, когда чары исчезли, там оставалась только одна Смерть, в чистом виде. А мы были хорошо подготовлены, именно тогда, чтобы посмеяться над страхом Его.

С тихим стоном я ухитрился перевернуться.казалось, моя голова полна черных камней. Сквозь слипающиеся веки я увидел склонившуюся надо мной Клэр, а позади нее — Джипа: — Как ты себя чувствуешь? — мягко спросила Клэр, проводя прохладной рукой по моему лбу.

— Ужасно... — прохрипел я. — Во рту как в доках во время отлива. Похоже на самое безобразное похмелье, какое у меня сроду было — и даже хуже, гораздо хуже...

— Да, в общем-то, ничего удивительного, — мягко усмехнулся Джип. — Ты, наверное, не знаешь, но тебе повезло, что ты не проснулся малость мертвым. Вчера вечером ты выхлестал не меньше пяти кварт первоклассного пойла в течение получаса.

— Да, — прокаркал я, чувствуя, как в горле у меня поднимается кислота. — Я помню. Но большая часть досталась Кое-кому другому. Это был не совсем я...

— Ты помнишь? — пролаял Ле Стриж, отталкивая остальных и поднимая меня за алый пояс, который все еще был на мне. — ТЫ ПОМНИШЬ?! — пролаял он мне в лицо. — Но это неслыханно. Ты не можешь помнить

— Значит, могу, — пробормотал я, отбрасывая его от себя так резко, что он тяжело плюхнулся в песок. — Я все помню, так что отстань от меня. И без обид.

Я нетвердо поднялся на ноги. Дыхание Ле Стрижа довершило то, что начала кислота. Море было ближе, чем кусты, так что я, шатаясь, подошел к краю воды

и стал выбрасывать содержимое моего желудка в прилив. После этого я тяжело осел на песок, чувствуя себя значительно лучше, только слабее, лишь наполовину осознавая, что Ле Стриж все еще что-то лопочет за моей спиной.

— ... но это... это же невозможно! Тот, в кого вселяется ЛОА, всего-навсего простейший инструмент — судно, транспортное средство для Невидимого. После такой одержимости... такого полного подавления собственной личности... сознание не может вспомнить ничего из того, что было, когда им владел ЛОА.

— Да что ты? — скептически возразил Джип. — И тем не менее ты слышал, как я с ним разговаривал как раз после того, как разразилась вся эта заваруха, разве нет? Послушай, там был Стив и никто другой — во всяком случае, я никого больше не видел. А как же насчет Дона П.? Ты же сам говорил, там было что-то вроде равного партнерства.

— Действительно — но там не было просто одержимости. ТО было больше похоже на сознательный союз, союз такого рода, который возможен только с личностью очень большого потенциала. Но не с такой пустой и самой обычной тенью человека, как этот мальчик... — Резкий, скрипучий голос вдруг оборвался. Я вдруг почувствовал взгляд острых глаз на затылке, ощутил, что меня изучают с новым подозрительным вниманием.

Я не стал оборачиваться. Мне было, в общем, все равно. Пустым, тенью — именно так я себя ощущал, выброшенной одеждой, забытой на земле. Я подумал о том, как отпала плоть Дона Педро, и содрогнулся; я себя чувствовал не намного лучше. Дело было не только в похмелье, все было хуже, гораздо хуже. Дело было в воспоминании о неожиданном ощущении пол-

ноты — полноты, где буйная радость жизни переливалась через край. Мне дали возможность мельком взглянуть, попробовать того, чего мне не хватало больше всего, а потом все это исчерпалось в битве, не считая тех последних минут. У меня не было никаких шансов начать думать о чем-нибудь другом. Я отведал полноты, и ее выхватили у меня из рта.

Но потом Клэр, державшаяся в стороне, пока меня рвало, подошла и успокаивающим жестом положила мне руку на плечо, и это вовсе не было неприятно. И всего через минуту раздался жизнерадостный зов Пирса: — Эй, вы там, мои благородные лорды и леди! Лодки стоят наготове, и ветер с земли. Поспешим-ка на борт, чтобы покинуть это населенное демонами место с первыми лучами рассвета!

Это подстегнуло нас. Мы с трудом поднялись на ноги и, слегка пошатываясь, направились туда, где в ожидании у лодок стояли Молл с капитаном. Там, отражаясь в зеркальной воде, стояли на якоре два корабля, точно так, как мы их оставили, однако теперь никакие зловещие силуэты не свисали с рей. — Да, мы побывали на борту, — сказала Молл, проследив за моим взглядом. — Пока ты спал. Убедились в том, что все безопасно. Хотя, по правде говоря, почти ничего не тронут — необычно для Волков. По-видимому, их держали на самом коротком поводке.

— Это верно, — согласился я, думая о том, что ничего не стащили и из нашего офиса.

Молл озорно улыбнулась: — Даже твое золото так и осталось в твоей каюте, — прибавила она, и оставшиеся в живых члены команды издали ликующий вопль. Я посмотрел на них, подумал о том, скольким они рисковали, и о тех долгих существованиях, что нашли свой конец в этой погоне, затем взглянул на

Клэр и подумал, как мало на самом деле стоило это золото, даже при том, что я пообещал увеличить награду.

— Я удваиваю! — крикнул я. — Все распроклятое вознаграждение! Вдвое по сравнению с тем, что вам обещал!

Нас просто-таки смели на борт на плечах. Они чуть не перевернули лодки. Но окрик Пирса тут же пресек суматоху; у нас не хватало рук, и соревнование за то, чтобы поставить паруса, было невероятным. Каждый рвался вперед помочь, независимо от того, знали они, как это делать, или нет. Я обнаружил, что беспечно лезу вверх по мачте вместе с матросами-мачтовиками. Даже проход на целый ярд по канату для того, чтобы отцепить найтовы, был не так уж тяжел, поскольку корабль не кренился. И это был великий момент, когда белый грот под нами загудел и, казалось, наполнился золотым ветром с первым высоким лучом восходящего солнца. Я даже смог посмотреть вниз и увидеть тонкие руки Клэр среди команды на кабестане, выбиравшей якорь; и еще там был Израэл Хэндз, он хромал по палубе, ведя свой отряд вниз.

С какой целью, я понял, когда мы спустились вниз на палубу, и старушка «Непокорная» собралась в путь. Пирс крикнул, предостерегая нас, затем что-то скомандовал, и весь корабль накренился от громоподобного залпа. «Сарацин», все еще находившийся в тени, задрожал на якоре, вода взвилась фонтаном, и к небу взлетели обломки досок. — Бьют в ее ватерлинию, — рассудительно произнес матрос с топа. Еще один залп — и в этот раз огромный корабль завалился и стал поворачиваться на разбитой стоянке. Одна из мачт вылетела из гнезда и свалилась в перепутанную массу такелажа.

— Могла бы стать ценным призом! — заметил другой матрос.

— Чепуха! — сказал мой сосед и сплюнул за борт. — Кто стал бы ее покупать? Никто, разве что Волки — а по мне, так я лучше получу их деньги другими способами, благодарю покорно.

Я присоединился к Джипу и Молл на квартердеке, оглядываясь назад по мере того, как корабль Волков погружался в мелкие воды. — В один прекрасный день его обнаружат ныряльщики со скубами и подумают, что нашли обломки пиратского корабля, — сухо заметил Джип.

— Разве они не сообразят, что корабль затонул не двести или триста лет назад? — поинтересовался я.

Молл широко улыбнулась и взъерошила мне волосы. — Ну, а как ты думаешь, какой сейчас год? — невинно осведомилась она.

Я схватился за голову и застонал, а остальные засмеялись. Но, по крайней мере, я теперь хоть знал, что лучше не ввязываться в такого рода дискуссии. Я представил себе этот корабль, уже не живой, не путешествующий, но погружавшийся назад во Время, так же, как в эти мелкие воды, — назад ко времени его постройки, туда, где было его место. Чтобы стать гаванью и укрытием для маленьких ползучих животных, чтобы ржаветь, гнить и ломаться и, наконец, быть мягко погребенным под бледными бегущими песками залива. Я оглянулся назад на остров, лежавший за заливом, наполненный сонными рассветными звуками и шумом прибоя, потом, обнаружив, что на мне все еще красный пояс, отвязал его и бросил за корму. Он развернулся и с минуту плыл за нами — алое пятно на голубых водах, а затем сложился и исчез из виду. Я бросил взгляд вверх на холмы, но не мог нигде

отыскать поместье. Весь пейзаж казался более чистым, и именно таким его и надо было оставлять.

Перед нами, под изгибом грота низко вдоль горизонта протянулись длинные пальцы облаков, их верхние края — окрашенные солнцем, в красный цвет холмы, их тонкие концы оттенены золотом — новый архипелаг, манящий нас идти вперед. И как только я увидел его, мы вышли мимо облака в открытое море, и я почувствовал, как нос корабля поднялся и продолжал подниматься — и теперь только я осмелился взглянуть за борт и увидел, как позолоченное солнцем море уходило от нас, переходя в более глубокую лазурь, в туман из голубого и золотого. Мы поднимались все выше, плывя по другим морям, наши паруса надувались ветрами многих тысяч восходов, выводя нас из тени в погоне за вневременным утром, проводя нас над ним и за его пределы — домой.

Вскоре наступил закат, и опустилась ночь. Дуга облаков сияла на фоне звезд, ветер был устойчивым, и за рулем стоял Джип. В мягкой теплой ночи мы, офицеры и пассажиры — к сожалению, включая Ле Стрижа — сели в кружок на квартердеке под светом фонарей. Наверху на баке пела команда — тихие далекие песни и баллады, что давным-давно исчезли в меняющихся годах. Я сидел спиной к поручням палубы, пересчитывая перед Пирсом золото, а он довольно бубнил себе под нос и потчевал меня совершенно потрясающим бренди в надежде, что я допущу хотя бы маленькую ошибочку. У меня не хватило духу напомнить ему, что я как-никак тоже был бизнесменом. Клэр весело болтала с Молл, которая тщательно настраивала свою скрипку. Она для пробы тронула пару струн, вывела одну-две ноты, затем принялась

тихонько наигрывать баллады, аккомпанируя певшим на баке.

Я вздохнул. Музыка действовала на меня. — В чем дело, Стив? — мягко спросила Клэр.

— Я чувствую себя пустым. Голодным.

Она коротко рассмеялась и ласково шлепнула меня по руке: — Как, после такого завтрака? погоди, пока мы вернемся. Ты раз или два приглашал меня обедать, но никогда не давал мне ничего для тебя приготовить. Так что ты получишь огромный, самый великолепный...

— Я не об этом. То есть, я согласен, я с удовольствием. Я действительно страшно хочу есть, жду не дожусь, но... я имел в виду не это. Я чувствую себя полым, как зуб, и у меня все так же болит. Ле Стриж был прав. Дон Педро был прав, Молл — хорошо, вы все. Я был пуст; я сделал себя пустым, причем так, что сам не сознавал этого, пока... Пока не наполнился. И это было прекрасно. Честь, слава, но потом я почувствовал себя, как... не знаю. Пустая бутылка. Невыполненная цель. Во мне теперь пропасть, в самом центре моей жизни, и я как-то должен найти способ заполнить ее, жить снова, как хотя бы некое подобие полноценного человека. Один Бог знает как.

Клэр улыбнулась и снова обвила рукой мои плечи: — О, но это ведь совсем просто. Возвращайся домой. Продолжай строить свою карьеру. У тебя впереди большое будущее — могу тебе за это поручиться. Секретари всегда знают такие вещи, а в компании нет ни одной секретарши, которая думала бы иначе, даже Баррина Джейн. Просто вспоминай время от времени, что есть и другие вещи, помимо работы. — Она хихикнула. — Например, такие, как еда. Если ты и вправду все еще умираешь с голоду, тебе понадобится

что-нибудь, чтобы протолкнуть это бренди. Схожу-ка я пошарю в запасах в каюте мистера Пирса.

— А? — встревоженно сказал Пирс и даже сбился со счета. Потом вспомнил, что возвращается домой, причем богатым, и усмехнулся. — Ступайте, моя дорогая. Там еще осталось полкруга отменного «Стилтона», коробка хорошего печенья и немного солений — а впрочем, несите все, что найдете, мы все перекусим.

Я проследил взглядом за Клэр, когда она побежала вниз по лестнице, а потом — через палубу, ее волосы развевались, стройные ноги мелькали под полосатой матросской тельняшкой с чужого плеча, причем довольно объемистого, так что она смотрелась на ней как маленькое платье. ТА, КОМУ ТЫ ДОРОЖЕ ВСЕХ.

Что-то шевелилось во мне, как первые движения пораненной руки или ноги, когда с нее снимают пластырь или швы, медленно и болезненно, зато обещая со временем выздоровление. Мучивший меня голод потянулся за ней, жажда всего того, что она могла дать.

— Знаешь, — заметил Джип, наклоняясь над рулем, — Клэр, может, и права, но... тебе ведь открывается и другой путь, Стив. Что до меня, так, по-моему, он даже лучше. Оставайся во внешнем мире. Оставайся здесь, на Спирали. Не погружайся снова в Сердцевину. Оставайся с нами, с Молл и со мной. Мы уж присмотрим, чтобы ты как следует встал здесь на ноги, и скоро — вот увидишь, тебе удержу не будет! Жизнь здесь не всегда такая, как та, которой ты жил раньше. Она может быть одним долгим праздником, и он будет продолжаться столько, сколько ты захочешь. Подумай о бесконечных мирах, что ждут

тебя там! И тебе больше никогда не придется плавать за конторским столом.

Пирс что-то прогудел в знак согласия. Ле Стриж только фыркнул. Молл, как я заметил, продолжала играть.

— Джип, — сказал я, — это страшно лестно, просто не знаю, до какой степени. Огромное тебе спасибо, миллион раз, — черт, у меня никогда не было таких друзей, как ты и Молл. И — да, я вижу, здесь передо мной открывается целая новая жизнь. Но... я не знаю. Ярываюсь. — Я посмотрел вслед Клэр, чей силуэт на мгновение обрисовался на свету в дверях каюты Пирса. — Если я вернусь... Ты говоришь, она ничего не вспомнит. Несколько дней — и всё это исчезнет. Но как же насчет меня? Я спрашивал тебя об этом раньше. Теперь у тебя есть время, чтобы ответить.

Джип присвистнул: — Это очень сложно — как огромная, здоровая банка с червями. Я уже говорил, это зависит от многих вещей. От очень многих вещей. От того, что ты за человек. От того, как ты меняешься. Сколько захочешь помнить. Как сильно будешь стараться не забыть. А может, и от того, насколько ты будешь освежать свою память.

— Ты хочешь сказать, возвращаясь сюда? Из Сердцевины?

— Именно. Но должен признать, здесь тоже есть свои проблемы. Люди, у кого это входит в привычку, — что ж, они, конечно, все помнят. И тогда они начинают склоняться к тому, чтобы забыть именно Сердцевину. Может, не напрочь... но она вроде как начинает ускользать, когда они не смотрят. Время ослабляет свою хватку над ними и раз! — проходит год, два, даже больше с тех пор, как в последний раз

их настигал вечер. До тех пор, пока они не замешкаются так надолго, что никакая навигация не может вернуть их точно в то место и время, где они были раньше. До тех пор, пока — и даже скорее, чем может показаться — они не начинают забывать — и в один прекрасный день обнаруживают, что забыли.

Мне показалось, что в его голосе на сей раз звучало нечто большее, чем его обычное лаконичное добродушие. — Так было с тобой?

— У меня тогда была жена, — произнес он ровным тоном. — Жены моряков, они привыкают к тому, что их мужья уезжают далеко и надолго, но если бы я знал, как долго это будет, может быть... Дьявол, наверное, все-таки знал. Нельзя иметь все сразу. И я скажу тебе честно, Стив, — отвечу на твой вопрос. Да. Да, более чем возможно, что ты забудешь. Да, сейчас, может быть, единственный шанс, который у тебя есть, чтобы сделать выбор.

— Это так, — подтвердила Молл и продолжала играть.

Снова появилась Клэр, нагруженная подносом со вкусными вещами, который она принесла нам. Я не мог не заметить ее высокой груди под полосатым джерси, очертаний бедер, когда она поднималась на палубу, легкого золотого блеска в ее волосах, когда она наклонилась, чтобы поставить поднос. Молл тоже следила за ней и неожиданно пропела своим звонким голосом несколько строк из баллады, которую играла.

Мужчину, что утрах достоинств лишен,

Приблизить к себе не стани.

Коль нет у него мощны золотой,

Открытой и доброй души.

Я снова вздохнул. Моя душа не была открытой, мощна быстро таяла; правда, я не жалел ни о едином

пенни. Клэр улыбнулась, словно принимая к сведению то, что сказала Молл, и уселась рядом со мной. Она взяла меня за руку и принялась кормить чем-то вроде паштета, намазанного на бисквит.

— Не знаю, — продолжал я, когда рот у меня уже не был набит. — Какой трудный выбор — труднее просто не бывает. Господи, я испытываю такой соблазн, я разрываюсь. Почти в буквальном смысле, — добавил я, почувствовав, как рука Клэр крепче сжала мою руку, ощутив давление невысказанных слов. — Но как мне кажется...

Они все наклонились вперед в ожидании моего ответа. Это было поразительно и само по себе прекрасно — то, что я мог для них что-то значить. И если разобраться, они много значили для меня — даже этот злодей Ле Стриж, в своем роде. И как минимум, я был в долгу перед ними. Я никогда прежде ничего подобного не испытывал.

— Мне кажется, что в той жизни, которую я знал, в старой жизни — я все испортил, наделал целую кучу ошибок. И совершенно случайно вышло так, что не продолжал совершать ошибки, если не что похуже. И хотя я кое-чему научился, дело еще не закончено. В новой жизни, которую мне предлагают, — я ведь тоже мог бы ее запороть, разве нет? Только последствия могли быть хуже, бесконечно хуже. Господи, да почти так и получилось! — Я содрогнулся при мысли, чем я мог бы уже быть в этот момент, вот так запросто.

— Я сделал так, что оказался открытым одному виду зла. Значит, лучше будет мне убедиться, что я не так открыт и для других его проявлений, прежде чем я начну снова болтаться в тех местах, где они есть. Я не хочу со всеми вами расставаться, но мне кажется, лучше мне это сделать. Я должен вернуться назад,

чтобы как следует прожить мою первую жизнь, и тогда, может быть, я смогу думать о том, чтобы искать какие-то другие жизни. Я постараюсь не забыть! Я буду бороться, чтобы не терять контакт с вами — и, может быть, у меня это получится. Но если нет — значит, так тому и быть. Так будет лучше для всех нас.

— Смелое решение, — спокойно произнесла Молл, — и, на мой взгляд, истинно правильное. Оно может оказаться тебе больше на пользу, чем ты думаешь, мой Стивен. Я... я не забуду.

— Да, что ж, в этом есть смысл, — сдался Джип. — Здесь во внешнем мире, и вправду попадают очень мерзкие личности. Мы не можем позволить тебе летать здесь, как бомбе, готовой разорваться в руках любого, кто ее подберет. Что ж — ступай! — Он вздохнул. — Забудь про все остальное, если так надо, — но не забывай про доки и Дунайскую улицу. И прежде всего Таверну! Запиши это в своей памяти. Борись за это. Тогда, может быть, останется и все прочее. А когда ты созрешь, просто продолжай искать свой путь и, в конце концов, ты найдешь его, если по-настоящему захочешь. Но до тех пор... что ж, думается мне, самое безопасное для тебя — держаться подальше...

Ле Стриж фыркнул — это прозвучало, как я теперь знал, гораздо ближе к нормальному смеху, чем его обычное злобное кудахтанье. Должно быть, презрение осталось его единственным связующим звеном с человеческими чувствами: — Самое безопасное? Я не был так в этом уверен, мальчик. Держись подальше, если хочешь, от нашего более широкого мира — и молись ради твоего же блага, чтобы он держался подальше от тебя! Интересно, будет ли это так. Твоя судьба неясна,

даже в моих глазах — известно ли тебе об этом? Но если случится так, что она выйдет за пределы того, что ты познал до сих пор, меня это не удивит. А случись такое — как бы ты ни боролся, чтобы избежать своей судьбы, она все равно непременно отыщет тебя.

Я сглотнул. Палуба подо мной вдруг стала ледяной, но рука Клэр, лежавшая в моей, была теплой и крепко держала меня. Словно она нетерпеливо стремилась увести меня...

Я поднялся, и Клэр поднялась со мной: — Сколько осталось до того, как мы доберемся домой? — спросила она.

— Ну, еще много часов, моя дорогая, — прогремел Пирс. — Пока мы снова не пересечем рассвет. На закате — котором закате, штурман?

Джип ухмыльнулся: — На закате того дня, когда мы отплыли. Они и не успеют тебя хватиться.

Я разинул рот, но Молл только коротко рассмеялась: — Недаром он зовется Штурманом. Во Времени для него существует совсем немного мелей.

Я удивленно покачал головой. Клэр, по-прежнему принимавшая все как должное, только приснула и потянула меня за собой к трапу. Смеясь и легко подпрыгивая под музыку Молл, она повела меня за руку вниз на палубу. Я шел не оглядываясь. Но у дверей моей каюты я заколебался, вглядываясь в ночь. Там, далеко впереди, прямо над горизонтом — была ли эта чуть более темная полоска первым признаком земли или просто очертаниями темного облака? Что бы там ни было, она висела там, как граница между морем и небом или барьер между широким миром и узким, между многими снами и единственным холодным пробуждением. И я вдруг испугался ее, испугался,

что мне вновь придется пересечь темный барьер и ступить в объятия стен гавани, дающих укрытие и заключающих в темницу одновременно. Там я снова мог обрести свою надежную гавань и никогда не покидать ее, крепко врасти корнями в грязь. А все моря мира, все бесконечные океаны времени и пространства будут биться между берегом и тенью, оставаясь всего лишь ширью воспоминания, мне недоступного. Я боялся вернуться домой.

Но тут Клэр потихоньку открыла дверь и потянула меня внутрь.

Почему бы и нет? Если она скоро забудет... если я тоже могу забыть, кому из нас станет от этого хуже? Мы заработали свой праздник, а я — свой первый урок жизни. И любви; у меня было время, чтобы немножко отдаться и этому. Достаточно времени — до утра.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНСИСТОРИЯ ИЗ ЛОНДОНСКОЙ КНИГИ НАКАЗАНИЙ

ЯНВАРЯ 27, 1612 ГОДА...

ЦЕРКОВНЫЙ СУД ПРОТИВ МЭРИАМ ФРАЙД

В означенный день и указанное место юная Мэри явилась самолично и прямо здесь добровольно призналась что давно уже и часто посещала все или многие недозволенные и порочные места в нашем Городе, а именно: в мужском обличе появлялась в питейных заведениях, Тавернах, Табачных лавках и театрах дабы лицеизреть пьесы и действия, и сама лицедейство-

вала тому уже в продолжении трех четвертей года в мужском облачении, сапогах, с мечом на поясе... И так же сидела она на сцене выставя себя на публичное обозрение всех лиц там присутствовавших в мужском обличье, и играла там на лютне и распевала песни...

И также имела она обыкновение якшаться с важно расхаживающими бандитами и распутниками, то бишь грабителями срезающими кошель и безбожными пьяницами, и прочими лицами, имеющими дурную репутацию и самого вызывающего поведения, с коими она к вящему стыду особо своего пола часто (по ее собственным словам) тяжко пила и одурманивала голову хмельными напитками.

И далее она призналась... что в ночь Рождества Христова привели ее в Церковь Святого Павла с юбкой подоткнутой под пояс на манер мужского одеяния и в мужской накидке к величайшему возмущению достойных особ, кто явились тому свидетелями и к позору всего женского рода...

И далее, когда велено ей было поведать не обесчестила ли она свое тело и не завлекала ли других женщин к распутникам своими посулами и тем что держала себя как блудница, она все совершенно отрицала и отвергала все подобные обвинения...

«Mulholland, R. E. S., новая серия xxviii (1977), 31»

МЭРИ ФРАЙД, ИЗВЕСТНАЯ В НАРОДЕ КАК БЕШЕНАЯ МОЛЛ, БЫЛА ОСТАВЛЕНА ПОД СТРАЖЕЙ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ, ОДНАКО, ПОХОЖЕ, НЕ ПОНЕСЛА СЕРЬЕЗНОГО НАКАЗАНИЯ — ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, ТОЧНО НЕ

ПРИГОВАРИВАЛАСЬ К НАКАЗАНИЮ ПЛЕТЬМИ,
ОБЫЧНО ПРИМЕНЯВШЕГОСЯ К «БЛУДНИЦАМ».
В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ О НЕЙ СЛЫШАЛИ СПУСТЯ
ПОЧТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ — ПО ТЕМ ВРЕМЕНАМ
ОНА ДОСТИГЛА ПОРАЗИТЕЛЬНОГО ВОЗРАСТА
— И, СУДЯ ПО ВСЕМУ, ОНА ПО-ПРЕЖНЕМУ
БЫЛА В ПОЛНОМ РАСЦВЕТЕ СИЛ.

Майкл Скотт Розн

В ПОГНЕ ЗА УТРОМ

Главный редактор А.Н. Игнатов
Технический редактор Г.А. Ануров
Корректор Е.А.Егорова
Переводчик Е.Л.Гладкова

ЛР № 061245 от 29 мая 1992 г.

Подписано в печать 22.02.95. Формат 70х90¹/32

Гарнитура Griff. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,55. Тираж 5000 (1 з-в. 2200 экз.)

Заказ 91.

Компания ГРИФ-Ф Лтд.

127434, Москва, Ивановский пр-д., д. 18.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ИПО Профиздат, 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

Плр № 050003 от 19.10.94 г.

МАЙКЛ СКОТТ РОЗН

В ПОГОНЕ ЗА УТРОМ

